

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

Угол наказания

Annotation

В подъезде дома любовницы убит глава процветающей фирмы «Алексер» — Александр Серебряков. Казалось бы, дело ясное и безнадежное — заказное убийство. Но в ходе расследования у капитана милиции Алексея Леонидова возникает другая, ошеломляющая своей неправдоподобностью версия...

Дело Серебрякова закрыто, можно ставить точку. Однако череда новых убийств заставляет Алексея Леонидова начать собственное расследование

-
- [Наталья Андреева](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [Почти пролог](#)
 - [Глава 1 О ЧЕМ ПЛАЧУТ ЖЕНЫ](#)
 - [Глава 2 О ЧЕМ ПЛАЧУТ ЛЮБОВНИЦЫ](#)
 - [Глава 3 О ЧЕМ ПЛАЧУТ НЕЗАМУЖНИЕ ДЕВУШКИ, МЕЧТАЮЩИЕ ВЫЙТИ ЗАМУЖ](#)
 - [Глава 4 О ЧЕМ ПРЕДПОЧИТАЮТ УМАЛЧИВАТЬ ЛЮБОВНИЦЫ И ЖЕНЫ](#)
 - [Глава 5 И ТОЛЬКО МАЛЕНЬКОЙ ЛЮБВИ НЕ БЫВАЕТ](#)
 - [Глава 6 О ЧЕМ ИНОГДА ХОЧЕТСЯ ПЛАКАТЬ МУЖЧИНАМ](#)
 - [Глава 7 ЕЩЕ ОДИН ВЕРНЫЙ СЛЕД](#)
 - [Глава 8 СВИДЕТЕЛЬНИЦА](#)
 - [Глава 9 СЕСТРЫ](#)
 - [Глава 10 РАЗВЯЗКА](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Глава 1 ЗАЕЗД И НАЧАЛО ПЕРВОГО ДНЯ](#)
 - [Глава 2 НЕСЧАСТЛИВОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЯ ПЕРВОГО](#)
 - [Глава 3 ОКОНЧАНИЕ ДНЯ ПЕРВОГО](#)
 - [Глава 4 ВЕСЬ СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ](#)
 - [Глава 5 НОВЫЙ ДЕНЬ](#)
 - [Глава 6 ТО, ЧТО ЗА ВСЕМ ЭТИМ ПОСЛЕДОВАЛО](#)

- [Глава 7 НОЧЬ. ГОСТИ](#)
 - [Глава 8 ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ](#)
-

Наталья Андреева

Угол падения

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Почти пролог

Дверца машины сладко причмокнула, оставив владельца на мокром асфальте наедине с дождем и тусклым светом фонаря. Он поморщился от мелких навязчивых капель, поддернул светлые брюки и, проверив сигнализацию, прямо по 'лужам быстро зашагал к подъезду.

Это был самый обычный для московских новостроек дом: серый, безликий, вытянувшийся вверх четырнадцатью этажами. На массивной железной двери ржавел остов брошенного домофона, стены облезали остатками тряпичного орнамента, почтовые ящики висели на одном гвозде, доска объявлений изнывала под обрывками грязной бумаги.

Мужчина вошел в подъезд. У лифта стояла пожилая пара, следя глазами за желтым огоньком, скакавшим по цифрам этажей. Наконец лязгнула тяжелая дверь, женщина в темном пальто обернулась:

— Вы едете, молодой человек?

— Да, конечно. — Мужчина легко перепрыгнул несколько ступенек и быстрыми шагами подошел к лифту.

— Вам какой? Мы на седьмой.

— Жмите.

Лифт толчками потянулся вверх. На седьмом этаже он остановился, и тяжелая створка доползла вбок. Трое людей еще успели прожить те несколько секунд, которые она добиралась до края, а человек по другую ее сторону поднимал пистолет. Потом он старательно выстрелил три раза, подождал, пока тела тяжело осядут на мокрый пол, и сделал три контрольных выстрела в голову. Немного помедлив, человек шагнул к лифту, поднял упавший из рук молодого мужчины прозрачный полиэтиленовый пакет, аккуратно положил рядом с телами пистолет с глушителем и скользнул к двери, ведущей на лестничную площадку.

Глава 1 О ЧЕМ ПЛАЧУТ ЖЕНЫ

Уже целых пятнадцать минут тридцатого августа в подъезде работала поднятая по тревоге опергруппа.

— Типичное заказное убийство, — вздохнул старший оперуполномоченный уголовного розыска Матвеев. — И типичный же «глухарь».

— Думаете? — спросил его молодой коллега Алексей Леонидов, осматривая место преступления.

... Около лифта суетились фотограф, эксперт, люди в форме и у дверей квартир свидетели. Хотя что тут думать? Все в духе времени: убит владелец крупной фирмы по продаже бытовой и оргтехники. Приехал к очаровательной любовнице, наверняка с милым подарочком на несколько штук баксов. Можно предположить, не поделил с кем-то власть либо захотел сменить «крышу» или надоевшую жену. Поводов более чем...

— Вот и пистолетик с глушителем, «беретта», — продолжал Матвеев, — стопроцентно чистенький, и лежит так ненавязчиво. Все как в романах: ищите, мол, нас, дорогая милиция. А кто двое других?

— Да никто. Соседи той шлюхи, к которой топал наш герой. Пенсионерка Завьялова Антонина Александровна и ее муж Завьялов Виктор Дмитриевич. И надо же было им сесть в этот чертов лифт?

— А ты уверен, что эти пенсионеры здесь ни при чем?

— Шутите. Если уж выбирать между нищими пенсионерами и мужиком, прикатившим в черном «саабе», я поставлю на черное. Вы можете рискнуть на красное, но банк не сорвете.

— Проверим для очистки совести и будем разрабатывать господина Серебрякова Александра Сергеевича. Скажи экспертам, чтобы заканчивали. «Глухарь», чистый «глухарь», ни следов, ни отпечатков. Перчатки, чистые ботинки, глушитель на пистолете, соседи ничего не видели, ничего не слышали.

— Могли заказать, должника или, наоборот, кредитора.

— Список можно не продолжать. Значит, так, завтра поедешь в офис покойного, фирма называется «Алексер», то есть от имени создателя и владельца — Александр Серебряков. Звучит, между

прочим, не то что «Павелмат», например. Это я на себя намекаю. Может, поэтому я и не бизнесмен, а майор милиции. Судя по всему, он страдал потребностью куда-то потратить большие деньги, за что его, вероятно, лишили возможности эту постоянно растущую потребность осуществлять. Так что поезжай, Леша: познакомишься с обстановкой на фирме, настроением сотрудников, поинтересуйся финансами, поработай, одним словом. Кстати, соседей опросили?

— Толку мало. У всех в квартирах двери толстые. В квартире справа какие-то крутые живут, за имущество переживают. Это они поставили железную дверь между площадкой лифта и коридором, где квартиры. Умножь все вышесказанное на громкость телевизоров и позднее время. Кто услышит хлопки, похожие на звук пробки, вылетевшей из бутылки шампанского? Стреляли около двадцати двух, а трупы увидел часа через два тот крутой сосед, у которого железная дверь. Говорит, засиделся на переговорах в ресторане — может, врет, кто его знает, — ^ но в районе двенадцати он поднялся в другом лифте, грузовом, на свой этаж и увидел всю эту панораму. Сейчас отпаивают валокордином, слабонервным оказался.

— Еще что-нибудь есть?

— Пока только то, что девочку свою он посещал регулярно, в десять часов два раза в неделю.

— Педант. Откуда такие сведения?

— Любовница поделилась.

— Плачет?

— Спокойна, как сытый удав. Легкое сожаление, бережное отношение к косметике, бараньи глаза. А может, просто не осознала еще, что случилось: время-то позднее. Завтра проспится, оплатит потерянное сокровище.

— Квартира ее?

— Снимает. Платил, конечно, Серебряков. Обидно, да?

— Потряси ее, может, она наводку дала?

— Не исключено. Ну что, морг приехал?

Тела стали грузить на носилки. Кровь запеклась в лужах, потеряв свой вызывающий первоначальный цвет. Тела убитых людей вызвали смешанное чувство отвращения и любопытства у ночных зевак. Пахло сигаретами, кожаными ремнями, лекарством. Приехавшие на место убийства полусонные люди садились в машины, ругая слякотную

погоду. Журналисты, как стая пираний, готовились обглодать очередной кровавый сюжет. Время перетекало дальше, как поток, огибая останки троих людей, еще вчера несущихся вместе с ним, а сегодня выброшенных на берег вечного покоя.

«Господи, почему ж так отвратительно хочется спать? — тоскливо задавал самому себе извечный вопрос капитан Алексей Леонидов, сидя в большой неудобной кухне напротив курящей брюнетки. — И почему не спят в такое позднее время молодые красивые женщины? Почему они курят модный «Данхилл» и красят губы глубокой ночью в яркий малиновый цвет?»

Он грустно смотрел, как облаченная в узкие голубые джинсы Антонова Светлана Анатольевна, семьдесят третьего года рождения, незамужняя, нигде до сего момента не работающая, с ленивой грацией элегантно выпускает струйку дыма из красивых губ. Первое, что она сделала, когда Алексей Леонидов зашел к ней задать несколько вопросов, после того как увезли тело Серебрякова, — попросила называть себя Ланой. Затем кокетливо ввернула, что теперь, мол, на свободной охоте. В данный момент новоиспеченная Лана пыталась обрисовать характер своих отношений с удачливым бизнесменом.

— Что ж, деньги у Шурика были, конечно, прилич-, ные. Ну и тачка солидная, прикид. Своя фирма, чего уж там! Но лишнего не давал, не допросишься. Скупердяй, хотя и русский.

— Вы, так понимаю, имели дело с людьми разных национальностей?

— Послушайте, я спать хочу, как собака. Сколько там сейчас ночи?..

— Третий час.

— Вот именно. Немного поздно для лирических воспоминаний.

— Он вас любил?

— Кто? Шурик? Ну вы и юморист, товарищ следователь!

— Алексей Алексеевич Леонидов.

— Как вам угодно. Любовь бывает разная: жидкая, твердая и газообразная. Это мой собственный вывод из физики тел. Я предпочитаю твердую любовь, в твердой валюте, разумеется. Шурик себя самого любил реже, чем раз в год по обещанию, а что у него на душе было — не знала даже собственная жена, с которой он прожил

пятнадцать лет. Ее он, кстати, тоже не любил. Использовал для поддержки собственных штанов.

— Это как?

— Для домашнего хозяйства и возни с бухгалтерскими документами фирмы.

— А она про вас знала?

— Естественно. Какая дура поверит в эти регулярные заседания и переговоры по вторникам и четвергам до часу ночи.

— Чем вы объясняете такую странную пунктуальность?

— Тем, что он был сволочью. Да, теперь, слава богу, можно сказать «был». Приятно, черт возьми! Мало того что Серебряков меня не любил, таскал по кабакам лишь в качестве красивой вывески, демонстрируя кредитоспособность, он вообще все человеческие эмоции оценивал в денежных единицах. У Серебрякова своя цена была и зубной боли, и слезам. А секс у него был просто по минутам расписан. Чтобы знать, сколько платить, за что, и, не дай бог, не отстегнуть лишку.

— И много он вам платил?

— Хата, еда, шмотки... Подарки к празднику, по-моему, одинаковые и мне и жене. Наличных давал мало.

— Сколько?

— Это не те деньги, о которых стоит говорить. И за них не убивают. Вообще, зря вы ко мне прицепились. Я знаю правила игры и на чужой территории фишки не кидаю.

— Ас чего вы взяли, что Серебряков не любил жену, Светлана Анатольевна? Одинаковые подарки? С чего это вы взяли.

— Я однажды видела его мадам в такой же, как у меня, норковой шубе. Это же унижение для женщины, когда муж везет в один и тот же магазин сначала любовницу, а потом жену. Причем наверняка он это нарочно делал. А серьги, которые он мне на Новый год подарил?! Случайно, а может и специально, достал из кармана две одинаковые коробочки, одну отдал. Если бы видела мадам Серебрякова! Мне-то что, я девушка не гордая, за эксклюзивом не гонюсь. Кстати, почему не называете меня Ланой, я же просила?

— Вы сами придумали себе это имя?

— В книжке прочитала. Света — так банально! Свет нынче полно, как собак нерезаных. А я девушка утонченная...

— Но за эксклюзивом не гоняетесь. Весьма логично. А никому вы, милая изысканная моя Лана, не говорили в последнее время о делах Александра Сергеевича, о его привычках? Никто вас настойчиво или не настойчиво не расспрашивал об его образе жизни?

— Думаете, он мне трепал лишнего? Я ни одной цифры толком не слышала, о балансах клиентов с ним не рассуждала. Мне все эти дела вообще до фонаря. Ну встретились, ну поужинали, перепихнулись — и чао-какао. Я, знаете ли, чужому влиянию легко поддаюсь, меня Шурик за непродолжительный период общения начисто лишил всякой сентиментальности. В кабаки водил, чтобы создать себе имидж, держал меня, можно сказать, для интерьера. А о привычках его сволочных я очень даже люблю подружкам своим порассказать. Вон хоть Ленке, соседке, что за стенкой живет. Как она с родителями поругается, так идет ко мне, водку пить. Ой, — вдруг встрепенулась Лана, — чего это я плету, дура, родители моей подруги мертвые лежат вместе с этой дрянью Серебряковым! Мама дорогая, что ж теперь будет?

Она положила в пепельницу очередную сигарету и попыталась тихонько завуть. Слезы не шли из ее красивых желтоватых глаз, сонная одурь мешала осознать, что ненавистный благодетель с двумя пулями в сильном теле направился в морг и некому больше набивать едой ледяной желудок холодильника и дарить мягкие норковые шубы и бриллианты к календарным праздникам. Да и за квартиру, гнездышко любовное, некому больше платить. Но Лана подумает об этом завтра, когда взойдет солнце над Москвой и надо будет прикинуть, как прожить очередной день. А сегодня ничего, кроме облегчения оттого, что не состоялся запланированный визит любовника, она не ощущала. Поэтому и болтала с Леонидовым как со случайным попутчиком в тесном купе поезда дальнего следования, в полной уверенности, что, когда она с этого поезда сойдет, все останется в прошлом.

— Значит, Елена Завьялова — ваша подруга?

— У меня нет подруг, одни конкурентки. С Ленкой мы пили вместе, вот и вся дружба. Она свое горе заливала, я — свое, — резко ответила Лана.

— А какое у вас горе?

— Скука. Утром встала, причесалась, кофе выпила, морду раскрасила, маникюр сделала. По телевизору смотреть нечего: одна политика круглые сутки. Видео надоело. Помешались все на этом кризисе. Только и слышно, как эти уродцы депутаты премьера выбирают. Тоска смертная. Шурик на что молчал про свои дела, и то в последнее время придет — и первым делом к телевизору, включит «Время» или «Новости» и смотрит. Зевать со всего этого хочется, Алексей, м-м-м, Алексеевич.

Она действительно зевнула, слегка смазав малиновую помаду. Леонидов понял, что на сегодня пора закругляться. Лана засыпала на глазах, ее верхние ресницы то и дело норовили уронить на нижние весь нанесенный на них груз дорогой французской туши.

— А по секрету, Ланочка, кроме Серебрякова — никого? — подмигнул осоловевшей от вопросов сонной девушке Леонидов.

— Зачем? Еще один номер отбивать? Не люблю менять мужиков. Шел бы ты спать, следователь. А на интимные темы мы завтра поговорим, когда солнышко взойдет и птички запоют.

— Лана, а вам никогда' не бывает мучительно больно за бесцельно прожитые годы?

— Издеваетесь? Думаешь, дура, одноклеточное? Мы книжки тоже в школе читали, только за красивые слова нынче даже тарелки супа не нальют, а я кушать люблю хорошо и много.

— А как же фигура?

— А ничего с ней, родной, не' сделается. У меня порода такая, худосочная. Аппетит хороший, а мясо никак не нарастет. А насчет моих идеалов не надо беспокоиться. Главное, что существо я не опасное и приношу обществу не вред, а определенную пользу.

— Так-так, интересно какую?

— Помогаю ускорить оборот денежной массы. Знаете, сколько стоит норковая шубка или бриллиантовое колечко? Обналичиваю награбленное новоиспеченными буржуями, и тем самым помогаю бастующим учителям получать задержанную заработную плату. Завтра приходите. У меня цвет лица испортится от ночного бодрствования и дурацких наводящих вопросов. Спокойной' ночи, милиционер Леонидов Алексей Алексеевич.

— Спасибо, что запомнили. Нам ведь теперь часто придется с вами встречаться, Светлана Анатольевна.

На площадке лифта Леонидов дослушал скрежет запираемого за ним замка и еще раз осмотрел место преступления. Постоял перед лифтом, представив в напряженной руке киллера тяжелый пистолет, прошел к двери на лестницу. Спускался Алексей пешком. В его голове, как пластилин, ворочались куски прошедшего дня, не склеиваясь друг с другом и не обретая определенной формы.

«Завтра с утра я выслушаю противоположную сторону в лице госпожи Серебряковой и выведу среднее арифметическое из мнений двух особ. Лана — девушка непростая, оригинально мыслящая, надо же, какую материальную базу подвела под собственное существование! Попробуй пни ногой такой фундамент — получишь кирпич на голову. Но на сегодня хватит».

А завтра согласно календарю на самом деле уже началось.

Утром капитан Леонидов сидел в другой кухне: шедевры современной бытовой техники обильно перемежались всевозможными фикусами и кактусами, кружевное изобилие салфеток покрывало мебель, как взбитые белки. Среди этой пены восседала простая русская баба в пуховом платке и махровом халате, ненакрашенная, зареванная и никак не тянувшая по своим внешним данным на жену солидного бизнесмена. Она охотно существовала в своем храме уюта и еды и, судя по неубранному постельному белью, спала здесь же, на велюровом диване, между посудомоечной машиной и кухонным комбайном. Выглядела мадам Серебрякова неважно, и Леонидов чувствовал, что больше всего на свете ей хочется сейчас завывать в голос и послать его по-русски в одну из наиболее отдаленных провинций.

— Неловко мне, Ирина Сергеевна, что я к вам сейчас с вопросами. Но задавать их вам я вынужден в интересах следствия. Вы помогали мужу вести дела фирмы?

— Немного. Должности официальной у меня не было. Нечто среднее между управляющей и девочкой на побегушках. Помогала в оформлении "виз, загранпаспортов, занималась подбором персонала. Серьезные вопросы, связанные с финансами, муж со мной не обсуждал.

— А почему?

— Александр был скрытен. Говорил, что некоторых вещей мне, как женщине, лучше не знать. Неприятности предпочитал переживать в одиночестве, отвернувшись лицом к стене. Трясешь его за плечо:

Саша, Саша, — а он: отстань, мол, у меня все хорошо. Муж не делился со мной своими проблемами. Боюсь, что не могу вам ничем помочь.

— Ну а радости, семейные праздники? Вы прожили вместе пятнадцать лет.

— Да, дату свадьбы в нашей семье отмечали регулярно. Мы соблюдали видимость благополучной семьи. Традиции — это то, что остается на развалинах неудавшегося брака. Этим и живем. Простите, уже все кончено.

Она все-таки заплакала, правда, негромко, жалобно, вытирая редкие слезы концом пушистого платка.

— Я не знала мужа. Он жил со мной, но к душе своей не подпускал. Не знаю, кем я была для Александра, но только не любимой женщиной. А я его любила...

Ирина влюбилась в своего драгоценного Сашу в ту самую минуту, когда он подошел к ней на одной из институтских дискотек. Студентка педагогического вуза, она сопровождала свою подругу без надежды на собственный успех. Ирина никогда не была худенькой и стеснялась выставлять свое тело в танцующий круг изящных подвижных девушек. Она лишь позволяла себе мечтать, в мечтах у нее получалось все, но грезам не дано было осуществляться. Поэтому она довольствовалась тем, что смотрела на танцующие пары и вихляющихся молодых людей, легко выплясывающих под ритм танца. Искренне радовалась, когда ее подруга возвращалась домой в сопровождении кавалеров, чужое счастье находило отклик в ее доброй душе.

Когда высокий интересный молодой человек вежливо пригласил Иру на танец, она испугалась так, что задрожали ноги. Она боялась посмотреть ему в лицо, да внешность и не имела никакого значения, не важно, как он выглядел. Эта милая девушка, не задумываясь, обрекла себя на пожизненное служение только что обретенному господину.

— Почему вы не танцуете вместе со всеми?

— Я плохо танцую.

— Я тоже. Считаю танцы глупым занятием. Послушай, пойдем отсюда? Тебя как зовут?

— Ирина.

— А меня Саша. У меня в комнате есть бутылка пепси и коробка шоколадных конфет. И соседа не будет, пока вся эта банда не кончится.

Мы ведь, похоже, родственные души?

Она забыла про подругу, про общежитие, двери которого закрылись в двенадцать часов злющей вахтершей, несданный зачет и промокшие от снежной каши сапоги. И они действительно пили пепси и ели шоколад из глянцевого коробки, а потом смотрели старый смешной фильм. Тогда Ирина не смогла понять, зачем же она все-таки нужна Александру Серебрякову. Ведь ничего не было, кроме разговоров о всякой ерунде. Он просто нуждался в чьем-то обществе. Эта потребность в человеческом фоне всю жизнь приводила в изумление знакомых Серебрякова, не понимавших, зачем нужно приглашать их в гости и не слушать. Со временем Ирина привыкла говорить в пустоту, выслушивая ответы невпопад и странные бессмысленные реплики. Она даже научилась по ним определять, о чем на самом деле думает муж, когда делает вид, что принимает участие в обсуждении плана очередного летнего отдыха. Она научилась спать при громко работающем телевизоре и есть под вопли магнитофона. Муж нуждался во внешнем шумовом оформлении своих замыслов и проектов. В тот первый вечер он проводил ее к закрывающемуся метро, а потом Ирина долго стучала в запертую дверь общежития и поднималась пешком на одиннадцатый этаж, обруганная злющей вахтершей. Она даже не почувствовала пройденных ступенек, потому что впервые в жизни влюбилась.

Они стали встречаться. Их встречи были странными. Серебряков вроде бы ухаживал, но словно по обязанности. В ее внешности восторгался только длинными черными волосами, часто просил распустить их, а не стягивать в пучок на макушке, хотя распущенные волосы не шли к круглому простому лицу Ирины. Потом Александр неоднократно пресекал ее попытки избавиться от этого надоевшего ненужного украшения. Несколько раз он приглашал Ирину в компанию друзей, с которыми отмечал праздники.

Она поняла, что Саша любит эту женщину, сразу, еще не видя их вместе. Первая красавица факультета с ярким лицом и не менее ярким именем.

— Лада, — представил ее Серебряков, и голос его с тоской и нежностью замер на последней ноте необычного имени.

Ирина даже не смела ревновать. Бессмысленно быть соперницей той, которая родилась, чтобы ее все любили. Мужчины, разумеется,

ибо у Лады никогда не было подруг. Никто из девушек не решался намертво затеряться в тени ее колдовского очарования. Ирина отчетливо представляла, как можно отчаянно любить эти дымчатые глаза и полные чувственные губы. Длинные черные волосы, казавшиеся Ирине бесполезной мукой, Ладе служили обрамлением ее сияющей красоты. Правда, у Лады был жених и он стоял на страже всяких на нее посягательств. Но Ирина понимала, что настоящее чувство не признает официальных уз. У Лады могло быть десять законных мужей, и она наплевала бы на все это ради любви. Эта женщина не была ни расчетливой, ни здравомыслящей, и Ирина по-настоящему испугалась за свое хрупкое счастье.

— Милая девушка, — г сказала она Саше, кивнув на танцующую в кругу молодых людей Ладу. — Нравится тебе?

— С чего ты взяла? — буркнул Серебряков, избегая смотреть в глаза Ирине.

В двадцать лет искусство скрывать эмоции еще не отточено с таким совершенством, как в более зрелом возрасте.

Но, помолчав, Александр с горечью добавил:

— Любить ее — все равно что стоять в очереди за колбасой.

Ирина правильно поняла его слова. Она никогда не видела их рядом: Лада умела держать дистанцию. Попадая в одну компанию, они не разговаривали друг с другом, но все понимали и знали, что между ними существует взаимная симпатия. Чего он добивался, понять не мог никто. Его ухаживания за Ириной отличались своей неискренностью даже среди самых известных институтских донжуанов, которым, в отличие от Александра, было нужно что-то весьма конкретное от своих дам.

В день свадьбы Лады Ирина стала женщиной. Серебряков напился, чего с ним не случалось раньше, и впервые проявил интерес к ней как к женщине. Она была одна в комнате. Соседка уехала к родителям на майские праздники. И у них с Александром все случилось в первый раз, и этот кошмар навсегда остался одним из самых жутких воспоминаний в ее жизни.

Если бы женщина любила телом, для Ирины все счастливо закончилось бы в ту прохладную майскую ночь, когда любимый мужчина пытался вызвать в себе желание и страсть к ее неловкому телу. Восторженные любовные романы, запоем прочитанные в

огромном количестве под сенью родительского дома, сконцентрировались в Ирине одним раскаленным словом «ложь». Все оказалось ложью: и умелые раздевания, и долгие ласки, вызывающие взаимный восторг, и сам акт, преподнесенный как нечто прекрасное, как великий апогей бушующей страсти.

Ирина не почувствовала ничего, кроме боли, отвращения и брезгливости к физиологии. Ирина никому не рассказывала ни о событиях той ночи, ни о последующих попытках полюбить мужское тело. Ирина его так и не поняла, поэтому никогда не возражала против многочисленных любовниц мужа. Переложив на оплаченные услуги жриц любви неприятную ей обязанность, она почувствовала только облегчение. Что значат смешные движения тела в сравнении со святыми порывами любящей души?

После этой ночи Ирина сразу же забеременела. Серебряков оказался джентльменом и предложил законный брак. Глупо было не воспользоваться моментом, и Ирина получила Александра Серебрякова вместе со всем его светлым будущим в законное пользование. Через семь месяцев после свадьбы родился сын, скрепивший их брак. Но даже сына эта странная женщина любила меньше, чем мужа. У нее оказалась слишком цельная душа, чтобы разделить свою — любовь на двоих. Заботы о благополучии мужа поглощали время, силы и чувства. Ребенок получал все, кроме родительской любви. Серебряков был слишком увлечен работой, а Ирина — тем, чтобы его не потерять. Александр никогда не кричал ни на жену, ни на ребенка. Единственное, что Александр не прощал жене, так это полное отсутствие вкуса в одежде и косметике. Ничто не выводило его из себя так, как сочетание розового с зеленым в ее нелепых нарядах. Ирина никогда не могла забыть, как однажды собиралась на деловую встречу, а муж вошел взглянуть на ее платье. Зеркало отразило выражение брезгливости и отчаянья на гладко выбритом лице Александра.

— У меня что-то не так?

— Все, к сожалению, — ответил Александр и метнулся к платяному шкафу. — Снимай эту мерзость и запомни, что с твоей фигурой вообще не должно быть никаких архитектурных излишеств в одежде. Ажурные черные колготки носят только проститутки, а банты

на голове — торговки. И выброси, — бога ради, эту бижутерию. Она мне напоминает станцию метро «Новослободская».

— Что мне надеть? — глотая слезы, спросила она.

— Черное платье, которое я тебе привез из Италии, туфли на шпильке и нитку жемчуга. И сотри ты эту помаду, не твой цвет. Даю тебе пять минут, поторопись.

Она сделала так, как велел муж, и после этого случая наняла личного визажиста. Попробовала было привести в порядок полнеющее тело, но массажисты и тренеры только вздыхали:

— Ирина Сергеевна, здесь нужны радикальные меры. Вы же никогда раньше не занимались спортом. Вот если все это срезать...

Но к радикальным мерам Ирина была не готова, к тому же Александр махнул на нее рукой и перестал придираться. Она нашла хорошего парикмахера, сшила по рекомендации близкой подруги пару удачных костюмов и поставила точку в поисках собственного имиджа. Жизнь устоялась, как болото, затянувшееся тиной повседневных проблем. Когда муж уезжал в командировки и длительные заграничные вояжи, мадам Серебрякова доставала из глубины роскошного шкафа любимую кофту с люрексом, связанный матушкой пушистый платок и заваривала собранные в родном лесу травы. Сидя на кухне, оборудованной приборами до сих пор непонятного ей назначения, Ирина Сергеевна думала, что живет дорогой, обеспеченной, желанной для многих жизнью, но, увы, не своей.

Кофту в конце концов выкинул неизвестно зачем начавший копаться в шкафу Серебряков, а платок грел ее долгими одинокими вечерами, когда уютно шипел чайник, телевизор показывал очередной слезливый сериал, а приходивший нарядный муж, пахнувший хорошим, по его понятиям, одеколоном, сразу засыпал, свалившись от бешеной усталости на шелковое белье. Ах, если бы не эти деловые ужины, переговоры и дурацкие шляпы на официальных приемах! И разные бокалы, которые злые люди придумали назло уютным глиняным чашкам. Одна такая чашка была тайком привезена Ириной из родной деревни на шикарную кухню. На ней были нарисованы большие глупые розы, а по краю шла блестящая каемочка, которая так ласково касалась губ, когда в рот вливался ароматный лесной чай. Чашка напоминала о деревенском доме с беленой потрескавшейся печкой и деревянным полом. Там, возле этого дома, росли старые яблони, и

сочная антоновка осенью сводила скулы приятной кислотой. В этом доме Ирина жила до поступления в педагогический институт и совсем не мечтала о жизни жены бизнесмена. Казалось, ничто теперь не повлияет на семейный уклад.

Но она ошибалась. Пятнадцать лет спустя, после прожитой вместе с ней череды однообразных событий, Серебряков решил измениться. А объяснялось все очень просто: он снова встретился с Ладой, — и встреча произошла на глазах Ирины в модном ресторане, куда они пришли с Александром отмечать очередной юбилей их совместной супружеской жизни. Не сходятся гора с горой, а человек с человеком после долгих лет разлуки запросто могут встретиться. Годы научили Ирениного мужа владеть собой и не показывать на людях свои эмоции. Лицо его почти не дрогнуло, когда в красивой женщине за соседним столиком он узнал свою бывшую любовь.

Они просто не могли не поздороваться, а поздоровавшись, не могли не подойти, знакомство возобновилось. Муж Лады, Андрей. Елистратов, тоже довольно удачно вписался в мир бизнеса. Его небольшая процветающая фирма приносила приличный доход, в наличии имелись все соответствующие обеспеченной жизни атрибуты, как-то: хорошая машина для себя, еще одна для жены, трехкомнатная квартира современной планировки, ежегодные заграничные поездки и бриллианты на шее любимой жены. Красота Лады, конечно, немного поблекла, она приобрела ухоженную банальность дорогих салонов красоты и модных курортов.

Но безупречный вкус и деньги мужа по-прежнему помогали ей выделяться из толпы.

Война была еще даже не объявлена, а хрупкое семейное счастье уже шло ко дну, как ненужный балласт. Украдкой взглянув на мужа, когда тот отвернулся, чтобы взять бокал, Ирина увидела на его расслабленном лице ту смесь азарта и торжества, которая бывает у охотников, знающих, что теперь дичь не уйдет. Щеки Лады пылали под не скрывающим своего восхищения взглядом Александра.

«Крепсено, — сказала себе Серебрякова, — от нечего делать она увлеклась классической музыкой, — когда Лада и муж пошли танцевать. — Кода и оглушительный финал».

Танцующие Лада и ее Александр смотрелись великолепно, Андрей во время танца увлеченно беседовал с Ириной и, казалось,

ничего не замечал, Лада склоняла эффектную прическу на плечо высокого партнера, оркестр играл волнующую медленную лирическую мелодию. Все было как в плохой мелодраме: встретившиеся после долгих лет разлуки счастливые влюбленные на фоне нелюбимой жены и ничего не подозревающего мужа.

«Чем там оканчиваются любовные романы? И все утонуло в океане любви? Ну нет, мои дорогие, я не буду вам мешать». Ирина Серебрякова была доброй женщиной, она повернулась к Андрею с улыбкой гостеприимной хозяйки:

— Я толстая и некрасивая женщина, Андрюша, не то что ваша жена, но готовлю я неплохо. Поэтому приглашаю вас на ужин в субботу.

— Ну что вы, Ира, вы такая милая, и я не сомневаюсь, в ваших кулинарных способностях. А по какому случаю ужин?

— Просто так. Я приглашаю вас как доброго старого друга. А теперь, надеюсь, мы будем дружить семьями?

— Обязательно придем.

В субботу Елистратовы пришли на ужин. Ирина постаралась блеснуть и приготовила несколько своих фирменных блюд. Мужчины говорили комплименты и охотно поглощали кулинарные шедевры. Лада пыталась соблюсти диету и больше нахваливала, чем ела. Пили они в основном сухое красное вино, которое, по словам мужа, было полезно для печени. Беседа вертелась вокруг финансовых проблем. Вскоре у Елистратова зазвонил сотовый телефон, и он, извинившись, уединился в соседней комнате. Ирина, сославшись на подгорающее жаркое, вышла на кухню.

Прислонившись к дверному косяку, она слушала, как рушится ее семейная жизнь вместе с шепотом пылких признаний. А она-то, наивная, думала, что муж не способен на такое сильное чувство, как любовь. Какие слова он, оказывается, знал! И каким голосом умел шептать их в полумраке гостиной.

— Любимая моя, Лада, как я по тебе скучал!

— Где ты был так долго, почему не искал, не звонил, не писал мне писем? Сколько лет прошло, Саша!

— Я знаю. Сломал жизнь тебе, себе. Женился зачем-то, заводил бесполезных любовниц, рожал дурацкие проекты. Сколько счастья мимо прошло.

— У нас обоих семьи, дети, Саша. Ты не думаешь, что поздно что-то менять?

— Ерунда. Я люблю тебя, и пусть все остальное катится к черту. Я все устрою, не волнуйся. Ты-то любишь меня?

— Да, я люблю тебя.

— Ну и все. Этого достаточно, остальное сделаю я сам. Встретимся завтра, я позвоню и скажу где. Договорились?

— Я не могу завтра.

— Хорошо, послезавтра, в конце концов, у меня будет еще один день, чтобы все уладить. Ты позвони мне, на сотовый, я запишу номер. Значит, послезавтра с утра буду ждать. Ты мне позвонишь, Лада?

— Позвоню.

«Вот и все», — подумала Ирина, почувствовав, как сердце упало куда-то вниз, к желудку. Горло свело судорогой, ослабли ноги. Как всегда во время потрясений, у нее началась жуткая мигрень. Стянуло виски, застучали в голове маленькие молоточки. Она вошла в кухню, выпила стакан ледяной воды. Жаркое действительно подгорело, но, похоже, в этот вечер это уже никого не интересовало. Елистратов выглядел озабоченным, наверное, из-за своих финансовых проблем, существенно постаревшие Ромео и Джульетта упивались возрождением былых чувств.

Состояние Ирины окончательно испортило вечер. Видя растерянную хозяйку, гости вскоре откланялись, муж заперся в кабинете. Сын был поглощен компьютером и не показывался весь вечер. Ирина свернулась под теплым одеялом на своем диванчике. Ее колотил озноб. В ход пошли сердечные средства. Она плакала, боясь заснуть. Завтра должно было лишить ее всего, и она не хотела этого завтра.

Через день, двадцать девятого августа, ее мужа, Александра Серебрякова, нашли убитым на полу в лифте, в доме любовницы.

— Я любила... Прощала мужу этих девочек, не имевших ни для него, ни для меня никакого значения. Он и в делах добился такого успеха только потому, что никем не дорожил. Пропадал на работе ночами, домой приходил только спать. Как одинокий волк, рыскал в поисках кредитов и партнеров. Ну и институтские друзья помогли. На студенческих связях многое держится. Но я еще раз повторяю, что вряд ли могу вам помочь. Врагов своего мужа назвать не могу, в делах

понимаю мало, к любовнице мужа ненависти не питаю. Убивать его не собиралась. И вообще, поймите меня, я сейчас меньше всего желаю чьего-то общества.

— Это муж так повлиял на ваши привычки? Переживаете в одиночестве, отвернувшись лицом к стене?

— Что? Да, знаете, люди, прожив вместе- много лет, перенимают часть друг друга в собственное пользование. К сожалению, Саша не принял моей доброты и любви к нему...

— Что ж, извините, что побеспокоил в неудачный момент. К кому я мог бы обратиться на фирме с вопросами о состоянии дел?

— К Паше, коммерческому директору.

— Сергеев Павел Петрович, шестьдесят третьего года рождения, не женат, проживает в Ясенева. Правильно?

— Да, все абсолютно точно. Номер дома и квартиры тоже есть или записать?

— Запишите, Ирина Сергеевна, запишите.

Оперуполномоченный Леонидов брел по увядающей августовской Москве и бормотал про себя запомнившийся вывод из физики человеческих, тел, сделанный красивой девушкой определенного поведения: «Любовь бывает разная: жидкая, твердая и газообразная». Если очаровательная Лана квалифицирует свое чувство как любовь в твердой валюте, а платоническая Ирина Сергеевна явно подпадает под газообразную форму, то не ждет ли его в ближайшем будущем встреча с оставшимся неохваченным жидким видом?

Алексей нашел коммерческого директора Павла Петровича Сергеева в тот момент, когда тот снимал стресс по случаю смерти шефа на теннисном корте.

Теннис прочно вошел в моду как у высших чинов, так и у бизнесменов средней руки. Потев на корте, они верили в собственную исключительность из выхаркнувшей их на грунтовое покрытие среды, на которую теперь они надменно поглядывали сквозь мелкую металлическую сетку, окружающую открытую площадку. Павел Сергеев приобщался к элитарному виду спорта на пару с пузатым, хотя и молодым еще человеком. Был теплый августовский день, и они бегали по корту в дорогих спортивных трусах и белых майках.

Ядовито-салатовый мячик норовил покинуть пределы площадки, с корта доносились слова «болл» и «аут». Противники мучили друг

друга, видимо, уже не первый сет. Их красные потные лица выражали явное облегчение, когда мяч попадал в квадрат подачи или после удачного смеша впивался в раздолбанное покрытие.

«Класс игры невысокий, — вспомнил Леонидов слова великого Остапа Бендера, глядя на то, что некоторые смелые люди назвали бы теннисом. — Зато пижонства до фига. Как красиво он замахивается, ракеточку так в наклон, бац — аут. Е ты мое».

Болельщиков и зрителей было немного. У самого корта ленивая блондинка с дорогим лицом и ногтями, явно не предназначенными ни для какого вида спорта, пыталась болеть за Павла Петровича. И похоже было, что это ради нее он так эффектно, хотя и бестолково, бежит к улетающему за пределы корта мячу. Блондинка пыталась изобразить любовь к великой игре, но то и дело подавляемый зевок сводил на нет все ее усилия.

Она явно скучала, и Леонидов отважился присесть рядом на кончик деревянной скамьи. Несколько минут он украдкой любовался красивыми ногами с явно заграничным загаром и почему-то вспомнил ночной разговор с Ланой. Девушки чем-то были удивительно похожи, но чем? Одна брюнетка, другая блондинка. И глаза незнакомки отливали зеленью морских вод, и помада не таила в своем цвете малиновых оттенков. Но выражение ее лица один в один повторяло то, что было у ночной девушки, и оттого они походили на родных сестер. Наконец Алексей осмелился:

— Девушка, вас не Ланой зовут?

— Еще чего! Я Нора, — протянула она сладким, как бисквит, голоском, почти проснувшись.

— А Нора — это производное от чего, простите?

— В смысле?

— Ну, например, Лана, как мне удалось узнать сегодня утром, выводится из Светланы, а из чего же следует такая редкость, как Нора?

— Из Елены. Елена, Элен, Элеонора, Нора — это все одно и то же. — Девушка явно оживилась.

— Ослепительно! У вас великолепно развито чувство прекрасного. Ну а я просто Леша от просто Алексея.

— Вы чей-то шофер?

— Так похож?

— Да вы же без ракетки. Значит, из свиты.

— А если я прохожий?

— Ну и проходите себе дальше. — Она зевнула, сделав новую попытку погрузиться в неприятное созерцание процесса игры.

— Ладно, Нора, карты на стол. Вы меня почти разоблачили. Я здесь жду Павла Петровича Сергеева, коммерческого директора процветающей фирмы «Алек-сер».

— Пашу? Почему тогда я вас не знаю?

— А должны?

— Я Пашина девушка. — Она тряхнула пшеничной копной и, прищурившись, посмотрела на него.

— А я Пашин следователь.

— Как?

— Леонидов Алексей Алексеевич. Об убийстве Серебрякова наслышаны уже, конечно?

Девушка перестала улыбаться и смотрела на него как на некую музейную редкость, случайно выставленную на распродаже. Пауза грозила неприлично затянуться, но тут игравшие мужчины вдруг сочли, что достаточно приобщились к элитарному виду спорта, и двинулись к сетке пожать друг другу руки. Сергеев, подхватив полотенце, пошел к ним.

Вблизи он выглядел не так спортивно и молодо, как на корте. Фигура начала терять стройность, лицо отражало следы переутомления коммерческой деятельностью. Судя по всему, он любил покушать и выпить. Нора обрадовалась, Леонидов поспешил представиться, пока девица не ляпнула какую-нибудь глупость.

— Ну и что вы хотите? — вяло поинтересовался коммерческий директор, выслушав Алексея Леонидова.

— Поговорить с вами, Павел Петрович, всего лишь поговорить. Как я понимаю, вы были не просто сотрудником фирмы, а близким другом убитого, — учились вместе с Александром Сергеевичем, лучше других знали его. Прошу вас уделить мне немного минут свободного от работы и отдыха времени.

— Нора, сходи купи минеральной воды. Пожалуйста.

— А если ко мне будут приставать мужчины? — Она хорошо заучила свою роль очень красивой женщины и даже при работнике милиции продолжала выдавать соответствующие этой великой роли реплики.

Сергеев поморщился, но ответил в тон:

— Задержи их до моего прихода, хорошо?

Нора пошла выполнять просьбу Паши походкой женщины, на которую всегда смотрят и которая вообще делает всем одолжение своим присутствием где бы то ни было.

— Красивая у вас девушка, Павел Петрович.

— Да, ничего.

— И дорогая, наверное?

— Это имеет прямое отношение к Серебрякову, я правильно вас понимаю? — раздраженно заметил Павел Петрович.

— Как знать, как знать. Я просто сегодня наблюдал, как отнеслась к его смерти такая же очаровательная, как Нора, особа, состоящая с ним в близких отношениях.

Вы никогда не задумывались, будет ли ваша девушка оплакивать вас?

По лицу Сергеева Алексей понял, что задел самолюбие Павла Петровича.

— Я, в отличие от Серебрякова, не женат и дурацкими комплексами не страдаю.

— А он страдал? Какими же?

— Это вы у его баб выясняйте, почему они все терпеть Сашу не могли.

— Кто конкретно питал бурную ненависть? Их что, много было?

— Хватало. Ко мне это не имеет никакого отношения. Я с женщинами схожусь для взаимного удовольствия. Взаимного, заметьте.

Глядя в это красивое холеное лицо, Алексей даже не усомнился в его словах.

— У вас были конфликты с покойным шефом?

— Меня его женщины не интересовали.

— А если отвлечься от столь волнующей вас темы? — Леонидов начинал думать, что комплексами в отношениях с противоположным полом страдает сам Павел Петрович.

— А что мне с ним было делить?

— Как же так, Павел Петрович, а власть, доходы, влияние? Неужто сидели на вторых ролях и были всем довольны?

— Что ж, вы уже наслышаны, наверное, что милым человеком Серебряков не был. У всех с ним рано или поздно возникали трения. Он никого не любил и никогда никого не жалел. Загонял, как лошадей, и бросал, когда нужда отпадала.

— Следует ли ваши слова понимать как допущенную по отношению лично к вам несправедливость?

— А мне плевать, как вы будете это понимать. Я в Серебрякова не стрелял, сидел дома с Норой, она может подтвердить, да и другие свидетели найдутся. Так что не надо мне наводящие вопросы задавать. Могу доказать, что я вообще стрелять не умею.

— Можете. А что вы так боитесь, что кто-то вас может обвинить? Так боитесь, что даже заранее начинаете оправдываться. Кстати, в Серебрякова стрелял, судя по всему, наемный убийца, так что вам и не обязательно быть мастером спорта по стрельбе, достаточно иметь деньги. Хорошо вам платил покойный? — На жизнь хватало.

Он врал. Ему не хватало. И врал он не только Део-нидову. Миф о собственной обеспеченности, так тщательно созданный им для многочисленных приятелей, давно приносил кучу неприятностей. Все считали Пашу человеком богатым, и он скорее пустил бы себе пулю в лоб, чем признался в обратном. Зависть была тайным пороком этого самолюбивого парня. Злое терзающее чувство возникало из ничего: вот девушка прошла мимо — красивая девушка, а кто-то с ней спит. Почему не он, Павел Сергеев? Машина проехала мимо: шикарная машина, и сидит в ней какой-то лысый хрен, а он, Павел Сергеев, смотрелся бы гораздо лучше. Квартира, в которой живет подруга приятеля, — крутая хата. Он, Павел Сергеев, лучше вписался бы в роскошный интерьер. И дорогие теннисные корты только и ждут легких Пашиных шагов на упругом покрытии. Ждут именно его дорогие магазины, и швейцары в фешенебельных дорогих ресторанах должны улыбаться ему приветливее, чем кому-либо еще. Красивая жизнь, для которой родился на свет он, не имела права лелеять другого. И Паша страдал оттого, что она отторгала его, как инородное тело, случайно попавшее в здоровый организм. Зависть бесконечна, как всякое зло, ибо то, что имеешь ты, кажется незначительным по сравнению с тем, что имеют другие. Чужой кусок всегда слаще, чужая постель мягче, а чужая жена желаннее прочих женщин. Но неглупому Паше Сергееву не хватало ума понять столь простую истину и

наступить на горло собственным бессмысленным терзаниям. Он поджаривался на медленном огне самоистязаний, залезал в долги. Ему давали, ибо созданный Пашей имидж служил надежной гарантией возврата. Он занимал у одних знакомых, чтобы отдать другим, потом перезанимал у тех, кому только что отдал, и в итоге очутился в кругу одних только кредиторов. И естественно, самым главным и среди них был начальник и друг Александр Серебряков.

Самое гнусное, что тот его быстро раскусил и не упускал случая лягнуть в больное место. Сначала Александр давал деньги легко и отмахиваясь: какие, мол, с друзей проценты. Тем более, что начинали они вместе, и Паша поначалу вложился в фирму из собственной наличности. Но потом его траты быстро превысили финансовые возможности, и деньги свои он постепенно изъясил из оборота. Серебрякову на руку было стать единоличным хозяином фирмы, чутье у него было как у собаки, и будущие огромные доходы он прочувствовал задолго до их появления. Спустя некоторое время школьный друг понял, что Паша — это прорва. И стал брать с него немалые проценты. Паша было дернулся туда-сюда, пробовал стать в позу, но его рейтинг у остальных приятелей уже стал резко снижаться. Через несколько лет Серебряков прочно держал его за жабры. Уйти на другую, более доходную работу Сергеев не мог, требовать дополнительных доходов тоже. Серебряков четко знал, сколько надо давать, чтобы не переплачивать, но и не пережимать. Так тянулось довольно долго, но в последнее время произошли события, которые грозили круто изменить Пашину жизнь в худшую сторону.

Во-первых, Нора попросила новую шубу: — Ты же не хочешь, чтобы рядом с тобой шла облезлая выдра.

До выдры ей. было так же далеко, как до поездки в битком набитой электричке в восемь часов утра. Но заявка была сделана, а Нора прекрасно умела добиваться своего. Паше она, правда, начинала уже надоедать, тем более что в постели от нее не было никакого толка: ляжет, примет дурацкую позу и тянет сладким голоском: «Я красивая?»

Под ним Нора вообще лежала, закрыв глаза и переживая только из-за помятой прически. Как-то он сломал ей ноготь и испортил себе все удовольствие. Визгу было — как по безвременно ушедшему родственнику. Теперь она даже руки старалась убрать подальше от

Паши, не говоря уже о лице, с которого в самый неподходящий момент грозила облезть косметика. Любовь в исполнении Норы выглядела теперь так: она просто поудобнее раскидывалась на подушках, всем своим видом говоря: нате, берите, но я в этом не участвую. Если бы Паша не привык к Нориным выкрутасам и не испытывал в данный момент потребности избегать любых перемен, он сбежал бы, закрыв глаза, из этого конфетного рая. Проще было присмотреть себе девочку из секретарей, приодеть, вывести в свет. Дешевле и спокойнее, и никаких проблем.

Но некстати запрошенная шуба оказалась не последней из поджидавших его неприятностей...

— Да, на жизнь мне хватает.

— Ну, вы счастливый человек, Павел Петрович. Немногие этим сейчас могут похвастаться. А вы вот живете, видимо, экономно, да и девушка ваша все понимает, лишнего не просит. Умная, наверное, девушка.

— Не надо иронизировать. У вас, видимо, сформировалось определенное представление о людях, в круг которых вы не можете попасть, и потому не можете и понять тех, кто там находится. А что касается дележа власти и прочих амбиций, так ведь я не гордый, могу и на вторых ролях. Тянул Серебряков свою ляжку, и слава богу. С его смертью мне больше хлопот, чем пользы. Я не фанат и не трудоголик. Я и отдохнуть люблю, и, в отличие от некоторых, мне есть куда пойти, чтобы приятно провести время.

— Не сомневаюсь. Значит, вы предпочитали отсиживаться за широкой спиной друга. Кстати, как ваша дружба, выдержала испытание временем и служебными отношениями? Праздники вместе справляли — Новый год, Рождество, День Советской Армии и Военно-Морского Флота, например?

— Да, мы справляли вместе праздники. Ответ устраивает?

— В последнее время, наверное, вы были особенно близки?

— Представьте себе — были. Друзья, знаете, иногда устают друг от друга, но настоящая дружба остается. Мы со школы вместе, простите за банальность, идем по жизни. Конечно, вел Александр, но я тоже не нахлебник, пахал, как мог.

— Вы знали его любовницу или только жену?

— Естественно, я знал и ту и другую. Мы вместе выводили своих девочек туда, где не требовалось соблюдать семейный этикет. Девочки ладили, кажется, даже подружились. Знаю, что они встречались и без нас, обсуждали свои женские проблемы.

— Пили водку на кухне.

— Нора не пьет водку, только мартини и сухое вино.

— Вы уверены? Мне приходилось сталкиваться с подобными дамами, и, поверьте, у этих женщин много лиц, и не все приятные.

— Знаете, Алексей Алексеевич, я немного устал от игры в теннис и вашей философии. Если это не официальный допрос и у вас нет ко мне ничего конкретного, а только гипотезы, я позволю себе откланяться. Надо все-таки заехать в офис и подбодрить сотрудников.

— Меня не хотите с собой пригласить? Я жажду взглянуть на ваше совместное с Серебряковым творение.

— В другой раз. Подъезжайте завтра с утра. Сегодня люди слишком взбудоражены и вы их еще больше перепугаете.

— Что же это за коллектив такой пугливый?

— До свидания. Извините, мне правда некогда.

Он пошел в раздевалку, а Леонидов еще немного прогулялся вдоль кортов и направился к стоянке для машин. Почему-то ему позарез захотелось взглянуть на Пашино средство передвижения.

Когда человек, всю жизнь пользующийся общественным транспортом, попадает в мир больших денег, первое, что его поражает, — это машины. Есть мнение, что автомобиль — это не роскошь, а средство передвижения, но стоит увидеть некоторые экземпляры, как оно повергается в прах. Зачем, скажите, средству передвижения эти зализанные формы, нежно-розовый цвет и пушистая меховая обивка огромного салона? Утыканные кучей антенн, гирляндами разноцветных огней и блестящими штуковинами, они сигнализируют только об одном: стой, прохожий, здесь вложены большие деньги! Причем на надежность и скорость сей монументальный вид мало влияет. Настоящие бессменные трудяги, не подводящие своих владельцев, вид имеют скромный, цвет неброский, стереометрию обычную. Примерно таким мыслям предавался Алексей Леонидов, крутясь возле стоянки, но, как и у всякого мужчины, играло ретивое при виде столь внушительной галереи дорогих автомобилей. «Ах, если был бы я поэтом, я б всю жизнь писал об этом», — грустно

срифмовал безлошадный Леонидов, взирая на приближающегося Пашу. Нет, конечно, он не сел в отечественный «жигуль», прижавшийся к бордюру в тени великолепных импортных красавцев, и старенькую «ауди» тоже минул, даже не бросив на нее взгляд. Новенький сияющий «пежо» красного цвета — вот куда направил свои стопы коммерческий директор, сопровождаемый роскошной Норой.

«Пежо» — это, наверное, от слова «пижон», — подумал Алексей, наблюдая, как усаживается в машину Паша. — Интересно, если ему хватает на такую жизнь, какие же прибыли были у покойного шефа?»

Сверкающая перламутром машина плавно вырулила со стоянки и, взревев, рванулась прочь. Коммерческий директор не привык беречь хорошие вещи.

«Боюсь, Павла Сергеева рано снимать с подозреваемых, несмотря на то что у него есть столь убедительное алиби в лице Норы», — сделал вывод следователь Леонидов и пешком потопал в сторону метро.

Первое поверхностное мнение о деле он уже для себя составил. Осталось начать взламывать шкафы в поисках запрятанных скелетов, а в том, что действующим лицам есть что скрывать, Леонидов не сомневался. Явно недоговаривала что-то жена, строила из себя дурочку любовница и врал коммерческий директор. И у каждого наверняка был повод избавиться от Серебрякова. Дело, конечно, было тухлым, но покопаться в нем стоило.

— Алло! Привет, подруга, узнала?

— Нора? Привет.

— Не спишь еще?

— Уснешь тут. Одна в квартире, а по телевизору какие-то кровавые драмы. По первой «Зов убийцы», по российской какой-то там свидетель, а по кабельному вообще «Полночный маньяк». И это после вчерашнего.

У меня свет горит в квартире во всех углах, а все равно страшно.

— Да уж. Ты сама-то выстрелы слышала?

— Я сериал смотрела. Каждый день в десять начинается, а из-за Шурика две серии в неделю приходилось пропускать. Как приходил, сразу переключал, терпеть не мог фильмы размером больше одной серии. А вчера Серебрякова нет и нет. Думаю, слава тебе, господи, может, в пробке сидит, хоть десять минут посмотрю, а оно вон как

оказалось. Представляешь, я-то, дура, еще порадовалась, что он задерживается.

— Да, а его там, в лифте...

— Никто ничего не слышал. Пистолет-то, говорят, с глушителем был.

— Слушай, ну вообще-то как настроение?

— Да нормально. — На другом конце провода послышался глубокий вздох, потом многозначительная пауза. — Жалко, денег почти нет. А я купила кое-что как раз, теперь вообще без копыя.

— Что купила-то?

— Да дубленку новую в «Снежной королеве». Знаешь, мой женщин не баловал. Барахла у меня полно, хватит полгодика перебиться, и дубленка-то не нужна была толком. Просто Шурик обещал новую машину, вот я и купила короткую дубленку, чтобы удобнее было за рулем, да чтобы норку не трепать зря.

— А ты какую тачку хотела?

— Да «гольфа». Теперь накрылась моя голубая мечта. «Жигуль» в ремонт пришлось отогнать, сцепление барахлит, да и надоела уже эта рухлядь. Хорошо, вперед отдала бабки.

— Да, жаль. — Про себя, конечно, Нора порадовалась такому повороту событий, у нее-то машины никакой не было, и в этом вопросе Паша был тверд как скала.

— А ты своего Пашку на шубу не расколола?

— Разбежалась. Жмот он. Да, сдается мне, у него и денег-то толком нет.

— Как нет? Он же коммерческий директор, совладелец.

— Это он так говорит. Я недавно слышала краем уха, как он с Серебряковым собачился, царство ему небесное. Раньше все тихомирно было, а тут орали так, что особо и подслушивать не пришлось. Серебряков прямо так и сказал, что от Пашиной доли остался один дым и ему надоело, мол, субсидировать его дорогие привычки.

— Чего-чего делать?

— Субсидировать. Слово такое, но не в этом суть. Я только одну фразу четко запомнила: «Ты все отдашь до копеечки, и тогда, когда я тебе скажу». Вот такие дела, подруга дорогая.

— Да, значит, обе мы с тобой на мель сели.

— Как знать, как знать. Серебряков-то помер, а жена его корова коровой. Авось Паша и развернется, она-то считает, что он близкий друг, совладелец и все такое.

— А я теперь женщина свободная. Познакомила бы ты меня с каким-нибудь мужиком, что ли. С богатеньким таким Буратино.

— Смеешься? На дороге такие не валяются. Да и у меня с Пашей, похоже, остывает,

— Что, сорвался?

— Вроде того. Так что скоро вместе пойдем, подруга, на вольные'хлеба.

— Слушай, может, приедешь ко мне, дубленку посмотришь, посидим, водочки попьем.

— Лучше в кабак. Может, зацепим кого.

— Что мы, дешевки?

— Милая, знаешь, какая конкуренция подрастает? Помоложе нас с тобой, да и поумнее. Кризис всех на улицу выкинул. Сейчас умные девки в цене: образование там, манеры, языки.

— Что, может, и нам пойти поучиться?

— Ты читать не разучилась, подруга?

— А сама? Ладно, в кабак так в кабак. Гульнем на последние. Что ж делать-то. Времена сейчас тяжелые.

— А ты объявление в газету дай: «Молодая, красивая, свободная, ищет состоятельного мужчину для постельных дел за соответствующую плату».

— Смеешься.

— Ну вывеску на грудь надень: «Свободна, сдаюсь внаем».

— Что я, квартира?

— Это куда посмотреть.

— Ладно-ладно, я посмотрю, как ты пошутишь, когда тебя по следователям таскать будут.

— А меня-то с чего?

— Что ж мне одной, что ли, отпихиваться? Кстати, следователь ничего. Можно и пообщаться.

— А, этот блондин в дешевых шмотках? Приезжал сегодня к Паше, когда мы на корте торчали.

— Ну, шмотки у него, может быть, и дешевые, зато в шмотках все нормально.

— Проверяла?

— Нет еще. Но на коленки мои он отреагировал.

— Ты что, у них же там небось облик морале.

— Прямо. Котяры — они и есть котяры. Я в следующий раз обязательно шорты кожаные надену. Тогда проверим, как там у них в милиции с потенцией.

— Ты что, серьезно? Нужен он тебе? Знаешь, какая у них зарплата?

— А я так, на интерес, может, он мне понравился?

— Давай-давай, подружка, потом расскажешь. А вообще-то не советую.

— Это ты так говоришь, потому что тебе слабо такого мужика завалить.

— Кому, мне?! Тебе не слабо, а мне слабо? Большое у тебя самомнение, Ланочка.

— Пари хочешь?

— А давай. На что?

— Ужин в ресторане. Если я с ним пересплю, ты платишь, если ты — я плачу.

— А если он сегодня со мной, завтра с тобой?

— Ничья. Каждый платит за себя.

— Какой ресторан?

— Кто выигрывает, тот и заказывает музыку. Неделя сроку, а потом подводим итоги.

— Только по-местному.

— Я всегда свое слово держу.

— Ну ладно, подружка, звони.

— Пока.

А капитан уголовного розыска Леонидов, не подозревая о состоявшемся сговоре двух львиц, подняв воротник, шагнул домой под мелким дождичком, нащупывая в кармане вожделенную кассету со взятым у приятеля «Титаником». В этот момент он мечтал выпить после рабочего дня рюмочку водки, может, две и, заев это дело тарелкой маминого борща, залезть с ногами на продавленный диван и насладиться шедевром мировой кинематографии. Алексея ждали дома Джеймс Камерон, мама и спокойный ленивый вечер.

Глава 2 О ЧЕМ ПЛАЧУТ ЛЮБОВНИЦЫ

Самый отвратительный звук на свете — это звонок будильника ранним утром, когда смертельно хочется спать. Он выдергивает из сладкого забытья, заставляя начать новый день, который зачастую не приносит ничего, кроме очередных неприятностей.

Алексей всегда заводил будильник на десять минут пораньше, чтобы полежать еще немного без сна и всякого движения и настроить мысли вместе со всем организмом на возможные ожидаемые катаклизмы. С утра его тело было сродни раздолбанному музыкальному инструменту, нуждающемуся в срочной настройке. Подъем напоминал утреннюю гамму: «до» — встать, сделать зарядку, принять холодный душ и заправиться крепким кофе. «Ре» — расчесать примятые волосы и попытаться привести себя в божеский вид. «Ми» — пережить битву за место под электрическим солнцем общественного транспорта. «Фа» — добраться в итоге до работы. «Соль» — составить план на текущий рабочий день. «Ля» — на этой ноте Леонидов проснулся окончательно, потому что на «ля» начиналось имя его девушки Ляли, которой он не звонил уже три дня. Вообще-то ее звали Еленой, но, как оказалось, женские имена преобразовывались по вкусу владелиц в наиболее приятное звучание, чем наградили их родители. Конечно, Ляля была девушкой работающей, недорогой и непретенциозной, поэтому выбрала имя, вполне соответствующее ее внешнему облику. На ней Леонидов должен был жениться, потому что этого активно хотели окружающие. Во-первых, хотела Лешина мама, мечтавшая о внуках, во-вторых, давно уже женившиеся друзья, жаждавшие такой же участи для до сих пор уклоняющегося соратника, в-третьих, Лялины подруги, предвкушающие, как классно будет оторваться на шумной свадьбе. И наконец, сама Ляля, потому что ей исполнилось двадцать пять лет и дальнейшее пребывание в девичестве казалось неприличным.

Ляля работала секретаршей в какой-то мелкой фирме, и ей давно уже осточертели: телефонная трубка, от которой под конец рабочего дня болело ухо, непрерывно тренькающий факс и тупой начальник. Надоела мышьяная возня вокруг ничтожных проблем крохотного

коллектива, и жутко хотелось семьи, ребенка и простой домашней жизни. К тому же Ляля начинала полнеть, девушка она была крупная, ей приходилось следить за своим весом, и она с трудом сдерживала здоровый аппетит.

В общем-то Алексей смирился с Лялей как с неизбежностью, она его устраивала, если бы не навязчивое воображение, рисовавшее ему толстую бабу с пробивающимися через краску темными прядями волос, которую он через некоторое время после свадьбы увидит утром в своей постели. Конечно, это можно пережить, и большинство мужчин так и делают, сами при этом расслабляясь и отращивая брюхо на сытных кормах. И, ложась в постель с распутившей себя супругой, воображают ее такой, какой она была до свадьбы, или вместо нее представляют себе юную диву, подсмотренную где-нибудь в метро. Но воображение такого будущего пробиравало Алексея до дрожи, так что он его без конца оттягивал. А дело было просто в том, что Леонидов не любил Лялю. Любовь, если она есть, вообще не замечает таких мелочей, как плохая стрижка или неудачно подобранная одежда, ибо идеализирует избранный предмет. Леонидова же сводило с Лялей активное давление окружающих, это «давай-давай». Черт его знает, почему люди так любят устраивать чужие браки.

Поэтому Леонидов, вспомнив о невыполненном обещании позвонить, сразу проснулся от ощущения дискомфорта и схватил легкие гантели. Ничто так не отвлекает от дурных мыслей, как основательная утренняя гимнастика и ледяной душ.

Зелено-белая вывеска фирмы «Алексер» украшала фасад пятиэтажного, пупырчатого дома почти в центре Москвы. «Бытовая техника, оргтехника и офисное оборудование» — гласил многообещающий комментарий под ней. Кроме «Алексера», приметный дом осчастливили также «Мясо-рыба», мебельный магазин «Интерьер» и обычная «Оптика». Конечно, «Алексер» выглядел гораздо убедительней скромных соседей, просто-таки подавляя их величию дизайна и намеками на хороший вкус оформителя витрин. Тяжелая белая дверь давала понять посетителям, что в фирме недавно был евроремонт, что свидетельствует о неувядающем благополучии магазина.

Первое, что поразило Леонида, — безликость. Похоже было, сотрудники просто отбывают здесь свою повинность. Все выглядело

банально до тошноты: геометрические витрины с чайниками, утюгами и тостерами, дизайн помещения и люди. Преобладал белый цвет с вкраплениями серой пластмассы продаваемых предметов. Климат-контролер не мог перебить ощущение холода, исходящее от стен. Леонидова сразу начало слегка знобить, хотя оделся он по прохладной погоде.

Второе, что удивляло, — это упитанность сотрудников. В торгующем столь несъедобным товаром месте это было по меньшей мере странно.

«Что у них тут, кондитерская, что ли, за ближайшей дверью?» — подумал Леонидов, наблюдая за работой двух толстеньких продавщиц. За кассой сидела еще одна коровоподобная девица со светлыми волосами, стрижкой «каре», в ярко-малиновом свитере с молнией посередине. У нее было такое злое лицо, что Леонидов сразу же мысленно примерил ей гестаповскую пилотку и черную форму со свастикой на рукаве.

Обозрев все это откормленное великолепие, Алексей догадался, что главный здесь — молодой человек, сидящий за столом с монитором, двумя телефонами и табличкой «Управляющий». Его-то размеры прямо-таки подавляли любое разыгравшееся воображение. Кустистые брови, сочный рот и короткопалые руки больше подходили к образу рубщика мяса, чем человека, трудящегося на столь интеллектуальном поприще. Но в монитор он смотрел с умным лицом, так что любой посетитель сразу же проникался важностью его работы.

Прилепленная к карману управляющего визитка подсказала Леонидову, что перед ним некий Иванов В. В. У остальных тоже были визитки, и на них было что-то написано, но издали разглядывать ему показалось не с руки. Тем более, что в это время из боковой двери вышел хрупкий молодой человек, явно не сочетающийся со всей этой компанией, и предложил свою помощь. На его кармане тоже висела табличка с надписью «Иванов», но уже «А. А.».

— Спасибо, я как-нибудь сам. — Леонидов направился к тому Иванову, который был главнее.

— Что вы хотели? — все так же не отрывая взгляда от монитора, спросил тот.

— Уголовный розыск. Я расследую убийство вашего шефа, Александра Сергеевича Серебрякова. — Леонидов попытался показать

удостоверение, но оторвать управляющего от монитора, видимо, могло только цунами.

— Сейчас рабочее время, — попробовал продемонстрировать служебное рвение В. В. Иванов.

— Какое совпадение, у меня тоже, Народу у вас маловато, кризис, наверное, злобствует, проклятый. Уделите, Христа ради, пару минут, тем более с разрешения Павла Петровича, а? — разозлился Леонидов.

Иванов неохотно оторвался от монитора, и наконец Леонидов увидел его глаза, похожие на два ледяных айсберга.

— Пройдемте в мой кабинет.

Алексей двинулся вслед за его необъятной спиной в сторону боковой двери, очевидно ведущей в служебные помещения.

Боковая дверь оказалась входом в хитрое сплетение кабинетов, кабинетиков, кабинетниц и подсобных закутков. Узкий, как кишка, белый коридор протолкнул капитана уголовного розыска и управляющего в маленькую комнатку стандартного в этом заведении белого цвета. Из мебели в ней содержались только стол, два кресла, компьютер, монитор, два телефона. Управляющий сел за стол и снова сразу же уставился в монитор; Леонидову досталось одно из кресел.

— Я вам представился. Могу поинтересоваться вашим именем?

— Валерий Валентинович Иванов. Управляющий торговым залом.

Наверное, он был глубоко уверен, что все остальные в этом мире читать не умеют.

— Очень, очень приятно. Кстати, а менеджер Иванов А. А. ваш однофамилец?

— Двоюродный брат.

— Надо же. А еще какие-нибудь ваши родственники здесь работают?

— Это имеет какое-то отношение к вашему делу?

— Я пока еще сам не знаю, что имеет отношение к нашему делу, а что нет, поэтому надеюсь получить ответы на все свои вопросы.

— Пожалуйста. Моя жена работает в торговом зале продавцом.

— У вас семейный подряд?

— Я предпочитаю людей, которым могу доверять.

— Значит, у фирмы «Алексер» есть тайны?

— Коммерческие тайны есть у любой фирмы. Моя жена может рассказать их только мне, а чужая — абсолютно постороннему

человеку.

— Логично, а главное, что деньги из семьи не уходят. Бухгалтер фирмы вам, случайно, дядей-тетей не приходится?

— Бухгалтера нанимал Серебряков. — Эмоции у господина управляющего явно отсутствовали. Видимо, он здорово понаторел в битвах за материальное благополучие своей семьи.

— Остальных сотрудников, я так понимаю, нанимали вы?

— Да, это входит в мои обязанности. Когда меня назначили директором, я привел свою команду.

— Предварительно уволив тех, кто здесь до нее работал?

— Мне предоставили полную свободу действий. Думаю, это обоснованно и я оправдал доверие руководства.

— И много людей вы уволили, оправдывая это доверие?"

— Всего-навсего семь.

— Прекрасно! А вам не кажется, что по отношению даже к одному человеку слово «всего» звучит как-то не очень гигиенично? Всего семь слегка покалеченных жизней во имя высокой цели. Видимо, цель у вас достаточно высокая, чтобы стоило одним махом увольнять столько людей? А на дворе кризис, вы представляете, что значит сейчас найти работу? А если у кого-то детей кормить нечем или больные родители на иждивении? Приказ об увольнении подписывал Серебряков? Кто разговаривал с этими людьми в их последний рабочий день? — Леонидов едва сдерживал себя.

— За это не убивают.

— Знаете вы, за что убивают! За два рубля могут убить, когда на водку не хватает. И когда козлом назовешь, могут нож в живот засадить.

— Мы интеллигентные люди, и я не думаю...

— Если интеллигентные люди, значит, этим можно воспользоваться и выкинуть их на улицу, не боясь, что кто-нибудь затаит злобу, так, что ли? А теперь представьте, что среди них нашелся человек, который прощать не умеет и несправедливость воспринимает болезненно, причем больше в отношении других, чем себя. Может эта личность задумать и исполнить убийство, да так, что сроду не догадаешься, кто и за что? Спите вы спокойно, Валерий Валентинович?

— Я не разделяю ваших опасений.

— Это потому, что стреляли в Серебрякова, а не в вас? А может, у этой личности списочек составлен и вы под вторым номером?

— Ваша задача, как милиции, защищать граждан, а не запугивать их.

— Правильно вы понимаете мою задачу, и я, к сожалению, не могу вам возразить, поэтому дайте мне список уволенных сотрудников и я пойду проверять их алиби. Есть у вас такой список, Валерий Валентинович?

— У Сергеева есть.

— У вас, значит, нет. Судьбой бывших сотрудников не интересуетесь? А где ж Павел Петрович, что-то я его сегодня не наблюдаю?

— Он поехал в банк.

— Святое дело. А меня, значит, просил приехать с утра, чтоб, не дай бог, не встретиться. И когда он приедет, наш драгоценный и незаменимый?

— После обеда.

— Ну, до этого времени я, конечно, не досижу. Кто составил ему компанию в таком ответственном мероприятии, как поездка в банк?

— Главный бухгалтер.

— А вообще-то люди в офисе еще есть?

— Конечно. У нас большой штат, и, насколько я знаю, на рабочем месте должны присутствовать помощник бухгалтера, три человека со склада, повариха, секретарь Сергеева и секретарь Серебрякова, ее пока не уволили.

— Солидная компания. И кто мне может помочь со списком?

— Секретарь Марина. Все Пашины бумаги у нее, вам и не обязательно его дожидаться.

— Вы не представите меня этой девушке?

— Пройдемте.

Очередной белый коридор вывел их в приемную коммерческого директора.

«Ну и катакомбы! И какое завидное разнообразие», — подумал Леонидов, рассматривая стандартный набор из стола, монитора, двух кресел и двух телефонов. Зато девушка за столом была прелестна. Сразу было видно, что ее нанимал не управляющий, чей вкус больше воспринимал гастрономию, чем эстетику. Отличную фигурку юной

мисс ладно обтягивал черный костюмчик явно из бутика, косметика была наложена умело, к тому же девушка приятно улыбалась. На Валерия Валентиновича взглянула как на большую зеленую жабу, которая сидит на песчаной дорожке и преграждает путь к прохладной воде. Управляющий, лишенный чувства прекрасного, отвечал ей взаимной неприязнью.

— Марина, выдай господину работнику внутренних органов нужную информацию, пожалуйста, — уронил он голосом, похожим на прокисшее молоко.

— Да, хорошо, Валерий... — пауза, покосилась на Леонидова, — Валентинович.

Иванов продолжал нависать над столом. Алексей не выдержал:

— Идите в зал, господин управляющий, вас клиенты ждут, не смею больше задерживать.

Тот насупился, но настаивать не стал, скрылся в белом чреве коридора, хотя видно было, как не хочется оставлять ему наедине следователя и Пашину секретаршу.

Едва не столкнувшись с ним, из коридора вылетела еще одна очаровательная стройная девушка в хорошем костюме и с элегантной стрижкой. Она подлетела к Марининому столу и плюхнула на него пачку исписанной бумаги.

— Паше на подпись.

— А его нет, и неизвестно, когда объявится.

— Вот зараза, второй день где-то шатается, — беззлобно ругнулась девушка и повернулась в обратный полет.

Леонидов пошел на перехват:

— Девушка, девушка, на вас таблички нет. Вы стюардесса?

— Сотрудница.

— А ваша должность в этом «белом» доме?

— Помощник бухгалтера, Наташа.

— Очень приятно. Алексей. — Леонидов недоумевал, почему всех приятных людей в этом заведении прячут подальше от клиента.

— Наташенька, подождите, я сейчас возьму у Марины нужную бумажку и задам вам несколько вопросов. Вы не будете возражать?

— А вы кто?

— Сыщик, но не надо меня пугаться. Она засмеялась:

— Я мужчин не боюсь!

Леонидов посмотрел ей вслед, на ее стройные ножки, когда она вылетала обратно в коридор. Потом повернулся к Марине:

— Можно, я буду звать вас просто Мариной?

— Конечно.

— Тогда скажите мне, милая Марина, за что же вы так не любите управляющего торговым залом Валерия Валентиновича?

— Валентиновича, скажете тоже. Еще два года назад он был просто Валера и просто грузчик. А сейчас в Валентиновичи вылез.

— Какая стремительная карьера! Он, верно, человек больших талантов.

— Да, и главный талант — кушать всех, кто ему не нравится и кому он сам несимпатичен. Прет, как бык, напролом. К тому же дурак, отменный. А дураки, они живучие. Мы-то все боимся, не обидеть бы кого лишний раз, не навязаться бы. А сейчас в моде жесткий стиль в отношениях с подчиненными и бережная любовь к начальству — не дай бог его побеспокоить и довести до-сведения, что сотрудники чем-то недовольны.

— А господин Иванов, как я понимаю, этот стиль успешно усвоил?

— Абсолютно. С Серебряковым никогда не спорил, комплименты нужные вовремя говорить умел, хотя умом особым не блещет. Ну и в итоге — стремительная карьера, хорошая зарплата, власть: хочу — помилую, хочу — с кашей съем. А вы представляете, что такое власть в руках дурака?

— Хорошо представляю. А вы, Марина, не боитесь, что Иванов и до вас доберется?

— А после того как он всех моих подружек уволил, мне здесь делать нечего, не смотреть же, как он с семейством разваливает то, что сделали хорошие люди. Да и кишка у Валеры тонка против Паши идти, к тому же я к торговому залу отношения не имею, и пока Паша коммерческий директор, я тут работать буду сколько захочу.

— Ну а сотрудники, которых Иванов уволил, действительно были хорошие? Может, вы их слегка идеализируете?

— Девчонки отличные — красавицы, умницы. Работали с удовольствием, да и люди с ними охотно общались: постоянные клиенты и шоколадки дарили, и сувенирчики. И ребята нормальные

были. Веселые все, компанейские. Праздники всегда вместе отмечали, такие пляски устраивали, потолок гудел!

— Весело было?

— Не то слово. Коллектив был, а не шайка стукачей. Никто доносы друг на друга не строчил, и атмосфера была совсем другая. А теперь как в склепе — зайдешь, кажется, что мертвечиной пахнет.

— Да, я заметил.

— Скучно стало, на работу неохота идти. Каждый день какие-то сплетни, козни вечно кто-то строит, наушничает, подслушивает.

— Но как мог Серебряков назначить такого человека управляющим?

— А он вообще в людях не разбирался. Кто больше глаза мозолил — тот и был хорош. Не знаю, чего там Валера ему наобещал, какие сверхприбыли, но умаслил.

— Добрая вы девушка, Марина. Вас бы в директоры, а?

— Такие, как я, директорами не бывают, разве не знаете? Я и увольнять не умею, и ценные указания давать — лучше подойду да сама все сделаю. Вот у таких, как Валера, распоряжаться хорошо получается, поэтому он и начальник.

— Мне показалось, что не любит красивых девушек? Монстры какие-то сидят. — Леонидов кивнул в сторону торгового зала.

— Из-за жены, наверное. Она у него ревнивая до жути. Не выносит красивых женщин и тех, кто лучше ее одет.

— А какая его жена? Она в зале?

— А никакая, если вы о внешности. Не толстая и не та, что за кассой. Увидишь — тут же забудешь о ее существовании.

— Да, послушаешь вас... Ну а из тех, кого уволили, никто не затаил зла, как вы думаете?

— Да для меня вообще все хорошие. Не могу представить, что кто-то из мести убил Серебрякова.

— Но убили же.

— Нет, это не наши. Девчонки такие хорошие, ребята со склада совсем молоденькие, еще пацаны. Да и рабочие в торговом зале тоже нормальные. Нет, наши этого сделать не могли. Девочки даже и не расстроились особо, кому охота работать с такой сволочью, а ребята все умные, наверняка работу уже нашли. Он и убрал их для того, чтобы на фоне умных дураком не казаться. Складские тоже, по-моему,

пристроились. Да, еще Лариса. Мы ее «мамочкой» звали, добрая такая, хозяйственная. Она сильно плакала, конечно. Жалко ее. Но она так плохо видит, что в слона с трех метров не попадет. Не то что стрелять в кого-то. А киллера нанять — денег таких нет. Да и найди его...

— А вы пробовали? Марина засмеялась:

— Зачем? Я в Бога верю. Все равно он свое воздаст. И Валера шею себе еще сломает. Думаете, он счастлив? Да у него на лице мука смертная написана. Он все время чего-то боится, как бы не оступить, не проколоться, как бы угодить. У него столько забот, что не позавидуешь. Если бы люди становились счастливее от тех подлостей, что они совершают...

— Да, здесь вы правы, зло всегда к тебе же и возвращается. Пожалеем же господина управляющего. Спасибо большое, Марина, хорошо мы с вами побеседовали. Желаю, чтобы вас не уволили, чтобы и хорошие люди здесь остались.

— Да я не переживаю. Хотят — пусть увольняют, а я лучше ребеночка рожу. Главное — задаться целью.

Почему-то Леонидов вспомнил Лялю. «Главное — задаться целью». Вот задаст себе такая задачу-минимум — и не отвертишься. Чтобы убить, тут нужен темперамент. Взрывной, импульсивный, неуправляемый. И характер нужен. Это должен быть такой сплав воли, нервов и ненависти! Надо искать человека, способного на сильные эмоции.

— Забыл, зачем к вам пришел, Мариночка. Я ведь хотел всего-навсего список уволенных получить, а проболтал с вами бог знает сколько времени. Есть у вас адреса, телефоны?

— Да, Ларисы, Лили и Анечки точно. А где-то в записных книжках должны быть адреса менеджеров. Со складскими труднее, но я поищу.

Зазвонил телефон. Марина сняла трубку:

— Алло? Да, переводит. Приемная коммерческого директора. Слушаю вас. Нет, его, к сожалению, нет и не будет до обеда. Нет, никакой информации для вас не оставял. Что-нибудь передать? Хорошо. До свидания. — Она положила трубку. — Все Пашу ищут. Что ж будет теперь?

За соседней дверью раздался грохот и звон разбитого стекла.

— А там кто воюет? — Леонидов кивнул на очередную белую преграду.

— Оля вещи собирает. Нервничает, конечно. А может, нарочно подарочные сервизы бьет.

— Какая Оля?

— Секретарша Серебрякова.

— Вы пока поищите мне телефончики, а я, пожалуй, зайду и поговорю с девушкой.

В комнате гремела ящиками стола симпатичная стройная девушка. Леонидов увидел все те же стол, монитор, два кресла, два телефона. Разнообразие вносили искусственные комнатные цветы на стенах и подоконнике.

— Здравствуйте, девушка. Вы — Оля?

— Совершенно верно. А вы, случайно, не директор какой-нибудь фирмы? Для меня сейчас это актуально.

— Огорчу вас, всего лишь работник внутренних органов, государства, разумеется.

— А, по душу Серебрякова. И конечно, уверены, что личный секретарь что-то вроде поверенного во всех делах.

— Надеюсь. Неужели ничего мне не расскажете? Или я вас от работы отрываю? Могу побеседовать и в более удобное время.

— Моя работа вся вышла, а ваши слова я могу принять за приглашение поужинать вместе.

— Упаси боже. Ресторан сожрет зараз весь мой скромный месячный бюджет.

— Согласна и на «Макдоналдс».

— Ладно, я подумаю.

Оля рассмеялась. Смеялась она здорово, искренне и заразительно, так, что Леонидову захотелось ляпнуть еще какую-нибудь глупость.

— Оля, неужто вас уволили? Не найдется другой работы для такой красивой девушки?

— Да вы прямо-таки за мной ухаживать начинаете. Ухаживания начинаются с комплиментов. Ладно, хватит смеха, на самом деле все не очень весело, на душе сплошная помойка. Другая работа, говорите? Так я ведь не состою в родстве с управляющим, а это главный критерий при здешнем конкурсе на освободившуюся вакансию.

— Наслышан, наслышан. Тоже не любите Валерия Валентиновича?

— Любить можно людей и животных, если они не кусаются.

Алексей попробовал предположить, к какой категории движущихся существ она относилась Иванова, и от комментариев воздержался. Эта девушка понравилась ему еще больше, чем предыдущие, и он начинал догадываться, каких людей убрали с фирмы. Вполне возможно, что версия о мести имеет право на существование. И надо в этом направлении работать.

— Оля, а Серебряков в последний день целый день был на работе?

— Нет. Мелькал, как Фигаро, то здесь, то там. Нервный какой-то, странный. Это при его-то безвредной невозмутимости. Было такое чувство, что он наконец-то увидел, что вокруг него люди. Очнулся от рабочего запоя. Он ведь был слегка повернутым на своей фирме. Этаким вариантом полезной шизофрении. Никто не мог спокойно уйти с работы, пока он в офисе; чтобы здесь удержаться, надо было забыть напрочь о личной жизни и принести сюда зубную щетку и постельное белье. Я не помню шефа без мобильного в руке, без непрерывных переговоров. Да, зарывался в работу, как крот в нору. Но последние два дня...

— Что последние два дня?

— Ну, очень изменился. Если бы я его знала похуже, то подумала бы, что человек влюбился. Такая щенячья улыбка на лице прорезается, только когда появляется тайная страсть. Но Серебряков... Красивых женщин он, конечно, любил, но относился к ним как к предметам, выставленным на аукционе. Все для него имело свою цену. Поэтому я думаю, что на него просто свалилась неожиданная удача в бизнесе. Наверное, крупный кредит в банке на льготных условиях выцарапал. С деньгами точно что-то связано, потому что накануне он долго сидел со своей бухгалтершей Юлей. Всех отсылал, на звонки не отвечал. И вечером у Юльки были круглые' глаза.

— А где Юля сейчас?

— В банке, с Павлом Петровичем.

— Да, забыл совсем. И неизвестно, когда объявится. Что ж, будем ждать встречи с бухгалтершей Юлей. А в «Макдоналдс» мы с вами обязательно сходим. Телефончик не дадите?

— Дам. По крайней мере, будет один ужин в запасе, с голоду не умру.

— Ну, Оленька, не переживайте так, вы без работы не останетесь.

— Спасибо на добром слове. Звоните, работник внутренних органов государства.

«Да, без работы ты не останешься, это уж точно, — думал Леонидов, переваривая услышанную информацию. — И тебя надо отнести к категории союзников, а не подозреваемых, если, конечно, не было у вас с Серебряковым тайных амуров. Но не похоже. Любовниц Серебряков личными секретарями не держал, предпочитал разделять работу и удовольствие».

Надо поговорить с бухгалтершей. Алексей заглянул в бухгалтерию, тем более что обещал randevу очаровательной девушке Наташе. Бухгалтерия была, несмотря на громкое название, крохотной, как и кабинет управляющего, комнаткой, с одним столом и кольцевой вереницей шкафов. Аккуратно подшитые документы расставляла неприятная кассирша в малиновой кофте.

— А где Наташа?

— В банк уехала.

— Как, и она в банк? А когда вернется?

— Неизвестно.

— Что у вас там, черная дыра? Или бермудский треугольник? Все уезжают, но никто не возвращается. Сигнал «SOS» оттуда еще не посылали?

Если у этой мадам и имелись какие-нибудь чувства, то чувство юмора к ним явно не относилось. Она посмотрела на Алексея как на идиота, и он предпочел поскорее убраться с глаз долой. Чуть не заблудившись в извилистых коридорных кишках, Леонидов дошел до Маринино стола.

— Ну что, готов мой списочек?

— Да, пожалуйста. — Она протянула ему отпечатанный на лазерном принтере перечень фамилий и телефонов.

«Сервис на грани фантастики», — подумал Алексей и собрался было рассыпаться в комплиментах, но Марина уже увлеченно объясняла по телефону, когда и где можно поймать коммерческого директора. Он вздохнул и пошел искать дорогу в торговый зал.

Там ему показалось совсем уж знобко после того, что он услышал от Наташи и Оли. Управляющий был по-прежнему прикован к монитору, как Прометей к своей скале. Девушки перемещались по залу медленными галсами, менеджер беседовал с одиноким клиентом, изредка звонили телефоны.

«То ли засыпают они здесь, то ли вымирают, как мамонты. Веселое местечко», — подумал Леонидов, перехватив пристальный взгляд бесцветной дамочки. Судя по описанию, это и была жена управляющего. Что-то у него пропала охота к дальнейшему общению, хотелось плотнуть воздуха и света. «На волю, скорее на волю!» — мысленно прокричал Алексей и едва нашел в себе силы вежливо кивнуть на прощанье коллективу торгового зала. И напрасно, потому что коллектив его усилия проигнорировал.

На кухне в квартире Завьяловых Лена ловко раскладывала привезенные продукты. Сыр, колбаса, яйца были запиханы в холодильник, морозилка битком забита мясом, овощи разместила на подоконнике в большую картонную коробку. На полу выстроились бутылки растительного масла и банки с майонезом.

— Вот не повезло так не повезло. Черт бы побрал этот кризис, нигде ничего нет. Все как с цепи сорвались, прячут. Ладно, £ыр твой Вовка порежет потоньше, хватит. И колбасы не буду больше покупать. Пусть на овощное налегают, как раз сезон. Баклажанчиков еще подкупить и морковки. Солянку на горячее потушу сегодня, да холодец надо поставить варить. А, зараза, места-то в холодильнике нет совсем! Ну ничего, к Светке отнесу. Вот кому хорошо: мужик ее, а помер — и хлопот с похоронами никаких. Не то что нам. Ну, ничего, мы ее припащем. Раз ее Серебряков виноват, пусть хоть на нас поработает. Ну чего ты сидишь как на именинах? Помоги лучше.

Она попыталась сунуть в руки сестре Александре нож.

— Лена, как ты можешь? Там мама с папой... Их же убили, Лена!

— Ну, убили. Чего ж теперь, сидеть всем и реветь? Режь давай капусту, время-то идет. А то мы чувствительные все, сидим плачем, а сестра бежит высунув язык.

— Я, кажется, с тобой ездила везде.

— Отлично! От тебя толку... Ревешь только, а тебя все обсчитывают, между прочим. А ты, дура, молчишь и на весы не смотришь.

— Лена!

— Что «Лена»? Между прочим, у меня деньги кончились. В кошельке ноль! Я все выложила, давай свою долю. Вовку пошли, пусть займет у знакомых. Тетке можно позвонить, материна сестра все-таки.

— Неужели у мамы на книжке ничего не было? Они ведь откладывали на похороны. Неудобно как-то просить.

— Неудобно локтем за ухом чесать. К тому же так быстро помирать никто не собирался. Мне деньги нужны были, вот мама и сняла.

— Зачем же тебе деньги?

— Зачем, зачем, дубленку купили, ты как в тумане живешь, не замечаешь, что еще один «август» может грянуть. Сейчас надо деньги вкладывать во что-нибудь, а не на книжках держать. Ну, мы посоветовались — и купили дубленку. Потом знаешь сколько она будет стоить?!

— Что тебе, ходить не в чем?

— Я девушка, в отличие от тебя, незамужняя, мне одеваться надо, выглядеть, а то замуж никто не возьмет.

— А в новой дубленке тебе сразу предложение сделали?

— Избавь меня от своей иронии, ладно?

— А ты не можешь у кого-нибудь занять?

— У кого? Сейчас люди на все деньги продукты покупают, макароны всякие. Ты-то запасла что-нибудь?

— Лена, перестань. О чем мы говорим? До этого ли сейчас? Я как про родителей вспомню... К кому теперь? А ты про свои макароны.

— Ну и дура. Родителей не вернешь, а жрать захочется. Зарплата у вас не бог весть какая. Маманю и правда жалко, а батяня, если почестному, сам бы допился...

— Замолчи!..

— ...Что-то долго Вовка за водкой мотается. Может, и водку всю уже раскупили? Эх, знать бы заранее, пару ящичков можно было бы запасти. Водка — это основное, что на свадьбах, что на поминках. А чего на поминках-то напиваться? Ладно, когда свадьба, веселье, а если человек помер, так чего лакать до упаду? Потом еще песни петь начинают, кончается вообще тем, что никто не помнит, зачем пришел.

— Ну, не все же так, Лена.

— Среди папашиной родни — все. У них был бы повод... Интересно, хватит двух ящиков или нет?

— Не знаю, меня это мало интересует.

— Тебя все мало интересует, кроме книжек твоих дурацких и твоих дебильных детей! Только такие дураки, как ты, пашут в школе за гроши и жизнью довольны. Как же, мы существо возвышенное, нам вся эта толпа с ее низменными интересами до фонаря. Так, мелочи жизни. А если о прозе жизни говорить, то это, конечно, Лена...

...Да, прозой жизни для мамы всегда была Лена. Сначала, конечно, появилась Саша, которая эту Лену вырастила. Саша меняла ей подгузники, мазала попку детским кремом и водила на улицу, где во дворе ковы-, рялись в песочнице измазанные карапузы. Саша учила Леночку первым словам, а потом и первым буквам, проверяла первые уроки и водила за ручку в школу. И кончилось тем, что Лена просто устала быть вечно благодарной. «Будь как Саша», — слышала она с первых дней своей жизни.

Саша прекрасно училась, помогала родителям, не грубила учителям. Ей спокойно доверяли любые деньги, потому что сдачу она возвращала до копейки. Лене всегда приходилось держаться в тени старшей сестры и тянуться за ней изо всех сил.

— Какая умная, милая, добрая девочка, — умилялись окружающие, глядя на Сашеньку, помогавшую маме вести небольшое домашнее хозяйство.

— А я, а я? — кричала Леночка, выхватывая из рук сестры веник или мусорное ведро.

— И ты, конечно, дочка, — говорила мама, утешая капризного ребенка.

Вся беда была в том, что Лене вовсе не хотелось быть хорошей. С самого детства она лелеяла в себе качества, прямо противоположные тем, какими обладала старшая сестра. Маленькая Леночка старалась подставить сестру, пряча в песочнице совочки и пластмассовые формочки, надеясь, что Сашке наконец-то попадет за пропажу. С нее, Ленки, какой спрос, она же маленькая. Но старшей сестре прощалось все.

Когда Лена подросла, мама стала чаще припрягать ее к домашним делам. Саша готовилась в институт.

— Лена, сделай уборку. Лена, вынеси мусорное ведро. Помой посуду.

— Пусть Сашка делает.

— Саша учится. Ты же знаешь, какой в институт конкурс.

— Я тоже учусь.

Мама только вздыхала, ибо Леночка особым прилежанием не отличалась. Правда, у нее была отличная память и способности к математике, но мама считала, что для Саши учеба гораздо важнее. Даже папа, напившись, старался держаться подальше от Саши, чтобы не видеть ее укоризненного взгляда. Саша умела смотреть так, что окружающим становилось стыдно не то что за паршивые" поступки, но даже за подленькие мысли. Папа боялся только Сашу, поэтому пил потихоньку, закрывался в своей комнате и не показывался на глаза.

Но самую настоящую ненависть к сестре Лена начала испытывать, когда подросла и впервые стала задаваться вопросом, красивая она или нет. Простаивая часами перед зеркалом, Лена начала подозревать, что природа допустила по отношению к ней огромную несправедливость. Можно было простить сестре любовь родителей и многочисленных родственников, в конце концов, из нее каши не сварить, можно было простить ее вечные пятерки и отлученность от домашних дел, когда она начала готовиться в институт. Можно. Но того, что сестра стала красавицей, а она, Лена, обыкновенной девушкой с обычной внешностью — этого простить было невозможно. Почему у Сашки волосы вьются пушистыми каштановыми кольцами, а у нее, Лены, висят неопределенного цвета сальными прядями, а? Почему у сестры глаза огромные, почти синие, и ресницы длинные, а у нее, Лены, глазки маленькие и невыразительные? Ну, насчет фигуры надо еще посмотреть, она, Лена, вырастет, обязательно вырастет и будет не ниже Сашки, и все у нее образуется так, как надо, и платья она не будет донашивать старые, оставшиеся после сестры. С этими платьями вообще была проблема, ибо, примеряя то, из чего выросла сестра, Лена особенно остро чувствовала, что сравнение далеко не в ее пользу. Ей не шло ни синее, ни голубое. Цвет, который делал Сашины глаза выразительными и необыкновенно красивыми, подходил Лене как корове седло.

— Я это ни за что не надену, — кричала она, швыряя блузку или сарафан на пол и вытирая слезы с пухлых, потеющих щек.

К несчастью, вместо того чтобы вырасти, она начала полнеть. Грудь, конечно, увеличивалась на глазах, но вместе с ней расплывалась и талия, а бедра уже не вписывались в сестрины старые джинсы. Лена сражалась с полнотой отчаянно, как с врагом номер один. Она вставала на полчаса раньше и мучила свое плотное тело сложными упражнениями. Мышцы крепили, но не уменьшались в объеме, сложение Лены от природы было неудачным, и исправить его не мог даже ежедневный тяжелый спортивный труд. День, когда Лена поняла, что не вырастет выше своих ста шестидесяти сантиметров и никогда не будет худой, был для нее одним из самых кошмарных в жизни. Она рыдала, уткнувшись в диванную подушку, а рядом притулилась грустная Александра и утешала сестру, как могла:

— Знаешь, как плохо быть высокой? Все тебя видят, все на тебя смотрят. На физкультуре стоишь первая, перед тобой только малышки. А иногда хочется сделаться маленькой-маленькой, как мышка, и забиться куда-нибудь в норку. И вообще, я страшно сутулюсь, а раньше меня дразнили «каланчой». И у высоких часто болит позвоночник, потому что нагрузка за целый день очень большая. Между прочим, мужчины говорят, что маленькие женщины универсальны и с ними любой чувствует себя большим и сильным.

— Почему ж тогда в конкурсах красоты участвуют только высокие, а?

— Чтобы их было лучше видно. Да зачем тебе эти конкурсы, там только с виду все красиво.

— Ну и пусть.

— Маленькой быть куда лучше. Знаешь, я тебе за-видую!

— Зато ты можешь стать фотомodelью, а я нет, — еще больше рыдала Лена.

— Глупенькая, для этого нужно быть тоненькой-тоненькой, как доска, а у меня посмотри какая грудь...

Тут плач Лены вообще превращался в рев. Она впадала в истерику, потому что худенькая Саша обошла ее даже размером бюста.

— Отстань от меня! Не хочу на тебя смотреть. Иди читай свои книжки.

Саша никогда не злилась на сестру, она вообще была лишена злых, мелочных чувств. Любимые книжные герои, которые с детства стали ее лучшими друзьями, были благородными и смелыми.

Красивые дамы жертвовали ради любви и честью, и жизнью, мужчины шли на смерть ради одного только восторженного взгляда, и Александра свято верила, что это правильно. И она искренне удивлялась, почему сестра все делает наоборот, говорит жестокие, обидные слова и, кажется, не любит ее, Сашу, которая желает ей только добра.

Лена была девушкой неглупой, поэтому, отревев положенное, лишнюю дурь из головы выкинула, но с сестрой отношения стали натянутыми, она настороженно, внимательно следила за ее учебой и успехом у мальчишек. Исподтишка старалась подгадить сестре, частенько разговаривая за нее по телефону. Голоса у них были до странности похожи, видимо, природа вспомнила под конец, что они все-таки сестры, и решила исправиться. Леночка назначала свидания, на которые Саша, естественно, не приходила, говорила мальчикам нехорошие вещей всячески старалась подпортить Сашину репутацию приличной девочки. Все это, конечно, были так, мелочи. Леночка жаждала крупного реванша, чтобы рассчитаться одним махом сразу за все. Поэтому заняла позицию наблюдателя, изучая, анализируя, сопоставляя. Она училась не повторять ошибок сестры в отношениях с молодыми людьми, мысленно ставила себя на ее место и проигрывала ситуацию, естественно, в свою пользу. По счастью, сестра была слишком поглощена учебой и не придавала значения некоторым происходившим с ней странностям. Саша не стремилась рано выйти замуж и комплексов по этому поводу не испытывала. Ну, не получилось с одним, значит, будет другой. Ей вполне хватало романов с воображаемыми книжными героями, за один день упоительного чтения девушка проживала несколько лет жизни, не шедшей ни в какое сравнение со скучной действительностью.

После школы, которую Александра Завьялова окончила с золотой медалью, она легко поступила в педагогический институт на отделение филологии. Лена, глядя в зеркало, торжественно поклялась, что поступит в институт куда более престижный и получит профессию гораздо доходнее. Поэтому, когда окончила школу, подала документы в Плехановский. Сумасшедший конкурс не помогло преодолеть ее бешеное честолюбие и почти уникальная память. Там хватало золотых медалистов и блатных. Оценки были получены приличные, но она не набрала проходного бала. Пришлось удовольствоваться МАДИ. Лена

утешала себя тем, что это только начало и она взяла более быстрый старт, чем Александра, которой светила только скромная учительская карьера с маленькой зарплатой и большими проблемами. Крохотная победа над сестрой была одержана, можно было слегка поторжествовать, если бы к тому времени Саша не подложила ей новую свинью: она вышла замуж.

Появление Володи поначалу не было воспринято как угроза. Лена твердо решила сделать "из сестры старую деву и следила за личной жизнью. Она отслеживала всех потенциальных претендентов на руку сестры и мгновенно стряпала какой-нибудь мерзкий компромат. Доверчивая Саша верила в подлость очередного избранника, тем более что ее идеалы были ни для кого не достигаемы. Но тут, видимо, время пришло, да и Леночка зазевалась, проводя время на даче в веселой компании. И когда она приехала осенью домой, все уже было решено: счастливые родители благословили влюбленную пару и решили заменять двухкомнатную квартиру в центре Москвы на две однокомнатные в новых районах. Новость повергла Лену в такой шок, что она тяжело заболела. Но это не помогло отсрочить приговор, белое, платье и белая фата украсили в назначенный срок взволнованную невесту, шумная свадьба два дня гудела сначала в ресторане, потом в старой еще квартире, а спустя месяц молодые переехали в отдельное жилье и стали ждать прибавления семейства.

Лена же вместе с родителями переехала в новый, чужой район, оставив на старом месте школьных подруг, привычные магазины, но сохранив неудовлетворенное чувство мести. Но ждать своего шанса она не перестала. А пока по-прежнему училась, убирала, стирала, готовила...

— Всегда я тут убираю, стираю, готовлю...

— Но ты же здесь живешь. Я у себя дома делаю то же самое, и у меня семья: муж, ребенок. Я хожу по магазинам, в выходные дни занимаюсь хозяйством. Скажи, почему тебе всегда кажется, что мне легче живется? У тебя ведь престижная работа, хорошая зарплата, я не могу позволить себе вещей, которые покупаешь ты. Ты бесишься, что у тебя детей нет, так ты сама их не хочешь. Сколько ты аборт сделала?

— Не надо только меня учить, будто не знаешь, что я не могу себе позволить иметь ребенка. Мне квартиру на свадьбу никто не подарил.

— Ты хочешь сказать, что сейчас, когда осталась одна, родишь ребенка? Никогда не поверю. Ты к Сережке моему за шесть лет хоть раз подошла? Люди с таким характером, ^как у тебя, живут только для себя. И я в этом не в'иновата.

— Только ты и виновата. Строишь из себя святошу, гордость свою показываешь. Да ты завидуешь, что я столько получаю, что трачу все на себя, что у меня на одну косметику уходит столько, сколько ты в месяц получаешь, что я за границу езжу отдыхать, а ты нет. Тебе ведь тоже хочется, ну, скажи, что хочется.

— Нет, не хочется. Если, как ты, ездить только затем, чтоб все знали, что ты можешь себе позволить отдых где-нибудь в Италии, то не хочется. Что ты там видела, кроме магазинов, ресторанов да шмоток своих?

— Сразу видно, что ты литературу в школе преподаешь, начиталась за всю свою жизнь книжек дурацких, в которых одна сплошная ложь про жизнь. Нет такой жизни, она другая, только ты не хочешь этого видеть и знать, но придется. Я тебе прямою глаза, сестричка, только ты в обморок не падай...

Лена чуть было не выложила свой главный козырь, который давно приберегала для окончательной победы над сестрой, но вовремя осеклась. Поспешностью можно было все испортить, и она удержалась.

— Что ты мне хотела сказать? Ну, о промывании глаз, о том, что я не знаю жизни. Договаривай, раз начала.

— Да ничего, отстань ты, вон Вовка пришел, иди лучше помоги водку поставить в шкаф.

— Я никуда не пойду, ты что-то скрываешь, выкладывай! Не могу, надоело смотреть на твое многозначительное лицо, когда ты так говоришь. За что ты меня жалеешь?

— Ладно, извини. Похороны все-таки, что мы будем отношения выяснять? Муж тебя зовет, иди.

В прихожую ввалился Владимир, неся два ящика с бутылками зелья. Прозрачное стекло многозначительно дзинькало.

— Куда ставить, девушки? Уф, слава богу, народ еще до водки не добрался. Тащат все, что ни попадя. Сашка, ты хоть бы макарон купила, что ли.

— Надо говорить «макарон».

— Ох уж мне эти учителя, я ей о жизни, а она мне об орфографии. Какая разница, на что они там оканчиваются, лишь бы жрать было чего.

Он засмеялся, ему одобрительно вторила Лена.

«Господи, как они похожи, можно подумать, что она, а не я с ним прожила шесть с лишним лет. Почему я раньше этого не замечала?» — подумала Саша, но дел действительно было слишком много, и она окунулась в хозяйственные хлопоты, перестав задавать себе глупые вопросы.

Леонидов добрался до своего кабинета уже часа в три. Общение с сотрудниками фирмы «Алексер» оставило в его душе столь тягостное впечатление, что пришлось зайти пообедать в сомнительное кафе с сомнительными же ценами. Бутылка пива окончательно восстановила угасшие силы, и, придя наконец на работу, он блаженно вытянулся на убогом казенном диване, распрямив слегка гудевшие ноги. Мысли вяло пульсировали, сквозь дремоту, больше подсовывая обнаженных девушек, чем занимаясь утомительным анализом тухлого дела. В физическом состоянии Алексея наступила та сладкая минута, когда после адской усталости тело охватывает великий пофигизм. И вот в этом-то состоянии невесомости его настиг телефонный звонок. Сначала он пробовал отмахнуться, как от зудящего комара, но усни попробуй, когда вредное насекомое раздражает твой слух. Лучше бы цапнуло и улетело, чем травмировать психику. Когда Леонидов понял, что телефон звонить не перестанет, он взял трубку.

— Да, это я.

— Простите, я звоню следователю Леонидову, — пропел сладенький женский голосок.

— Почти угадали.

— Извините?

— Слушаю вас. — Алексей встряхнул головой и принял вертикальное положение протестующего по этому поводу тела. — Кто говорит?

— Это Лана.

— Какая Лана? А, Лана. Мы так мило беседовали с вами некоторую часть ночи. Чего ж вам еще?

— Знаете, Алексей Алексеевич, я вдруг вспомнила. Он ведь мне звонил в тот день, когда его... Ну, там, в лифте.

— Кто звонил?

— Шурик. Серебряков то есть.

— Звонил?! И вы об этом сейчас только вспомнили?

— А что такого? Подумаешь. У меня память девичья. Если, хотите все подробно узнать, приезжайте сейчас ко мне.

— Сейчас? Может, вы по телефону быстренько и изложите суть вашей беседы?

— По телефону не получится.

— Почему?

— Вы зададите вопросы, и вдруг я еще вспомню подробности там всякие.

— Ладно, вы меня убедили, Лана. Где-нибудь через час буду у вас. Леонидов положил трубку.

Врет ведь, наверное.

«И за каким чертом я ей понадобился? Ладно. Все равно проснулся, поеду. Ох, ждут меня сегодня поздняя дорога, бубновая дама, крестовые хлопоты и веселый разговор». Он вздохнул, посмотрелся в стекло казенного шкафа и, слегка пригладив светлые прямые волосы, шагнул к дверям.

Лана же подмигнула своему отражению в зеркале и принялась накладывать парадный макияж. Теперь-то Норка перестанет задаваться и строить из себя мисс первую красавицу. Шиш ей, а не ужин, пусть платит, змеюка.

Алексей шел по коридору, когда его окликнул коллега Игорек Матвиенко:

— Слушай, Леха, тебе звонила какая-то Нора. Ну и голосок у девицы, я тебе доложу. Оставила телефончик и просила срочно перезвонить. Мол, есть информация по делу Серебрякова. Чего-то она там вспомнила.

— Что у них у всех, массовое просветление куриных мозгов? Тоже мне спящие красавицы проснулись!

— Знаешь, я предложил свои услуги, но она хочет только тебя.

— Меня на всех не хватит.

— Вот именно, и я так подумал. Поделись секретом, как ты их охмураешь, нельзя же быть таким эгоистом. Может, у тебя метод какой-нибудь особенный?

— Иди ты... Бумажку давай с телефоном. Записал, надеюсь?

— Я не такой жадный, как некоторые. На, звони своей красотке.

Но Алексей Норе звонить не стал. Интуиция подсказывала, что что-то задумали эти девицы.

Опять пошел дождь. У людей отняли последнюю радость — порадоваться хоть теплому солнышку, раз уж судьба показала такое неприличное место. Но пузырьчатые лужи злорадно растекались по серому асфальту, солнце решило уйти на каникулы, и распоясавшийся дождь струился с угрюмого неба. Народ прятался под зонты и полиэтиленовые пакеты. Вода смывала с улиц скопившуюся грязь. Вместе с летом уходила надежда, что вернутся старые времена, когда будущее казалось светлым, а курс доллара прогнозируемым. Прошлое опадало, как листва, и впереди ждала тяжелая неприятная осень.

При дневном свете злосчастный подъезд не показался Леонидову таким угрюмым и холодным. Подъезд как подъезд, в нем так хорошо спрятаться от дождя, стряхнуть с куртки холодные капли и вдохнуть запах человеческого жилья. Но сел он тем не менее в грузовой лифт.

...В то время как Леонидов преодолевал водные преграды, Лана была занята лишь одним: подбором соответствующего ситуации туалета. Как соблазнить мужчину? Очень просто, если ты молода и красива, если имеешь в этом деле немалый опыт, а в шкафу — дорогое французское белье с кружевами. Только какое надеть? Черное — слишком мрачно. Если надеть красное, то он, чего доброго, сразу сбежит, уж очень откровенный цвет, сразу ясно будет, зачем Лана милиционера к себе в дом пригласила. А жаль, красное ей очень идет. В белом слишком уж невинно: что она, невеста? А бежевое слишком уж буднично. Наконец Лана остановилась на роскошном комплекте оливкового цвета и соответствующем пеньюаре. Немного любимой губной помады и бриллиантовые серьги, подаренные покойным Серебряковым, — и она готова выиграть любое сражение. Осталось подобрать духи, и Лана шагнула к прозрачной галерее флакончиков.

«Нет, классика явно не подойдет. Надо что-то свежее и завлекающее, от чего мужчины просто сходят с ума», — подумала она, остановившись на зеленом «Кензо» из новой серии. Запах был что надо. Пышные черные волосы были сбрызнуты энным количеством волнующей воображение жидкости, несколько капель легли на виски, шею и запястья, и она была готова к возложению на предусмотрительно разобранное ложе. Ничего не подозревающий о

свалившемся на него счастье Леонидов позвонил в дверь ее квартиры. Лана бросила на себя последний оценивающий взгляд и пошла открывать.

Леонидов стоял в дверях усталый и злой. Из темноты его глаз выхватывал только контуры женской фигуры, и он еще не мог оценить все ее дорогое великолепие. Пахло, правда, здорово, но мерзкая погода могла испортить любое приятное впечатление.

— Девушка, я час до вас добирался. Спасибо! Надеюсь, хотя бы на чашку горячего чая я могу рассчитывать после такого марш-броска?

— Проходите, проходите. Я как раз думала над этим: как вас согреть. — Лана щелкнула выключателем в прихожей.

Леонидов на миг обалдел, потом зажмурился. Открыл глаза, но очаровательное видение не исчезло, а, напротив, улыбалось ласково и многообещающе.

— Что ж вы не проходите, Алексей? Можно так неофициально? Все-таки второй раз встречаемся.

— Вы ослепительны. Просто нет слов. Ждете кого-нибудь?

— Вас.

Тут Леонидов понял, что затевается знакомая игра, в которой он мысленно приготовился потерпеть поражение. Лана провела его в кухню, где уже был накрыт стол.

— А можно, мы сделаем вид, что это неофициальный визит следователя, и будем на «ты»?

Леонидов уже смирился со всем, что она готовилась с ним проделать, и послушно кивнул.

— Леша, а сыщики водку пьют? — кокетливо подмигнула Лана.

— Нет, никогда! — гордо ответил Леонидов.

— Леша, а все сыщики врут?

Ох, не нравился ему этот интригующий тон и зазывные взгляды. Ну почему она к нему привязалась?

— Лана, чего тебе от меня надо? — напрямую спросил он.

— Ну, во-первых, накормить. Ты с чем бутерброды будешь: с рыбой или с ветчиной?

— Все равно.

— А пить мы будем мартини или сухое вино?.

— Без разницы.

— Тогда я сделаю коктейль: мартини, сок и лед. Не возражаешь?

— Может, сначала все-таки поговорим? Что там со звонком Серебрякова в день смерти? Ты, надеюсь, не придумала?

— Не придумала, не придумала. Я все тебе расскажу, сыщик, но давай сначала выпьем.

Она пододвинула к нему холодный бокал с коктейлем и блюдечко маслин.

«А, все равно», — подумал Леонидов, кидаясь в происходящее, как в омут, и сделал глоток терпкого вина.

— Ты закусывай, закусывай. Голодный, да?

— Не очень.

— А я думала, сыщики всегда голодные, хмурые и обязательно старые. Ты стрелять умеешь?

— Еще как! С пятидесяти метров — наповал. Бах-бах, все, конец.

— Смеешься. Ты все время надо мной надсмехаешься, почему? Я позавчера уж подумала, что тебе не понравилась. Ты всерьез считаешь, что я могу быть причастной к смерти Шурика? Ну, посмотри на меня? Что мне, выгодно было, что ли? Осталась без средств. — Она грустно вздохнула, похлопав ресницами.

— Так что ты хочешь мне рассказать?

— Расскажу, только давай еще выпьем.

После второй рюмки Алексей стал совсем добрым и даже пожалел несчастную Лану.

— Я тебе помогу. Ты мне все расскажи, а я тебе помогу.

— Ладно, только пойдем в комнату. Здесь что-то дует из окна, и вообще...

Что вообще, Леонидов так и не понял. Он шел за Ланой в спальню, лаская ее тонкую талию. Увидев разобранную постель, присвистнул:

— Лана, я взятку не беру, тем более натурой.

— Леша, почему ты так плохо обо мне думаешь? Думаешь, мне никто не может просто так понравиться?

— Ну, до сих пор этого, наверное, не случилось?

— Думаешь, я родилась такой дрянью?

— Лана, избавь меня от истории о том, как тебя соблазнила какая-то богатая сволочь и бросила. Знаешь, сколько я их слышал? И все они похожи до тошноты. 62

Меняется только имя главного героя, возраст и место действия. Поэтому не надо из меня слезу давить. Конечно, если ты меня сюда позвала, чтобы рассказать про свою несчастную жизнь, то я послушаю. Только это будет нечестно.

— Ладно, хватит болтать...

Она потянулась к выключателю, и в плотно зашторенной комнате воцарился интимный полумрак. В этом полумраке Лана уверенно нашла губы Алексея и потянулась к молнии на его джинсах.

«Вот так сбываются самые смелые мечты», — подумал тот, развязывая пояс оливкового пеньюара.

Такое тело он видел до сих пор только в фильмах и на кассетах с порнушкой. Конечно, у него были женщины: симпатичные, хорошенькие, но такой красавицы — никогда. «Девяносто — шестьдесят — девяносто», — блаженно бормотал он, скользя ладонями по молодой упругой груди и с наслаждением осязая тонкую талию и стройные бедра. Лана умело спускалась губами по его груди к низу живота. Чего она не знала, так это комплексов, поэтому ничто не мешало ей делать то, что приносит мужчине самое острое наслаждение. Минуты растянулись в часы. Мир сжался до размеров маленькой комнаты...

Пока он был в ванной, Лана потягивалась на постели, как объевшаяся кошка, поглаживая бедра и живот. Переворачиваясь на спину, довольно замурлыкала. Она старалась, очень старалась. Если уж будет трахаться с Норкой, то пусть поймет, что она, Лана, в постели лучше. И следовательно ничего мужик, крепкий.

«Нет, мне никак нельзя без мужика, — рассуждала она. — Может, пусть этот следователь приходит, а там видно будет».

Когда Алексей вернулся из ванной, обмотав вокруг бедер полотенце, она оценивающе осмотрела его тело, бицепсы на руке, подтянутый плоский живот:

— Ну?..

— Красивая ты женщина, Лана, — сказал Алексей, ложась рядом с ней на мятые влажные простыни.

— И это все?

— Ну, хочешь, я тебе поэму сочиню? Только сигареты принеси и выпить что-нибудь.

— Фу, какой ты меркантильный. Больше ничего не принести?

Он вздохнул:

— У нас же с тобой не повесть о первой любви. Чего ты от меня ждешь? Скажи, я внемлю.

— Да ладно, лорд Байрон местного разлива. Ты куришь?

— Только в исключительных случаях, сейчас как раз такой, так что можешь собой гордиться.

Лана накинула пеньюар и вышла на кухню. Спустя несколько минут они лежали, накрывшись легким одеялом, и курили слабые женские Ланины сигареты.

— Мартини налить? — прервала наконец затянувшееся молчание Лана.

— Давай докурим. Еще и напьюсь. Надо же довершить стремительное моральное падение.

— Да ладно. Подумаешь, всего-то доставили друг другу взаимное удовольствие.

— Хочешь сказать, что тебе понравилось со мной...

— А то. Что я, бревно?

— Ладно, за встречу.

Они чокнулись бокалами и мелкими глотками запили привкус сигарет.

— Слушай, я все-таки хочу услышать, зачем весь этот цирк со звонком Серебрякова?

— Просто так.

— Да ладно, а если бы я не клюнул, чем бы ты стала крыть?

— Ты ж клюнул?

— Наверняка есть у тебя в запасе какой-то козырь. Говори уж. Давай сознавайся. — Он сделал зверское лицо и с видом Отелло слегка стиснул ее нежную шею. Они завозились, комкая одеяло и шелк простыней.

— Ладно, ладно, перестань. — Со столика рядом с кроватью грохнулись на пол бокалы.

— Говори, несчастная, был звонок или ты все придумала, чтобы меня сюда затащить? Придумала? Признавайтесь, подзащитная, вы обвиняетесь в соращении чистого невинного существа, то есть меня.

— Ты, невинное... Ладно, скажу. Я не совсем тебя обманула.

— Что значит «не совсем»? — Он сел на постели, отбросив подушку.

— Был звонок. Шура действительно позвонил мне около семи вечера. Сказал, что у него ко мне важный разговор, что он обязательно придет, но ночевать не останется. Он был очень странным, подобрел, что ли. И слова какие-то говорил непонятные.

— Что именно? Вспомни. — В Леонидове проснулся следователь.

— Что-то вроде: «Это наша последняя встреча, будь готова» — и прочую ерунду.

— Последняя? Выходит, он знал, что готовится покушение?

— Может, и знал. Я не поняла. А если и знал, чего это он был такой веселый? Будешь так радоваться, если знаешь, что завтра тебя с пушкой будут караулить?

— Мне уже говорили, что Серебряков за несколько дней до убийства изменился. И чего это он был такой веселый, не в лотерею же выиграл? — Леонидов вздохнул и стал надевать джинсы.

— Ты еще придешь?

— Ты этого хочешь?

— Ладно, следователь, я не кусаюсь. Доносы не собираюсь строчить. Попросить хочу тебя кое о чем.

— Та-ак. — Леонидов понял, что пришло время заплатить за полученное удовольствие.

— Да не дергайся ты так, не убивала я твоего Серебрякова. Не надо меня выгораживать. Я о другом... Можешь сделать мне одолжение?

— Попробую, если ты действительно ничего такого...

— Да ничего такого. Ты просто к Норке не ходи.

— Откуда ты знаешь, что она мне звонила?!

— Уже звонила? Вот стервозина. Успела подсуетиться.

— Меня на работе не было. Телефончик оставила моим коллегам.

— Ну не зараза?

— Не понял. Рассказывай давай, чего вы там придумали? Рассказывай, все равно узнаю.

— Дай слово, что не обидишься.

— Еще чего, на глупых баб обижаться.

— Да? Значит, без претензий? Ну, в общем, поспорили мы на тебя.

— В смысле?

— Ну, в смысле, кто тебя быстрее в постель уложит.

— Лихо! А на что спорили-то?

— На ужин в ресторане.

— В каком?

— Да какая разница?

— Да, действительно, какая разница. Спасибо за правду.

Леонидов не знал, плакать ему или смеяться. С одной стороны, обидно, что он так глупо приписал быстрый успех собственной мужской неотразимости. Алексей машинально потянулся за пуфиком, чтобы запустить его в красивое Ланино лицо.

Она взвизгнула:

— Псих! Идиот несчастный! Ну что тут такого? Радуйся, что удовольствие бесплатное получил. Положи пуфик, придурок!

Леонидов рассмеялся. Действительно. Кто кого наказал? Лана-то, можно сказать, потеряла, да еще в твердой валюте! А у него есть шанс поиметь вторую красивую телку, да еще задаром. Чего он сопли распустил, интересно? Побольше бы таких пари! Смеясь, он натянул свитер и пошел в прихожую.

— Чего развеселился?

— Да так, пойду воспользуюсь случаем. Надо попробовать, может, сексуальные блондинки мне больше нравятся, чем брюнетки? Внести разнообразие в меню.

— Ты этого не сделаешь!

— Ланочка, неужели ты не можешь сама заплатить за свой ужин?

— Нет, ты к ней не пойдешь. — Она попробовала было повиснуть на рукаве его куртки.

— Посмотрим. — Чего-чего, а гантельки Леонидов не зря тягал по утрам.

Лана отлетела в грудку пуфиков, а он демонстративно громко хлопнул дверью и вышел на площадку.

— Отморозок, — прошипела Лана. — Подумаешь, обиделся, вместо того чтобы спасибо сказать!

Но отчего же ей хотелось рыдать, будто она пропустила в жизни что-то хорошее, о чем всегда мечтала?..

А Леонидов ехал не куда-нибудь, а на работу. Его вдруг такое зло взяло, что хотелось зарыться с головой в бумаги и напрягать, напрягать мозги, пока не выйдут из них все дурацкие мысли, а душа не очистится.

...Уже час он сидел в кабинете, разбирая бумаги. Подозреваемые множились, как раковые' клетки. Данные экспертизы не принесли ощутимых результатов, свидетелей, которые видели бы убийцу, так и не нашлось. Конечно, улица не могла быть абсолютно пустынной, есть же на свете и любители гулять под проливным дождем, В розыске велись активные поиски, но работа по анализу всех имеющихся материалов лежала на Леонидове.

В семь часов вечера заглянул Матвеев:

— Сидишь еще, сыщик?

— Да вот, ковыряюсь помаленьку.

— Ну-ну, а чего вид как у блудливого мартовского кота? Говорят, женщины тобой активно интересуются... Он рассмеялся.

Матвеев ушел, а Алексей злорадно придвинул к себе телефон.

— Елена Сергеевна? Добрый вечер, следователь Леонидов беспокоит. Звонили мне сегодня? Да, очень рад, что вспомнили нечто важное. Вот, работа весь день, работа, только сейчас и освободился. К вам подъехать? А не поздновато? Ах, в самый раз? Ну, прекрасно. Где вы живете? Метро «Сокол»? Дом номер? Так, записал. А код? У вас там на «Соколе» небось подъезды бронированные? Так, а номер квартиры? Ну ладно, ждите. Выезжаю.

Он повесил трубку. Не соврала Лана, зазывали его очень уж неприлично. Зато теперь он знает, что она не знает, что он знает...

Леонидов никак не мог понять, почему так любит бывать в районе метро «Сокол». И магазины там доро-гушие, и окружающие дома — ничего особенного, как и в любом другом районе, но-, поди ж ты, тянуло его туда, как попугая на родину. И сейчас, в сгущающихся сумерках, расталкивая локтями людские толпы, он с удовольствием пробирался по знакомым улицам и глазел по сторонам. Ага, там магазинчик закрылся. Ну, понятное дело, учет. Там у пункта обмена валюты выстроился хвост. И где же тут обитает гражданка Прохорова Елена Сергеевна? Ну да, ну да, приличный домишко. Дверь железная, домофон работает, вахтерша в будке, внимания, правда, не обращает, но факт присутствия имеем в наличии, как сказал бы бюрократ.

На пятый этаж он поднялся пешком, решил держать форму, уж если приходится общаться с такими женщинами. Но погорячился, дыхание сбилось, коленки предательски дрожали, пришлось остановиться перед нужной дверью и привести в нормальное

состояние пульс. Нора открыла сразу. Была, она, естественно, в пеньюаре, правда не оливковом, а цвета морской волны, зеленоватые глаза ее были только что подкрашены, а губы свежи, как розовые лепестки. Пахло от нее теми же духами «Кензо».

«Что у них там, сценарий, что ли, написан для подобных случаев? Смелее, парень, похоже, тебя ждет вторая серия».

— Алексей, здравствуйте. Можно мне вас так называть, неофициально?

«Ну, это мы уже проходили», — подумал Леонидов и прежних ошибок повторять не стал. Ответил со всей строгостью, которую вынашивал в себе весь остаток сегодняшнего дня:

— Нет, нельзя, Елена Сергеевна. Я на службе. Пожалуйста: Алексей Алексеевич, и на «ты» мы не переходили. Включите верхний свет, у меня куриная слепота, и я могу споткнуться о ваши чудные напольные вазы. И на кухню пройдемте.

— Может, в комнату? Вы не хотите поужинать или выпить после тяжелого рабочего дня?

— Сыщики — водку не пьют! — гаркнул Леонидов и, отодвинув в сторону прелестную хозяйку, прошел мимо. — Так, стол очистите, пожалуйста.

— Это еще зачем?

— А мы сейчас составим протокол и зафиксируем ваши показания. Все как положено.

— Протокол?. — Нора явно начинала волноваться.

— Ну да. Вы же хотите дать официальные показания по делу об убийстве господина Серебрякова А. С. Вам известны факты, которые могут помочь следствию, и, как сознательная гражданка, вы не можете их скрывать. Правильно я вас понял?

— Но я думала, что в неофициальной обстановке, в процессе доверительной беседы... Можно ведь ничего и не записывать? А после рабочего дня нужно расслабиться, выпить рюмочку мартини, отдохнуть. — Она погладила Алексея по рукаву.

«Хоть бы что-то новенькое придумала», — совсем расстроился Леонидов.

— Нет, пить мы с вами не будем, Елена Сергеевна.

— Вы не могли бы звать меня Норой?

— Не мог бы. Присаживайтесь, рассказывайте. Ваши фамилия, имя, отчество?

— Прохорова Елена Сергеевна. — Год рождения?

— Тысяча девятьсот семьдесят второй.

— Прописка московская есть? Давайте ваш паспорт.

— Ну зачем сразу паспорт? Положила куда-то, не помню. Может, не будете так настаивать?

— Буду. Идите поищите паспорт, в шкафчиках поройтесь, а бутылки со стола уберите; мне вся эта ликеро-водочная симфония писать мешает.

— Ну ладно, — обиженно фыркнула Нора, но за паспортом пошла.

Прописана она была, конечно, где-то в Дальних Лихоборах и в Москве не регистрировалась, но акцентировать внимание на этом факте Леонидов пока не стал и перешел ко второму действию.

— Так, теперь рассказывайте или признавайтесь, что все это липа и вам нечего сказать.

— Вовсе есть чего. — Нора закусил губы. — Уж Серебрякова я знала хорошо. И если не будете так грубо себя вести, то я скажу, кто его пришил.

— Что ж, выкладывайте вашу версию и считайте, что отныне я белый и пушистый, как созревший одуванчик. Так кто, по-вашему, убил?

— Кто-кто, Сергеев Паша, конечно.

— И за какие такие грехи, интересно?

— Знаете, Алексей — ну хорошо, пусть Алексеевич, — Паша должен был Серебрякову большие деньги, за несколько дней до убийства тот свой долг потребовал назад.

— Когда это было? Вы слышали разговор?

— Да, представьте себе. Они так орали, что мне стало интересно и я, ну, прислушалась. Вообще-то Серебряков Пашу нещадно эксплуатировал. Официально на него все записал и, как какая-нибудь налоговая полиция или проверяющие, посылал Отбрехиваться по всем инстанциям. Сам вроде ни при чем, чистенький. Я думала, что Паша наконец-то решил показать зубы и уйти из фирмы, но говорили они о деньгах. Никогда бы не подумала, что у него столько долгов! Мне он говорил, что все просто замечательно, только что приехали из

роскошного круиза, я попросила новую шубу. Он, конечно, поморщился, но не отказал. И тут я слышу, как Серебряков на него орет и говорит, чтобы он завтра же принес деньги, все пятьдесят штук. Представляете? Остальное, мол, можно попозже, а эти деньги срочно нужны и ждать он, Серебряков, ни дня не собирается.

— Когда все это было?

— Подождите-ка... Ну да, двадцать восьмого августа. Мы заехали к ним домой, было воскресенье. Ирина почему-то не вышла, я заглянула к ней в спальню, она даже головы не подняла, лежала как труп. Пришлось самой суетиться на кухне, закуски сделать, накрыть на стол. Как раз, когда я вносила поднос в комнату, они и начали отношения выяснять, ну я не стала входить, постояла немного в коридоре.

— Значит, Серебряков велел Павлу Сергееву на следующий день, двадцать девятого августа, вернуть пятьдесят тысяч долларов. Правильно?

— Да, А вечером в этот день его убивают, Я сразу подумала, что это Паша.

— Что еще было, в тот вечер?

— Да, ничего интересного. Я вошла, они замолчали, Мы выпили, закусили, но настроение было не то. Паша, разговаривал сквозь зубы, Серебряков думал о чем-то своем. Мы уехали.

— Паша остался у вас?

— Нет, конечно... Довез до дома, даже не поднялся. Я только в подъезд вошла, его и след простыл. Уехал, дела устраивать, понятно.

— А почему вы не живете вместе?

— У мужчин любовница ассоциируется с понятием «личная свобода»: когда хочу, тогда и приезжаю. А если люди живут вместе — это уже брак, пусть даже и гражданский.

— Блестящее объяснение. Значит, инициатива с отдельным проживанием не ваша, так и запишем. В машине он вам ничего не говорил, когда от Серебряковых ехали?

— Мы молчали. Я понимала, что лучше к нему с вопросами не лезть, а он нервничал и думал о своих делах, так что пару раз чуть в задницу кому-то не въехали.

— А может, он достал деньги?

— Может, и достал. Хотя вряд ли. Паша в последнее время из доверия вышел. Я видела, что к нему переменялось отношение знакомых. Знаете, косые взгляды, перешептывания. Я думаю, что проще ему было избавиться от шефа, поводов хватало.

— И вы так спокойно закладываете человека, с которым в близких отношениях... Он не собирается на вас жениться?

— Ха, стала бы я тогда про него такие вещи рассказывать. Да он, наверное, уже начал себе присматривать богатенькую невесту или дамочку средних лет, чтобы поправить свои дела. Он ведь мужик видный, бабам нравится. Они любят таких пижонов. Мне поначалу тоже такую пыль в глаза пустил! А на деле так, погремущка.

— А вы, Елена Сергеевна, замуж не хотели выйти?

— Так никто не предлагал. В школе только один, мальчик, но это несерьезно.

— Попробуйте все же поискать мужа. Похоже, ваш содержатель действительно влип.

— Ну и черт с ним. Хотя не понимаю, как он мог на такое решиться. Мужик, конечно, завистливый, но не жадный, если уж были деньги, не скупился.

— У вас совесть проснулась? Сначала заложили, теперь выгораживаете?

— Да ладно, следовательно, давай похерим эту бодягу. Не пора ли перейти к неофициальной части? — Она плеснула в рюмку желтоватой жидкости. — Выпейте рюмку?

— Увы, мне пора.

— Ну, как хочешь. А я выпью. Значит, не останешься?

— Не люблю пьяных женских истерик.

— Что ж, катись, смотри не пожалей только.

— Да уж постараюсь.

В коридоре она попыталась прижаться к нему всеми своими душистыми кружевами, потянулась пальцами к волосам. Леонидов увернулся от ее цепких красивых рук и сбежал, как мальчишка, потому что испугался, что не удержится от соблазна и все-таки останется. В жизни так мало радости, и ох как не просто добровольно лишать себя маленького праздника.

«Они похожи друг на друга, как две капли водки, — утешал себя Леонидов, двигая в сторону родного дома. — Вы мне не интересны,

Елена Сергеевна, и у меня такое чувство, что я с вами уже переспал».

...А в это время Нора в уютной спальне пила неразбавленную водку и горько плакала, вытирая глаза бирюзовыми кружевами пеньюара. Плакала она от обиды и злости на то, что не смогла уложить к себе в постель обыкновенного мужика и теперь придется признаться в этом противной Ланке, которая непременно позлорадствует ее неудаче. А в глубине души билась крохотная противная мыслишка о том, что она неумолимо движется к тому моменту, когда будет отвергнута уже не одним мужчиной и ее рыночная стоимость резко пойдет вниз. Поздно вечером, когда Нора была совсем пьяна, позвонила Лана:

— Привет, подруга! Когда в ресторан поведешь?

— Что, уже пора?

— А ты сомневалась? Один —: ноль в мою пользу, или тебя тоже можно поздравить?

— Знаешь, не хотелось мне портить мужику впечатление от тебя. Решила переждать пару дней. Я свое еще возьму.

— Ой ли? Может, не будем тянуть, а то я тебя знаю, ты долги платить не любишь, как и твой хахаль.

— Да иди ты...

— Что, сдаешься? Проиграла — плати. Или не признаешься, что Леонидов тебя послал?

— Откуда ты все знаешь?

— От верблюда. Выяснила сегодня между делом, что он блондинок не уважает, особенно крашенных.

— Ты, что ли, вся натуральная? Посмотрю я, что от тебя останется, если под душ поставить.

— Чихала я на твои оскорбления, потому что я доказала, что могу, а ты — нет. И Паша тебя скоро кинет. А я себе такого найду, что ты от зависти лопнешь.

— Иди прямо сейчас, пока ночь на дворе и никто не видит, какая ты страшная.

— Ой-ой-ой, да мы, похоже, приняли. Ты пьяная, что ли? Тогда спи, я тебе завтра перезвоню.

— Можешь вообще больше не звонить.

— Нет уж, я хочу свой выигрыш получить...

Нора не дослушала и швырнула трубку. Так она и знала, что эта корова будет свой гонор показывать. Наверняка она обманом его взяла, что-то здесь не то. Но ничего, еще не вечер, она еще ей покажет, ей и этому следователю, всем им. И, сочиня коварные планы мести, Прохорова Елена Сергеевна, она же Нора, отрубилась в мягких шелковых простынях.

Глава 3 О ЧЕМ ПЛАЧУТ НЕЗАМУЖНИЕ ДЕВУШКИ, МЕЧТАЮЩИЕ ВЫЙТИ ЗАМУЖ

Леонидов уснул в тот вечер сладким сном раскаявшегося грешника. И приснился ему сон, в котором он бродил по каким-то катакомбам. В катакомбах этих скрывались обнаженные женщины, а он напал на их след и пытался выйти к заветной цели, преодолевая многочисленные преграды. Больше всего ему почему-то хотелось найти выход, но выхода в этой ситуации предусмотрено не было, и приходилось гоняться за девицами, испытывая попеременно то удовольствие, то отвращение. Наконец он ударился головой об огромный колокол, висевший в одной из пещер, и проснулся. Колокол оказался надоевшим будильником.

«Нет, сегодня же позвоню Ляле. Пора поставить жирную точку в холостяцкой жизни», — решил Леонидов и привычно потянулся за гантелями.

С трудом переваривая надоевшие макароны, Алексей перехватил осуждающий взгляд матери. «Господи, и она туда же!» Вслух же он сказал:

— Мать, а чего мы по макаронам ударились?

— Должен же кто-то все это съесть, раз я купила целую коробку?

— Логично, но не разумно. Налей-ка лучше кофейку.

Бутерброд он дожевывал уже на ходу...

Рабочий день он начал с отчета о вчерашних похождениях. Матвеев сидел напротив и разглядывал Алексея как некую диковину, случайно попавшую в его кабинет. Ничего хорошего такой взгляд не предвещал. — «Попадет, ох попадет», — думал Леонидов, стараясь держаться бодро и независимо.

— Значит, так, Павел Николаевич, как говорится, подведем итоги, пока итоги не подвели нас.

— Хватит паясничать, Алексей. Докладывай по форме, говори по существу.

— Есть! По делу Серебрякова удалось установить следующее: в последние несколько дней, как рассказали знакомые Серебрякова, в поведении убитого появились некоторые странности. Он говорил

любовнице о «последней встрече», но никто, похоже, ему не угрожал. На работе взял список сотрудников, уволенных с его согласия управляющим, и поэтому прорабатываю версию о мести. Таких у нас семь человек. Основное же подозрение падает на коммерческого директора Сергеева Павла Петровича, который был должен убитому крупную сумму денег, которую тот с него и потребовал в срочном порядке. По словам любовницы Сергеева, источников для погашения долга тот не имел. Таким образом, имеем три версии: месть, денежный долг и, судя по всему, любовная, уж очень были у покойного запутанные отношения с женщинами.

— Так, понятно. Еще что скажешь интересного?

— Фирма у них очень странная, Павел Николаевич. Не нравятся мне такие коллективы. Если бы не столь явный мотив у Сергеева, я бы там покопал.

— Ладно, бухгалтера я вызову для беседы сюда, посмотрим, какие у них там дела. Сегодня же вызову, а ты работай с Сергеевым, выясняй, где он был, проверь алиби, ну, сам знаешь.

— Есть!

— Да, и что там у тебя самого с женщинами? Разобрался?

— А что такое?

— Да весь отдел гудит о твоих похождениях. Допрашивай этих баб здесь, нечего наносить визиты в их любовные гнездышки.

— На свежем воздухе оно полезнее.

— Полезнее будет, когда ты дело закроешь да посадишь кого следует. А теперь кругом. — и шагом марш.

«Как же они пронюхали, мать их», — разозлился Леонидов на коллег.

Когда он позвонил в магазин «Алексер», любезная Марина сообщила, что сегодня похороны и Павел Петрович поехал на кладбище. Леонидов выяснил местонахождение последнего приюта Серебрякова и решил тоже отправиться туда. Посмотреть на тех, кто пришел проводить в последний путь Серебрякова, могло оказаться не лишним.

Все церемонии похорон похожи друг на друга, отличаются они только количеством затраченных денег и искренностью присутствующих. На похоронах богатого, возвращающегося в определенных кругах человека, большинство явно отбывало номер.

Народу приехало много, цветов и музыки не пожалели, дамы демонстрировали дорогие траурные платья и настоящие бриллианты, мужчины — поддельную скорбь. Леонидов тщательно вглядывался в лица, следя, не прорвется ли у кого выражение с трудом подавляемой радости, но если заказчик и был здесь, то он умел держать себя в руках. Все, было более чем пристойно. Искренне рыдала вдова, сын, испуганный подросток, с недоумением смотрел в разрытую могилу. Чем моложе человек, тем дальше он от смерти и тем легче он ее воспринимает. Вытирали скромные слезы две пожилые женщины, группа мужчин в черных костюмах внимательно следила, как в яме исчезает гроб. Внимание Леонидова привлекла пара, стоявшая особняком. На лице мужчины, читалось облегчение, женщина плакала закрываясь платком.

К родственникам они, судя по всему, отношения не имели, ибо те держались отдельной плотной группой, к коллегам по бизнесу тоже. Игнорировала их и вдова, стараясь не смотреть в сторону плачущей женщины. Когда та отняла от лица платок, Алексей отметил, какая она красавица. Последнее время ему приходилось общаться с большим количеством эффектных женщин, но эта не была похожа ни на одну: ухоженная дама, привыкшая ко всеобщему вниманию и своему солидному социальному статусу.

«Интересно, кто это? Не она ли причина внезапной перемены Серебрякова в последнее время? Вот этой персоной следовало бы заинтересоваться. А где ж коммерческий директор?»

' Паша Сергеев был здесь. Дорогой элегантный костюм черного цвета скрывал появившийся жирок на его крупном тренированном теле. Смотрелся он весьма эффектно, к тому же рядом стояла неподражаемая Нора в черном костюме с меховой отделкой. Вуалетка на черной же шляпке скрывала ее глаза, но злой взгляд, который она бросила на Алексея, прожигал сквозь ткань. У могилы задержались жена покойного, сын и странная пара. Алексей, опережая присутствующих на церемонии, двинулся к воротам, чтобы перехватить Сергеева.

Кортеж машин, приехавших на похороны Серебрякова, выглядел более чем шикарно. Возглавлял его черный джип, на котором явно приехали те бритоголовые пиджаки, которых Леонидов тоже отметил среди присутствующих.

«Крыша», конечно. Решили удостовериться», — решил Алексей и заинтересовался черным «саабом». Это была машина Серебрякова, которую он уже видел в день убийства у дома Ланы. Рядом пристроился синий «пассат», огромная серебристая «вольво»-универсал уперлась колесами в бордюр. Сияли блестящими импортными боками машины коллег по бизнесу. Алексей пристроился у Пашиного «пежо» и стал ждать.

Коммерческий директор у могилы покойного шефа и друга не задержался. В воротах он появился под руку с Норой одним из первых. При виде Леонидова поморщился, но деваться было некуда.

— Здравствуйте, Павел Петрович. Не застал вас вчера на работе, вот решил перехватить прямо на месте действия, так сказать.

— Добрый день. Место не совсем удачное, вам не кажется?

— Ничего не поделаешь! Если хотите, можем проехать в наше учреждение. Или все же предпочитаете здесь прогуляться? Место тихое, обстановка соответствует... Будем возражать?

— Не будем. Нора, возьми ключи, подожди в машине.

Та молча залезла на переднее сиденье. Мимо проходили к своим машинам участники печальной церемонии. Заметив в воротах заинтересовавшую его пару, Леонидов резко развернул Пашу в их сторону.

— Не подскажете мне, кто эти люди?

— Понятия не имею. Хотя, постойте, ее лицо я видел на многих институтских фотографиях Саши.

— Спасибо. — Леонидов проследил, как мужчина помог элегантной женщине расположиться в серебристой «ВОЛЬВО».

Да, дама была хороша. Даже Нора в Пашином «пежо» смотрелась дешевкой на фоне ее изысканных манер и элегантного туалета. Блестящая машина развернулась и уехала, а Леонидов пошел с Сергеевым вдоль забора по усыпанной желтыми монетками березовых листьев тропинке.

— Павел Петрович, я вчера пожалел, что вас не было в офисе. У меня появилось много вопросов. В частности, после того, как я познакомился с вашим управляющим Ивановым. Вы знаете обо всех его художествах или 1 сак?

— Факт назначения Валерия Валентиновича был согласован с Серебряковым, он же одобрил все его действия. Если я в чем-то и был

не согласен, так моего мнения никто не спрашивал.

— Как же так, вы второй человек на фирме, а не имели своего голоса в таких делах?

— В моей компетенции были вопросы закупки и заключения контрактов с поставщиками и покупателями. Поверьте на слово, мне хватало.

— Следует понимать так, что в конфликт с Серебряковым вы вступать не хотели, даже если вам что-то не нравилось?

— Послушайте, я занимался своим делом, у меня не было времени, чтобы еще и разбирать конфликты внутри коллектива.

— Неужто никто из кандидатов на увольнение не обращался к вам за помощью? Ведь были люди, которым вы наверняка симпатизировали?

— Кого-то надо было уволить. В период кризиса жесткие меры необходимы. Я пытался это объяснить людям.

— А вы объяснили им, почему, несмотря на кризис, набрали новых, причем из числа родственников управляющего?

— Мне не хочется дальше обсуждать эту тему. Если вы так настойчиво меня искали, чтобы прочитать мораль о нравственности, то мы оба потеряли время. В мире бизнеса" свои понятия о нравственности. Поскольку вы мало в этом ориентируетесь, то мы либо сейчас расстанемся, либо вы найдете тему, действительно имеющую отношение к делу.

— Вы правы, Павел Петрович, я вас не жизни учить приехал. У меня есть и вопрос, прямо касающийся убийства Серебрякова, но прежде чем его задать, позвольте вам сказать, что вы трус. Вы боялись Александра Сергеевича и терпели то, что он вами помыкал. Вы числились вторым лицом на фирме, а на деле не имели даже голоса рядового сотрудника. Неучастие в вашем случае — это есть скрытая форма соучастия. Это я вам говорю как обыкновенный человек, а не работник уголовного розыска: вы фасад, за которым давно уже ничего не осталось, а теперь я задам свой вопрос как следователь, расследующий дело об убийстве: сколько вы были должны Серебрякову?

Паша медлил, явно подбирая более или менее правдоподобную цифру.

— Ценю ваш пафос, господин следователь. Вам бы Чацкого играть в любительских спектаклях. Ну, должен я был несколько тысяч баксов Саше, но мои долги касаются только меня.

— Вам бы тоже на сцену не мешало, господин Сергеев, если уж пошел такой взаимный обмен комплиментами. У вас актерского опыта побольше, чем у меня. Так долго разыгрывать перед окружающими богатого крутого парня и не иметь ничего, кроме долгов, — для этого нужен особый талант. Я знаю, что Серебряков потребовал с вас часть долга, а именно пятьдесят тысяч долларов, и именно двадцать девятого августа. Совпадение или так называемый момент истины?

— Да вы что, думаете, что я могу убить бывшего друга за пятьдесят штук?

— А если вам негде их взять, а платить надо? Сами признались, что друг-то бывший.

— Да никого я не убивал, у меня же алиби.

— Ваше алиби рассыплется при первом же толчке. Думаете, Нора будет выгораживать? Тем более киллера можно и заказать.

— Киллеру надо деньги платить. К тому же я достал деньги, не все, но достал.

— Сколько и где? Вам же никто уже не верил?

— Есть еще добрые люди. Мне не хотелось говорить, потому что дело грязное. Короче, я попросил одну даму, замужнюю разумеется. Знаете, крайний такой случай. Короче, она уговорила мужа, не знаю, чего там наплела, но мужья, они, сами знаете, бараны. Пятьдесят он, конечно, не дал — дал тридцать. Я позвонил Серебрякову. Повинился: так, мол, и так, достал столько-то, остальные сразу не могу, буду работать как вол и не возникать;. Вспомнил старую дружбу, короче, на жалость давил.

— А он?

— Он в этот день в настроении был. Хотите — верьте, хотите — нет. Сказал, что он погорячился, что тридцать его вполне устроит. Извинился даже, что в последнее время не прислушивался к моему мнению и не обращал внимания на то, что на фирме что-то неладно. Мы помирились. Знаете, я даже вздохнул с облегчением. У меня словно гора с плеч свалилась. Я Сашу уважал и к работе привык.

— А деньги?

— Деньги он попросил привезти. Я эту пачку завернул в полиэтиленовый пакет и повез в офис.

— Во сколько это было?

— Во сколько? В девять часов вечера где-то. В офисе никого не было, Серебряков разбирал какие-то бумаги, ждал меня. Мы вышли вместе. Поговорили немного, потом он посмотрел на часы и сел в машину. Я сел в свою машину и поехал к Норе. Выпить жутко захотелось, расслабиться. Последние сутки так перенервничал, что руки дрожать начали.

— А сколько было времени, когда Серебряков смотрел на часы, не обратили внимания?

— Половина десятого.

— Так, значит, он не успевал заехать никуда, до дома любовницы полчаса езды, а Серебряков опаздывать не любил.

— Да, был у него такой пунктик: если сказал, что приедет в десять, сто раз правила нарушит, но не опоздает.

— Как выглядел пакет?

— Обычный, прозрачный, белый с синим, небольшой. Пакет как пакет.

— Странно, среди найденных вещей на месте преступления пакет не фигурирует. А почему вы до сих пор молчали?

— Знаете, все дело в этой даме. Она меня достала своей любовью, хотя с мужем разводиться не собирается. Я от нее не в восторге, получается, что я, как альфонс, заставляю бабу клянчить бабки у своего мужика.

— Значит, в других своих грехах вам легко признаваться, а этот вас тяготит? В долг брать не стыдно, а продаваться, чтобы этот долг отдать, совесть мучает? Подтвердить факт передачи вам денег ее супруг может?

— Да, конечно.

— Давайте имя, адрес. Не волнуйтесь так: если вы действительно ни при чем, я сохраню ваше грехопадение в тайне.

— Спасибо. А Сашку мне жалко. Не знаю, кто его мог так ненавидеть. Не любили многие, но чтобы убить...

— Пойдемте, а то девушка вас заждалась. Леонидов зашагал в сторону автобусной остановки.

— Пойдите! Алексей Алексеевич!

— Что еще?

— Может, вас подвезти? До метро хотя бы?

— Нет уж, спасибо, я лучше прогуляюсь, вон и солнышко выглянуло.

Перспектива ехать в одной машине с обиженной Норой Леонидову совсем не улыбалась, а погода действительно переменялась. Начало осени капризно, как невеста. То редкие слезы, то улыбка в пол-лица. Вот и сейчас, разрезая плотную вату облаков, шарил по земле ослепительный солнечный луч, и веселее становилось топтать по влажному ноздреватому асфальту. «Зато мне никогда не грозит утрата двигательной функции нижних конечностей», — утешил себя Алексей, глядя вслед обогнавшему его красному автомобилю.

На сегодня у Леонидова было запланировано посещение еще одной траурной церемонии. Утром он позвонил Лене Завьяловой и узнал, на каком кладбище и во сколько будут хоронить ее родителей, и сейчас, посмотрев на часы, понял, что успевает. Он сам не мог объяснить себе, для чего это ему нужно, но сейчас ехал взглянуть, как будут провожать в последний путь пенсионеров.

Похороны эти, естественно, оказались раз в десять скромнее предыдущих. Не было внушительной кавалькады иномарок около чугунных ворот, пучков огромных, словно восковых, роз, вереницы хорошо одетых людей.

Видно было, что родственники с трудом собрали деньги на достойные похороны. Все было по минимуму. Молодежи на похоронах было мало. Сестры Завьяловы стояли рядом с высоким, приятной наружности мужчиной, опираясь с двух сторон на его плечи. Одну из сестер Леонидов мельком видел уже в день убийства, вторая была ему незнакома. Он долго вглядывался в ее бледное лицо, сочувствуя искреннему горю и скорби. Что-то в этой группе показалось ему странным. Но он никак не мог сосредоточиться, убегая мыслями далеко за пределы этого кладбища.

Вторичное присутствие за день в последнем приюте понемногу начинало его угнетать и подавляло жизнерадостный дух и устойчивую нервную систему. Он, так часто сталкивающийся со смертью, вдруг почувствовал себя до одури уставшим от крови, грязи и мерзости, которая выдавливала в человеке все сколько-нибудь стоящее и оставляла после себя неоседающую муть.

Алексей посмотрел еще немного, как промакивает глаза платком ненакрашенная Лена, как плачет ее сестра, уткнувшись в пиджак мужчины, рыдают пожилые родственники, и пошел прочь с тяжелым чувством в ноющей душе.

«Зачем я сюда притащился? Надо срочно ехать на работу и выяснять, был ли прозрачный пакет с тридцатью штуками баксов, а я тут брожу среди могил и упиваюсь собственным отвращением к жизни. Говорил же какой-то там философ, что смерть не имеет к нам никакого отношения, потому что, когда мы существуем, не существует она, а когда она существует, то мы перестаем существовать. Прекрасная мысль, чтобы избавиться от этого противного страха, который меня мучает всякий раз, когда я смотрю на чей-то труп. Так нет, опять приходится себя утешать».

Он попытался настроиться на работу, но приехал в отдел с глубоким отвращением ко всему происходящему.

Павел Николаевич Матвеев встретил Леонидова загадочно:

— Ты чего такой хмурый, Алексей? Что, Сергеев не сознается?

— А если ему не в чем сознаваться?

— Ну и бог с ним. У меня тут новые фактики появились. Приходила ко мне сегодня милая женщина по имени Казначеева Юлия Николаевна. Подходящая фамилия для главного бухгалтера, а, как считаешь? И беседовали мы с ней без малого два часа. Очень приятная во всех отношениях дама. Выясняли мы с ней финансовое положение покойного господина Серебрякова. Налоговая инспекция их там недавно шерстила. Заплатили они, конечно, солидный штраф, не без этого, но серьезных нарушений не обнаружили. Так, мелочи, несоблюдение правил торговли, по результатам контрольной закупки. Что касается счетов фирмы, то она удержалась на плаву, несмотря на отказ некоторых поставщиков возобновить договоры. Финансовые потери были значительными, но полный крах им не грозит. Интересно совсем не это.

— А что?

— Повела мне Юлия Николаевна, что никогда не интересовавшийся недвижимостью Серебряков вдруг решил купить трехкомнатную квартиру в Митино. И это в период кризиса, изъяв из оборота приличную сумму денег. Квартира улучшенной планировки, район, правда, не из дорогих. Но элитный дом в приличном месте.

Причем покупка была оформлена в срочном порядке и за один день. А уже через час туда начали завозить мебель. Серебряков страшно спешил, всех на уши поднял. Мебель, между прочим, тоже не дешевая.

— Он что, квартиру поменять надумал, что ли? А свою квартиру куда? Там такие хоромы. Я был у них. И район престижный. Переезжать оттуда в какое-то Митино?

— А Серебрякова не говорила ни о чем подобном? Может, вещи какие-то в коробках уже запакованы?

— Да был я у нее. Никаких следов переезда. Везде порядок, уют. Видно, что люди на века обосновались. Уж если бы квартиру собирались продавать, почему об этом не сказать? Не вижу никакого криминала. Нет, Серебрякова, похоже, ничего не знает.

— А вдруг он хотел сделать сюрприз? Подарок к юбилею, ко дню рождения или еще чему-то там?

— Хорош подарок. Переезд — это все равно что стихийное бедствие. Нет, не пойму, за каким чертом понадобилась ему эта квартира?

— Значит, надо еще раз поговорить с Серебряковой. Придется тебе, Леша, съездить еще раз к уважаемой Ирине Сергеевне, тем более что это еще не все.

— Вот как? Что еще рассказала Юлия Николаевна?

— Можешь себе представить, Серебряков решил выйти из дела.

— Это как?

— Передать все Сергееву, самому отойти от руководства фирмой, перевести часть денег на другие счета, значительно уменьшить оборот.

— И чем он собирался заняться?

— Этого никто не знает. Ты-то чего такой мрачный приехал? Чем тебя так огорчил коммерческий директор?

— Да в том-то и дело, что теперь вообще ничего не сходится. Выходит, Паша говорил правду, когда внушал мне, что они с Серебряковым помирились. Если тот решил передать ему все полномочия, доверить руководство фирмой и контроль за ее финансами, какой смысл Сергееву убивать шефа? Тем более выяснилось, что деньги он достал.

— Если, конечно, не врет.

— Он сослался на определенный источник, это очень легко проверить. Тут такой любопытный факт выясняется, Павел

Николаевич...

— Ну, выкладывай, что накопал.

— Этот факт называется белый полиэтиленовый пакет. А в нем тридцать тысяч долларов, которые Сергеев передал Серебрякову, перед тем как тот поехал на свидание к любовнице. По времени получается, что никуда он не заезжал, значит, пакет либо оставил в машине, либо взял с собой. Что наши нашли в машине? Осмотр черного «сааба» проводили?

— Вывернули наизнанку, Леша, но денег там не было.

— Отлично. Значит, пакет Серебряков взял с собой. В лифте, при осмотре места убийства, свертка не было, Лана о нем тоже молчит. Спрашивается: где деньги?

— Ну, девушка Лана, может, просто не призналась, что получила эти деньги, но это не значит, что они не попали к ней в квартиру.

— А смысл ей молчать об этом?

— А это ты у нее спроси. Ты у нас специалист по красивым и одиноким. Тебе и выяснять...

— А если предположить, что Лана этих денег в глаза не видела? Значит, их взял убийца. Никто ведь не знал, что Сергеев привезет деньги именно в этот день вечером. Позвонил он Серебрякову почти перед его отъездом, в офисе никого не было, деньги привез под занавес, так сказать. Никто не знал, что у Серебрякова будет при себе крупная сумма в зеленых банкнотах. И вот что мы имеем: убийца наткнулся на деньги случайно, а увидев, не смог устоять перед искушением и взял. Получается, это был не киллер. Киллер деньги не взял бы. Такая улика! Даже оружие на месте оставляют, а тут пакет с купюрами. Итого получается, что Мы возвращаемся к обычной бытовухе: либо убийство из чувства мести, либо любовная версия. А разыграно было здорово! Видно, сценарий долго писали.

— Фантазия у тебя разыгралась, Леонидов. Тут вариантов масса. Деньги вообще мог взять случайный человек.

— Тогда это суперважный свидетель, потому что мог видеть убийцу. Но мне интуиция рисует образ эдакого небогатого человека, который хотел за что-то отомстить, но, дрогнув, увидев упавший пакет с огромной суммой денег.

— Или решил направить нас по ложному следу. Короче, завтра топай к своим женщинам, тряси их, но выясни про эти деньги все, что

они знают. Сегодня рабочий день уже кончается, а тебе нужно еще бумаги разобрать. Там у тебя столько добра накопилось! Иди работай.

— Есть!

— То-то, сыщик.

«А все-таки это был не киллер, — убеждал сам себя Леонидов, шагая по коридору в свой кабинет. — Запутанное дело, но кончик потянуть можно. Если это был не наемник, он где-то прокололся. И, потянув за этот маленький кончик — пакет с деньгами, — я его отыщу».

Под конец дня Алексей так устал от работы и утренних переживаний, что решил домой не ехать, а позвонить Ляле. Душа изнемогла от рутины и просила праздника.

«Ну сколько можно жевать эти проклятые макароны», — бормотал Леонидов, роясь в записной книжке в поисках Лялиного рабочего телефона. Обладая незаурядной памятью, именно номер ее телефона он постоянно забывал и зачастую не звонил Ляле только из-за того, что под рукой не оказалось записной книжки. Наконец Алексей обрел искомое.

— Добрый день, компания «Северная звезда» слушает.

— Лялю пригласите, пожалуйста.

— Это я. — Леонидову пока ни разу не удалось узнать ее голос по телефону.

«Черт, и почему компания?» — это слово у него намертво ассоциировалось с группой подвыпивших приятелей, рассуждающих за закуской о смысле жизни.

— Привет, зайчонок, это я.

— Привет-привет. Объявился, пропащий.

— Работы много, извини. Я тебя там не отвлекаю?

— Какое там! У нас тишина. Кризис, клиентов нет, того и гляди, закроемся.

— Начальство не будет ругаться, что я тебя отрываю в рабочее время?

— Шеф в банке. Сегодня вряд ли объявится.

— Ну, это нам знакомо. Теперь банки стали как бермудские треугольники: пошел и не вернулся.

— Чего-чего? Все шутишь, Леонидов?

— Нет, скучаю. Значит, у тебя сегодня работы мало?

— Ага, уже без десяти шесть. Пора сумки собирать.

— Я вот тоже так думаю. Предлагаю тебе поужинать вместе у тебя дома.

— Заманчиво. Что, макароны надоели?

— Откуда знаешь?

— Знаю, и все.

Путем несложных логических умозаключений сыщик Леонидов определил, что во время его телефонного молчания Ляля постоянно поддерживала связь с его мамой. «Ох уж мне этот бабий заговор», — грустно подумал он, но умозаключения эти оставил при себе.

— Ну так что, мое предложение проходит в первом чтении или приступим к прениям?

— Что я тебе, парламент? Я всего лишь слабая женщина, поэтому пойду сейчас в магазин и куплю чего-нибудь вкусенького. Ты чего хочешь?

— Все, кроме макарон.

— Понятно. Когда тебя ждать?

— Ну, к половине восьмого подъеду.

— Ночевать останешься?

— Всенепременно.

— Ну, целую. Увидимся.

— Пока.

Что ему больше всего нравилось в Ляле, так это ее кулинарные способности. Сама она вечно сидела на диете, но готовить любила, особенно для гостей, и не упускала случая продемонстрировать истину, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Поэтому Леонидов мысленно облизнулся и потянулся к надоевшим бумагам.

Через час он зашел в гастроном, купил бутылку красного сухого вина, коробку шоколадных конфет.

Спускались мягкие сиреневые сумерки. Вокруг, как обломки кораблекрушения, плавали витрины ярко освещенных магазинов. Начинали зажигаться огоньки квартир. Люди приходили с работы, прятались в уютные раковины диванов с газетами и наспех приготовленной едой. За окном оставался растерявшийся, смятенный город, комкавший ритм жизни развалившейся экономикой и обескровленными артериями банков. И Леонидову вдруг стало

чертовски приятно, что где-то в маленькой квартирке его тоже ждут вкусный ужин, телевизор и мягкое, уютное женское тело...

...Ляля действительно его ждала. Вкусно пахло едой. ^^ Она уже переделалась в узкие джинсы, плотно обтягивавшие ее литое тело, и яркий трикотажный свитерок. Ее пышные мелированные волосы были стянуты резинкой в задорно торчащий хвостик, глаза подкрашены перед его приходом. В квартире стояла непривычная Леонидову тишина.

Ляля жила в коммунальной квартире. Комнат в ней было две, и неизменная Лялина компания состояла из почти выжившей из ума полуглухой старухи. Можно было, конечно, рассчитывать, что со временем бабка даст дуба и Ляля сможет, предварительно подсуетившись, остаться одна, если бы не многочисленная бабкина родня. И эта родня давно уже начала обхаживать бедную бабульку на предмет составления завещания, но родственников было слишком много, а комната одна. Все они всячески старались помешать друг другу, строили козни, плели невероятные интриги. Бабка колебалась, отдавая предпочтение то одному, то другому, а небольшая двухкомнатная квартирка периодически превращалась в место разборок родственников, отчего Ляля и приходящий к ней Леонидов неизменно страдали. Но сегодня родственнички, похоже, взяли тайм-аут, уставшая от их криков бабулька легла спать, а Леонидов и Ляля могли наконец спокойно насладиться ужином и общением друг с другом.

— Лешик, ты проходи, у меня тут как бы не подгорело.

В глубокой черной сковороде обжаривались баклажаны, вкусно пахло тушеными овощами и свежей зеленью. Ляля ловко нарезала лук на своем кухонном столе.

— Овощи еще не готовы, но у меня есть куриный суп. Будешь?

— Еще бы! Я голоден, как стадо мамонтов после столетней спячки.

— Иди мой руки, мамонт.

В ванной он блаженно слушал, как Ляля гремит кастрюлями.

Минут через десять Алексей с упоением ел обжигающий суп и разглядывал женщину, которая сидела напротив него, положив подбородок в домик крепких сложенных рук. Он в который раз с раздражением разглядывал ее яркие ногти и чувствовал, как плохое

настроение возвращается к нему. Алексей смог бы простить Ляле любую измену, любой грандиозный проступок, но эти яркие ногти раздражали его. Ляля терпеть не могла ненакрашенных ногтей, но было бы здорово, если бы цвет ее лака хоть иногда соответствовал цвету губной помады. Леонидов в который раз ругал себя за привычку смотреть известную передачу «Что? Где? Когда?», из которой некстати узнал об этом основном законе декоративной женской косметики. Теперь он ради интереса всегда проверял, умеет женщина косметикой пользоваться или нет. Ляля «Что? Где? Когда?» не смотрела, поэтому не смущалась красить ногти в синий цвет. А помадой пользовалась коричневой.

— Вкусно? — Ляля заметила, что Леонидов застыл с поднесенной ко рту ложкой.

— Что? А, да, отлично, спасибо. А ты почему не ешь?

— Сегодня еще баклажаны. В них калорий меньше, я буду их. Кстати, у меня приготовлены перцы, фаршированные рисом, морковью и луком. Вчера готовила. Я с мясом не готовлю, от него поправиться можно.

— Поправиться можно от всего, смотря сколько съесть.

— Вот ты, Лешка, неужели не боишься, что у тебя появится такой жирненький маленький животик? После тридцати мужчины склонны полнеть, ты знаешь?

— Ну, мне это не грозит.

— Это почему еще?

— Потому что стресс — лучшая диета. А при моей работе можешь считать, что я постоянно ее придерживаюсь. Кстати — дарю. Можешь попробовать, никем не запатентовано, мое собственное изобретение.

— Пряма, я в какой-то газете видела рекламу: худеем методом стресса.

— Вот видишь, значит, мы с медициной идем параллельными курсами.

— Философ. Так перцы есть будешь?

— Знаешь, когда я сижу напротив человека, который не ест, а смотрит голодными глазами, у меня аппетит пропадает. Положи себе, не мучайся. Давай дернем винца и баклажанчиками закусим. Как там у тебя с ними?

— Готово.

Алексей разлил в бокалы густое красное вино.

— За что пьем?

— За нас, конечно, за наше будущее.

Они чокнулись. Баклажаны действительно удались. Обильно сдобренные растительным маслом, обжаренной морковью и луком, восхитительные дары природы, они ласкали вкусовые рецепторы языка. Потом в ход пошли и щедрые осенние фрукты, пропитанные жарким солнцем уходящего лета.

Вино быстро согрело желудок и слегка затуманило голову. Ляля начала бросать на Алексея многозначительные зазывающие взгляды.

— Леш, давай возьмем конфеты и вино и пойдем в мою комнату?

Леонидов с покорностью обреченной на заклятие овцы последовал за ней с подносом на жертвенный алтарь кровати.

Ляля занимала большую комнату в этой квартирке. Она тщательно и с любовью создавала в ней свой маленький мирок, подбирая и облюбовывая каждую вещь с истинным наслаждением созревшей для семейной жизни женщины. На окнах атели розами роскошные занавески, пол устилал ковер, с орнаментом таких же роз, и они же рассыпались гроздьями по светлым обоям. На столе в вазе стояло несколько любимых изнеженных пурпурных созданий, и Леонидову стало стыдно, что забыл купить Ляле цветы.

Они расположились на кровати посреди этого розового рая, Алексей наполнил бокалы вином.

— Нет, хватит пить, — уверенно отобрала у него бокал Ляля и начала расстегивать пуговицы на рубашке.

«Господи, ну зачем я это делаю?» — страдал Леонидов, отвечая на настойчивые поцелуи. Больше всего ему хотелось просто полежать на кровати, переваривая сытный ужин и вечерние новости. Но, как мужчина, он не мог допустить, чтобы жаждущая физической любви женщина не получила свое. Снимая с Ляли свитер, Алексей настороженно принялся:

— Какими это духами от тебя пахнет?

— «Кензо». Подружка на работе купила, я слегка брызнула. Правда, обалденный запах? Я себе куплю с зарплаты.

— Нет.

— Да что с тобой? Ты чего нервный такой? Меня не хочешь?

— Хочу, — соврал он. — Мне просто не нравится запах этих духов.

— Не нравится так не нравится. Ты вечно критикуешь мой вкус. Можно подумать...

Леонидов понял, что дальнейшее продолжение диалога приведет к ссоре, и быстро снял с Ляли одежду. Когда они оставили друг друга, Ляля вздохнула удовлетворенно, Леонидов — с облегчением, и оба растянулись на кровати, отбросив смятое постельное белье.

— Ляль, я телевизор включу?

— Включай. Там все равно одно и то же, у нас в офисе весь день работает, так смотреть нечего.

— Ну да. Каждый час свежие новости. Мы с тобой живем в уникальное время, можем насладиться зрелищем.

— Мне-то какое до этого дело? Подумаешь, премьера никак не выберут.

— Ну и закроется ваша контора. Что тогда делать будешь?

— Замуж за тебя выйду. Или не прокормишь?

— Прокормлю, если ты оставишь свои дорогие привычки. Они мне не по карману.

— Интересно, что ж это за привычки?

— Тряпки из дорогих магазинов, например. Всякое «нуф-нуф», «гав-гав»: и прочее от кого-то там. Ну и, конечно, «Кензо» и этот дурацкий разноцветный лак для ногтей.

— Дался тебе этот лак. Вечно ты к нему цепляешься. И никак не пойму, чего ты так взбесился из-за духов. — Она явно попыталась на него рассердиться, а Леонидову было жутко лень сейчас выяснять отношения.

— Ладно, не злись. Просто я по уши увяз в одном деле... Убили одного небедного парня, ну, у него соответствующий круг знакомых, бизнесмены, женщины... И все блудливые бабы, с которыми я общаюсь, пахнут этой дрянью. Может, эти духи и хорошие. Может. Я не спорю. Но у меня вызывают определенные ассоциации. Ты уж не злись, зайчонок. Хорошо?

— Женщины, значит? Хорошо живешь, сыщик. Я, конечно, даже с моими дорогими привычками против них не потяну.

— Брось дуться. Эти бабы того не стоят. Глупая ревность и совершенно не обоснованная.

Леонидов вдруг совершенно отчетливо представил, как после заключения законного брака эта женщина будет предъявлять на него права, звонить на работу и проверять карманы, принюхиваясь к запаху чужих духов от пиджака. И ему захотелось выпрыгнуть из теплой постели и очутиться на улице под мелким холодным дождем. Вместо этого Алексей всего лишь пошел на кухню ставить чайник...

Когда чайник закипел, они уже снова помирились. Ляля, свернувшись клубочком, лежала на его плече и гладила спутанные светлые волосы:

— Леша, тебе хорошо?

— Мне тоже хорошо. — Она поцеловала Леонидова где-то возле уха.

— Щекотно.

— А тут не щекотно? — Ляля ткнулась ему в шею. Алексей заерзал:

— Еще щекотнее.

— А где не щекотно?

— А вот здесь. — Он потянул ее руку вниз.

— Ты что, еще хочешь?

— Нет, я уже сплю.

— А можно с тобой разговаривать?

— Попробуй.

— Я вот лежу, думаю: а где мы будем жить после свадьбы?

— Здесь, наверное.

— Здесь же эта бабка и ее родственнички. Мы свихнемся рано или поздно.

— Тогда у меня.

— А мама?

— Ну и что?

— Может, поменяем вашу квартиру и эту комнату на две однокомнатные квартиры?

— Не получится.

— Ну, надо придумать что-нибудь.

— Придумай.

— Может, твоя мама переедет сюда, а мы с тобой — в вашу двухкомнатную?

— А может, мы твоих сюда переселим, а сами поедem в вашу трехкомнатную? — проснулся Леонидов.

— Что ты несешь? Там отец, мать, сестра. Как они здесь будут?

— Ага, значит, моя мать может здесь жить с полоумной бабкой, а твои нет?

— Твоя же мать все равно одна...

— И поэтому должна отдать нам свою квартиру?

— Значит, ты ничего не хочешь для нас сделать?

— Не хочу.

— Значит, ты просто меня' не любишь?

«Не люблю», — чуть было не ляпнул Алексей, но удержался, хотя вдруг с внезапной ясностью понял, что не представляет свою жизнь рядом с этой женщиной. Он сказал только:

— Не болтай чепухи и ложись спать. Я устал, как собака.

Он отвернулся к стене и, несмотря на гнусное настроение, все же быстро уснул. Ляля немного подождала, что он обернется и начнет мириться, но, заглянув пять минут спустя через его плечо, увидела, что Алексей уже спит. Тогда она натянула на голову одеяло и тихонько заплакала.

...Плакала она оттого, что личная жизнь не устроена, что годы шли, а принц на белом «мерседесе» не появлялся. Объявился скромный работник уголовного розыска, помешанный на своей малооплачиваемой работе и непонятных ей высоких идеалах, да и он ее, Лялю, похоже, не любит. Плакала она оттого, что, видимо, все придется начинать сначала, снова с кем-то знакомиться, переживать период нерешительного ухаживания, проявлять настойчивость, чтобы склонить поклонника к мысли о браке. Но все это еще ничего не значит, потому что в самый последний момент так легко передумать и уйти от женщины, которая поверила в то, что главная задача ее жизни решена. И еще громче хотелось зареветь оттого, что врачи настоятельно советовали ей родить ребенка, чтобы избавиться от жутких болей во время месячных, а рожать так, без мужа, не имея иных средств существования, кроме пособия и скромной родительской пенсии, она не могла себе позволить. Вот и приходилось горько реветь от собственной глупости и неумения удержать мужчину.

Наплакавшись вдоволь, она вспомнила, что завтра на работу, что через несколько дней дадут зарплату и можно будет зайти в любимый

магазин за понравившейся блузкой, что ей еще пока двадцать пять и у нее есть еще шанс. С этой мыслью она отвернулась от Леонидова и заснула тяжелым сном без всяких сновидений.

Глава 4 О ЧЕМ ПРЕДПОЧИТАЮТ УМАЛЧИВАТЬ ЛЮБОВНИЦЫ И ЖЕНЫ

Это утро было для Леонидова еще гаже предыдущих. Проснувшись, он не сразу сообразил, где находится, а слегка придя в себя, тут же метнулся в ванную, чтобы не разбудить Лялю. События вчерашнего вечера вовсе не располагали к общению с ней. В квартире было тихо, бабулька еще не вылезала, наслаждаясь покоем утреннего сна и отсутствием родни. Алексей умылся, тихонечко оделся, решив перекусить где-нибудь по дороге. Ляле на работу к десяти, по утрам она не очень спешила, и предусмотрительно поставленный на восемь будильник еще не зазвенел, он обрадовался и на цыпочках прокрался в комнату. Нагнувшись над кроватью, Алексей поцеловал женщину в плечо, пробормотал «спи-спи» и поспешил выйти.

Счастливой походкой освободившегося от кошмара человека, чуть ли не вприпрыжку, он скользил по тротуару, наслаждаясь утренней Москвой. Леонидов любил эти недолгие часы, когда на улицах было немного людей, немногочисленные прохожие спешили по делу, не заглядывая праздно в витрины магазинов. Вид занятых людей действовал на него успокаивающе.

План на сегодняшний день он составил, себе боевой. Для начала необходимо было посетить красивую девушку Лану, которая почему-то умолчала о том, что в день убийства ждала от Серебрякова крупную сумму денег, если, конечно, она действительно ее ждала. Но Леонидов решил действовать напористо и с полной уверенностью в том, что так оно и было. Интуиция его подводила редко, но иногда, как говорится, метко.

«Опять этот чертов подъезд, — подумал он, подходя к знакомому дому. — Хожу каждый день, как на работу, и каждый раз меня обводит вокруг пальца какая-то шлюха. Уже омерзение чувствую к этим облезлым цветочкам», — накручивал он себя, поднимаясь на седьмой этаж. С Ланой на этот раз хотел обойтись жестко.

Каждый раз, поднимаясь в этом лифте, Алексей невольно втягивал голову и живот, представляя, как на седьмом этаже притаился убийца. И каждый раз он готов был тут же упасть на пол, пытаясь спрятаться

от безжалостных пуль. Но сегодня лифт открылся как обычно, никакого убийцы на этаже не было, в лифте стояла приятная девушка, с каштановыми вьющимися волосами. День был по-летнему солнечный и ясный. Свет пробивался сквозь пыльное окно широкой полосой, от этого глаза девушки казались почти синими.

«Остановись, мгновенье. А ведь я ее знаю, — подумал Алексей, задерживая лифт.

— На похоронах пенсионеров Завьяловых она стояла рядом с Леной. Значит, старшая сестра, Александра Викторовна Завьялова».

— Здравствуйте, Александра Викторовна. День-то какой сегодня?
— Тема погоды была достаточно банальной, чтобы познакомиться с девушкой, зато беспроблемной.

— Мы знакомы?

— Пока нет. Леонидов Алексей Алексеевич. Веду следствие по делу об убийстве ваших родителей. Простите, ради бога, — пробормотал он, видя, что в чудесных синих глазах появились слезы. — Не; надо плакать, Александра Викторовна. Преступника я найду, его будут судить, хотя вам от этого, наверное, не легче.

Леонидов наконец посторонился, пропуская девушку в лифт.

Саша оглянулась:

— Вы к сестре?

— Нет, к ее соседке. А почему вы так подумали?

— Может быть, Лена что-то слышала. Неужели она ничем не может помочь?

— Я обязательно с ней побеседую. Мне очень жаль; что у вас такое горе.

— Лена должна была почувствовать. Она не могла сидеть спокойно в комнате, когда мама и папа... там, в этом лифте... Я бы обязательно вышла.

— И это вряд ли бы помогло; Убийце все равно, сколько свидетелей убрать: двух или трех, поверьте: И не вините сестру.

— Да-да, я понимаю. До свидания.

— Александра Викторовна, вы не будете возражать, если мне с вами придется побеседовать?

— Все, что знаю, я готова рассказать, если это поможет. — Она нажала на кнопку, и двери лифта закрылись.

— До свидания! — запоздало крикнул ей вслед Алексей.

Несколько минут он стоял перед железной дверью, надежно отделяющей квартирную секцию от площадки, на которой были расположены лифты.

«Какие у нее глаза! С ума можно сойти, какие глаза. И никакой косметики. Постаралась матушка-природа. И кто-то женится на таких девушках, делит с ними постель, завтраки и ужины и воспитывает совместных детей... А действительно, почему Елена Завьялова не подняла панику, когда в положенное время ее родители не вернулись из театра к началу любимого сериала?» — подумал Леонидов, нажимая кнопку звонка.

Сегодня Лана открывать дверь не спешила. А когда открыла, Алексей увидел, что шикарного пеньюара на ней нет. Она была одета в старенькие джинсы и свитер, лицо без косметики, слегка помятое, а его цвет нуждался в коррекции тональным кремом.

— Здравствуйте, Светлана Анатольевна.

— Пришел?! Ты пришел? — Она схватилась за волосы, не уложенные в прическу, и явно пожалела, что на лице нет макияжа.

— Як вам сегодня как лицо официальное. Все наши амуры оставим в прошлом, тем более что я обиделся и глубоко разочарован. Поэтому буду признателен, если ко мне будете обращаться на «вы» и «Алексей Алексеевич». Пройти разрешите?

— Ну-ну, Алексеевич. Что, начальство отчитало? А жаль, могли бы продолжить. Ты на всякий случай еще подумай.

— На «вы», если не затруднит, — напомнил он в прихожей. — Иначе я пришлю вам повестку, а потом, если не явитесь, потребую доставки в принудительном порядке. Не хотите разговаривать здесь — не надо. Что выбираем?

— Ладно, мент, пусть будет Алексеевич.

— Очень хорошо, особенно если проигнорировать «мента». Если вы согласны дать интересующие меня показания, Светлана Анатольевна Антонова, тогда будем составлять протокол. Со стола приберите, пожалуйста, а то тут с позавчерашнего дня мало что изменилось.

— Храню память о нашем милом ужине. Ты в тот вечер, когда на работу пришел, тоже все запротоколировал? Записал в подробностях, как со свидетельницей выяснял на практике интимные привычки Серебрякова?

— Не получается у нас с вами. А повод у меня серьезный. Долго же вы меня за нос водили, Светлана Анатольевна. Этакая беспомощная овечка, оставшаяся без средств к существованию. Несчастливая девушка, пострадавшая больше всех от безвременной кончины благодетеля.

— Что ты несешь? Ох, простите, уважаемый Алексей Алексеевич. Какой это навар я получила с Шуриной смерти?

— Да приличный, если верить полученным мной из верного источника сведениям.

— Эта крашенная завистливая дрянь, что ли, верный источник? Ну, чего она там про меня наплела?

— Позавчера, когда вы вызвали меня, чтобы поведать о звонке Серебрякова в день смерти, вы были со мной вполне откровенны?

— Куда уж откровеннее.

— Я имею в виду ваши слова, а не действия.

— Все, что хотела сказать, я сказала.

— Да. Но было то, о чем вы почему-то предпочли умолчать.

— Не понимаю я, чего тебе надо. Что ты все в душу ко мне залезть норовишь? Есть вещи, в которых женщине не хочется признаваться, тем более мужчине, которому она хочет понравиться.

— Прекрасная философия. Я тронут. Что мне необходимо сделать, чтобы ты начала меня ненавидеть и ничто не мешало бы тебе открыть свою не очень-то чистую душу?

Лана достала свои дорогие дамские сигареты, закинула ногу на ногу. Леонидов, внимательно разглядывая ее в дневном свете, начал замечать все больше недостатков в идеальной, как ему недавно казалось, внешности. Алексей пригляделся к волосам Ланы и увидел, что растут они как-то странно, образуя на лбу треугольник. Возле выщипанных бровей появились отдельные волоски, ломающие тщательно продуманную линию.

«И не такая она красавица, как мне показалось. Почему позавчера я всего этого не замечал, оглох, ослеп и покорно делал то, чего она от меня хотела? Бред какой-то.

— Ну так я жду, Светлана Анатольевна, терпеливо жду, когда вы мне начнете рассказывать, что Серебряков вез вам крупную сумму денег и куда они подевались, когда он упал в том проклятом лифте с двумя пулями в голове.

— Не знаю я ни про какие деньги.

— Как же? Тридцать тысяч долларов? А вот Павел Петрович Сергеев, с которым я беседовал вчера, поведал мне, что он эти деньги привез Серебрякову как раз вечером двадцать девятого августа, и тот собирался отвезти их вам.

— Не мог он Паше ничего подобного сказать. Неправда это! Они же постоянно цапались друг с другом, как кошка с собакой.

— Правильно. Но вы не знаете, что как раз в тот день они помирились, мало того, Серебряков собирался передать Сергееву все дела и благополучно уйти в отставку, поэтому между ними возникло доверие и полное взаимопонимание. Александр Сергеевич получил пакет с деньгами, сел в машину и повез деньги вам, уважаемая Светлана Анатольевна. О судьбе этого пакета мне очень хотелось бы узнать.

— Сволочь Паша. Знаю, Норка ему велела меня заложить. Все равно этот пакет ничего не значит, оставили бы все как есть, не там копаете.

— Ясно, Светлана Анатольевна, или ты Серебрякова шантажировала и он тебе вез эти деньги, или дала на него наводку. Тогда причастна к убийству и все равно получишь срок.

— Никого я не наводила. Делать мне больше нечего. Ладно, я тебе скажу, хуже ты все равно уже обо мне думать не будешь.

— После позавчерашнего вечера — это уж точно, можешь не волноваться за мою нравственность. После идиотского пари я понял, чего можно ждать от подобных дамочек.

Она потянула из пачки сигарету.

— Да, я тебе немного соврала. Серебряков мне позвонил, но не двадцать девятого августа, а двадцать восьмого. Позвонил и сразу сказал, что разговор будет серьезный. Он попросил выключить телевизор, мол, так мне будет лучше слышно. Ну, у меня сразу сердце упало, даже слегка замутило от плохого предчувствия. Я звук убрала и у телефончика поудобнее расположилась, чтоб не упасть. Тут он и говорит, что он завтра не приедет. Я, естественно, спрашиваю: «А когда?» Он спокойненько так отвечает, что, мол, никогда больше появляться в моей квартире не собирается. Отношения его со мной закончены, и больше мы не увидимся. Тютю, короче. Отчитался, что за квартиру он заплатил за полгода вперед, могу не переживать и заниматься отныне чем угодно и с кем угодно, ему наплевать.

— Так. Бросил. А ты?

— Что я? Обалдела поначалу, конечно. Главное, ни с того ни с сего, никаких авансов, бац-бац, и в дамки. Что я ему, тряпка, думаю, поносил — и на помойку можно выбрасывать? Сколько я с ним таскалась по всяким кабакам, сидела в дурацких компаниях, где до меня дела никому не было? Сколько терпела его хамство. Он же меня вместо мебели держал, ни разу не спросил, чего я хочу и о чем думаю. Я все его условия приняла, ни во что не лезла, лишнего не просила, брала, сколько давал. А в постели? Зря я так выкобенивалась, мужиков других у меня не было, делала все, что Шурик хотел? И здрасьте! Ступай себе, подруга, на все четыре стороны, можешь оставить на память мою зубную щетку. Ну, коленочки у меня, конечно, дрожали, но я набрала в грудь побольше воздуха и сказала, что ничего у него не выйдет. Меня, мол, так просто не бросают. А он, хам, заявляет, что это мои проблемы и он не считает себя обязанным женщине, которая его никогда не любила и к которой он, пардон, не испытывал нежных чувств. Так и заявил: «За твои чувства я спокоен, а о кошельке сама можешь позаботиться, опыт есть, не я первый, не я последний».

Тут я возьми и ляпни, что найду бабу, которая его окрутила, и жизни ей спокойной не дам: буду звонить каждый день и рассказывать, какие штуки мы в постели проделывали. Серебряков, покойный, со мной не церемонился: поставит кассету с порнушкой и давай экспериментировать, есть в этом кайф или нет. Чего только мы не вытворяли. Ладно бы он с этого удовольствие получал, а то так, мол, надо все попробовать, чтобы, когда уже вставать не будет, было что вспомнить.

— Значит, ты его шантажировала?

— А что мне оставалось? И потом, я просто так сказала, попугать. И про бабу ляпнула наугад, ничего я не знала, даже и в мыслях не было. Всю неделю Серебряков ко мне исправно ездил, ничего особого я не замечала. И когда успел? Не знаю, только он здорово испугался. Если бы Шура послал меня куда подальше, я бы и не дернулась: мало нашего брата кидают? Сказала со злости, просто так. Мы с подружками все эти гадости друг другу за бутылкой пересказываем, не все ли ему было равно, узнает его новая пассия или не узнает? Но, похоже, баба эта не из наших. И где Шура ее только зацепил?

Лана прикурила очередную сигарету. Черты ее лица погрубели: она заново переживала тот неприятный разговор.

Леонидов осторожно прервал затянувшуюся паузу:

— Значит, Серебряков испугался. И предложил тебе деньги?

— Испугался, но он постарался не показать, что боится. Шура никогда не признавался в своих слабостях. Просто замолчал, подумал немного и говорит: «Я признаю, что ты права, Лана. Нехорошо так тебя оставлять, надо обеспечить тебе нормальную жизнь. Сколько ты хочешь, чтобы больше никогда меня не беспокоить и, если увидимся случайно, сделать вид, что мы не знакомы?» Я сначала подумала о новом «гольф», который он обещал подарить взамен старенького «жигуля». Так классно иметь нормальную тачку! Обожаю водить машину. Мне бы и этого хватило, но здесь как на рынке: надо запросить побольше, чтобы поторговаться и получить свое. И я попросила однокомнатную квартиру, мол, если и остаться на бобах, так со своей хатой. Он помолчал немного и вдруг говорит: «Хорошо, тридцать штук тебя устроит? Думаю, в эту сумму ты сможешь уложиться». Я помолчала для приличия, чтоб не завопить от радости, и спокойненько так говорю: «Вполне». Тогда Шура сказал, что деньги привезет завтра же, чтоб с этим делом побыстрее покончить. Заедет, как обычно, в десять часов, но поднимется на минутку, отдаст деньги, и мы навсегда с ним распрощаемся. Я так, смехом, намекнула, что, может быть, устроим прощальную вечеринку, порезвимся как следует напоследок.

В глубине души у меня еще оставалась надежда, что он передумает...

— Зачем? Ты же его не любила, да и деньги приличные отвалились. Серебряков ведь никогда тебе столько на руки не давал.

— Черт его знает. Не все свои поступки женщина может объяснить. Конечно, Шура был сволочью, хотя грех так говорить о покойнике. Временами я его просто ненавидела. Но, как сильный мужчина, он не мог не произвести впечатление. Сейчас мужик слабый пошел, чуть что — сразу сопли, сразу бабе в подол. Серебряков даже проигрывал по-королевски: не стал ни просить, ни торговаться. Проиграл — плати.

Когда Шура не пришел в десять часов, я удивилась. Ну, думаю, попал в пробку, в аварию, дела задержали. Даже мысли не было, что он

меня кинул. Позвонила попозже на мобильник — не отвечает. Я, конечно, голову особо ломать не стала: ну, не принес сегодня, принесет завтра. А потом ночью милиция в дверь позвонила.

Я сразу про деньги решила: не признаюсь, что Серебряков мне их вез. Но о деньгах никто ни слова. Думаю, слава богу, значит, тот, кто стрелял, и тиснул. А на нет и суда нет. Все равно мне уже ничего не досталось бы. Ладно хоть шмотки остались, камешки. Вот так, Алексей Алексеевич.

— Интересно, кто эта дама, которой он не хотел признаться в том, что у него есть любовница?

— Думаю, дамочка серьезная. Смешно, конечно, предположить, что Шура влюбился, но другого объяснения у меня нет, как ни крути. Сечешь, следовательно? Я иногда пыталась докопаться, чего это он такой черствый, кто его в юности бросил. Но он молчал. Даже про жену свою гадостей не говорил, как другие, хотя и не любил ее. Чуть что, так сразу: «Эта тема не обсуждается». Подумаешь! Про себя-то я много чего ему плела, на взаимность рассчитывала, но он нулями.

— Ладно, Светлана Анатольевна, так и запишем: деньги предназначались вам, но вы их не видели. Серебрякова в тот вечер тоже не видели, ни живым, ни мертвым. Вы ведь даже к лифту в" ту ночь не вышли...

— Я покойников до смерти боюсь. Да и не хотелось мне видеть Шуру мертвым и беспомощным. Пусть уж останется во мне как светлая память о том, что бывают еще мужики на этом свете.

— Да, странное у вас к нему было чувство. Весьма. Значит, судя по всему, деньги взял убийца. Найдем деньги — найдем и этого стрелка. А у вас версий никаких по этому поводу не будет?

— Смеешься? Я не такая свинья, как Норка. Не буду ни на кого капать. Сами ищите.

— Что ж, надеюсь, это последняя- наша встреча, Светлана Анатольевна. Больше ничего вы от меня не скрываете?

— Я и так перед тобой стриптиз сделала. Чего тебе еще? Практическое занятие на тему: что мы с Шурой проделывали, чтоб быстрее дошло? Давай раздевайся.

— Не надо, Лана. Как говорится, расстанемся друзьями. Спасибо тебе за интересный рассказ. Должен я найти теперь этого киллера, должен.

— Ищи, ищи. Сюда только не таскайся больше.

— Звоночек один можно от вас сделать, девушка?

— Давай, я подслушивать не буду.

Она действительно ушла в комнату, а Леонидов позвонил Матвееву:

— Добрый день, Павел Николаевич, Леонидов рапортует.

— Ты где сейчас, сыщик?

— Да вот, выясняем с девушкой Ланой судьбу пакета. Не брала она, похоже, этих денег, хотя призналась, что вез их Серебряков ей, что-то вроде отступного.

— Отступного, говоришь?

— Да, и есть у меня по этому поводу одна мыслишка. Дайте мне адресок того дома, где наш бизнесмен приобрел квартирку. Должен он там был со своей дамой нарисоваться, хочу поехать посмотреть, может, что и прояснится.

— Ну, записывай. — Матвеев продиктовал адрес. — Удачи, Леша!

Леонидов положил трубку и крикнул Лане:

— Ухожу я, Светлана Анатольевна. Прощайте пока.

— Давай. Вопрос один можно личного характера?

— Задавайте.

— Ты к Норе в тот день ходил?

— Допустим.

— Значит, ты такая же скотина, как и все остальные?

— А это ты у нее спроси. А вообще-то я при исполнении, и за скотину можешь ответить по закону. Но я добрый. Пользуйся моей добротой.

На площадке он посмотрел на соседнюю дверь, где проживали погибшие пенсионеры Завьяловы. Надо бы зайти, раз уж он здесь, но не смог себя пересилить. Алексей вспомнил, что еще не завтракал сегодня, а Лана не предложила даже чашки чаю. Необходимо было срочно восстановить подорванные силы перед дальнейшими поисками заплутавшей истины. Поэтому Леонидов прошел мимо и через несколько минут уже с наслаждением подставлял лицо проснувшемуся солнцу.

Он зашел в первое же попавшееся уличное кафе, где за низким заборчиком стояли красные пластмассовые стулья и столы, похожие на только что вынутых из бульона раков своими растопыренными

ножками и потрескавшимися панцирями крышек. За двадцать рублей Алексей получил нечто под названием «чизбургер» и пластмассовый стаканчик кофе сомнительного происхождения. Никто из прохожих не спешил составить ему компанию. Он разглядывал проходивших женщин, пытаясь определить по их одежде и лицам род занятий и есть ли у них грехи. Общение с представительницами противоположного пола за последние дни сильно разочаровало Леонидова.

«Они такие, какими создаем их мы, мужчины, своим собственным к ним отношением. Если мужчина хотел женщину-вещь, он ее и получил, не сумев разглядеть что-то большее. На самом деле Лана не такая уж дрянь и родилась, как и все мы, с равным количеством в душе плохого и хорошего. Да и сам он тоже хорош, Лялина мелочность — это всего лишь результат его к ней равнодушия. И, как говорится, нечего на зеркало пенять, коли рожа крива».

Леонидов с отвращением посмотрел на собственное отражение в стекле передвижного кафе. И вдруг взгляд его наткнулся на знакомое синеглазое лицо Александры Завьяловой. Стоя около заборчика с двумя сумками в руках, она явно размышляла, не зайти ли перекусить.

— Александра Викторовна, присоединяйтесь ко мне, пожалуйста! — крикнул Леонидов и подумал: «А чего это, спрашивается, я так радуюсь, даже хвостом готов завилать, как завидевшая хозяйина собачонка. Я увидел всего лишь приличную замужнюю женщину, наверняка счастливую в браке и далекую от любого сомнительного флирта».

— Вы?!

— Да вот, сижу, пью отвратительный кофе, чего вам категорически не советую.

— Да? А я как раз ужасно хочу пить. Ходила по магазинам. Леночка заболела, купила еду, лекарства. А сегодня такое солнце.

— Да, сегодня солнце, — ответил Алексей, глядя в необыкновенные глаза и чувствуя, что тонет в них, будто в холодном бездонном озере. — Но кофе пить все же не советую. Возьмите лучше стакан сока и присаживайтесь ко мне. Я буду вас защищать от навязчивых кавалеров.

Она засмеялась, но купила сок и присела рядом с ним.

— Вы не на работе?

— Сегодня первое сентября. Занятий в школе нет, только линейка.

— Так вы учительница?

— Да, русский и литература в старших классах.

— Цветов надали вам сегодня, наверное?

— Цветов много. В школе оставила целое ведро, и дома как в цветочном магазине. Первое сентября — мой любимый праздник. Но не в этом году, — добавила она тихо.

— Да, я вас понимаю. А что с Леной?

— Не знаю. Лежит, молчит. На похоронах держалась, а теперь слегла.

«Хорошо, что не зашел», — подумал Леонидов. От предчувствия удачного дня даже начали прорезаться невидимые крылья. Бывают такие дни, когда все плохое тебя как бы избегает, а все ситуации складываются в твою пользу. Сегодня судьба явно улыбалась Алексею, и он ждал от нее приятного сюрприза.

— А вы давно замужем, Александра Викторовна?

Она покраснела. Леонидов от неожиданности смутился сам. «Господи, не перевелись еще женщины, которые не разучились краснеть. Это просто чудо какое-то», — подумал он.

— Я замужем шесть лет. И у меня есть сын.

— Что ж, наверняка у вас все хорошо. Вы хороший человек, Александра. — Почему-то он опустил ее отчество.

— Я, пожалуй, пойду. Леночка ждет, и Сережу хотелось бы из садика пораньше забрать. Этот праздник мы всегда отмечаем. До свидания, Алексей Алексеевич.

Она ушла, оставив недопитый сок и запах ландышей.

«Сбежала, — вздохнул Леонидов. — Эх, нет в жизни счастья. Ну почему мужчинам всегда нравятся женщины, которых ни за что нельзя заполучить?»

Дом, в котором купил квартиру Александр Сергеевич Серебряков, был построен недавно. Возле подъезда еще остались следы от тяжелого строительного транспорта, тоненькие прутья недавно посаженных деревьев слегка подрагивали на слабом ветерке. Возле дома было пусто. Народу, видимо, заселилось еще мало, да и место для прогулок люди наверняка старались выбрать поприятнее.

«До чего же неуютно в этих новых районах», — подумал Леонидов и вдруг заметил мужчину с собакой, похожей на бульдога, но почему-то в полоску. Поскольку никаких бабушек на горизонте не

наблюдалось и прочего праздного люда тоже, Алексей решил подойти к собачнику.

— Закурить не найдется, друг? — Ради дела можно было и отраву заглотать.

— Не курю, — ответил мужчина вполне миролюбиво.

— А чего так? Болезнь какая?

— Ага. Бедность называется.

— С работы, что ли, поперли?

— Поперли. Теперь вот с Тигрой гуляю, на лавочке сижу, греюсь на солнышке и переосмысливаю сущность бытия. А ты чего здесь бродишь?

— Тоже переосмысливаю. Правда, в другом ракурсе. Хожу, вопросы людям задаю.

— Журналист, что ли?

— Не совсем,

— Неужели милиция?

— Она. Ничего, если я вас тоже поспрашиваю?

— Валяй. А то я без общения погибаю. Ввиду временного бездействия.

— Интересует меня один день, двадцать девятое августа. Вы свое полосатое сокровище ежедневно выгуливаете?

— А как же. Только ты мне числа не называй, скажи лучше, какой был день недели.

— А был это понедельник.

— А, ну как же, как раз в это время мы и совершали здесь свой моцион.

Леонидов почувствовал, что это и есть сегодняшней шанс судьбы.

— А не видели вы, случайно, в это время большую черную машину? Вообще-то она называется «сааб» — я вам на песочке могу нарисовать, что эта штукавина из себя представляет.

— Это я и сам тебе запросто нарисую. Друг, я любую машину темной ночью опознаю, без применения электроэнергии. Обожаю я машины. «Сааб» — это ж песня! Сиденье с подогревом, движок мощный, в северной стране сделана, значит, зимой заводится с пол-оборота. Песня!

— И была здесь эта песня в понедельник?

— Да, было зрелище. Я тот день потому и запомнил, что было на что посмотреть.

— Что ж такого случилось в тот день необыкновенного?

— Парад машин, вот что. И все я у этого дома видел первый раз. Дело было так: гуляли мы с Тигрой возле нашей любимой песочницы, когда подъехал этот самый «сааб». Вышел из него соответствующий мужик: костюм, галстук, сотовый — все при нем. И лицо такое, министерское. Вышел — и шасть в подъезд. И тут сразу же подъезжает «пассат», вполне свеженький, цвет — темно-зеленый металлик, движок один и. восемь. Подъехала машина тихо-тихо, и за кустами остановилась, вроде как чтоб незаметно было. Это в нашем-то районе, где вся растительность разовьется не раньше чем в следующем тысячелетии. Самое странное, что никто из этого «пассата» не вышел. Пока я «пассат» рассматривал, гляжу — подъезжает «гольф», темно-голубой, металлик. Красивая такая машинка, бабская. И вышла из нее женщина, шикарная такая брюнетка. И — бегом в подъезд.

И тут подъезжает «вольво», семьсот сороковая, да еще универсал. Это я тебе, друг, скажу — тачка! И цвет такой модный, жемчужно-серый. Это уже не песня, а целая поэма. Самое смешное, что водитель попытался прижаться за теми же чахлыми кустами. А «пассат»-то как увидел, что туда эта «вольво» прет, так и рванулся с места. И не жалко такую тачку! Даже крыло придурок поцарапал о железный заборчик. Тот скрежет мне до сих пор как ножом по сердцу.

Эх, почему на таких тачках такие свиньи передвигаются, а? Я бы с нее пылинки сдувал, тряпочкой каждый день полировал бы, стеклышки вылизывал. А он ее с размаху о забор! И главное, по дури. Накупят себе прав всякие уроды и давай хорошие машины разбивать! Эх!

Леонидов, уже не шевелившийся несколько минут, боясь спугнуть неожиданную удачу, решил наконец прервать патетический монолог несостоявшегося автовладельца:

— А из «вольво» вышел кто-нибудь?

— В том-то и дело, что нет. Мужик там сидел, я его видел. В руль вцепился и замер. Ну, мы с Тигрой посмотрели на эти дела да и дальше пошли. Пока гуляли, все так и было: тот тип в «вольво» сидел, а «сааб» и «гольф» рядышком стояли.

— Когда они уехали, не знаете?

— Нет, я домой пошел, телевизор смотреть.

— Ну, спасибо. Очень вы интересно все рассказали. А если мы все это сейчас запишем?

— Да за-ради бога. Мне от милиции скрывать нечего, а в будущем — кто знает — может, и зачтется.

Когда с формальностями было покончено, Леонидов еще раз поблагодарил ценного свидетеля за показания:

— Еще раз спасибо. И желаю вам приобрести наконец свою мечту.

— Разве мечту купишь?

Мужик посвистел своему полосатому бульдогу и пошел к жиденькой деревянной скамейке наслаждаться солнышком и покоем.

А Леонидов спрятал ценные показания и направился с визитом к Ирине Сергеевне Серебряковой, припрятав в рукаве не просто козырную карту, а целого туза. С его помощью он надеялся здорово отыграться.

В квартире Серебряковых было тихо: не работал телевизор, молчал телефон. Дверь открыл худой сонный подросток, несколько минут спустя из темной кухни, кутаясь в теплую вязаную шаль, вышла Ирина Сергеевна Серебрякова. Сейчас, с растрепанными темными волосами, в старом махровом халате и пушистых розовых тапочках, она была похожа на тетку с рынка, торгующую продуктами с переносного лотка. Но чувствовала она себя в таком виде комфортно, как будто вернулась наконец к тому, что ей было предназначено с самого рождения. Выглядела Серебрякова, правда, неважно: под глазами круги, лицо несвежее и покрытое красными пятнами.

— Здравствуйте, Ирина Сергеевна. Мне очень неловко вас беспокоить, но необходимо уточнить некоторые факты, которые появились в ходе следствия. Не возражаете? Вы в состоянии давать показания?

— Да, со мной все в порядке. Проходите. — Она, как тень, скользнула в свое кухонное гнездо, где в полумраке Леонидов с трудом различил брошенное на диван одеяло и небольшую подушку.

Этот маленький мирок был ее панцирем, защитой от бед и исчезающих иллюзий. Проходя к плите, Ирина Сергеевна машинально поправила несколько кружевных салфеток, провела рукой по листьям стоящих на столе цветов. Казалось, она проверяла реальность этого

мира, сомневаясь в том, что он не ушел в небытие вместе с ее покойным мужем.

— Я сварю вам кофе, Алексей Алексеевич? Или, если хотите, есть борщ и какое-то мясо. Вы голодны?

«А ведь она не намного старше меня. Сколько ей: тридцать пять, тридцать шесть? Но не сорок, это уж точно. А ведет себя по отношению ко мне как мать», — подумал Леонидов, с трудом найдя в себе силы отказаться от тарелки борща.

— Нет, спасибо. Только кофе.

Он подождал, пока ароматный кофе не был разлит по маленьким фарфоровым чашечкам. Это был настоящий кофе, не имеющий ничего общего с той бурдой, что разливали по пластмассовым стаканчикам в уличных кафе. Все в этом доме было настоящим: мебель, деньги, люди и миражи.

Они немного посидели молча, и наконец Леонидов решился:

— Я приехал к вам сегодня, Ирина Сергеевна, потому что необходимо выяснить: зачем ваш муж купил двадцать восьмого августа трехкомнатную квартиру в районе Митино?

— Квартиру? Какую квартиру?

— Трехкомнатную квартиру, улучшенной планировки, две лоджии, шикарный паркет, огромная кухня.

— Я ничего не знаю о покупке квартиры. Зачем нам квартира? Какой смысл менять наш район на какое-то Митино?

— Да, действительно! — Леонидов растерялся.

— У вас есть еще вопросы?

— Значит, покупку новой квартиры муж с вами не обсуждал. А то, что он собирается устраниваться от дел и передает полномочия Павлу Сергееву, он с вами обсуждал?

— Вот как? — Похоже, удивилась она вполне естественно.

— Вы не в курсе?

— Нет.

— Как и с квартирой?

— Повторяю, о покупке квартиры ничего не знаю. Никакой квартиры не видела.

— Конечно не видели. Вы ведь даже не заходили в дом. Что спугнуло вас тогда, двадцать девятого августа, вашу машину видели

возле дома, где ваш муж купил квартиру, о которой вы якобы ничего не знаете?

— Там видели мою машину?

— Темно-зеленый «пассат», металлик.

— Ну, таких машин в Москве, слава богу, десятки тысяч.

— А почему же «слава богу»? Вы правы, таких машин, как ваша, в столице много, но не у всех вмятина на правом переднем крыле. Есть свидетель, который вас видел.

— Вы сказали, что я не выходила из машины. Как мог ваш свидетель меня видеть? Вы говорите чушь.

— Зато теперь вы сказали правду, признались, что действительно были возле того дома на своем темно-зеленом «пассате». Похоже, вы следили за своим мужем?

— Я не хочу об этом говорить. Надеюсь, вы понимаете, что есть вещи, о которых женщине не хочется говорить?

«Где-то я уже слышал сегодня эти избитые слова... Ну конечно же, нечто похожее, только погрубее, сказала Лана, прежде чем признаться в отвратительном шантаже, — подумал Леонидов. — А в чем же собирается признаться жена покойного бизнесмена? Чего она так боится?»

— Поверьте, я слышал немало исповедей, и удивить меня трудно. Если не вы убили мужа, то вам должно быть небезразлично, что убийца разгуливает на свободе.

— Хорошо, я скажу. Мне нелегко признаться, но я рада, что Сашу убили. Это звучит чудовищно, но я рада тому, что он умер моим. И похоронила его я, а та женщина только стояла рядом и не осмелилась подойти.

— Можно ли понимать ваши слова, что вы хотели убить Александра Сергеевича?

— Хотела. Но не убила. Хотя он готовился сломать жизнь мне, моему сыну и еще одному человеку, никак не заслужившему участи остаться без семьи.

Она заплакала, закрывая руками нездоровое отекшее лицо. Алексей ничем не мог ей помочь, разве что выслушать исповедь нелюбимой жены и нежеланной женщины.

— Я расскажу вам то, что не смогу больше никогда и никому повторить. Я хочу это похоронить в том гробу, в который положили

Сашу. Звучит очень патетически, знаю. Но мне надо с чего-то начать. Я всю жизнь любила мужа, ничего не получая взамен, я терпела его равнодушие, странности, неприятные привычки. А он не мог простить мне даже малости. Конечно, в любви всегда один любит, другой только принимает эту любовь, но тот, кто принимает, должен испытывать хотя бы благодарность к тому, кто дает эту любовь.

Саша всегда был немного странным. С детства он страдал предубеждением против красивых женщин, потому что его мать была красавицей и это отравило жизнь всей семье. Отец жутко ее ревновал буквально ко всем, скандалы в доме были ужасными. И все при ребенке. Сашина мама несколько раз пыталась развестись, даже уходила от мужа, взяв с собой маленького сына. Так они и прожили много лет, пока в результате несчастного случая у Саши не стало матери. И вот, спустя несколько лет, на третьем курсе мой будущий муж влюбился в Ладу Самохину. Лада была самой красивой девушкой на факультете, многочисленные поклонники, ухаживания. Около нее всегда была толпа. Как яркая экзотическая птица, она притягивала окружающих мужчин, они старались выделиться перед ней, завоевать внимание.

Александр всегда ненавидел чувство стадности. По натуре он был лидером, хотя держался в тени. Если все заваливали трудные экзамены и без труда сдавали легкие, он все делал наоборот. Его привлекала только трудность препятствия. И он начал сходить с ума по девушке, в которую влюблены его однокурсники. Сердцу ведь не прикажешь. Я сама была бы счастлива, если можно было бы отбросить эту зависимость от другого человека. Саша начал избегать встреч с Ладой, намеренно ее не замечал, старался не бывать в компаниях, куда ее приглашали. Тогда же мы и познакомились. Наверное, он подошел ко мне все из того же чувства противоречия, из желания соригинальничать: пригласить девушку, с которой никто не танцевал. Но все это, конечно, я поняла потом, когда вышла замуж и начала постигать характер доставшегося мне сокровища. Мне все казалось странным, тем более, как влюбленная девушка, я чувствовала, что Лада тоже неравнодушна к Александру. Знаете, тот же парадокс: любой был бы счастлив от такого внимания, а она выбрала человека, шарахавшегося от нее, как от чумы.

Все это могло бы показаться смешным со стороны и очень странным. Двое людей, любящих друг друга, без видимых причин не могли быть вместе. Потом я часто представляла себе их брак, Саши и Лады. Знаете, а ничего бы и не получилось. В стае может быть только один вожак, две одинаково заряженные частицы не могут составить одно целое. Это судьба: она мудрая, и она подарила Серебрякову меня.

Он так и не понял, что достиг всего только потому, что его не отвлекала от работы любовь. Он не смог оценить ни моего терпения, ни поддержки, ни моей униженной любви.

— А чем у них тогда кончилось с Ладой, Ирина Сергеевна?

— С Ладой? Ничем. Она подождала немного и вышла замуж за прекрасного парня, доброго, умного, надежного. Любая девушка мечтает о таком муже. Но Ладе самим богом определено было получать все самое лучшее. Это был единственный талант, которым Господь ее оделил. Знаете, так бывает, когда физически красивые люди поглощены только своей внешностью и тем, какое они производят впечатление на окружающих. Лада средне училась, не была ни доброй, ни злой, не была мелочной, завистливой или, наоборот, равнодушной к чужим успехам. Она была просто очень красивой, вот и все, что про нее можно сказать. Хотя почему была? Я преподношу вам эту историю в прошедшем времени, забывая, что только мой муж покинул этот мир, а женщина, про которую я рассказываю, живет и здравствует и так же хороша собой.

Лада вышла замуж, Серебряков сделал предложение мне. Я не могла не принять от судьбы столь щедрый дар. Я была молода — много сил, еще больше веры в эти самые силы. Мне казалось, что так просто добиться любви человека, с которым живешь под одной крышей и для которого забываешь о том, что ты тоже человек. Мне казалось, что достаточно быть доброй к своему избраннику, не отходить от его постели, когда он болеет, растить его ребенка, ходить в больницу к его отцу, когда того положат на операцию, и много-много таких же банальных житейских мелочей. Но оказалось, что любовь рождается из ярких впечатлений и редких встреч, а не из серого повседневного быта.

Сначала у нас появились отдельные спальни, потом мы перестали вместе обедать и ужинать. Саша приезжал слишком поздно, когда я и

сын уже поужинали. Потом почти прекратились и эти поздние одинокие трапезы... Так я поняла, что у мужа появилась любовница.

Но в нашей с ним жизни ничего не изменилось. Саша относился ко мне так же безразлично, так же обеспечивал роскошную жизнь, покупал дорогие обязательные подарки, встречал за одним столом со мной семейные праздники. И я поняла ещё, что любовницу он тоже не любит. Она нужна была только для того, чтобы избавиться от лишних комплексов, которые так и не смогла переварить его травмированная в детстве натура. Молодые красивые девочки помогали мужу освоиться с мыслью, что красота тоже покупается и ею можно помыкать, как и всем прочим. Забавно, да? Мне даже жалко было этих женщин, которые, в отличие от меня, Сашу не любили, а поэтому им было ужасно больно терпеть все выходки моего мужа. И тогда я решила: пусть все идет как идет. Только пусть муж возвращается, в мой дом и садится напротив за накрытый стол, а я буду только смотреть, как с годами стареет его лицо.

Что ж, со временем наша жизнь наладилась, вошла в привычную колею. Покой прекрасно заменяет состояние счастья. А иногда мне даже кажется, что это и есть самое большое в жизни счастье: когда ничего не происходит, когда знаешь наперед, что будет завтра, и плохие мысли не лезут в голову по ночам. Мы прожили с мужем пятнадцать лет, и теперь я начинаю понимать, что лучшие минуты пережила именно во времена того позора, который в моей жизни громко назывался браком.

Беда всегда приходит внезапно. Еще одна банальность. И всегда случается, что происходит то, чего мы как раз не ждем. Сколько раз я представляла себе автомобильные катастрофы, когда из покореженной машины извлекают тело моего мужа, представляла финансовый крах фирмы и бегство за границу. Представляла, как он подхватывает какую-то редкую болезнь, для которой невозможно найти лекарства... Да бог знает еще что. А он просто встретил Ладу.

Вернее, это мы встретились в том ресторане. Ненавижу рестораны. Александр и Лада даже не смогли скрыть своих чувств. Или это мне показалось? Не знаю, только мне стало плохо. Знаете, когда внутри все куда-то проваливается и остается пустота, только пустота. А потом еще начинает поташнивать.

Я сама пригласила их в гости: Ладу и ее мужа. Лучше знать, что тебя ожидает. А то придется домысливать самой, а действительность, может, и не так ужасна. В конце концов, у Лады такая хорошая семья, чудесный муж, ребенок. Не станет же она разрушать если не счастье, то благополучие двух семей.

Но она стала. Между ними как искра вспыхнула. Сашу я просто не узнавала. Да и Лада изменилась, уже не была такой замороженной, как Снежная королева... В открытую, конечно, ничего сказано не было, они просто обменивались многозначительными взглядами... Они любовались друг другом. Тут Андрей, муж Лады, вышел в соседнюю комнату, поговорить по телефону, а я нашла повод уйти на кухню. Вы никогда не подслушивали чужие разговоры? Знаете, со мной это случилось впервые. Я дошла до такого унижения, что стояла под дверью и слушала, как мой муж назначает свидание женщине, как говорит ей нежные слова о любви.

Но тогда я и предположить не могла, что бывает унижение и похуже. До сих пор мне было плевать на всех его любовниц, я никогда не проверяла карманы мужа и не искала на воротничках чужую помаду. Не подслушивала чужие телефонные разговоры, не расспрашивала секретарш. Но в тот день на меня словно затмение нашло. Ночь я, естественно, не спала. Все думала, думала, думала. Даже убеждала себя смириться. Но не могла.

Помню только боль. Она погнала меня в тот день, двадцать девятого августа, следить за мужем. Утром он уехал в офис, и я караулила его там. Обычно, когда ждешь, время тянется медленно, но в тот день я этого не замечала. Наоборот, надеялась, что ничего не случится, что они передумают.

Он вышел из офиса в половине второго, сел в машину. Никогда прежде не занималась слежкой, но по странной случайности мне это удалось. Мы приехали в незнакомый мне до этого дня район — Митино. Я и не пряталась особо, наверное, надеялась, что муж заметит, остановится, захочет объясниться. Но он ничего не замечал. Когда приехал, сразу выбежал из машины и — в подъезд.

Я видела, как подъехала Лада на своем «пассате». Она спешила и вряд ли обратила внимание на мою машину. Я тогда никак не могла понять, что это за дом и почему они тут встречаются.

Вскоре к дому подъехала большая серая машина, по-моему, «вольво». Знаете, я тогда вспомнила Сашины рассказы о детстве, о том, как его отец ревновал маму и в какого зверя он превращался. Вспомнила оттого, что увидела лицо Андрея. Меня как током ударило. Он не был похож на человека, это уж точно. Безумный взгляд, губы серые, пустые глаза маньяка. Меня он, по-моему, тоже не заметил. Я рванула оттуда как очумелая. Тогда-то и помяла крыло у машины. До сих пор помню тот скрежет. Он здорово меня отрезвил. Думаю, так человека бьют по лицу, чтобы остановить истерику. Короче, я опомнилась и решила поехать в офис и там подождать Сашу. Я хотела предупредить его, что Андрей следит за Ладой.

Когда приехала в офис, в голову вдруг пришла мысль, что кто-то может знать об этой квартире. И тут подвернулась Юля. Мне очень не понравилось, как Юля на меня посмотрела. Знаете, такой загадочный, всезнающий взгляд. Я спросила в лоб, что случилось. Юля немного помялась, а потом брякнула:

— Вас можно поздравить с покупкой, Ирина Сергеевна?

— С какой покупкой? — удивилась я.

— Ну как же, новая квартира. Не понимаю, правда, зачем Александр Сергеевич решил переезжать из такого чудесного района в какое-то Митино. Мне ваша старая квартира так нравится. Хотите, мигом найду покупателя?

— Нет, спасибо, мы пока подождем с продажей. — Конечно, я сделала вид, что в курсе событий, чтобы не давать повода для сплетен.

Мы с Юлей еще немного поболтали. Я сделала вид, что муж готовит сюрприз, а мне очень хочется узнать, как продвигаются дела. Она мне все и рассказала: о мебели, о дизайнере, которого нанял Александр, о евроремонте. Я сдержалась с трудом и поспешила распрощаться.

Я слишком хорошо знала своего мужа и поняла, что он собирается от меня уйти. Иначе зачем все эти хлопоты? Он вил любовное гнездышко, не иначе, потому что к нашей квартире вообще не проявлял никакого интереса. До сих пор Саше было наплевать, какая мебель в квартире, на какой кровати он спит. Все делала я. Он только критиковал мой вкус, но разумных предложений не вносил. Нет, тут готовилась совместная жизнь с любимой женщиной.

Со мной его не связывало ничего, кроме привычки. В делах я мало разбиралась, делала то, что другая, более образованная женщина, сделала бы лучше. Даже другом трудно меня назвать человеку, который предпочитал не делиться своими проблемами.

Это был конец. Что со мной стало от таких мыслей? Да ничего не стало. Мой маленький мирок рухнул, и ничего не осталось. Стержень моего существования, которым до сих пор был муж, просто исчез. А в пустоте человек пытается найти новую опору. Нужно было что-то делать.

— И что вы сделали?

— Ничего из того, что вы думаете. Не побежала срочно доставать пистолет, чтобы лишит жизни неверного супруга, даже не возненавидела его любовницу. В конце концов, она-то здесь при чем? Я просто поехала к маме.

— Куда?

— В Красный Луч. Это маленький поселок в Истринском районе, вы, конечно, никогда о нем не слышали. Но для меня этот поселок — единственное место на земле, где я могу быть по-настоящему счастливой. Поверьте мне, я объездила полмира со своим покойным мужем. Но я не любительница чужих миров. И маму мою тоже невозможно оторвать от земли, хотя много раз мы с Сашей предлагали ей переехать в Москву.

— А далеко от Москвы ваш Красный Луч?

— Проверяете мое алиби? Поверьте, если бы я убила мужа, то мне легче было бы в этом признаться, это не так тяжело, как признаться в унижительной слежке за ним и его любовницей. Может быть, мне и пришла бы в голову со временем такая мысль, я ведь человек обдуманных, а отнюдь не скоропалительных решений. Мне надо сначала вызреть, как зеленому помидору у мамы на подоконнике. Полтора часа езды от столицы до дома моих родителей. Вас устраивает такое алиби?

— Смотря во сколько вы оттуда уехали в тот день, Ирина Сергеевна.

— Приехала я часа в четыре. Мама, конечно, меня не ждала. Сейчас самая работа в огороде. Картошку копают. Я всегда предлагала маме деньги на овощи, чтобы она не портила здоровье на этих грядках. Но старые люди не любят безделья. Мама все равно упрямо сажала

каждый год картошку и другие овощи и сама их убирала. Когда я приехала, она как раз готовила мешки под урожай. Мне хотелось зарыдаться у мамы на плече, попросить помощи и сочувствия, но вместо этого я взяла лопату и пошла в огород.

Копала, копала, как ненормальная. Мама ссыпала в мешки темные грязные клубни. Начал накрапывать дождь, но мы не ушли, пока все не убрали. Я очнулась уже в семь часов. Знаете, мне стало намного легче. Потом перетасили мешки под навес и пошли готовить ужин. Я пришла в дом, который часто снился мне в московской квартире и на всяких модных курортах. Зачем я туда ездила? Едут все, потому что престижно, потому что надо непременно увидеть все эти истоптанные миллиардами ног достопримечательности, а мне всегда хотелось только домой.

В комнатах все было по-прежнему. Снаружи мы, конечно, дом подновили, выложили кирпичом, сделали пристройку, провели воду и газ. Но в комнатах мама не разрешила ничего трогать. За буфетом остался даже кусок старых обоев, которые поклеил отец, когда мне было семь лет, на стенах висели мои похвальные грамоты. Часы, которые давно уже не ходят, стояли в углу. А в письменном столе лежат мои школьные тетрадки, дневники, старые песенники, знаете, такие забавные, куда мы с девчонками записывали модные песенки, пожелания и смешные глупые стихи. Там, среди своих детских вещей, я поняла, зачем надо дальше жить и где найти силы.

Мы с мамой пили чай с травами, говорили о погоде и об урожае. Потом я рассказала ей о Саше, о том, что произошло и что, возможно, он со мной разведется. Мама не стала меня утешать. Сказала только: «Что бог ни делает, все к лучшему». Так мы за чаем сидели часов до девяти. Стемнело. Я стала собираться в Москву. Слава не любит ночевать один, хотя ему уже пятнадцать. Собралась, села в машину. Приехала домой где-то, в половине одиннадцатого.

— Сын был дома?

— Конечно. Мы не очень-то близки, как и всякий мальчик, он больше тянулся к отцу. Только отец не проявлял к сыну большого интереса. Но в тот вечер Слава был ко мне очень внимателен — или мне так показалось, потому что я освободилась наконец от мужа и начала замечать других. Тут я и вовсе успокоилась. У меня оставалось двое дорогих людей: мама и сын. Что еще человеку надо?

Выпила успокоительное и легла спать. Разбудил меня ваш звонок. Знаете, даже не поняла сначала, что Саша убит. Для себя я его уже потеряла, конечно, но чтоб он вот так умер...

— Что вы подумали в тот момент?

— Не знаю. Кажется, обвинила себя, что не успела предупредить мужа. Как будто пожелала ему смерти. Я ведь видела мужа Лады, он готов был растерзать Сашу. По-моему, Андрей любил свою жену до безумия.

А потом я испытала облегчение. Не надо будет никому ничего объяснять, я не стану брошенной женщиной, я не буду испытывать унижение от чужого сочувствия и жалости. Это я, наверное, у Серебрякова научилась в одиночестве переживать горе и прятаться от людей. Роль вдовы приятнее роли брошенной женщины.

— Значит, вы были убеждены, что Александра Сергеевича убил Андрей, муж его любовницы? И предпочли об этом промолчать?

— Зачем разрушать еще и чужую жизнь? Из мести? Я не жажду чужой крови, тем более не испытываю желания покарать убийцу. Он существенно облегчил мне жизнь, избавив от стольких мучений. Цинично, конечно, но что поделаешь. Единственное, что меня тревожит, так это сын. С того вечера он смотрит на меня как-то странно. Я приехала поздно, вся на нервах, не удивилась, когда узнала об убийстве его отца. Не хочется в глазах собственного ребенка выглядеть кандидаткой в возможные убийцы. Пусть знает, что его мать не убивала его отца.

— Мне все же придется проверить ваше алиби. Наверняка соседи видели, как вы уезжаете. Спасибо за столь откровенный рассказ.

— Не за что. Глупо скрывать то, что так легко вытащить на поверхность. Видите, пряталась, пряталась от вас, а все равно пришлось признаться и подвести Андрея. Если вы сможете найти смягчающие обстоятельства, я буду вам признательна. Он действительно хороший человек. Поверьте.

— Убийство в состоянии аффекта. Но и это надо доказывать.

— Кофе еще хотите?

— Да, спасибо. — Они еще четверть часа сидели на кухне, вдыхая запах кофе и маленькими глотками впитывая божественный напиток. Каждый думал о своем: Ирина Серебрякова еще была под

впечатлением своей исповеди, Леонидов уже обдумывал варианты допроса Андрея Елистратова.

Глава 5 И ТОЛЬКО МАЛЕНЬКОЙ ЛЮБВИ НЕ БЫВАЕТ

Леонидов ехал к женщине, вокруг которой завязался такой плотный клубок сложных человеческих взаимоотношений, и не представлял, как сможет эту женщину в чем-то обвинить. Он боялся не справиться со своими чувствами и подпасть под ее обаяние. Красота всегда вызывает в людях священный трепет, даже если она создана для того, чтобы разрушать.

Лада Анатольевна Елистратова жила с мужем и сыном в одном из старых микрорайонов Зеленограда. Их квартира на десятом этаже выходила окнами на раскинувшийся вокруг города лес. Огромное кухонное окно было своего рода рамой для роскошного пейзажа, отражавшего красоту начавшейся осени.

В эту картину великолепно вписывалась невысокая женщина, опиравшаяся спиной о подоконник и обратившая к Леонидову красивое, но с уже начавшей увядать красотой лицо. Она сама была ранней осенью, еще молодой и прекрасной, испорченной только легкой грустью и сожалением о том, что лучшие дни все-таки позади. Черные длинные волосы Лады Анатольевны, скрученные в узел на затылке, подчеркивали прекрасную форму головы и выгодно оттеняли голубой цвет глаз. Ни одна из линий этого изумительного лица не была красива сама по себе: нос слегка вздернут, глаза небольшие, а рот, в противоположность им, слишком велик, ресницы обычной длины, легкие веснушки на щеках. Но все вместе составляло гармонию, которая называется красотой. Глядя на нее, хотелось стать хоть немного причастным к редкой красоте, на которую иногда расщедривается матушка-природа.

«Пожалуй, Ирина Сергеевна пристрастна к этой женщине, хотя всячески от этого отрешивается», — подумал Леонидов, вспомнив, как отозвалась о Ладе Серебрякова.

Они молчали уже минут десять. Он не решался начать разговор: Лада привела его на кухню и замерла у окна, ожидая вопросов.

— Что же вы молчите, Алексей Алексеевич? Правильно я запомнила ваше отчество? — наконец проявила инициативу она и,

уловив ответный кивок Леонидова, продолжила: — Я готова с вами побеседовать, хотя, признаться, неважно себя чувствую. Последние дни были не самыми приятными в моей жизни.

— Извините. Не прийти к вам я не мог. И есть доля вашей вины в том, что приходится сегодня так тяжело . переживать. Если бы вы вышли замуж за Серебрякова пятнадцать лет назад, то сейчас ни вам, ни вашим близким не было бы так больно.

— Вы были у Ирины? Боюсь, ее иллюзии имеют мало отношения к тому, что произошло на самом деле. Все, что она вам сказала, лишь бред ее уставшего воображения. Столько лет жить надеждой на признательность Александра — от этого можно помешаться.

— А она к вам не так жестока, Лада Анатольевна. И я не нашел у нее следов умственного расстройства. Ирина Сергеевна не кинулась обвинять вашего мужа в убийстве, хотя на основании ее показаний дело давно могло быть раскрыто.

— И я, конечно, должна быть ей невероятно признательна? Но у меня что-то не возникает подобного чувства.

— За что же вы так не любите Ирину Сергеевну?

— Да, не люблю. И у меня есть право не объяснять причины.

— Странно: вы уводите у нее мужа, разбиваете жизнь, она вас великодушно прощает и даже защищает.

— Да, я любила Сашу, и она его любила. Но ее любовь оказалась сильнее, раз пережила эти годы. Почему я так отношусь к Ирине? Просто завидую. Да, Бог дал мне больше, чем ей, он дал мне право выбрать любого мужчину. Но он не дал мне ни одного сильного чувства, чтобы это право осуществить.

— Почему вы не вышли замуж за любимого человека? Не попытались построить свою жизнь с ним?

— Пыталась. Но, наверное, была не слишком убедительна. Мы объяснились с Александром.

— Когда?

— За неделю до моей свадьбы. Все уже было решено: заказан ресторан, разосланы приглашения, студсовет выделил комнату в общежитии. Не знаю, что на меня нашло в тот день. Вообще та весна была какой-то нервной...

Весна действительно была для нее какой-то нервной. Все валилось из рук, не хотелось ходить на лекции, раздражала капризная

погода, когда яркое солнце сменялось холодным дождем, а больше всего раздражала предстоящая свадьба. Лада смертельно устала за этот последний месяц. Столько суеты, было со свадебным платьем, туфлями, шляпкой: все необходимо было достать. Лада не выносила дисгармонии в одежде — наверное, потому, что папа ее был художником: талант свой он дочери не передал, зато наградил удивительным чувством цвета и пропорций. Многие годы люди подавали, заявление в загс из-за приглашений в салолы для новобрачных, где можно было раздобыть модные дефицитные, вещи. Но даже в этих магазинах трудно было найти что-нибудь оригинальное, соответствующее изысканному вкусу Лады. Когда же наконец было покончено с нарядами, пришлось бегать по магазинам в поисках продуктов к свадебному столу. Ужин в ресторане был, конечно, заказан, но кое-что предстояло докупить. Да и на второй день, когда предполагалось продолжить празднество в квартире родителей, нужно было позаботиться, чем кормить гостей. Мама Лады была категорически против ее замужества и почти не помогала, родители Андрея, наоборот, принимали горячее участие, но оказались людьми непрактичными и тратили уйму денег понапрасну. Будущей семейной паре пришлось все взять в свои руки.

Часто, вернувшись в общежитие после беготни по необъятной Москве, Лада задавала себе один и тот же вопрос: «Кому это нужно?» Она охотно посидела бы в каком-нибудь скромном кафе в компании близких друзей и обошлась без всякой помпы и без грандиозного гуляния подвыпившей родни. Планировалось чуть ли не двести человек гостей, кавалькада машин у загса, груды цветов и чудовищных размеров свадебный торт.

Лада готовилась пережить это стихийное бедствие, но сил почти не осталось. Сейчас, совершенно разбитая, она лежала на кровати и не могла прийти в себя. Почему-то вспомнилась примета, что если выходишь замуж в мае, то всю жизнь маяться будешь.

«Не буду я маяться, не буду, — уговаривала она себя. — Андрей меня очень любит. Никто и никогда не будет меня так любить. Никто и никогда...» Эти слова начинали напоминать заклинание: Лада уговаривала себя поверить в собственное счастье. Но в душе не было ощущения того, что все было благополучно, имелось только глубокое

отвращение ко всему, что с ней должно было произойти через несколько дней.

Да, самой, природой Ладе предназначалось право выбора. Она могла принять любое из многочисленных брачных предложений, но сердце ее молчало. Лада была лишена сильных эмоций, предпочитала пассивно принимать все происходящее, многочисленные знаки внимания скользили, по ней, как солнечные лучи по прохладной воде, не достигая дна. А жить в общежитии становилось все тяжелее. Каждый считал себя вправе приходить в любое время, чуть ли не ночью, навязывая свое общество девушкам. Соседка беззастенчиво пользовалась Ладиными вещами и талантом притягивать к себе мужчин. В их комнате постоянно толпился народ. Кто-то играл на гитаре, кто-то пил чай, кто-то включал на полную громкость магнитофон, демонстрируя модные, дефицитные записи.

Лада устала от бесконечных попыток мужчин напоить ее, чтобы затащить в постель, купить, соблазнить дорогими шмотками или оригинальностью своего ума. Каждый считал своим долгом попробовать: авось получится. Она стала женщиной для всех: никто не мог похвастаться ничем конкретным, но все намекали на свои особые с ней отношения. Ей надоело опровергать вздорные слухи и выставлять за дверь поздних гостей. Три года Лада как-то протянула, но потом поняла, что дальше так продолжаться не может.

Она решила выйти замуж за человека, который сможет оградить ее от назойливых ухаживаний и не будет требовать горячей ответной любви. Лада мечтала всего лишь о спокойных ночах, о возможности нормально доучиться, получить диплом и избавиться от шлейфа слухов.

Андрей Елистратов оказался кандидатурой подходящей. Во-первых, он был скромн, тих и никогда не засиживался в их комнате позже десяти часов вечера, во-вторых, он был порядочн, потому что не пытался применить по отношению к Ладе ни одной из перечисленных выше гнусностей, в-третьих, он был физически очень силен, занимался вольной борьбой и даже выигрывал какие-то соревнования, никто не рискнул бы с ним связаться без угрозы собственному здоровью. И самой главной причиной была, конечно, его фанатичная страсть к Ладе. Он давно бы уже вышвырнул всех ее поклонников из заветной комнаты, если бы только получил на это

право. Право наконец было дано: они официально объявили о готовящемся бракосочетании. Андрей был счастлив. Поклонники исчезли с горизонта, как тучи после грозы, в комнате воцарился покой. У Лады и в мыслях не было торопиться со свадьбой, достаточно было лишь официального статуса невесты, но Андрей стремился укрепить свои позиции. Медленно, но верно дело шло к свадьбе. Ладе ничего и не надо было делать, она просто не сопротивлялась ходу событий и не успела опомниться, как был назначен день свадьбы. Елистратов упорно вел свою партию к свадебному маршу Мендельсона, почти уже празднуя победу, когда сердце его невесты неожиданно очнулось от многолетней спячки: на горизонте возник внезапным смерчем студент четвертого курса Александр Серебряков.

Если бы Ладу спросили, почему именно он, она не нашла бы ответа, как большинство людей, любящих не за что-то, а вопреки. Они полюбили друг друга именно потому, что не могли быть вместе. Серебряков не был особенно красив или жутко талантлив, он не блистал на спортивных ристалищах и не ставил целью — красный диплом, наоборот, он старался ничем не выделяться, но всеми был замечен. К Александру относились настороженно, потому что его реакция была всегда непредсказуемой. Лада же его заметила только потому, что он старался не замечать ее. Ее самолюбие было задето, она стала нарочно попадаться ему на глаза, чтобы лишить его ореола этакой неприкосновенности и заставить потерять голову, потом стала делать глупости в полной уверенности, что никто этого не замечает, и, наконец, влюбилась запоздавшей первой любовью, навсегда надрывающей сердце и оставляющей там внушительный рубец.

Их роман развивался с точностью до наоборот: чем больше они друг в друга влюблялись, тем заметнее избегали друг друга. Хорошо, когда из двух влюбленных хоть один обладает способностью сделать первый шаг, совсем прекрасно — когда оба, и трагично — когда никто. Так бывает только в юности. В более зрелом возрасте люди не боятся признаться и в более тяжких грехах, чем любовь. В конце концов, Лада решила выйти замуж назло, из мести, из дикой ревности к девушке, которой он умышленно уделял внимание. Просто чтоб доказать всем, что между ней и Серебряковым ничего нет.

И вот в тот майский день, за несколько дней до свадьбы с нелюбимым, но надежным человеком, она лежала на кровати, думала

об этом и неожиданно поняла, что не может больше сидеть дома и ждать, когда все решится помимо ее воли. Она надела старенькие джинсы, набросила ветровку и вышла на слепящий солнечный свет.

Вокруг блаженствовали очумевшие от яркого солнца люди. Их лица, уже слегка обгоревшие на солнце, сияли, как надраенная медь. Лада шла по студенческому городку, принимая приветствия и поздравления с предстоящим замужеством. Если бы ее спросили, что она ищет и куда идет, она не смогла бы ответить. Просто в такой необыкновенный день не должно быть места обыкновенным событиям. Даже мороженое, купленное в первом же попавшемся киоске, показалось вкуснейшим деликатесом, а знакомая березовая аллея — не чем иным, как дорогой в рай. Лада пошла по ней, щурясь на клейкие молодые листочки берез и замирая от гулкого стука сердца. Аллея выходила к спортивному стадиону, где группа веселых, почти совсем раздетых студентов гоняла мяч. Парни орали и охотно падали в мягкую, недавно пробившуюся на поле траву.

Саша сидел на трибуне и наматывал на колено эластичный бинт. Рядом валялась синяя спортивная сумка и бутылка из-под минеральной воды.

Лада подошла:

— Можно сесть?

Не отрывая глаз от травмированной ноги, он буркнул:

— Садись.

— Надо троксевазином натереть, а потом обматывать. У меня в комнате есть тубик.

— Обойдемся.

— Вы — это ваше величество Александр Серебряков? Может, глянешь хоть раз, а то не вспомнишь потом, какие у меня глаза.

Он поднял голову и внимательно посмотрел в улыбающееся Ладино лицо:

— Тебя можно поздравить?

— Пока еще рано. А тебе не терпится? Могу пригласить на свадьбу в качестве почетного гостя.

— Почему же не свидетелем?

— Потому что для свидетеля ты слишком слеп. Не видишь дальше сврего больного самолюбия.

— Знаешь, я, пожалуй, пойду. А то еще твой жених придет мне морду бить. Я не такой здоровый, как он, могу и в больницу попасть, а скоро сессия.

— Ты еще и трус?

— Ради своей девушки я не испугался бы, а ради чужой...

— Саша, тебе не надоело от меня бегать?

— А тебя что, задело, что я к тебе не пристаю, как другие? Тебе все мало? Замуж ведь выходишь, чего пришла.

Лада проглотила и это. Сегодня она решила высказаться до конца:

— Погода на улице хорошая. Не хочешь прогуляться?

— С тобой?

— А чем мое общество тебя не устраивает? Слушай, Саша, ты можешь хоть один день в жизни наплевать на все? Можешь ты сейчас поехать со мной покататься на речном трамвае, погулять в парке или просто в кино сходить, в конце концов? Зачем пришла. Спрашиваешь? Скажу! Я первая скажу, я тебя люблю. Это хороший повод для прогулки?

Александр встал, закинул на плечо спортивную сумку и сказал:

— Пошли.

Идя вдоль низкого заборчика, окружавшего стадион, Лада крепко держалась за его локоть, и ей было уже наплевать, что им вслед удивленно смотрят студенты.

«Кто-то из них непременно доложит Андрею, но мне уже все равно. Сегодня я буду счастлива», — думала она, прижимаясь к горячему плечу Александра.

В жизни каждого человека бывают дни, в которые вмещается целая жизнь, и, прожив их, уже не жалеешь ни о сером прошлом, ни о предстоящем безрадостном будущем. Такие дни врезаются в память, как след от ожога, и вспоминаются только в моменты большой боли. Тогда стоит их вспомнить, чтобы не жалеть ни о чем, что случится потом, и еще раз прожить короткий, но ослепительный отрезок счастья.

Этого дня Лада не забывала никогда. Сначала они пошли на пристань и сели в речной трамвай, который радостно рванулся резать серую воду Москвы-реки. Берега светились дымкой пушистой зелени, ветер трепал ее черные волосы и бросал их в лицо Александра, он отряхивался от них, как от паутины, и смеялся. Они целовались,

слизывая друг у друга с кончика носа и щек капли воды, впереди у них был длинный весенний день.

Потом был парк, белая беседка у воды, запах ожившей земли и заново родившегося леса. Лада никогда не помнила слов, которые были сказаны, — так, бессмысленный бред влюбленных, где каждое слово ничего не значит и в то же время значит все. В ее памяти все слилось в единый аккомпанемент жестов и поцелуев.

— Завтра я все скажу Андрею.

— Я сам скажу. Это наше с ним дело.

— Ты меня любишь?

— Люблю. Выйдешь за меня замуж?

— Да. Нам так хорошо вместе!

Но временами он мыслями был не с ней, о чем-то думал. Но Лада не хотела замечать досадных мелочей и не замечала. Она получила наконец-то самую желанную игрушку и не хотела в ней разочароваться. Упоение собственной победой кружило ей голову. Она получила все, что хотела, и этот пик упоительного взлета преследовал ее потом всю жизнь. Много лет спустя, легко получая дорогие, недоступные большинству вещи и неизменную любовь мужа, она так и не могла оценить их, потому что они доставались слишком легко. Но здесь, в этой некрашеной беседке, сидя на грязной лавке в обнимку с нищим студентом, она была уверена, что получила все, о чем только можно было мечтать.

День угасал. Майские ночи длинные, поэтому темнеет поздно, но быстро становится холодно потому, что солнце еще не набрало свою летнюю силу. Они замерзли и зашли в какое-то кафе со стандартным набором дежурных блюд и неопрятными столиками. Саша принес ей стакан чая и несколько бутербродов.

— А ты?

— Я больше всего люблю томатный сок и бутерброд с сыром.

— Я тоже. Давай делись.

— Нет, выпей сначала чай. Надень мой свитер, синяя вся.

— А ты что, в одной футболке будешь?

— Считай, что я джентльмен, а настоящий джентльмен ни за что не признается даме, что замерз.

— А потом будет страдать от воспаления легких и принимать от нее огромные букеты...

— Можно просто поселиться у джентльмена дома и стать ему родной матерью.

— Вот почему ты предлагаешь мне последнюю теплую одежду?

— А ты думала, я бескорыстен и порядочен? Нет, у меня коварные, далеко идущие планы. Вообще я несостоявшийся донжуан, а теперь представился подходящий случай.

Пока он болтал всю эту чепуху, Лада натянула теплый свитер и согрела руки о стакан чая.

— А что еще ты любишь, кроме томатного сока, Саша?

Он начал перечислять, сначала в шутку, но спустя некоторое время они с удивлением отметили, что любят одни и те же вещи. Им нравились одна и та же еда, одни и те же фильмы и одни и те же предметы. Они любили одно и то же вино, одну и ту же музыку, предпочитали иметь одних и тех же друзей.

— Слушай, Лада, нам будет с тобой неинтересно вместе. Я же все уже про тебя знаю, — пошутил Александр.

— Считай, что это не первый наш день, а сто первый. За несколько часов мы прошли такой длинный путь, — улыбнулась Лада.

Он бросил в урну смятый бумажный стаканчик:

— Пошли. А то действительно заболеем. До общаги еще доехать надо.

В электричке веселые шумные люди радовались жизни и удачно проведенному дню. Дети дремали, склонив головы на родительские колени, разноцветные воздушные шарики оседали на грязный заплеванный пол. Лада дремала, согревая дыханием замерзшее Сашино плечо, ей страшно не хотелось проспать хоть мгновение этого чудного дня, но усталость брала свое.

Он ласково дышал ей в макушку и тихонько шептал: «Спи, спи...»

Саша разбудил ее на нужной остановке. Прислушиваясь к щебету птиц в придорожных кустах, они добрались до общежития.

— Зайдешь? — сонно спросила Лада.

— Только чтоб довести тебя до кровати, а то ты свалишься по дороге возле чьих-нибудь дверей, и тебя непременно подберут.

— Ну уж нет, теперь я дойду. Когда ты придешь?

— Завтра. Мне сегодня предстоит разговор с Андреем. Давай высыпайся, завтра нелегкий день. Это сейчас все кажется так легко и ясно. Он так просто тебя не отдаст.

— Ты так говоришь, будто, мое мнение ничего не значит. Отдаст — не отдаст, какая разница?

— В жизни все решают мужчины. Запомни. Иди спи. — Он поцеловал Ладу в нос, слегка прижался губами к волосам. Потом постоял немного, посмотрел, как она вошла в подъезд, и, нахмурившись, пошел к мужскому общежитию. Предчувствия не обманули Серебрякова: у дверей его комнаты стоял Андрей...

...Наутро Лада проснулась, все еще наполненная вчерашним ощущением счастья. Сладко потянулась, взяла с тумбочки зеркало. Никогда еще собственное лицо не доставляло ей столько радости. Она гладила ровные черные брови, трогала милый вздернутый нос, водила мизинцем по шершавой линии губ. Было смешно, непонятно отчего, и немного страшновато. Потом Лада встала, особенно тщательно причесалась и пошла ставить чайник. Все это время она внимательно прислушивалась ко всем движениям за дверью, ей все время слышались шаги. Стук в дверь раздался только около одиннадцати. Лада бросилась открывать. На пороге стоял Андрей Елистратов, слегка бледный, но вполне уверенный в себе.

— Здравствуй, солнышко, как спала?

Лада замаялась, не решаясь его впустить. Андрей обнял ее, решительно передвигая внутрь комнаты.

— Андрей, разве ты не знаешь? Разве ты не разговаривал, ну вы не встречались?..

— Ты платье подшила? Ты говорила, что оно длинное... Торопись, времени мало остается.

Лада в замешательстве села на кровать:

— Свадьбы же не будет.

— Будет, — уверенно сказал Андрей, доставая из кармана какую-то бумажку. — Ты его ждешь, я знаю. Мы говорили вчера. Ты устала, перенервничала, наделала глупостей, а Саша просто не хотел тебя обижать.

— Как это не хотел обижать? — Лада почувствовала, как заколотилось ее сердце.

— Он тебя не любит.

— Он же говорил... Не может этого быть. Он меня любит, любит...

— Да мало ли что он там тебе вчера наговорил. Ты в зеркало на себя посмотри: красивая девушка, кто откажется с тобой по Москве прогуляться? Вот Сашка и дрогнул. Но жениться... никогда он на тебе не женится. Не хотел тебя расстраивать, но он тут тебе записку написал. — Андрей протянул обычный тетрадный листок, на котором размашистым почерком было написано только:

«Лада, я никогда к тебе не вернусь». И подпись: «Александр». Все.

Она долго не могла сказать ни слова. Она ничего не понимала. Ни одно из объяснений не приходило на ум. Андрей не торопил ее, молча смотрел в любимое лицо и ждал, когда можно будет продолжить.

— Хорошо, Андрей, но неужели ты мне вот так все простишь? Вчерашний день, когда мы с Сашей были вместе, когда я решила не выходить за тебя замуж?

— Какой вчерашний день? Да ничего же не было. Ну, прогулялась в компании с парнем в парк, я же не султан какой-нибудь, что мне на тебя, паранджу надеть? Я был занят, ты хорошо провела время, и давай об этом забудем, а?

— Я никогда не забуду.

— Ну и не забывай, как хочешь. Можешь всю жизнь умирать по своему Серебрякову, но ничего у тебя не выйдет. А я могу и еще подождать. Ну, давай отложим свадьбу?

— Не надо ничего откладывать. — Лада встала и пошла примерять свадебное платье. — Помоги мне надеть, Андрей. — Она прямо посреди комнаты стянула через голову свитер и обернулась, глядя в его напрягшееся лицо: — Разве мы не поженимся через неделю? Что ж ты стоишь? Ты-то меня любишь?

— Да, я люблю, — хрипло ответил Андрей, сжав крупными пальцами хрупкие плечи.

— Подожди, я дверь закрою, — сказала Лада, слегка двинув плечами, чтобы освободиться от горячих тяжелых рук.

Щелкнул замок, и скоро она очутилась в железном кольце его рук и обжигающих поцелуев. Андрей не стал отказываться от того, что в отчаянии ему было предложено, а Лада даже не почувствовала первой боли, потому что там, где было сердце, болело сильнее.

— До сих пор не знаю, что же тогда случилось. Через неделю была наша с Андреем свадьба, мы переехали в другое общежитие и

несколько месяцев не виделись вообще. Позже я узнала, что Саша тоже женился, меньше чем через год у них с Ириной родился ребенок. Надеюсь, теперь вы не будете обвинять меня? Я сделала все, что могла, Александр сам захотел, чтобы случилось именно так.

— А когда вы встретились спустя пятнадцать лет, неужели Серебряков так ничего и не объяснил?

— Мы это не обсуждали. Что случилось, то случилось.

— И вы решили оставить мужа и уйти к человеку, который один раз уже вас обманул?

— Я ничего не решила. Мужчины всегда решали все за меня. Просто в тот день, двадцать девятого августа, я вдруг поверила, что могу пережить еще один ослепительный миг счастья. Как глупо. Никогда нельзя повторить первую любовь. Она, как зарубцевавшаяся рана, всегда напоминает о себе, но трогать ее нельзя. Теперь рана открылась и залила всех кровью. Настоящей человеческой кровью. — Лада закрыла лицо руками, мысленно возвращаясь к тому дню, когда, забыв о семье, о муже, о стыде, безоглядно кинулась в омут одуряющей страсти.

— Знаете, мы прожили с мужем пятнадцать лет, и я никогда ни о чем не жалела. У меня была спокойная жизнь. После института Андрей получил распределение в один из столичных НИИ, и мы остались в Москве. Поначалу я тоже работала, потом родился Алеша. Муж все время где-то подрабатывал, а когда мы получили квартиру и переехали наконец из общежития, ушел из института и занялся бизнесом. Конечно, грандиозных успехов он не достиг, в отличие от Саши, Андрей никогда не стремился создать собственную империю. Но на обеспеченную жизнь нам хватало. Фирма у Андрея небольшая, но до недавнего времени процветающая. Сейчас он мне ничего не рассказывает, как, впрочем, и раньше, но думаю, что мы выживем.

Моя жизнь была слишком спокойной, подобно застоявшейся, в кругу воде, может быть, поэтому я так обрадовалась появлению в ней Саши. Впрочем, обрадовалась — не то слово. Я не обрадовалась, нет, я ожила. Он всегда был для меня ослепительным светом, и вот этот свет опять врывается в мою жизнь, и все остальное просто исчезает. Саша очень изменился. Теперь я увидела, уже не странноватого юношу, а уверенного; жесткого мужчину. Он просто брал свое. Сразу стал очень настойчив, никаких недомолвок и намеков, даже лицо его изменилось.

Я узнавала его и не узнавала. Конечно, мы не молодеем, я тоже изменилась, но он как будто все в себе перетряхнул. А мне просто захотелось получить то, что не досталось тогда. Знаете, как бывает, когда хочется по-другому прожить какой-нибудь день своей жизни. Кажется, что исправишь ошибки, все изменишь к лучшему, а получается еще хуже. Нужно хранить свои мечты, но не надо их осуществлять.

Сначала Андрей сделал вид, что ничего не происходит. Сразу же согласился пойти в гости к Серебряковым. Кстати, он никогда не вспоминал о том, что случилось тем майским днем, как будто его и не было в нашей жизни, и не было никакого студента Александра Серебрякова, которому вешалась на шею его будущая жена. С Сашей они вполне мирно беседовали, обсуждали последствия кризиса, разговаривали о политике. Так, типичный мужской треп, вызывающий у женщин зевоту. Потом зазвонил сотовый. Ирина ушла на кухню, мы остались одни.

Все как будто складывалось специально для того, чтобы мы соединились снова. Говорили какие-то безумные слова и не могли друг от друга оторваться. Саша, как и тогда, сказал, что сам все устроит. Чтобы я ни о чем не думала, только о том, что мы будем вместе. Договорились, что я позвоню ему в понедельник и мы встретимся.

Уже в тот вечер поведение мужа показалось мне странным. Почти не разговаривал, не надоедал, как обычно, с поцелуями. Знаете, с годами он любил меня еще больше. Когда был дома, всегда старался находиться рядом, крутился на кухне, пытаюсь помочь. А в ту субботу закрылся в комнате и что-то делал, меня не пустил.

— У него был пистолет?

— Что? Не знаю. Я была слишком поглощена своими чувствами, чтобы думать о чем-то другом. Отсутствие Андрея было очень кстати, мысленно я уже была на предстоящем свидании, думала, что надеть, чтобы понравиться Саше, куда мы поедем, как все у нас будет. Спать мы с мужем легли в разных комнатах. Но никаких объяснений не было. Весь следующий день я бегала то в парикмахерскую, то к массажистке, примеряла кучу платьев, повторяла про себя тысячи безумных слов, которые хотела Саше сказать. День пролетел незаметно. Вечером Андрей долго не приходил, когда же появился, то ужинать не стал, опять ушел к себе. Хорошо, что Алеша был на даче у

бабушки, он переживал, когда мы с Андреем ссорились. Впрочем, это бывало очень редко. Я иногда уставала от однообразия своей жизни и заводилась от какой-нибудь мелочи. Тогда мы с ним просто куда-нибудь уезжали, чтобы развеяться и освежить впечатления. Этим заканчивались все размолвки.

Двадцать девятое августа. Я прожила в этот день две половины своей жизни: одну самую счастливую, а другую самую несчастную. — Лада сделала паузу. — Хотите выпить, Алексей Алексеевич?

— Да, не откажусь.

Лада достала бутылку джина, тоник, лед. Себе налила примерно один к двум, Леонидову плеснула неразбавленного и положила несколько кубиков льда.

Они молча выпили, Лада как бы задумалась. Наконец продолжила...

— Саша позвонил мне около часу дня. Сказал, что уже купил для нас квартиру в Митине, объяснил, как туда добраться. Мы договорились, что встретимся там через час. Я рванулась, как безумная, ничего вокруг не замечая.

Лада действительно ничего не замечала. Серая «вольво» ее мужа следовала буквально в нескольких метрах, но Лада гнала свою машину, не обращая внимания ни на что, кроме дороги. Ей хотелось взлететь над этим потоком металлических коробок и очутиться там, где ждал ее Александр.

А он действительно уже ждал. Когда Лада набрала код, тяжелая дверь открылась сразу, Саша стоял у лифта на пятом этаже с безумно счастливыми глазами. Он схватил ее за руку и буквально втащил в квартиру. Они стали жадно целоваться прямо в темной прихожей. Так, обняв друг друга, непрерывно целуясь, они вошли в зал, где на огромном полированном столе стояли в хрустальной вазе роскошные розы. У комнаты был еще нежилой вид, новенькая мебель пахла магазином, вещи лежали на своих местах, следы человеческих рук еще не легли на гладкие блестящие поверхности стекла. Ладе вдруг стало как-то неуютно.

— Я не все успел, — сказал Саша, заметив ее смущение. — Мебель привезли только вчера, да и то только в эту комнату. Это, конечно, не то, к чему ты привыкла, но все здесь будет, как скажешь. Я хочу, чтобы ты оживила своими руками наш дом.

— Саша, что ты задумал?

— Решил сделать то, что обещал много лет назад: жениться на тебе. Иди сюда, любимая...

— Подожди. Почему ты думаешь, что это нужно?

— Потому, что я так хочу. И ты этого хочешь. Разве ты меня разлюбила за эти два дня? — Он посмотрел на Ладу с неприятной насмешливой улыбкой.

— Нет, я не разлюбила тебя ни за два дня, ни за пятнадцать лет.

— Тогда иди сюда. — Он протянул руки и кивнул на огромную кровать.

Лада приблизилась и присела. Что-то еще мешало ей, какая-то неприятная мысль или чье-то имя, вертевшееся на языке. Саша целовал ее обжигающими страстными поцелуями. Как он умел целовать: жадно, настойчиво и властно, так, что не было сил оторваться от его губ. И все исчезло, все окружающее слилось в узкую светлую точку, где в наслаждении плавилась их тела.

Он был подтянут и мускулист, почти как ее муж, но тоньше и гибче. Лада не любила заниматься любовью, со временем она научилась отвечать на ласки Андрея и даже находить в этом удовольствие, но такого жгучегопряного чувства ей не приходилось испытывать никогда. Это было совсем другое: темное пьянящее желание, затмевающее разум, стремление освободиться от всего и насладиться властью берущего расплавившееся тело мужчины. Кожа горела от самых незначительных прикосновений, тело стремилось навстречу ласкам Александра. И сама Лада никогда так смело не ласкала мужчину.

Прошло всего несколько минут, но мир вокруг изменился. Вещи уже не казались чужими, комната — нежилой. Лада не могла ни о чем думать, она просто лежала на Сашинем плече, вдыхая его запах. Голова слегка гудела, щеки горели так, что казалось, будто через тонкую кожу сейчас прорвется кровь.

— Люблю тебя, — шепнула она, трогая его слипшиеся пряди волос.

— Тебе понравилось?

— Ты, об этом спрашиваешь? Ты что, ничего не понял?

— Я хочу, чтобы ты сама об этом сказала. Лада смутилась.

— Чур я первая в ванну. — Она пролетела по пушистому ковру, кутаясь в прихваченную с кровати простыню. В ванной висел новенький шелковый халат и лежала куча полотенец. Лада залезла под теплый душ и начала постепенно согреваться. Вместе с теплом к ней возвращалось ощущение неуверенности в том, что она поступает правильно.

Саша ждал ее с бокалом вина в руке и тарелкой фруктов. Лада уткнулась носом в шею, пытаясь в тепле любимого тела найти поддержку своим новым ощущениям.

— Распусти волосы, — попросил он, поставив бокалы на журнальный столик рядом с кроватью.

Лада вынула шпильки из растрепанной прически. Длинные черные волосы упали ей на спину, распространяя вокруг тонкий цветочный аромат. Саша уткнулся в них лицом и тихонько начал дуть, чтобы они разлетались в разные стороны.

— Давай поедem ужинать в какой-нибудь ресторан! — предложил он.

— Зачем?

— Хочу, чтобы все меня увидели с самой красивой женщиной на свете.

— Ты грубо льстишь. Но я тебе верю. Мне никуда не хочется идти. Надо поехать домой, приготовить ужин. Я забросила домашнее хозяйство со своей любовью.

Серебряков внимательно посмотрел на нее:

— Когда ты сюда переедешь? — : Ты думал о наших семьях?

— Конечно. У меня сын уже почти взрослый, отправлю учиться куда-нибудь в Англию. А твой Алешка будет жить с нами.

— А если Андрей этого не захочет? Или сын?

— Ерунда какая. Ребенок при разводе всегда остается с матерью. Не переживай, все наладится. Это только кажется, что так страшно менять свою жизнь. Мир ведь не изменился: солнышко по-прежнему светит, дома стоят на своих местах, люди не стали ходить вверх ногами. А на то, что они о тебе думают, наплюй. Денег у меня хватит, чтобы устроить себе маленький необитаемый остров, посреди этого людского дерьма.

— Ты стал таким злым.

— Не бойся, не для тебя. Пока ты меня любишь, у нас не будет проблем.

— А если разлюблю? — пошутила Лада, глядя в стальные непрозрачные глаза.

— А этого уже я не допущу, — засмеялся Саша и снова начал ее целовать.

«Почему, когда он меня целует, я перестаю задавать себе нужные вопросы?» — думала Лада, вновь погружаясь в сладкую одурь. Теперь Саша уже не спешил, медленно ласкал ее тело, растягивая острое удовольствие ожидания...

Потом, когда все кончилось, Лада спросила:

— Сколько же у тебя было женщин?

— Одна. Сейчас. На других я просто тренировался. — Он пружинисто поднялся и пошел в душ.

Потом они снова лежали рядом, разглядывая друг друга. Лада никак не могла привыкнуть к тому, что рядом лежит раздетый мужчина, но не ее муж.

— Ну что, постарела? — наконец не выдержала она.

— Ты самая красивая женщина. — Он потянулся за сочной гроздью винограда.

Лада лениво щипала янтарные ягоды и не решалась опять начать серьезный разговор.

«Я оставлю это на потом, не хочу портить такой прекрасный день. Пусть сегодня мне будет хорошо», — подумала она и, вздохнув, стала укладывать волосы в прическу.

— Саша, застегни мне платье.

— Все-таки поедешь сейчас к нему?

— Да его и дома-то нет. Второй день почти не разговаривает, спит в своей комнате. Так что не переживай, я буду все время только о тебе думать.

— Что ж, отложим до завтра. У меня сегодня как раз есть одно дельце. Надо разобраться с делами, а потом устроим твой переезд.

Лада подумала, что так и не сказала ему «нет».

— Знаете, я так и не сказала ему «нет». Язык не повернулся, думала отложить до следующего раза.

— Как же вы собирались жить дальше? Думали, что Серебряков оставит вас сам, или хотели иметь его в качестве любовника?

— Я должна бы обидеться, но скажу просто, что не знаю. Ничего я не знаю, как бы все у нас получилось. Это я сейчас с такой уверенностью говорю, что не оставила бы мужа, потому что Саши уже нет. В тот день меня просто несло по течению, и ничего не казалось таким определенным. Потом, когда мы вышли из подъезда, произошла эта ужасная сцена. — Она снова глотнула из стакана.

— Какая сцена? — насторожился Леонидов.

— Мы с Сашей вышли вместе. Он решил заехать в офис, мне срочно надо было домой, чтобы прийти раньше Андрея, и тут у подъезда я увидела его «вольво». Как только мы вышли, он тут же выскочил из машины и подбежал к нам. Знаете, я терпеть не могу сериалы, считаю, что весь этот бред можно говорить только в каком-то кошмаре, а тут произошла прямо сцена из пошлого фильма: муж застукал жену на месте преступления и побежал бить морду любовнику.

Да, именно так все и было. Они бросились друг на друга прямо возле подъезда. Топтались на месте, как два барана, в какой-то миг мне даже стало смешно. Конечно, это дурацкий нервный смех, но я не могла его сдержать. Тут Андрей так врезал Саше, что я жутко испугалась. Подбежала к ним и сказала какую-то глупую фразу, вроде того что нечего меня позорить перед людьми. Хотя какие люди? Новый, почти не заселенный дом, вокруг ни души, да и никто меня не знает. Но Андрея мои слова как бы отрезвили, он сразу прекратил драку, схватил меня за руку и потащил в свою машину. Потом заорал: «Дай мне ключи от своей!» Он никогда на меня раньше не кричал. Я сразу отдала ключи, хотя и не поняла, зачем они ему нужны. Потом Андрей крикнул: «Сиди здесь!» — и снова пошел к Серебрякову. Драться они уже не стали, о чем говорили, я не слышала, все было не очень долго. Наконец, Серебряков как-то странно и неприятно засмеялся, а Андрей весь позеленел, я подумала, он сейчас снова ударит Сашу, но муж сдержался и вернулся в машину.

Мы рванулись с места, в окно я увидела, как Саша стоит бледный, с оторванными пуговицами и злым лицом. Я махнула ему рукой, он кивнул в ответ, а Андрей начал грязно ругаться. Нецензурных слов я от него никогда не слышала. Я молчала. Я была ведь виновата во всем этом кошмаре, что он меня ударит — не боялась, боялась, что муж сделает что-нибудь ужасное с собой или с Сашей. Андрей летел как

бешеный, несколько раз мы чуть не попали в аварию. Меня под конец поездки всю трясло.

Дома я спросила только: «Что же теперь будет?» Андрей сказал, что теперь это его дело, и велел мне никуда не выходить и никому не звонить. Потом выдернул телефонную розетку и забрал сотовый. Несколько минут муж копался в своей комнате, вышел с каким-то свертком. Я редела на кухне, Андрей отобрал у меня ключи от квартиры и ушел, заперев снаружи дверь.

Я страшно испугалась. За мужа, конечно. Андрей очень сильный физически человек, но не злой. А Саша непредсказуем, он способен был на все, он не стал бы моего мужа останавливать, а, наоборот, воспользовался бы ситуацией.

— В ваших словах нет никакой логики. Любили вы Серебрякова, а испугались почему-то за мужа. Говорите, что, если бы они встретились, убил бы Александр, а ночью на площадке у лифта находят его труп. Не понимаю...

— Именно потому, что был убит Саша, я сомневаюсь, что это сделал Андрей. В спину мой муж стрелять бы не стал, все произошло бы честно, и тем более не убил бы заодно двух невинных стариков. А Саша был более хладнокровен, он мог не просто убить, а еще и обратить все в свою пользу, например подать все как самооборону. Вот почему я не могу представить, что мой муж убил троих людей. Хотя дома его в тот момент не было. Приехал он поздно, уже после двенадцати, злой, колено разбито. Ничего объяснять не стал, мы вообще не разговариваем с того вечера, только при сыне стараемся создать видимость нормальных отношений. А утром в «Новостях» передали, что убит крупный бизнесмен Александр Серебряков и что убийство, судя по всему, заказное. Я нашла в себе силы, чтобы позвонить Ирине и узнать, когда похороны. В конце концов, нам было нечего больше делить.

Андрей отвез меня на кладбище. Да вы все видели, вы же там были. Вы стояли в сторонке и всех разглядывали, а потом стояли около красной машины с красивым молодым мужчиной.

— Да. Я там был. Скажите, Лада Анатольевна, что вы чувствовали на этих похоронах?

— Как ни странно, облегчение. Страшно говорить, но так лучше для всех нас.

— У меня создается впечатление, что вы и не любили его вовсе?

— Трудно сказать. Потом, когда я жутко испугалась за Андрея, то все поняла. Я любила Сашу только один день, тогда, в мае, а Андрея все эти годы, когда он был рядом. Это разная любовь: одна как яркая вспышка света, другая как равномерно греющий домашний очаг. А в жизни у нас так мало ярких впечатлений, что именно их хочется повторить, а то, что никуда не исчезает, увы, не ценится.

Потом, знаете, Анны Карениной из меня все равно бы не вышло. Я не готова разрушить семью, поддавшись страсти, презрев мнение общества и оставив сына. Андрей никогда бы мне его не отдал, да и Алешка не представляет себе другого отца. Всем, что мне дорого, я обязана именно мужу, и кто знает, смог бы мне столько же дать Саша.

Почему я завидую Ирине: она не стала рассуждать, ломает себе жизнь или нет, когда выходила за Серебрякова, просто пошла за ним, в ее жизни будто другого выбора быть не могло. Если бы я могла так любить... А у меня даже никогда не было силы просто сказать «нет».

— А где сейчас ваш муж, Лада Анатольевна?

— На работе, наверное. Он ведет себя так, как будто не имеет к убийству Саши никакого отношения: встает, как обычно, занимается делами, много времени проводит с Алешкой. Да что я говорю: все время, когда дома, только с ним и проводит. Я как чужая. Машина моя куда-то пропала. У меня нет сил съездить в Митино, может, она и сейчас там стоит. Сижу, что-то пытаюсь делать, но видеть никого не хочется. От людей тошнит. Будто кто-то, кроме меня, виноват. Вы арестуете мужа?

— Ну, если он собирается куда-то бежать...

— Вы смеетесь? Я же говорю, что Андрей на работе. В фирме дела идут неважно, он старается взять кредит в банке, спасает дело.

— А вы не можете предположить, что было в том свертке, который взял с собой ваш муж в день убийства? Оружие?

— Я ничего не буду предполагать, более того, мои показания вообще не могут быть приняты во внимание, потому что я жена. И против мужа я выступать не буду.

— Что ж, это ваше право. Остальное придется выяснять именно с Андреем Елистратовым. Знаете, Лада Анатольевна, я не представляю пока, как смогу вам помочь, но мне хочется, чтобы вы снова обрели если не счастье, то хотя бы покой. Может быть, вам самой все

рассказать мужу и вместе попытаться найти выход. В конце концов, даже если он и убил, то он всегда останется отцом вашего ребенка и самым любящим вас человеком.

— Спасибо. Если честно, мне не у кого искать ни совета, ни утешения. Поэтому спасибо, и помогите нам, пожалуйста...

Когда Алексей уходил из ее уютной, со вкусом обставленной квартиры, он опять думал о том, какие же разные бывают женщины. И самое главное, они сами толком не могут оценить свои чувства и понять, чего хотят.

До своего кабинета он добрался уже в шесть часов вечера. Матвеев ждал его, стоя у зарешеченного окна.

— Ну, как успехи, сыщик?

— Там такая драма на охоте, Павел Николаевич, трудно себе представить!

— Ну, ты мне свою начитанность не демонстрируй. Выкладывай голые неприкрытые факты.

— А факты таковы, что муж застукал жену вместе с любовником и решил выяснить отношения. И пистолетик у него, похоже, имелся.

— Что, обычная бытовуха?

— Она самая. И все из-за баб! Черт бы их побрал!

— Сбежать он не собирается?

— Не похоже. Сидит, ковыряется в бумагах. Я по пути звякнул на всякий случай его секретарше, Лада Анатольевна телефон дала. Зарылся, как крот, в свои балансы.

— Будем брать?

— Может, до завтра отложим? У меня что-то голова гудит. Надо переосмыслить. Знаете, что не вяжется в этой версии? Деньги. Зачем он прихватил этот проклятый пакет, если он действительно убил Серебрякова?

— Да, вопрос серьезный, но лучше будет, если тебе на них сам Андрей Елистратов и ответит. Как считаешь, Леонидов?

— Да никак я уже не считаю. Я просто домой хочу. Завтра предъявим обвинение этому Отелло.

Глава 6 О ЧЕМ ИНОГДА ХОЧЕТСЯ ПЛАКАТЬ МУЖЧИНАМ

Андрей Елистратов, действительно, и не собирался никуда бежать. Лада Анатольевна говорила правду. Его небольшая фирма катастрофически теряла деньги на замороженных банковских счетах, и он пытался как-то выправить тяжелое финансовое положение. Кризис и не думал сходить на нет, люди перестали вкладывать деньги в ремонт своих квартир, все дорогие покупки откладывались до лучших времен, в том числе и новая элитная сантехника, продажей которой занимался Елистратов. Поставщики уходили с российского рынка, сворачивая инвестиции и прекращая поставки заказанного оборудования. За последние полмесяца Андрей потерял уже половину денег, находившихся в обороте, но это был еще не конец. Он работал отчаянно и самозабвенно, спасая благополучие единственного, что было ему по-настоящему дорого в этой жизни: своей семьи. Меньше всего Андрею хотелось сейчас домой, если бы можно было ночевать здесь же, в рабочем кабинете, он так бы и поступил, но за пятнадцать лет семейной жизни у него еще ни разу не было повода не ночевать дома, и офис не был для этого приспособлен. Приходилось возвращаться в свою квартиру, которая теперь встречала его враждебной многозначительной тишиной.

Когда Елистратова в срочном порядке вызвали в прокуратуру, Андрей с трудом вынырнул из водоворота звонков, бумаг и неотложных переговоров. С трудом начиная воспринимать окружающий мир, он щурился на солнце, проникавшее в окна кабинета, как человек, несколько суток не видевший дневного света. Сначала Елистратов вообще не мог понять, о чем его спрашивают, с трудом сообщая необходимые для протокола сведения.

Леонидов ловил себя на том, что никак не может преодолеть симпатию к этому крупному, спокойному, сохранившему хорошую спортивную форму мужчине. Если этот человек и стал убийцей, то сделал только то, что должен был сделать для спасения чести своей жены и благополучия семьи.

— Андрей Михайлович, вы должны отвечать на вопросы конкретно, четко и помнить об ответственности, которая ложится на вас за дачу ложных показаний. Мы располагаем свидетельскими показаниями Ирины Сергеевны Серебряковой, которая в день убийства мужа видела вас следящим за ним. Как вы провели день двадцать девятого августа?

— Провел как обычно.

— Ездили на работу, назначали встречи, звонили по телефону?

— Да, все именно так.

— Однако сотрудники утверждают, что на работе вы не появлялись, позвонили только один раз, дали распоряжения, перенесли назначенные встречи и просили не ждать. Кроме Ирины Сергеевны, еще один человек видел вас в Митине, у дома, в котором незадолго до убийства купил квартиру Серебряков. Так что?

— Мои семейные дела касаются только меня.

— Возможно. Но не в том случае, когда убиты три человека и вы подозреваетесь в убийстве. Если вы, Андрей Михайлович, не вспомните, как провели тот день, и не сможете дать убедительных объяснений, нам придется задержать вас на трое суток в качестве подозреваемого до предъявления обвинения.

— Меня пугать не надо. Самое худшее, что со мной могло случиться в этой жизни, уже случилось. Теперь мне просто все равно. Жалко только, что не моя пуля уложила этого подонка. Но объяснять я ничего не собираюсь.

— Вы знаете, Андрей Михайлович, ваша жена уверена, что это вы убили Серебрякова, и страдает, что стала этому причиной. Если стреляли действительно не вы, то докажите это. Расскажите мне все, с самого начала.

— С самого начала — это слишком длинно.

— Ничего, у меня впереди целый рабочий день, да и вам торопиться не стоит. Жизнь — она еще может пригодиться.

— А зачем? Женщину, которая была смыслом моей жизни, я все равно потерял. Дело в том, что я всегда безумно любил Ладу...

Андрей Елистратов и в самом деле безумно полюбил Ладу с того самого момента, когда увидел в первый раз у дверей института, с волнением вглядывающуюся в списки студентов, зачисленных на первый курс. Никого красивее он до сих пор в своей жизни не видел.

Мальчик из глубинки, выросший в маленьком провинциальном городке, он с детства любил только физику и математику. Мир формул казался Андрею самым гармоничным, а загадочные для многих математические значки заменяли все виды искусства. Лада оказалась прекраснее самых изысканных геометрических линий, столь тщательно выводимых им на белоснежном ватмане.

Он не осмелился сразу приблизиться к неземному загадочному существу. Она стала для Андрея мечтой, он разглядывал ее тайком, следя за малейшими движениями любимого лица. Совсем немного времени нужно было ему, чтоб понять, что мечта несчастлива. Приглядываясь к толпе окружавших Ладу студентов, Андрей искал того, кто мог бы стать ему конкурентом, мысленно вливая себя в круг приближенных к королевской особе. Когда выяснилось, что Лада никому не отдает предпочтения, Елистратов понял, что у него есть шанс. Присоединившись к свите, он стал ждать. Терпение — вот что умеют ценить женщины. Терпение и преданность, как раз этими качествами природа наградила его сполна. Четыре года прошло в сладостном ожидании. Андрей не лез на глаза, уходил, когда просили, чинил все, что ломалось, в крохотной комнатке, где жили две девушки. К тому же Елистратов весьма прилично учился, звезд с неба не хватал, но над сложными задачками корпел с присущей ему усидчивостью. Все задания были у Андрея сданы в срок, и у обожаемой Лады, естественно, тоже.

К его постоянному присутствию привыкли. Со временем Андрей стал вроде привычного предмета интерьера, без которого уже невозможно обойтись. Высокий, плечистый, он старался не занимать много места, не производить лишнего шума, но все видел, все замечал и по-прежнему ждал.

Конечно, Елистратов не питал иллюзий, что Лада его когда-нибудь полюбит. Но если уж ей не дано любить вообще, то такой надежный мужчина, как он, — это лучший вариант. Наконец Андрей почувствовал, что его время пришло. Когда Лада начала оглядываться вокруг в поисках надежного защитника и друга, Андрей первым выставил свою кандидатуру, и она прошла. Дальше было проще: привыкнув к нему, Лада вскоре стала привыкать к мысли о неминуемой свадьбе.

Вот тогда Елистратов позволил себе расслабиться и поверить в сбывшуюся мечту. Он готов был нести свое сокровище по жизни на вытянутых руках, тем более что Лада была легка, как перышко, а он от природы получил силу Геркулеса. От избытка чувств Андрей даже написал стихи, чего не мог себе представить даже в самом страшном сне. Лада, конечно, над стихами посмеялась, но не обидно. К тому времени они уже подали заявление в загс. До свадьбы, правда, надо было подождать три месяца. Но что такое три месяца после четырех долгих лет длительной осады?

Угрозу своему счастью Елистратов почувствовал нутром, как охраняющая драгоценную кость собака чует подкравшегося вора. Он никогда не слышал от Лады имя Александра Серебрякова, никогда не видел их вместе, он просто знал, что к его мечте пришла наконец любовь. Только не к нему, Андрею, заслужившему эту самую любовь своей преданностью и верностью, а к случайному человеку, вытянувшему ее как выигрышный лотерейный билет. Елистратов готов был задушить соперника голыми руками за малейшее посягательство на свою невесту, но тот никаких посягательств и не демонстрировал. Наоборот, Серебряков Ладу старался обходить стороной, а она сама лезла ему на глаза и влюблялась все больше и больше. Этого уж Андрей никак не мог понять. Все происходило наоборот в этом странном мире, не то что в любимой им математике, где царила логика и следствия вытекали одно из другого. Привыкший строить свою жизнь по этим законам, он просто растерялся и не понимал, что надо делать, чтобы не упустить свое счастье.

Тогда же Андрей впервые познал, что такое жгучая ревность. Ночью, закрыв глаза и часами ворочаясь без сна, он представлял Серебрякова окровавленным, с разбитой головой или простреленной грудью, но математический ум подсказал Андрею другой путь, как разделаться с соперником. Елистратов стал пристально изучать своего конкурента, сошелся с его друзьями, стал проводить часы на футбольном поле, а не в тренажерном зале, чтобы Серебряков все время был на глазах. Исподволь он пересказывал Ладе сплетни, якобы услышанные от близких Александру людей, внушал мысль о том, что тот увлечен другой девушкой.

Все это пока срабатывало, до свадьбы оставалась неделя, как вдруг наступил крах. В тот майский день Андрей постарел сразу на

десять лет, пока ждал Ладу и Александра у дверей общежития. Из тех парней, с которыми Елистратов в последнее время играл в футбол, нашлись двое, которые подробно описали, как Серебряков уводил его невесту, будто свою собственность. Первой мыслью, было кинуться за ними, но куда? Гоняться по всей Москве в поисках романтической парочки и в конце концов ее прозевать? Нет, он выбрал прежнюю тактику и стал ждать. Один Бог знает, чего ему это стоило, но он выдержал, многократно просчитывая в уме варианты партии, которую должен был непременно выиграть.

Серебряков пришел поздно, уже после двенадцати. Он улыбался, и пахло от его свитера духами Лады. Увидев Андрея, Саша не удивился, жестом пригласил в комнату и попросил соседа оставить их вдвоем. Тот моментально испарился, а Саша плюхнулся на кровать и насмешливо спросил:

— Ну что, морду бить будешь?

— Зачем? Просто давай поговорим, как мужик с мужиком. Ты ее любишь?

— Предположим. — Серебряков по-прежнему усмехался.

Андрей, скрипнув зубами, проглотил и эту оскорбительную иронию.

— И ты хочешь на ней жениться?

— Ну разве я могу отказать такой девушке?

— Значит, ты любишь ее настолько, чтобы простить всех мужиков, в том числе и меня, и прощать всю оставшуюся жизнь?

Теперь Серебряков перестал смеяться:

— Ты что, с ней спал?

— И не только я. — Андрей не случайно втирался в доверие к близким друзьям Александра: кто-то поведал ему ту историю с матерью Серебрякова, и теперь Елистратов безошибочно бил по больному месту.

— Врешь! — Серебряков вцепился ему в горло. Андрей с трудом выдержал, чтобы не сорваться и не потерять самообладание. Он только слегка ослабил хватку и прохрипел:

— Спроси у мужиков. Имена назвать? Саша отпустил его, вытер пот.

— Она не шлюха.

— А ты проверял? Сколько мужиков я из ее комнаты выволакивал ночью! Да весь факультет об этом говорил. — Андрей знал, что многие хвастались тем, что провели ночь с Ладой, и при случае не стали бы этого отрицать.

— Как же ты тогда на ней женишься?

— Потому что я-то люблю ее настолько, чтобы простить все. Люблю, понимаешь? Мне плевать, что и с кем до меня было, и я могу удержать ее потом. А ты сможешь каждый день доказывать красивой женщине, что ты самый лучший? Вокруг нее всегда будет толпа. Думаешь, что любовь Лады вечна? погоди, приглядится, увидит, что ты ни с чем пирог, и начнет крутить хвостом. Замашки у нее еще те. Ну что, не передумал?

Серебряков молчал долго.

— Она все равно за тебя не выйдет, Елистратов. Даже если я на ней не женюсь, у вас все кончено.

— А это уж мои трудности. И ты, если хочешь от Лады избавиться, лучше сделай так, чтоб наша свадьба состоялась. В твоих же интересах. Если мы поженимся, я увезу Ладу в семейное общежитие и вы вообще не будете встречаться. А то она тебя живо окрутит.

Красивая баба, она как водка: знаешь, что вредная, а все равно тянет напиток.

— Ты же не пьешь, философ. Слушай, а может, ты врешь мне тут все? А?

— Иди. Проверь. Иди к ней в общежитие, спроси у соседки, что она скажет про твою прелесть. Послушай.

— Почему же ты на ней женишься?!

— Считай, что я дурак. Ну что, договорились?

— Чего тебе от меня надо?

— Напиши пару прощальных слов и сваливай. А мы тут сами разберемся.

— Я не хочу ничего писать этой женщине.

— Придется. Как же она узнает, что ты сбежал? Будет ждать, надеяться. Нехорошо девушку в неведении держать. Напиши два слова: мол, прощай, выходи замуж.

— Может, счастья еще пожелать? Идите вы все... — Серебряков схватил тетрадь с лекциями. Вырвал лист, что-то написал, порвал,

вырвал еще один. Наконец, черкнув пару слов на клочке бумаги, протянул Андрею: — Передай этой...

Потом он полез под кровать и достал спортивную сумку, обернулся к Елистратову:

— Все? Можешь уматывать отсюда, я на вокзал.

— Так ничего уже не ходит, ни электрички, ни автобусы.

— Ничего, я пешком.

Они вышли вместе. Елистратов проследил, как Саша зашагал по темному шоссе в сторону станции, и, усмехнувшись, пошел спать. То, что Андрей сделал, был первый в жизни подлый поступок, но он ни о чем не жалел, мысль о том, что просто восстановлена справедливость, помогала не сомневаться в его правильности. Логика восторжествовала над безрассудностью и импульсивностью, расчет оказался верен.

А дальше все было просто: Лада сама упала в его объятия, и свадьба состоялась в положенный срок. Все последующие годы совесть никогда не мучила Андрея: он безумно любил жену, она родила ему прекрасного сына, дела шли успешно, чему помогал верный расчет и все та же неизменная логика. Лада привыкла к Андрею, постепенно он приучил ее к своим ласкам, своей страсти, и казалось иногда, что она отвечает искренне. Мир приобретал определенные устойчивые очертания. Семья была внутри него, как стержень, как опора, на которой держалось все. Остальные люди и события вращались вокруг, иногда меняя орбиты, но не приближаясь ближе, чем было дозволено. Лада была закутана в кокон домашнего хозяйства. Магазины, ребенок, уборка, готовка, стирка поглощали поначалу все ее время. Когда появились деньги и приходящая домработница, время стали съедать парикмахерские, тренажерные залы, массажистки и портнихи.

Андрей был изобретателен по части изоляции жены от общения с опасными людьми, к которым он относил, например, мужчин. Ему ничего не стоило притвориться, например, привередой и требовать, чтобы Лада поддерживала прежние объемы талии и бедер. Или высказать недовольство по поводу недостаточной изысканности ее платьев и макияжа. Потом все поглотила забота об образовании сына. Мальчику непременно требовались какие-то специальные занятия, у него по очереди обнаруживали то музыкальные, то танцевальные, то

рисовальные способности. Елистратов настаивал на поисках лучших преподавателей и самых элитарных спортивных секций. В выходные вся семья шла в спортивный зал. Летом Лада выселялась на дачу к родителям, в глухую деревню, где проживали только безобидные старики. Все это, естественно, мотивировалось тем, что ребенку необходимо жить на природе. Конечно, лучшие курорты мира тоже входили в летнюю культурную программу, но там Андрей зорко стоял на страже, и его внушительная фигура сразу производила впечатление даже на самых отчаянных искателей приключений.

Теперь Андрей был спокоен. Выходные он обычно планировал на месяц вперед, организуя бесконечные поездки то на шашлыки, то в дома отдыха, то на лыжные базы, то просто к родителям. У них не было близких друзей, семья варилась в своем котле, не приглашая никого на календарные праздники и не отмечая их вне дома. Так прошла пора безрассудной молодости, когда еще преследуют мысли изменить свою жизнь. Вместе со зрелостью возраста пришла зрелость отношений.

Этот август обрушился на Андрея Елистратова, как ледяной ливень на раскаленный песок пляжа. Привычка хорошо жить затягивала мозг плотной пленкой застоявшегося жира. На окружающий мир Елистратов привык смотреть из окна своей дорогой машины, где было тепло даже в самую беспощадную стужу. Вся остальная людская масса копошилась где-то там, где люди высчитывали на весах недовешенные граммы и „запасали макароны и крупу, где месяцами ждали заработную плату и доллары видели только в кино, где женщины носили колготки тушинской чулочной фабрики, а мужчины — семейные трусы, где... Впрочем, эти «где» можно перечислять до бесконечности, и Андрей так никогда про них и не вспомнил бы. Но наступило пресловутое семнадцатое августа, и все пошло кувырком.

Беда, как известно, никогда не приходит одна. И второй удар потряс уже не финансовую базу Андрея Елистратова, он потряс саму основу существования — семью. В модном московском ресторане они встретили Александра Серебрякова. Бунтарь-одиночка, пытающийся оригинальничать юноша превратился в матеро-, го волка с оценивающим прищуром стальных глаз. Его железную хватку Елистратов почувствовал сразу: не обращая внимания на собственную

жену, Серебряков открыто обольщал Ладу. Устраивать скандал было бессмысленно, и Андрей вспомнил прежнюю тактику: выжидать и изучать противника. С этой целью он согласился на предложение Ирины по-дружески приехать в гости. Лада пошла охотно, только что-то слишком долго возилась с прической и подбирала платье и украшения. Она надевала то одни серьги, то другие, несколько раз распускала волосы, а когда сломала ноготь, расстроилась, как на похоронах близкого друга. Андрей все это наблюдал, но выводов пока не делал: все-таки пятнадцать лет прошло.

Когда в гостях у Серебряковых неожиданно зазвонил его сотовый, Андрей даже обрадовался: был повод оставить сладкую парочку вдвоем, тем более что Ирина очень вовремя ушла на кухню. Кстати, в зеркале, висевшем на стене в коридоре, Андрей видел, как она подслушивает, и понял, что в Серебряковой можно найти хорошего союзника. Вернувшись, он понял по лицам Лады и Александра, что они объяснились. Жена была необыкновенно оживлена, в машине все время смеялась, хотя выпила немного, вспоминала веселые студенческие истории, общежитие, вечеринки. Андрей понял, что она опять влюблена. Но почему снова он, этот злой гений, появляющийся в самые счастливые моменты жизни, похожий теперь на матерого зверя, окрепшего в борьбе за место под солнцем большого бизнеса?.. На всякий случай Елистратов стал подслушивать по параллельному телефону разговоры жены. Он был уверен, что Лада и Серебряков попытаются встретиться. Так Елистратов узнал о свидании.

Двадцать девятого августа ""он, как обычно, вышел из дома, но на работу не пошел: сел в машину и стал ждать. Жена вышла из дома в начале второго. Андрей. еще сомневался, что Лада это сделает, ведь за пятнадцать лет брака она ни разу ему не изменяла. Но Лада упорно гнала машину в сторону Митина, не замечая следовавшей за ее машиной машину мужа. До самого дома, где остановилась ее машина, Андрей надеялся, что она повернет назад. Около подъезда уже стоял «са-аб» Серебрякова. Андрей подождал, пока Лада войдет, и попытался спрятать свою машину за чахлыми кустами. Там-то он и увидел темно-зеленый «пассат» Ирины Серебряковой. Ее он сразу узнал, несмотря на то что лицо было плохо видно через затемненное стекло. Ирина испугалась, резко рванулась с места, задела забор. Андрей сидел в машине и ждал. Почему он не вошел? Всю свою жизнь

Елистратов старался не попадать в глупое положение. Что ему было делать? Бегать по этажам, ломиться во все квартиры в поисках неверной жены, устраивать безобразные сцены? Он не мог ни на что решиться. Он знал, что Лада по своему характеру безвольна и не привыкла к принятию решений, зато у Серебрякова воли хватало на целую роту. И Андрей пок'а не чувствовал в себе силы противостоять его воле. Поэтому он просто два часа просидел в машине, чувствуя, как с каждой минутой теряет все, чем до сих пор дорожил.

Когда Лада вышла из подъезда с пылающим, счастливым лицом и растрепанными волосами, Андрея будто с места сорвало. Разум захлестнула горячая черная волна ревности и злости. Он рванулся туда, где чужой ненавистный человек, как свою, собственность, держал за руку то, что до сих пор принадлежало только Андрею. Конечно, Серебряков был слабее физически, но тоже не щенок, и, слегка попортив его костюм, Елистратов понял, что голыми руками на глазах у публики, которая может с минуты на минуту появиться, избавиться от Серебрякова будет проблематично. Первое, что Андрей сделал, это оттащил жену в машину, чтобы без посторонних ушей сказать сопернику все, что о нем думает. Большинство этих слов толковалось в русском, языке как выражения, не поддающиеся цензуре, но одну фразу он сказал без мата:

— Жаль, что я тогда тебя не пристрелил, Серебряков. Думал, что от тебя легко избавиться, но такая гниль всегда вылезает снова.

Серебряков усмехнулся тогдашней своей улыбочкой, как человек, которому дозволено все:

— Ты, Андрюша, можешь беситься, но твоя жена, как и тогда, готова бежать за мной, стоит только поманить. Но теперь-то мне плевать, кто с ней до меня спал. Теперь мы с ней квиты.

— Ладно, мразь, я сейчас отвезу жену домой и вернусь по твою душу. Тебя на том свете давно уже сковородки заждались.

— А у тебя теперь, гляжу, другие методы. Поумнел ты, Андрюша. Только и я теперь не дурак. Смотри, мне проще на похороны потратиться, чем на развод... — Серебряков был бледен, но от злости, а не от страха.

Дальше Андрей действовал уже как запрограммированный на уничтожение автомат, все его движения были взвешенны и скупы. Он отобрал у жены все ключи от квартиры, чтобы она не помешала

привести в исполнение вынесенный Серебрякову приговор. При Ладе он не смог бы никого убить, слишком силен был в Андрее инстинкт оберегать ее от зрелища любого насилия. Там же, дома, Елистратов нашел запрятанный под диваном пистолет в картонной коробке из-под обуви. С оружием он сразу почувствовал себя увереннее.

Сев в машину, Андрей почему-то решил, что Серебряков вернулся в ту квартиру, где днем они были с Ладой, и рванул обратно в Митино. Черного «сааба» у подъезда не было, стояла только небольшая машина его жены. Тогда Андрей вдруг подумал, что неудобно гоняться по Москве за чужой машиной, сидя в своей большой и неповоротливой «вольво». В кармане лежали ключи от машины Лады, и Елистратов, поставив свою машину на сигнализацию, пересел в «гольф».

«Сааб» Серебрякова он нашел у магазина «Алексер». Припарковавшись поблизости, Андрей пытался успокоиться и сосредоточиться. Он затаился и ждал, сжимая в руке рукоятку пистолета. Стрелять издалека, посреди улицы, полной народа, не будучи уверенным в результате, Андрей не решился, тем более что Серебряков вышел из офиса с каким-то мужиком и тот невольно загораживал шефа от выстрела, или это сам Александр, чувствуя опасность, старался встать так, чтобы не оказаться под ударом. Пришлось ехать за ним по запруженной машинами Москве. Время было вечернее, многие возвращались с работы, поэтому приходилось маневрировать, чтобы удерживать в поле зрения черный «сааб». Теперь Серебряков почувствовал слезку и явно пытался оторваться.

«Все равно я тебя убью», — думал Андрей, крепко сжимая руль...

— Я хотел его убить. Но мне жутко не повезло. На одном из перекрестков Серебряков рванул на желтый, я ехал через две машины от него, попытался их обогнать, и сбоку в меня въехал «форд». Помню только удар, правую дверь, выгнувшуюся в салон, и ошавшего мужика, который на меня бросился из своего *«форда». А я сидел за рулем, глядя, как «сааб» исчезает в потоке машин, и впервые в жизни плакал от злости и бессилия...

Ну а потом началась эта кутерьма с гаишниками, свидетелями, протоколом. Народ набежал. Знаете, как это бывает. Позвонил знакомому, мы отогнали разбитый «гольф».

— А протокол у вас есть?

— Естественно. Тот мужик уперся рогом: мол, я виноват и должен ему чуть ли не новую машину. Права мне еще не вернули, езжу по временному разрешению. — Он достал из кармана портмоне, зашуршал бумагами и протянул протокол. — Для алиби у меня в свидетелях целая бригада ментов, если вас это устраивает.

— А где машина сейчас?

— В сервисе. Там работы на полмесяца хватит. Жаль, что не я убил эту сволочь. Наутро из «Новостей» узнал, что кто-то меня опередил. Значит, многим насолил покойничек: похоже, целая очередь была из жаждущих свести счеты. Не повезло...

— Вы радоваться должны.

— Чему? Лучше в тюрьме сидеть, чем видеть, что дома сейчас творится.

— Это вы так говорите, потому что никогда в тюрьме не были. Что ж, протокол подлинный. У меня вопросов к вам больше нет, вы свободны. Распишитесь, что показания с ваших слов записаны верно. Идите.

— Куда?

— Домой, Андрей Михайлович, домой. К жене, к сыну. Лада Анатольевна за вас очень переживает, мы с ней вчера долго беседовали. Пойдите, объясните все жене. Может, что и склеится.

Елистратов тяжело поднялся со стула.

— Вы действительно думаете, что у меня еще есть семья?

— А это уж вам решать.

У ворот Елистратов завел свою «вольво». Он внял совету Леонидова и поехал домой к Ладе, думая о том, как она его встретит и смогут ли они и дальше жить вместе.

Жена открыла дверь молча. Прошла на кухню, загремела посудой.

— Есть будешь?

— Да, разогрей что-нибудь. Как Лешка?

— Нормально. Ушел заниматься английским.

— В школе все хорошо? "Да.

И тут Андрей натолкнулся взглядом на ее жалобные глаза. Лада поддерживала этот дежурный разговор, явно боясь спросить о главном...

— Не убивал я твоего Серебрякова. Слышишь, не убивал! Никто меня никуда не посадит, я буду кормить семью, как и раньше.

Обеспечивать твое благополучие, хотя теперь сам не представляю как.

Лада вцепилась в его плечо, заплакала, размазывая слезы по бледному, постаревшему лицу:

— Андрей, прости. Я с ума сошла. Не знаю, что творю, — и совсем по-детски добавила: — Я больше так не буду.

Он прижал к широкой груди заплаканное дорогое лицо. «Жена, моя жена. Самая родная, самая любимая...» — думал Андрей, глядя тонкие душистые волосы. Легкий цветочный запах, исходивший от них, был все тот же, что и много лет назад, только на виске блестела белая прядь.

— У тебя прядка седая, Лада.

— Я постарела, Андрюша, и теперь уже не самая красивая женщина в этом большом безумном городе. Помнишь, что ты мне раньше говорил?

— Я глупец. Даже когда ты станешь совсем старенькой и у тебя поседеют все волосы, и мне придется кормить тебя с ложечки, ты всегда будешь для меня самой красивой женщиной во всем мире.

Они долго стояли обнявшись возле огромного окна.

— Я никогда не говорила, что очень тебя люблю?

— Не помню.

— Так вот, я не просто очень тебя люблю, я счастлива, что могу тебя так любить. Все, что у меня в жизни было хорошего, — это ты. Жаль, что нужно было пережить весь этот ужас, чтобы понять такую простую и очевидную истину.

— Спасибо. Странно как, ведь все, о чем я только мог мечтать, сбывается именно сейчас, когда я чуть не убил человека, когда разорился... Кстати, знаешь, что я разорился?

— Ну, нам есть где жить, мы можем продать мою машину, твою машину, купить что-нибудь подешевле и, в конце концов, поменять эту квартиру на другую, поменьше. Я могу пойти работать.

— Неужели ты сможешь так жить: бегать с сумками по магазинам, таскать их в руках, приходиться поздно вечером с работы, да еще и делать домашние дела?

— Знаешь, Андрей, ты уж слишком меня оберегаешь. Как же живут другие? И я не такая хрупкая и изнеженная, как ты обо мне думаешь, я все смогу. Главное, что со мной будешь ты и Алешка.

— Я всегда буду рядом. Любимая... — Разговор перешел в бессвязный шепот, они тихо говорили друг другу глупые, нежные и бессмысленные слова, и их маленький разрушенный мир снова начинал обретать реальные очертания.

Если в семье Елистратовых разрешились наконец все недоразумения, то Алексей Леонидов пребывал, наоборот, в полном трансе. Алиби Андрея подтвердилось полностью. Действительно, вечером двадцать девятого августа около десяти часов вечера он попал в дорожно-транспортное происшествие, и он никак не мог ожидать Серебрякова на площадке лифта с пистолетом в руке. Дело, которое, казалось, вот-вот должно было раскрыться, провалилось в никуда.

Леонидов сидел, рисуя на бумаге непонятные значки и фигурки, и думал, какую же версию разрабатывать теперь. Мыслей в голове не было, мозг превратился в полость, из которой только что выкачали весь воздух, а новый еще не поступил.

«Сколько ж народу вздохнуло с облегчением, когда тело Александра Серебрякова опустили в гробу на двухметровую глубину и засыпали землей? Да, кто-то постарался избавить народ от неприятностей, но кто? Куда девался злосчастный полупрозрачный пакет? Кто знал, куда направляется Серебряков после работы? Что вообще послужило мотивом? Вопросы, вопросы... И надо начинать все сначала, искать новых врагов, новых должников.

Что ж, придется вновь посетить большой белый, храм пылесосов и холодильников под вывеской «Алек-сер» и заново плясать оттуда. Начать надо, пожалуй, с тех семи адресов, что дала секретарша Марина, и отработать версию убийства из мести. Конечно, здесь все не так просто и не так быстро, как с той злополучной любовью, но попробовать стоит. Девяносто процентов из ста, что этот лотерейный билет без выигрыша, но оставшиеся десять — хоть маленький, но шанс».

Алексей вздохнул.

Опять сидеть вечером после работы, поджав ноги, есть макароны и глотать неизменные щи. Ляле так и не позвонил. Стыдно: как улизнул тогда, не попрощавшись, так и не объявлялся. Позвонить, что ли? Сунуть голову в приготовленную петлю: нате, тяните. Ляля дернет, дважды просить не заставит. Что, рискнешь, трус? На выбор:

макароны или пожизненная каторга, подслащенная вкусной кормежкой?»

Он вздохнул, так ни на что и не решившись, и потянулся к лежащему перед ним списку.

Семь адресов, семь фамилий, можно начинать хоть сверху вниз, хоть снизу вверх, нужная всегда окажется последней, таков закон падающего на пол бутерброда с маслом.

«Что ж, зачитаем:

Так, Никольская Лариса Михайловна, проживает в районе метро «Профсоюзная». И не так далеко, к тому же телефончик имеется.

Мильто Лилия Аркадьевна, Фрунзенская набережная... Неплохо, солидная девушка, можно навестить.

Анна Васильевна Гладышева, проживающая в Строгино.

Борис Аркадьевич Глебов, метро «Сокол». А, любимый «Сокол»! Вот куда хорошо бы заехать..

Следующим номером идет Коваленко Михаил Анатольевич, город Зеленоград. Ну, нет, туда ехать больше неохота, тащиться черт знает сколько, отложим до лучших времен.

Николай Петрович Иванов, Зеленоград. Что у них там, община? Или соседи по жилью решили состыковаться на работе? Тогда Зеленоград переносится на ближайшее обозримое будущее.

Последнее, что мы имеем, это Харламов Иван Александрович. Митино. Ну, там мы уже плавали, знаем.

Что ж, можно вырисовывать схему маршрута. Или вызвать их всех сюда? Адреса-то могли измениться, придется проверить каждый и, возможно, заняться розысками. Несколько дней на это уйдет, как пить дать, но других вариантов пока нет. Итак, начнем, помолясь».

Алексей набрал первый по списку номер телефона. Раздались многозначительные длинные гудки.

«Что ж ты хотел, еще не вечер. Люди наверняка на работе, будут они дома, что ли, сидеть, в надежде, что позвонит один такой молодой и красивый», — Леонидов вздохнул и начал набирать следующий номер. Телефон тоже не отвечал.

Наконец, на четвертом Алексею повезло, трубку взяла женщина:

— Алло, вас слушают.

— Это квартира Глебовых?

— Да, что вы хотели?

— Можно пригласить к телефону Бориса Аркадьевича?

— Он на работе. Что-нибудь передать?

— Вам звонит следователь Московского уголовного розыска Алексей Алексеевич Леонидов. Я расследую дело об убийстве хозяина фирмы «Алексер», где до недавнего времени работал Борис Аркадьевич, хотел бы задать ему несколько вопросов. Когда его можно застать?

— После семи часов вечера каждый день.

— Если я сегодня зайду, это нормально?

— Да, пожалуйста. .

— До свидания. — Леонидов положил трубку и поставил жирную птичку напротив фамилии Глебова. — «Зайду, пожалуй, сегодня, как говорится, на сон грядущий», — подумал он и набрал следующий по списку номер. Как и следовало ожидать, трубку никто не взял.

С шестым телефоном повезло больше: трубку взяла раздраженная немолодая женщина.

— Здравствуйте, — Леонидов постарался быть предельно вежливым, — Иванова Николая Петровича могу я услышать?

— А что случилось? Я его мама, — подозрительно сообщила женщина.

— Хотелось бы задать несколько вопросов, касающихся его бывшей работы.

— А кто вы? — не сдавалась женщина, не подпуская к телефону любимое дитя.

— Из уголовного розыска, — грозно заявил Алексей. Женщина сдалась и кликнула драгоценное чадо, но по недвусмысленному звуку он догадался, что мадам Иванова приникла к параллельному аппарату.

У Николая Петровича голос был совсем юным:

— Здравствуйте, я Коля Иванов.

— Очень приятно, Коля. Капитан Леонидов Алексей Алексеевич с тобой общается. Не слышали вы, случайно, об убийстве своего бывшего шефа, владельца магазина «Алексер» Серебрякова?

— Да, по телевизору передавали.

— Ведется следствие, нужно уточнить некоторые сведения у сотрудников фирмы. В том числе и бывших. Не можете нам помочь?

— А как?

— Зайдите завтра ко мне, если время найдется.

— Завтра мы с Ванькой вечером фуру разгружаем, если только утром могу зайти.

— А Ванька — это, случайно, не Иван Харламов, ваш бывший коллега по продаже утюгов и пылесосов?

— Что? Да, в «Алексере» мы вместе работали, а потом нас вместе и выперли. Сейчас мы с Ванькой на складах грузчиками подрабатываем.

— Значит, вместе и зайдите. Хорошо?

— Во сколько?

— Часикам к двенадцати я вас буду ждать. Договорились, Николай Петрович?

— Да, договорились.

— Ну, тогда до свидания. Маме привет, — не удержался Леонидов. Чего он не любил, так чересчур бдительных мамаш, опекающих единственное чадо до седых волос.

Перспектива допрашивать только-только достигших совершеннолетия пацанов его прельщала мало, но выхода не было: чем быстрее он покончит со списком, тем быстрее двинется дальше. А потом, кто знает, истина всегда прячется в самом неожиданном месте. Если эти юные Монте-Кристо затаили зло на бывшего шефа, то вполне могли сотворить подобную пакость. В юности чувство несправедливости особенно остро.

Леонидов вздохнул и опять принялся рисовать непонятные полугеометрические фигуры на клочке бумаги. Фортуна явно повернулась к нему тыльной стороной своего несговорчивого тела и недвусмысленно показывала пятую точку опоры. В поисках хоть небольшого светлого пятна Алексей пристально вглядывался в прошлое и будущее, но натыкался только на полумрак. И тогда его одолела жуткая лень, обычно имеющая привычку переходить в депрессию, если не удавить в зародыше гнусные мысли о никчемности бытия.

Леонидов вздохнул и пошел ставить чайник, чтобы заглотить немного бодрящего напитка, вливающего в жилы успокоение и оптимизм.

«Нет, пока есть на свете чашечка горячего кофе, Жить еще стоит, — решил он. — Вот и я сейчас сижу, чувствую, как пахнет кофе, и ситуация уже не кажется такой мрачной». Тут Леонидов вспомнил

синие глаза Александры Завьяловой, и ему стало совсем уж хорошо. А на улице погода опять поворачивала в сторону лета, решив порадовать людей последним и оттого особенно сладким теплом.

Около шести часов вечера капитан Леонидов собрал бумаги, сдал табельное оружие и, выйдя на свежий воздух, почувствовал, что готов к свершению новых ратных подвигов. Он не спеша поехал в столь милый сердцу район «Сокола», где проживал незнакомый еще ему господин Глебов.

Солнце слегка изменило хмурый облик столицы. И люди казались уже не такими мрачными, и к ценам народ слегка уже начал привыкать, и некоторые магазины осторожно, с опасочкой, но начинали снимать зловещие таблички, отказывающие населению в покупке товаров. Уличные продавцы выглядывали из своих палаток, как улитки из раковин: мол, пока еще торгуем, но в любой момент можем быстренько все свернуть. Но торговлишка шла, народ покупал нужные мелкие вещички, охотно расставаясь с легчающими прямо на глазах рублями.

Дверь в квартиру Глебовых Алексею открыла молодая женщина с усталым лицом. Из-за ее спины выглядывал взъерошенный светленький мальчик лет шести.

— Здравствуйте. Борис Аркадьевич дома?

— Это вы сегодня звонили? — узнала Леонидова по голосу женщина. — Проходите, пожалуйста. Боря, к тебе, следовательно.

Невысокий полнеющий мужчина в провисших на коленках дешевых тренировочных штанах появился в проеме кухни, что-то вяло дожевывая. Леонидов смущенно уставился на его заметно облысевшее темя, испытывая неловкость за собственную шевелюру. Алексей не любил иметь преимущества во внешности перед людьми, от которых ему что-то было нужно. Опустившийся Глебов вызывал у него только сострадание и потерю интуиции, потому что в душе начала поселяться вселенская жалость ко всем людям, несправедливо лишенным каких-то благ.

— Вы по делу? — наконец выдавил из себя Глебов.

— Да. Леонидов Алексей Алексеевич, сотрудник милиции. Вот удостоверение, ознакомьтесь.

Глебов неуверенно покрутил в руках кусочек картона, даже не пытаясь вникнуть в написанный текст.

— А чем я могу... — Он даже не утруждался договаривать до конца начатые фразы.

— Видите ли, вы работали до середины августа в магазине «Алексер», менеджером по продажам, если я не ошибаюсь. Об убийстве бывшего шефа наслышаны, конечно.

— Да, Миша мне звонил.

— Миша — это ваш уволенный коллега Михаил Коваленко? Вы поддерживаете с ним отношения?

— Он поддерживает, — отмахнулся Глебов.

— Может, пройдем все-таки в комнату, Борис Аркадьевич. — Леонидов уже почти пожалел, что пришел.

— Да, да, конечно, проходите.

Они прошли в единственную комнату, которая служила одновременно гостиной, спальней, детской, кладовой и еще бог знает чем для этой семьи. Жена Глебова схватила за руку большеглазого любопытного мальчишку:

— Пойдем, Даник, почитаем с тобой книжку. Леонидов, конечно, был интересен пацану больше, чем сказки братьев Grimm, но спорить тот не стал.

Когда большая часть семейства удалилась на параллельную территорию, Алексей продолжил:

— Чем же вы сейчас занимаетесь, Борис Аркадьевич?

Глебов обреченно посмотрел на темный экран монитора, стоявшего здесь же, в комнате, на столе. По нему медленно проплывали разноцветные рыбки. Сколько времени компьютер уже находился в режиме ожидания, одному Богу было известно.

— Работаю, — вздохнул Глебов..

— В какой-нибудь фирме, менеджером?

— Что вы, разве сейчас такую работу найдешь? Я на оптовом складе, все больше коробки двигаю. По части чернорабочей силы.

— У вас же высшее образование?

— А у кого сейчас не высшее? С этим нынче разве проблемы?

— И не пытаетесь найти что-нибудь получше?

— Знаете, я просто устал. Все это бессмысленно. Миром, к сожалению, управляют дураки, которые мнят себя божками и царствуют, создавая вокруг рай для себе подобных.

Услышав такую пространную и неглупую речь, Леонидов воспрянул духом и стал надеяться, что беседа все-таки состоится.

— Вас очень обидели, Борис Аркадьевич?

— Да не только меня. И всем оказалось плевать, что моему ребенку есть скоро будет нечего. Серебряков-то и так не шибко много платил. Хватало, конечно, чтоб неплохо жить втроем. Жена у меня не работает, ребенок. Да и жили-то как? Одним днем — все казалось, что так оно и будет. Что я, себе в банке импортного пива отказывал, что ли, или мальчишку в этот «Баскин Роббинс» не водил? Накопить ничего не удалось, конечно, все хотелось пожить, как людям. Не думал, что буду вышвырнут, как ненужная тряпка, за дверь. Лишнего я никогда не просил, работал сколько требовалось, и выходные, и проходные, с начальством не спорил, по субботам, если надо было, народ заменял. За что? До сих пор не понимаю. Если пахать, как я, и не угодить, то как же надо поступать, чтобы тебя ценили?

— Если вы так добросовестно работали, как говорите, отчего же Иванов вас невзлюбил?

— Да потому, что дело здесь не конкретно в моей персоне. Мы с Мишей были заодно, знали, что надо в первую очередь продавать, чтобы товар не залежался, как клиента убедить, как план выполнить. Короче, знали, как надо. А Валера столько ляпов начал делать, что никакого терпения не хватало. Ну, разве он допустил бы, чтобы под носом у него народ стучал начальству, что он дурак и ничего не понимает?

— А вы стучали?

— Мы — люди Паши Сергеева. Он нас на работу брал, он с нас и спрашивал. Ну и Серебряков время от времени интересовался, как дела, что лучше продается, как повысить оборот. Прибыль магазина — это моя прибыль, я с нее проценты получал, зачем же мне покрывать дурака, который ничего не смыслит в торговле?

— Если бы я что-то понимал в ваших делах! Один хороший, умный, начальство с ним советуется, а другой дурак, ничего не понимает. Первого гонят взашей, второй получает высокооплачиваемую должность и нанимает себе подобных. Это не логично.

— Зато это жизнь. Миром всегда правит серая посредственность, которая никого не затмевает и всем угодна, потому что не

конкурентоспособна.

— Вам сейчас очень тяжело, Борис Аркадьевич?

— Да мне, собственно, немного нужно. Ношу что придется, ем что дают. Не в этом дело. Душе тяжело, не телу. Веры в людей нет. Как Паша ко мне относился, как хвалил, чуть ли не дифирамбы пел, а время пришло, и открестился, как черт от ладана. Теперь живу с опаской, на одной работе работаю, другую приглядываю. Да и сам я никогда больше никому верной собакой не буду, под себя надо грести, под себя.

— Обижены вы были тогда на Серебрякова?

— Да, было. Возненавидел, можно сказать. Даже одно время хотел сделать бомбу и взорвать его «сааб» вместе с владельцем... Спать не мог по ночам, так ненависть была. А когда узнал, что его и без меня шлепнули, так сразу и бессонница прошла. Подумал, что бог шельму метит, нашелся удалец. Покойничек особый талант имел врагов себе наживать. Хорошо, что я взрывчатку тогда не достал, все ж семья, ребенок. Подождать только надо. А там, может, и до Паши очередь дойдет...

— А как насчет «возлюби ближнего своего»?

— Так это ж «как самого себя». А если ты себе противен до омерзения, какая ж может ко всему остальному быть любовь? Нет, господин до всего дознающийся, этим вы меня не проймете. Я теперь человек из самых низов, а в примитивных слоях и желания примитивные: водки напиться да обидчику морду набить.

— Где вы были вечером двадцать девятого августа?

— Естественно, дома. У меня жизнь теперь верный курс имеет: дом — склад, склад — дом. В семь часов и приехал, как обычно.

— Что, и в гости никуда не ходите?

— А знаете, что бывает такая болезнь: «аллергия на людей» называется. Так вот, у меня самая острая форма. Любая человеческая особь чесотку вызывает. Только внутреннюю. В метро еду и озираюсь — не дай бог, кто-нибудь разговоры начнет заводить, даже от безобидного «извините» шарахаюсь.

— Что ж, в таком случае простите, что зашел.

— Ничего. — Его запал явно начинал проходить, Глебов на глазах сдувался, как проколотый воздушный шарик.

— А кто все-таки вы по специальности, Борис Аркадьевич?

— Я? Программист. Пытаюсь, конечно, немного подрабатывать, но поверьте, на складе, с моими безмолвными коробками, куда легче. За компьютер даже не тянет. Компьютер — это информация, а мне сейчас чем меньше знать, тем лучше. К тому же нынче безработных программистов куда больше, чем безработных чернорабочих. Время такое пришло.

— Что ж, позиция спорная, но вполне понятная, остается уточнить маленькую деталь: не видел ли кто-нибудь из соседей вас дома в тот вечер.

— По-моему, именно в тот вечер, ну, в понедельник, приходил Василий, мой сосед из сорок восьмой квартиры, принес магнитофон посмотреть.

— Вы что, занимаетесь на дому ремонтом бытовой техники?

— Ничем я не занимаюсь, просто у человека неприятность, отчего же не помочь? И мне занятие, и ему хоть маленькая, да радость.

— Денег не берете?

— А вы что, налоговая инспекция? Нет, не беру, тем более с тех, у кого и так взять нечего. У человека трое детей и работа не мед. Баранку крутит весь день, а какие у наших водителей автобусов заработки, так про то и сами знаете: они не в долларах получают, и никто им ежемесячно по новому курсу зарплату не пересчитывает.

— Что ж, зайду я к вашему соседу, не возражаете? Если он сей факт отрицать не будет, надеюсь, не придется больше вас беспокоить, Борис Аркадьевич.

— Пожалуйста. От меня все равно польза невелика.

— А кстати, с Коваленко вы хоть изредка общаетесь?

— Нет. Он звонит иногда, новости о наших сообщает: кто куда устроился, кто женился, кто развелся. Думает, что мне это интересно. Мишка — оптимист, не унывает, суетится, подрабатывает, клиентов находит. И мне предлагал помочь. Но мне неприятно общаться с людьми, которые меня раньше знали. Будут, знаете ли, сравнивать, жалеть. Как вспомню прежнюю работу, так тоска берет: скучаю по своему магазину, по ребятам. А, пропади оно все! — Глебов махнул рукой и ссутулился на продавленном диване.

— А не подскажете, когда Михаила можно застать дома?

— Лучше с утра. Раньше десяти он не поднимается и раньше часу ночи домой не приходит. Все по барам где-то, по танцулькам. Я таких

мест и не знаю. Да только Мишка здесь тоже ни при чем, палить в Серебрякова не будет. Вот если бы Валеру кто-нибудь пришел, тогда Михаил — первый кандидат. Я-то мужик тихий, мирный, дальше фантазий не пойду, а Мишка, когда злющий, себя не контролирует. Один раз управляющему даже по морде съездил.

— А тот что же?

— Утерся и пошел Серебрякову жаловаться. Не знаю, чего он там наговорил, только Михаила скоро поперли, а потом и меня, за компанию.

— Нет, на Иванова никто пока не покушался, — почти с сожалением вздохнул Леонидов. — Значит, среди своих бывших коллег вы не видите человека, который способен воплотить чувство мести, так сказать, в реальность?

— Знаете, благородные разбойники в наше время перевелись: наверное, все клады закончились, да и люди стали помельче. А у мелких людей и чувства мелкие: колесо там у машины проколоть, слово похабное нацарапать или зеркало отвернуть. Можно еще отравить любимую собаку, это уж если совсем достало. Да, другой век, другие нравы. За большие деньги еще могут шлепнуть, но чтоб за большие чувства?

— Ну, это вы по себе мерите, Борис Аркадьевич. Как работник милиции, могу сказать, что всякое бывает. Могут и из-за большой любви прирезать.

— Разве только спьяну.

— А если это человек с больной психикой?

— Больная психика сейчас перерождается в депрессию, а не в агрессию. Проще забиться в свою конуру и обидеться на весь мир, чем попытаться его исправить.

— Не буду с вами спорить. Вас действительно здорово обидели, Борис Аркадьевич, тут уж переубеждать в чем-то бесполезно. А все-таки подумайте на досуге об исправлении мира, хотя бы своего. Не смею больше задерживать.

Глебов поплелся провожать Алексея до двери. Из кухни тут же выглянул любопытный Даник.

«А вот ребенку явно не хватает общения. Запереть его в этой крохотной квартирке и навязать свое исключительное общество — это жестоко. О сыне бы хоть подумал этот разочарованный странник.

Компьютер друзей не заменит, — вздохнул Алексей и подмигнул забавному мальчишке. Тот сразу же шмыгнул за кухонную дверь. — Совсем одичал. Да, надо будет обязательно позвонить Ирине Сергеевне насчет Глебова», — подумал Леонидов, когда за ним щелкнул дверной замок.

Взгляд его упал, на соседнюю дверь, обитую дешевым дерматином. Цифра 48 была ровненько выбита декоративными гвоздиками. Леонидов нажал белую пуговку звонка.

Раздалась поддельная соловьиная трель, затем послышались шаги грузного человека. Он возник на пороге, огромный, мясистый, в белой, не очень свежей майке и тренировочных штанах с лампасами, из тех, что продают цыгане в переходах.

— Василий?

— Он самый.

— Я из милиции, по поводу вашего соседа.

— Борьки? Смеетесь, что ли? Милиция — и Борька! — Мужчина заколыхал внушительным животом, изображая подобие смеха. — Чего он там натворил?

— Ничего не натворил. Мне хотелось бы, чтобы вы только подтвердили, что двадцать девятого августа в районе девяти часов отдали Борису Аркадьевичу магнитофон в починку и видели его в это время дома.

— Магнитофон? Какой магнитофон? А, да, заносил. И в девять, точно, как раз «Новости» начались, это точно. Ну, они там дают в Думе, а?

— Вы точно помните, что это было двадцать девятого августа?

— А то! У жены тридцатого день рождения, ну там родственники, друзья должны подойти, все как положено. Я заранее к такому делу готовлюсь. Сунулся, а агрегат не фурычит. Заглянул к Борьке, так он и правда быстро наладил. Голова! А!

— Спасибо, Василий, больше вопросов не имею. Соседа-то уважаете?

— Я ж говорю: голова!

...Леонидов спускался по лестнице. Разговор с Глебовым оптимизма не прибавил, во рту остался какой-то кислый привкус, и хотелось активно подвигаться, чтобы стряхнуть с себя сонное оцепенение, навеянное в напоминавшей стоячее болото квартире.

«Не достал, значит, Глебов взрывчатку. А вот насчет Коваленко — это уже интересно. Темпераментный, значит, мужчина. Морду управляющему бить — это уже способность к активному действию. Надо обязательно проверить этого защитника справедливости. Да, но это завтра, сейчас хорошо бы пожрать чего-нибудь и — спать. Спать, спать и еще раз спать. Только никаких Ляль и макарон», — подумал Леонидов и побежал в булочную.

Глава 7 ЕЩЕ ОДИН ВЕРНЫЙ СЛЕД

«Ох, утро туманное», — вздыхал Леонидов, сидя в четырехсотом автобусе, ехавшем в сторону Зеленограда около девяти часов зарождавшегося дня. Алексей жил как раз в районе «Речного вокзала», вечерами ему не раз приходилось наблюдать огромную очередь на этот автобус, и чего бы он себе никогда не пожелал — так это стать ее участником. Поэтому утренняя поездка его более чем устраивала: народ оттекал в совершенно противоположную сторону и в салоне было достаточно свободно.

Мысли в голове Леонидова шевелились, как клубок не совсем проснувшихся змей, вяло и нецеленаправленно. После подтверждения алиби Елистратова дело зашло в тупик. Людей, которые жаждали смерти удачливого бизнесмена, находилось предостаточно, но все они, как назло, имели именно на тот вечер железное «не мог». Вчера вечером Алексею удалось наконец дозвониться еще по одному из обозначенных в списке телефонов и услышать Ларису Никольскую. Та должна была прийти сегодня в два часа в управление и дать показания. Лилия Мильто, как удалось выяснить у ее недовольной мамыши, дома с недавних пор не проживала, и найти ее нынешнее местонахождение становилось проблематично. Адрес, по которому некогда обреталась Анна Гладышева, тоже оказался неверным. Трубку сняла квартирная хозяйка и тоном «отвяжитесь от меня» заявила, что квартирантка съехала в неизвестном направлении пару месяцев назад и никакого нового адреса, естественно, не оставила. Таким образом, оставалось только надеяться, что некогда весело проводивший с очаровательными девушками время Михаил Коваленко не утратил с ними связь и может помочь в поисках. Поэтому Леонидов мужественно боролся со сном в полупустом автобусе и тешил себя надеждой, что не пропадет его скорбный труд.

В дверь звонить пришлось долго. Если бы Глебов не сказал с такой уверенностью, что Михаил не просыпается раньше десяти, Леонидов давно бы прекратил сражение с дребезжащим звонком. Но он давил шатающуюся кнопку до тех пор, пока за дверью не

послышались спотыкающиеся шаги и заковыристый мат. Наконец в слегка приоткрывшуюся дверь просунулась часть опухшего лица:

— Здравствуйте. Коваленко Михаил Анатольевич здесь проживает?

— Ты кто такой...?

— Капитан Леонидов Алексей Алексеевич. Московский уголовный розыск. Попрошу открыть дверь, — резко заявил Алексей и сунул удостоверение в заспанную физиономию. Физиономия отпрянула куда-то внутрь.

Дверь открылась. Коваленко стоял перед Леонидовым во всей своей красе, а именно: в полосатых, почти до колен трусах и популярной у мужского населения футболке с надписью «Планета Голливуд». Серые волосы клочками торчали на большой, почти квадратной голове, лицо не отражало ни малейшего движения мысли.

Обозрев всю эту панораму, Леонидов сделал попытку привести объект в чувство:

— Вы в состоянии общаться, Михаил Анатольевич, или предпочитаете проехать в соответствующее учреждение?

Неизвестно, про какое учреждение подумал Коваленко, однако он, пробормотав что-то не поддающееся слуховому определению как слова, немедленно скрылся в ванной. Алексей прошел на кухню.

Если здесь когда-то и ели, то это было очень давно. Возле основательно подсохшей корки хлеба шмыгала стайка отъевшихся тараканов. В раковине лежала кастрюля с остатками древней пищи непонятного происхождения, основную же часть интерьера составляли водочные бутылки, преимущественно из-под «Смирнов-ки».

В ванной настойчиво булькала вода. Хрипение труб перемежалось с фырканием просыпавшегося человека. Наконец он объявился на пороге, застегивая джинсы:

— Извиняюсь, погудели вчера маленько в кабаке. Приехал часа в два, или не в два, черт его знает. А сейчас сколько?

— Достаточно для начала рабочего дня. Моего, по крайней мере. Значит, хорошо вчера приняли, Михаил Анатольевич?

— Чего?

— Приняли, говорю, хорошо? Соображать можете? Речь мою воспринимаете или как?

— Да, вполне. Погодите, вы кто? Из какой милиции?

— Из уголовной. Занимаюсь расследованием убийства вашего бывшего шефа Серебрякова. Помните такую личность?

— А я-то здесь при чем?

— Вас уволили месяц назад, насколько мне известно. А убийство, как правило, вещь не случайная, мотив его зреет не один день. Возможно, вы сможете установить лиц, которые могли быть к этому причастны, угрожали, преследовали, ненавидели. Ну, наконец, объясните свою неприязнь к убитому. Кстати, где вы были вечером двадцать девятого августа?

— Я? Ха-ха-ха! Серьезно? Шлепнул Серебрякова? Двадцать девятое августа? Где был? — Он ржаво засмеялся, скрипя ссохшимся горлом.

— А разве вы не заимели на шефа зуб, когда он распорядился насчет увольнения вас и еще нескольких сотрудников, с которыми вы, Михаил Анатольевич, были в дружеских отношениях?

— Ха! Да я бы и сам ушел из этого гадючника. Охота смотреть на Валеркину харю! Баб нормальных — и тех не осталось. На рожи эти, что ли, смотреть? Никакой эстетики. А мужик без эстетики что конь без этого самого. Никакой работы, когда нет рядом красивых баб. Сплошное гестапо осталось, это если даже очень много выпить — все равно не поможет. Андестенд ми?

— Чего?

— Это по-английски. Понимаете меня, спрашиваю?

— Произношение ваше здорово смущает.

— Это во рту у меня как в туалете. Язык к небу прилип, а похмелиться нечем. Надо бы в магазин сгонять.

— Успеете. Как мужик мужика я вас понимаю. Значит, отсутствие эстетики, как вы это называете, и было основной причиной, по которой вы собирались уйти?

— Да причин было много на самом деле. Главное — неохота торчать целый день в магазине с этими отморозками. На работу — вовремя, с" работы — по звонку, как в собачьем питомнике, день пропустил — управляющий докладную строчит, покурить вышел — опять докладная. Не работа — каторга. А я личность, противодействующая угнетению, во мне такие порывы заложены! А тут весь день занят, никакой личной жизни, да и зарплата такая, что душе не развернуться. Да я схалтурю больше. У меня клиенты — кому

софт на компьютер поставить, кому агрегат посмотреть, почему зависает, кому графику трехмерную запустить, детишки на ней помешались. В компьютерах я понимаю больше, чем в пылесосах, да и сканер могу посмотреть, принтер тоже не проблема. Эта пластмасса ломается нынче, как семечки. Вот и выходит — там десять баксов, там двадцатка, посерьезнее — так можно и полтинник срубить. А в магазине, в связи с кризисом, у меня последнее время за месяц только триста пятьдесят набегало. Ну, есть справедливость? Сто пятьдесят за квартиру отдай, а на остальные крутись как хочешь. Все выходные приходилось халтурить по частной клиентуре. Так и существовал: неделю на работе упыхива-ешься, в выходные по своим. А жить когда?

Пока был коллектив нормальный, можно было еще терпеть. После работы отрывались. Здесь ведь как? То праздники, то дни рождения, то юбилеи, то просто конец рабочей недели — уж раза два в неделю найдется повод погудеть. Девки красивые — опять же есть обо что потереться. Когда в кладовочке, по пьяному делу, и перепихнешься. А мужику — много ли ему надо? У нас с Серебряковым, царство ему небесное, отношения нормальные были, он на это дело глаза закрывал. А если бы я не выпивал — быть бы мне управляющим, народ-то за меня стоял. Но — не могу не халявить. Слабость такая, понимаете? Если надо мной никого нет, так я волю сразу чувствую. Жизненный график их для меня как удавка: срывался иногда и давай гудеть! Конечно, на следующий день опоздание, выговор, снятие премии и все такое разное. В зарплату хлоп — опять стольника нет. А этот урод Валера сек каждый день. А сам такой дурак, что всю работу в магазине завалил. Поэтому я не стал дергаться, когда Паша сказал, что работы в торговом зале осталось только на одного менеджера, потому что был уверен, что оставят Борьку. И ушел я спокойно, у Бориса-то семья, ребенок, ему вкалывать надо, а я птица вольная. Да мне и по фигу, что эта работа, что другая. Потом звоню как-то раз: «Как там, Борис, в нашем магазинчике-то?» — а он мне спокойненько отвечает, что, мол, проработал немногим больше меня, через два дня выперли. Ну, я поинтересовался, что ж там, глобальное сокращение штатов, что ли, управляющий сам принтера выносит с пылесосами? А мой бывший коллега и заявляет, что взят вместо нас двоих один менеджер, мужик тупой, но свой, Валеры двоюродный братец. Тут я психанул, конечно,

хотел идти бить рожу этому жирному борову, да тут халтурка подвернулась, день за день, забегался, а потом и остыл вовсе.

Конечно, друга мне жалко стало, хотел Бориса в долю взять, мужик он головастый, да совсем, видать, расклеился: ковыряется на каком-то складе с коробками, от людей шарахается. Не понимаю я его философию. Кому он чего докажет, если будет со своими мозгами и образованием в чернорабочих сидеть. Это как в анекдоте: назло кондуктору пойду пешком. Раза два я еще до Борьки домогался, а потом плюнул, вижу, жметесь он, слова едва цедит, так дело у нас с ним и заглохло окончательно.

— А управляющему по морде проехались все-таки разок?

— А, это, наверно, Борис подсуетился рассказать? Было, было. Но я мужик горячий, но отходчивый: на потом ничего не переношу. Обидели меня — так сразу по мордам, а чтоб там счета втихую сводить или интригами заниматься, так это увольте. Валера и сам на свою голову приключений найдет: чем больше деркма людям делаешь, тем больше его к тебе плывет. Захлебнется он рано или поздно и без моей помощи.

— А все-таки, Михаил Анатольевич, где вы были двадцать девятого августа в районе этак часиков десяти вечера?

— Ну, спросили. Я по вечерам дома не сижу, а главное, чисел не соблюдаю. У меня зарплата не по первым числам идет, мне все едино, что двадцать девятое, что пятое. Какой хоть день недели это был?

— Понедельник, говорят.

— А по понедельникам у меня обычно отходняк. Дурной день, ничемный. Спал, наверное, где ж я был? Двадцать девятое, двадцать девятое... Так, двадцать седьмого гуляли у Аньки на свадьбе, это я точно помню, в ресторане гуляли. А в воскресенье похмелялись уже у них дома, это тоже помню. Ну да, а как раз в понедельник я поехал к той бабе, что в ресторане снял, на этой самой свадьбе, показалось, что ничего себе телка. Сколько же я выпил, интересно? И чего только спьяну не померещится? Короче, оставила она мне свой телефончик, а я, не долго думая, взял да и звякнул в понедельник. Думаю, куй железо, пока горячо, а то потом и не вспомнит. Деваха эта вспомнила меня, конечно, ти-ли-вили, трали-вали, свидание назначили, я с утра подхалтурил маленько, побрился, одеколончиком дорогим себя облил. Приезжаю к метро, между прочим, не ближний свет: Матерь Божия!

На полголовы выше меня, ноги худые, нос длинный. Но вечерок пришлось перекантоваться, не бежать же сразу, сам виноват. Но больше ни-ни. Эта мисс не в моем вкусе.

— Значит, вечер вы провели с той девушкой? У нее дома?

— Смеешься! Чего мне с ней дома делать? Я ж говорю, ошибочка вышла. Ну, повел ее в ресторан, в качестве компенсации, да и самому развлечься, чтоб вечер не пропал.

— Во сколько вы были в ресторане?

— Да с девяти, кажется, и сидели.

— Телефончик не потеряли знакомой этой? .

— Забыл, как страшный сон. Хотя в записной книжке вроде остаться должен, не вычеркивать же. Постой, как там ее, Вика, Вера... Валя! Я же помню, что на «В». Где там они у меня, которые на эту букву? — Коваленко нашел записную книжку, зашелестел засаленными страницами. — Так, нашел, записывай, милиция.

— Ладно, проверим. — Леонидов сделал пометку в своем блокноте. — А у какой Ани вы так здорово на свадьбе погуляли двадцать седьмого числа? Не у вашей ли бывшей сослуживицы Анны Васильевны Гладышевой?

— Во! Все-то вы знаете! Проверяли, что ли, уже?

— Да нет, у вас хотел поинтересоваться. Она съехала с прежней квартиры и адресочек не оставила. Не подскажите, как ее можно отыскать?

— Анька-то вам зачем? У нее нынче медовый месяц. Они куда-то в однокомнатную с мужем переехали, тоже где-то в Строгино. А то Анька с теткой какой-то жила, молодой семьей не очень удобно, ну и съехала.

— Значит, Анна вышла замуж?

— Ну да. И фамилию поменяла, все как положено. Гуляли же мы, елки! Анька меня давно уже пригласила. Мировая баба! И мужик у нее классный. У Аньки все хорошо, так что вы ее не очень-то дергайте.

— Ее новый адрес и телефон у вас есть?

— Конечно, на букву «А» в той же книжке. — Он опять зашелестел затертыми страницами. Книженция была довольно пухлой.

— У вас что же, на каждую букву алфавита женщины есть? — не выдержал Леонидов.

— А на «Щ» разве имена бывают? — засмеялся Коваленко. — Я человек общительный и безотказный. Это что касается бабского пола.

— А Лилии Мильто, случайно, не было на той свадьбе?

— Как же без Лильки-то? Я с ней и пошел поначалу. Она девка красивая, проверенная, не то что та кикимора, на которую я спьяну польстился. У нас с Лилькой еще в магазине шуры-муры были, у нее насчет комплексов полный порядок: иначе говоря, полное отсутствие, но мужик я для нее не очень-то подходящий. Она ж с размахом мыслит, сразу же подцепила какого-то хмыря в костюмчике, с сотовым телефончиком, все как полагается для солидной жизни. Но я не в обиде, все правильно: девочке свое будущее надо устраивать. Мы друг к другу безо всяких там претензий: встретились, разбежались, никаких взаимных обязательств. Мне дорогих баб содержать не по карману, а жениться вроде бы рановато. Молодой я еще. — Он вздохнул и потер лысеющий, покрытый взъерошенными волосами череп.

— Адрес Лилии у вас есть?

— Да она же на Фрунзенской живет, с родителями.

— Как выяснилось, уже не живет. Во всяком случае, мама ее это отрицает.

— Ну да, там, конечно, мама! Экземплярчик, доложу я вам, еще тот. А мне Лилька ничего не сказала. Вот змея! Думает, я к ее хахалю заявлюсь, что ли? Дура!

— Значит, я правильно понял, что адрес и телефон ее вы не знаете?

— Правильно. Ну, дает деваха! Загуляла. Нашла себе «сотового» мужика, значит. Видали бы вы, в каком она прикиде на работу ходила, мужики так и сыпались! Ну, потом, как полагается, визиточки, сувенирчики, звоночки. Но не везло. Лильке все хочется сразу: чтоб в готовом виде принц с лимузином — сел и поехал в супермодный круиз. А там бац-бац — ив дамки: шиншилловые шубы, бриллианты, квартира, тачка. С размахом девушка, я же говорю. Значит, кто-то клюнул, раз она ушла от своей мамыши.

— Что ж, спасибо, Михаил Анатольевич. Комментарии ваши я во внимание приму. Поправляйтесь тут. — Леонидов со значением кивнул на внушительную батарею водочных бутылок под столом. На них лежал основательный слой пыли, видно, до сдачи посуды в целях

поправки здоровья хозяин еще не опустил, тара шла напрямиком в мусоропровод, когда на кухне не оставалось свободного места.

Коваленко вздохнул с явным облегчением и повел Алексея к дверям. Конечно, в подозреваемые он не очень-то годился, но алиби проверить стоило. К тому же информация о двух девушках была Леонидову не лишней. Как знать, куда мог этот следок привести.

Было половина одиннадцатого, в двенадцать должны были прийти два подростка, также получившие свою долю несправедливости от империи Серебрякова. Они действительно пришли ровно в двенадцать.

«Ответственные ребята», — подумал слегка опоздавший Леонидов, разглядывая двух удивительно похожих парней, с одинаковыми стрижками, открывавшими бритый затылок, в одинаковых тяжелых башмаках, только один, посмелее, был с серьгой в ухе. Ребята были крепкие, накачанные, под легкими куртками угадывался каскад внушительных мышц. Они озирались.

— Проходите, молодые люди, — кивнул запыхавшийся Леонидов.

Парни боком протиснулись в кабинет.

— Стульчик второй поближе поставьте и поближе ко мне, ребята, — попросил парней Алексей. Кинулись оба. «Дети еще», — подумал Леонидов, хотя «дети» были покрупнее его и на полголовы выше.

— Ну, кто из вас Николай Петрович, кто Иван Александрович?

— Я Харламов Иван, — подал голос тот, что с серьгой. Второй промолчал.

— Ну, а ты, значит, Иванов? — спросил его Алексей.

Парень молча кивнул. Ноги размера этак сорок четвертого он поджал под стул, взглядом уперся приблизительно туда же.

— Коля, а ты управляющему вашему бывшему, случаем, не родственник?

— Был бы я родственником, он бы меня попер? — хмыкнул застенчивый юноша.

— Однофамильцы, значит? Сколько ж вам лет, ребята?

— Девятнадцать, — откликнулся Харламов.

— Восемнадцать, — подал голос застенчивый Коля с мускулатурой штангиста.

— Чем занимались в «Алексере»?

— Да на складе мы были. Мишка Коваленко нас сосватал, он с Колянком в одном доме живет. Правда, Колян?

Колян кивнул.

— Ба, Коля, ты тоже из Зеленограда. Надо было к тебе с утра зайти, да не сообразил я, что вы с Михаилом соседи. Ну, хорошо, что к себе позвал. Значит, это Коваленко вас сагитировал на ту работенку в «Алексер»?

— Да надо было пару крепких ребят на склад: коробки там таскать, сортировать, принтеры в одну сторону, утюги с пылесосами и телефоны в другую, помочь там, подсчитать, сколько чего осталось, какого товара не хватает, чтобы подвезти с других складов. Мишка обещал нас с Колянком натаскать в менеджеры, все показывал, что сам знал. Мы в институте вместе учимся, ну и подрабатывали в магазине, заодно и практиковались. Мишка нас и на компьютере учил, игрушки давал всякие.

— Коля, а ты ничего не добавишь?

— Чего добавлять-то? Ванька правильно все говорит: Михаил — мужик хороший.

— А как же он вас так кинул: пообещал в менеджеры, а вас коленом под зад, а?

— Да его и самого кинули. Патрон обещал управляющим назначить, а потом передумал, да еще поставил над всеми этого... — Подходящих слов, поддающихся цензуре, для определения личности управляющего в лексиконе подростка не нашлось.

— А чего же Серебряков обещание свое не сдержал?

— А он любил народ заманивать. Скажет, бывало: «Ты поработай здесь маленько, а я потом тебя продвину». Ты пашешь, пашешь, упираешься, шеф и рад. А как об обещании речь заходит, так сразу, мол, кем же я тебя заменю, такого незаменимого? Любил отделяться мелкими подачками, а слова не держал.

— Что, Вань, обидел тебя покойник?

— А кого он не обидел? Акула империализма ненасытная. Правильно, что его шлепнули. Я раз так спину потянул, когда коробки эти волок, что три дня на работу не мог выйти. Запарка была, так я таскал по пять коробок зараз, а они не легонькие. А Серебряков, зараза, за три пропущенных дня с меня до копейки все в зарплату вычел.

— Что ж ты больничный не взял?

— А кому он нужен, больничный этот? Задницу подтирать? У нас такие вещи не оплачивались. «Алексер» — частная лавочка, платили за то, что работал.

— А тебя, Коль, шеф тоже затирает?

— Как всех.

— Значит, тоже не любил кровопийцу?

— А он в нашей любви не очень-то нуждался. Ему бабок хватало, чтобы телок себе молодых покупать, — прорезался голос у юного Коли Иванова.

— Ты конкретно кого-то имеешь в виду?

Коля смущенно засопел, но тут на выручку пришел ведущий главную партию в этом дуэте Ваня:

— Это он про Лильку говорит. Нравилась она ему, вот Колян и злится. Конечно, она на нас ноль внимания, фунт презрения, зеленые, мол, еще, но все равно обидно.

— Это вы говорите про то, что у Серебрякова была связь с продавщицей магазина «Алексер» Лилией Мильто? Правильно я понял?

— А то. Шеф не дурак был насчет красивых баб.

— А потом?

— Потом все кончилось. Разбежались — и все.

— Почему же он Лилию не уволил?

— А зачем? На нее клиент шел. Лилька — девка бойкая, красивая, все с шуточками, с заигрыванием, мужикам нравилось. А у Серебрякова шкура была толстая, ему все эти сплетни что комариные укусы: отмахнулся и дальше пошел. Да мы с Коляном особо и не вникали во все это дело, просто весь офис гудел. Всякое говорили.

— А кто говорил?

— Ну, Анька, Лариса — Лилькины подружки. А нас Лилька только подкалывала, что, мол, в матери годится. Тоже мне мамаша нашлась. Сама-то недалеко ушла. Мне-то что, вот Коляна жалко, он по ней сох. Правда, Колян?

Колян совсем сник, явно не желая развивать щекотливую тему. Леонидов понял, что и так узнал достаточно. Свет на подобные" взаимоотношения лучше и подробнее проливают языкатые сослуживицы.

— Ну, спасибо, ребята. Осталось уточнить про тот вечер, двадцать девятое августа. Вот, хожу, всех опрашиваю, как в том кино: «Где вы были с восьми до одиннадцати?» Только меня время интересует часиков этак с девяти.

— А какой это был день недели?

— Понедельник.

— Колян, где мы с тобой были в прошлый понедельник, не помнишь?

Колян наморщил лоб:

— На работе, где ж еще.

— А, да, — вспомнил и Ваня, — фура же пришла. Ну, точно! Все выходные ее растаможить никак не могли, а в понедельник вечером новый хозяин нас и вызвал — до ночи коробки таскали: здоровая, зараза! Всякие там консервы, банки... Мы с Коляном, да еще два мужика были, неплохо заработали. Правда, Колян?

— Угу, — мотнул головой его неразговорчивый напарник.

— И много там народу было кроме вас?

— А как же? Шофер сидел ждал, начальник склада бегал со своими бумажками, да и эти два мужика до конца упирались.

— Значит, работали? Так и запишем. Что ж, не имею к вам больше вопросов. Ладно, ребята, идите. Если понадобится, позвоню. Давайте пропуска подпишу. — Леонидов поставил неразборчивую закорючку и вздохнул вслед поспешно убегающему подрастающему поколению: акселерация, тут уж ничего не поделаешь.

Что ж, беседа принесла-таки определенные плоды: на горизонте следствия обозначилась фигура Лилии Мильто. Еще одна женщина в жизни Александра Серебрякова, скорее всего бывшая для него мелким рядовым эпизодом, но на судьбе девушки роман со столь неординарным человеком вполне мог как-то отразиться. «Хорошо, что на сегодня я вызвал Ларису Никольскую», — подумал Алексей и определил для себя, что чашку кофе выпить по такому случаю вполне успеет.

Лариса Никольская опоздала на целых полчаса, и вовсе не потому, что была красивой женщиной и взяла себе привычку брать непременно тайм-аут у ожидавших счастливого мига кавалеров. Просто Лариса Никольская родилась с талантом опаздывать. Даже если она выходила из дома за час до назначенного времени в место,

куда можно было вполне добраться пешком за десять минут, непременно случалось происшествие, задерживающее ее в пути. Сегодня как раз полчаса Лариса провела в вагоне метро, в поезде, ни с того ни с сего остановившемся посреди тоннеля. Фатальная привычка опаздывать и была той мелочью, которая постоянно портила Ларисину карьеру на многочисленных фирмах, где ей пришлось поработать за свою короткую жизнь. Лариса была невероятно исполнительна, добросовестна и трудолюбива. Она смотрела начальству в рот и никогда не просила прибавки к заработной плате, и так небольшой из-за многочисленных вычетов за неперенные опоздания. К тому же Лариса имела счастливую внешность: ни одна из жен начальников ни разу не заподозрила в ней конкурентку.

Ни на одной работе не было человека, который отозвался бы о ней плохо: несмотря на молодость, ее звали «мамочкой» за уютную полноту и неизменную доброжелательность и готовность выслушать любую историю несчастной любви или потерянных финансов. Женщины не видели в ней соперницу, только соперничательницу, мужчины не видели объект сексуальных домогательств, а только советчицу, как эти домогательства успешно осуществить по отношению к другим. Поэтому Ларисе целыми днями приходилось выслушивать жалобы на мужей, детей, любовников и начальников от одного пола и неизменные сетования на хроническое безденежье, занудность жен и жадность любовниц от другого. Лариса родилась той жилеткой, к которой безвозмездно приходили плакаться толпы обделенных жизнью людей, и на личную жизнь у нее просто не оставалось времени. Всегда на первый план выходила какая-нибудь подруга, переживающая в данный момент семейную драму, или сослуживец, в один прекрасный день обнаруживший на голове обширные ветг вистые рога. Все это так поглощало Ларисино личное и рабочее время, что свободного и в первом и в другом случае практически не оставалось. Зато она была в курсе всего, что творилось на работе. Со склада «Алек-сера» новый управляющий выгнал ее как раз за организацию на рабочем месте так называемого клуба по интересам, где в уютном закутке под неизменно закипающий чайник исповедовался в очередных грехах кто-нибудь из сотрудников.

Глядя на милое круглое лицо со скорбными глазами, увеличенными стеклами плюсовых очков, Алексей почувствовал, как в

нем возникает желание поставить на стол облупленные учрежденческие чашки и поведать о своей несчастной личной жизни. Повинуясь инстинкту, он потянулся к шкафчику:

— Лариса Михайловна, давайте с вами чайку, что ли, попьем? Что-то я совсем забегался, даже позавтракать толком не успел, а сейчас уже и обеденное время подошло.

— Что ж вы так за здоровьем-то не следите? Так и до язвы недалеко. Давайте-ка я сама тут все накрою и разолью. — Она привычно взялась за ручку треснувшего глиняного чайника.

— Сколько вам лет, простите за нескромный вопрос? — неожиданно для себя поинтересовался Леонидов.

— Двадцать девять, — не задумываясь ответила Лариса.

«Ничего себе «мамочка»! — подумал Алексей, разглядывая пухлую аккуратную фигурку в простом сером свитере домашней вязки. — За что ж она так себя не любит? Симпатичная ведь девушка, а прическа как у старушки и одежда словно у опустившихся домохозяек», — продолжал он рассуждать в ожидании чашки крепкого душистого чая. Наконец Лариса присела на краешек стула.

— Вот, Лариса Михайловна, моя хорошая, только вы мне можете помочь, — пожаловался Леонидов, наблюдая, как ловкие руки размешивают, наливают, подают.

— У вас что-то случилось? — Лариса привычно приготовилась слушать.

— Да у всех у нас что-то случается. Счастье — это только миг, а вся остальная жизнь — сплошная неприятность, вот такая философия. Но не в этом сейчас моя проблема. Я ищу убийцу, а убит не кто иной, как господин Серебряков. Помните такого?

— Да, конечно.

— Вы проработали на фирме около года. Подозреваю у вас талант самого благодарного слушателя, помогите мне понять, кто на протяжении многих месяцев мог так тщательно вскармливать свою ненависть к вашему бывшему хозяину. Сотрудники вам свои секреты доверяли?

— Даже и не знаю, что вам сказать, Алексей Алексеевич. Разве бывает так, что на любой работе не найдется хотя бы одного человека, который не любил бы свое начальство? А если еще это начальство в

упор никого не видит и не способно ни на какие человеческие чувства? Серебрякова все считали монстром.

— А вы? Тоже недолюбливали?

— Я разговаривала-то с ним всего один раз, когда на работу устраивалась. Но я столько про него выслушивала, что как будто каждый день за одним столом с ним сидела. И я не согласна, что Серебряков был чудовищем. Представьте себе сами: у человека фирма, куча людей, которым надо получать зарплату, «крыша», которой тоже надо ежемесячно платить, налоговая инспекция, которая норовит урвать кусок пожирнее. И все эти бесконечные проблемы, переговоры, встречи. Он просто не успевал быть человеческим.

— А как же Лилия Мильто? Он ведь ее бросил, насколько я понимаю, и просто сделал вид, что ничего не произошло?

— Да, у них был одно время роман, это правда. Лилечка так страдала. Она такая фантазерка, эта девочка, все время навоображает себе то, чего на самом деле и не было. У Лили в семье не все в порядке, ей тяжело приходится жить с родителями. Нет, не то что они пьяницы какие-нибудь или больные, наоборот, вполне приличная семья. Просто у них разные взгляды, конфликт поколений, как сейчас любят говорить, ссорятся из-за мелочей. Вот Лиля и мечтала любыми путями вырваться из дома. А Александр Сергеевич поначалу был к ней очень добр: снял квартиру, давал деньги. Но это недолго продолжалось.

Лиля стала часто плакать, приходила ко мне и рассказывала, что Серебряков стал плохо к ней относиться. Он начал избегать встреч с Лилей, перестал приглашать в рестораны, урезал, как всем, зарплату, короче, поставил в одно положение с другими сотрудниками. Нет, он не грубил, к себе не вызывал, замечаний при всех не делал, просто стал смотреть на нее как на пустое место. И на работе стал обращаться на «вы», как будто между ними ничего и не было. Серебряков прекрасно умел держать людей на расстоянии, показать, кто здесь хозяин.

— Насколько серьезными были их отношения? Они состояли в интимной связи?

— Да, конечно. Лиля любила рассказывать самые, знаете ли, сокровенные вещи. Она выставляла напоказ свою связь, ни от кого

ничего не скрывала, наоборот, подчеркивала особое отношение к себе шефа.

Знаете, мне, конечно, приходилось выслушивать только одну сторону, но у меня создалось такое впечатление, что Александр Сергеевич бросил Лилю именно из-за ее нескромности. Все-таки он был женат, и Ирина Сергеевна — женщина такая хорошая, я ее видела несколько раз. Вот уж она не боится быть доброй. Удивительно, но это как вторая половина Серебрякова, она компенсировала его жесткость и бесчувственность. Жаль, что от Ирины Сергеевны мало что зависело на фирме, пока Александр Сергеевич был жив: она бы не допустила тех увольнений, что сделал Валерий Валентинович.

— Вернемся к отношениям Серебрякова и вашей подруги. Итак, он ее бросил, а что было потом?

— Потом все ждали, что Лиля уволится. Она и собралась, даже заявление написала, а потом вдруг передумала. Перестала постоянно реветь и вообще очень изменила свое поведение. Я ее похвалила даже: девочка наконец-то взялась за ум. Главное, что она перестала постоянно говорить про Александра Сергеевича. А то было совсем невыносимо глядеть, как ее целиком поглощает эта тема. Причем она столько грязи выливали, что сама ею захлебывалась.

— И когда же Лиля переменялась?..

— Полгода назад примерно.

— И все эти полгода она была тише воды, ниже травы?

— Нет, конечно. Знаете, мы часто устраивали вечеринки. Сама я почти не пью, но мало ли кто переберет... Да, все бывает, вот я и оставалась, чтобы помочь кому до дома добраться или в офисе уложить. Лиля никогда не отказывала себе в маленьких радостях.

— Например, могла напиться, а спяну никому не отказывала в интимной близости?

— Ну, зачем вы так категорично. Работа у нас была на фирме тяжелая: целая неделя с десяти утра до семи вечера, и практически без обеда, в выходные дни скользящий график. У меня, например, даже по магазинам не было сил ходить. Так, схватишь что-нибудь в палатке, а там все дороже, конечно, чем на рынке. Деньги утекали, как вода. Получается вроде бега по замкнутому кругу: чем больше работаешь и больше зарабатываешь, тем больше приходится тратить. В ночных-то магазинах все еще дороже, да и к тому же если так работаешь, то

трудно себе в чем-то отказать. Думаешь: «Что, я себе такую мелочь не могу позволить?» Впрочем, простите, это я отвлеклась. Просто я хотела сказать, что если на такой работе не расслабляться, то можно быстро сгореть. Поэтому ребят осуждать не стоит. Я сама плохо переношу похмелье, а как выпью, так сразу засыпаю, вот и стараюсь ни капли в рот не брать. Да и танцевать с моей фигурой не очень-то интересно.

— А Лилия высказывалась враждебно в адрес Серебрякова?

— Ругала самыми последними словами. Дня не проходило, чтоб не помянула недобрым словом. В основном нецензурным, но, когда выпьешь, чего только не скажешь. Лиля — девочка хорошая, не злая. Просто у нее очень строгая мама, и девочке приходится отчитываться за каждый шаг, проведенный вне дома.

Уж очень Лилечке хотелось выйти замуж или найти обеспеченного человека, который помог бы решить ее проблемы. Девушка она красивая и вполне может на это рассчитывать. Но постоянные неудачи приводили Лилю буквально в бешенство.

— Неужели не находилось достойного покровителя у такой привлекательной, как вы утверждаете, особы?

— Да, к сожалению. Не могу это ничем объяснить. Мне кажется, мужчины должны за ней косяками ходить. Такая яркая девушка! За ней, конечно, многие ухаживали, но быстро остывали. Смотришь — прошел месяц-другой, а у Лили опять новый мальчик, хотя она без ума была от предыдущего. Потом, конечно, Лиля начин. ала рассказывать, что это она сама его бросила, что он подлец и ничего собой не представляет и что она в очередной раз жестоко ошиблась. А Анечка, напротив, говорила, что это Лилю всегда бросали. Если смотреть на случай с Александром Сергеевичем, то оно, скорее всего, так и было.

— Анна Гладышева — близкая подруга Лилии?

— Да. Они вместе учились в одном институте и, кажется, жили в одной комнате. Но они такие разные девочки, вы себе не представляете! Анечка, несомненно, лучше меня в курсе всех дел Лили, они постоянно секретничали, постоянно были вместе. Да, Анечка знает правду про все Лилины подвиги, — с уверенностью заявила Лариса Никольская.

— Что ж, придется поговорить с ней... А кто еще из бывших коллег вызывает ваши опасения?

— Да упаси меня боже кого-нибудь подозревать. Я не умею видеть в людях плохое, вы уж меня простите.

Леонидов чуть не засмеялся при этих словах.

— Это вы меня простите за следующий вопрос, Лариса Михайловна. Сами вы где провели вечер двадцать девятого августа? — спросил Алексей и сам застеснялся: ну грех у такого человека еще и алиби спрашивать на момент убийства.

— Знаете, Алексей Алексеевич, у меня подружка тяжело заболела, двадцать шестого августа ей сделали операцию, а она, бедная девочка, совсем одна. Я неделю в больнице дежурила, мне там раскладушку в палате поставили.

— А как сейчас здоровье вашей подруги?

— Поправляться начала, мое присутствие ночью уже не требуется, вот хотела вплотную заняться поисками работы.

— Так вы месяц уже не работаете?

— У меня были небольшие сбережения. Я сама неплохо шью, а ем очень мало, не смотрите, что такая пышка. Врачи говорят, что это просто от неправильного обмена веществ.

— Неужели никто из многочисленных знакомых не может помочь вам с работой?

— Сейчас всем тяжело. Многие друзья сами остались без работы, у меня хоть семьи нет, а у кого дети? И к тому же квартира своя, маленькая, но своя. А работа меня любая устроит: могу и полы помыть, если больше ничего не найдется, могу и за больными ухаживать. На хлеб хватит, а остальное все есть.

— Ах, милая Лариса Михайловна, если бы все были столь нетребовательны к себе! Вы удивительная женщина! — не сдержался Леонидов.

— Да это очень просто: надо всегда помнить о тех, кому сейчас еще хуже, чем вам. Телевизор чаще смотрите, Алексей Алексеевич, хоть программу «Новости». У меня, например, сразу аппетит пропадает, как послушаю, что где-то люди живут и без света, и без воды. Мы-то здесь, в Москве, как у Христа за пазухой. Думайте о том, что вы еще не потеряли, и потерянного не жалеете, вот и все. Когда мне совсем себя жалко становится, я начинаю заглядывать в глаза бездомным животным.

— Спасибо, Лариса Михайловна, я это запомню. Большое спасибо.

— Я пойду?

— Да, конечно, до свидания.

Маленькая женщина неслышно исчезла в дверях.

Когда Лариса ушла, Леонидова охватило странное оцепенение. Он по-прежнему сидел за столом и чувствовал, как лучшая его половина отделяется от брэнного тела и устремляется к потолку, словно шарик, наполненный гелием. Тот, шариковый, полый Леонидов парил над кипой бумаг, настольной лампой и скрипучим стулом, заглядывая в пыльные углы. И так ему было хорошо и пусто, что пустоту эту начали заполнять чужие, ставшие вдруг значительными фразы: «...Покой — это и есть состояние счастья...» «...Бывает такая болезнь: «аллергия на людей» называется...»

«...Я — личность, противодействующая угнетению...» «...Я начинаю заглядывать в глаза бездомным животным...»

Алексей вдруг стал представлять себя попеременно то одним, то другим действующим персонажем разыгравшейся на его глазах драмы, и, когда внезапный телефонный звонок прервал его свободное парение, он очнулся и неожиданно почувствовал себя очень счастливым человеком.

Ближе к вечеру Леонидов дозвонился наконец в квартиру на Фрунзенской набережной, где Лилия Мильто должна была проживать со своими родителями, но почему-то уже не проживала.

— Здравствуйте. Я вас уже недавно беспокоил, моя фамилия Леонидов, я из Московского уголовного розыска. Леонидов Алексей Алексеевич, капитан, — , добавил он для пущей убедительности.

— Я так и знала, что моя дочь — испорченная женщина. Что она совершила, раз ею заинтересовались соответствующие органы?

— Без суда ничья вина еще не доказана, уважаемая госпожа Мильто. Простите, к сожалению, не знаю вашего отчества.

— Мое имя-отчество Лидия Евгеньевна, молодой человек, и мне не нужны доказательства: я родила и вырастила чудовище. Но за поступки дочери отвечать не собираюсь. Она, слава богу, теперь совершеннолетняя. И я воспитывала дочь как человека высокоморального, потому что сама бывший партийный работник, к вашему сведению.

— Я это учту. Мне очень хочется узнать, где сейчас находится Лилия и когда ее можно застать дома. Не поможете мне?

— Лилия ушла из моего дома две недели назад, сообщив, что скоро собирается замуж, хотя не представляю, кто на ней захочет жениться. К мужу порядочные девушки уходят после свадьбы.

— Она вам не звонила, Лидия Евгеньевна, не сообщала свой новый адрес или телефон?

— Она звонила, чтобы сообщить мне, что собирается зайти и забрать оставшиеся вещи.

— Когда?

— Это меня мало интересует. Я хотела бы получить обратно ключ от своей квартиры, поэтому намерена дождаться, когда Лилия объявится.

— Лидия Евгеньевна, уважаемая, запишите, пожалуйста, мой номер телефона и попросите вашу дочь позвонить.

— А в чем, собственно, дело? В чем ее обвиняют?

— Это просто необходимая формальность. Убит человек, которого она хорошо знала, и мне хотелось бы об этом с ней поговорить.

— Я знаю, о ком вы говорите, молодой человек. Это тот отвратительный человек, ее бывший начальник, Серебряков.

— Откуда вы знаете? Лилия что-нибудь рассказывала?

— Телевизор я смотрю регулярно. Я бывший партийный работник и привыкла быть в курсе всего.

— Тогда вы должны понимать, как важно покарать преступника, и ваш долг — помочь правосудию. — Леонидов даже захлебнулся собственным пафосом.

— Я все понимаю. Я буду настаивать, чтобы Лилия к вам пришла, а если она откажется, не пущу на порог своего дома.

— Не смею настаивать на столь суровых мерах, Лидия Евгеньевна. Просто передайте ей мой телефон и попросите позвонить. Всего вам хорошего.

Леонидов со вздохом положил трубку. Общение с бывшим партийным работником повергло его в тоску. Если дочка не отличалась высокими моральными принципами, то обстановочка в доме была еще та! Целая пионерская организация на дому: подъем по сигналу горна, завтрак, обед и ужин по свистку, а отбой после программы «Спокойной ночи, малыши!» вплоть до самого шестнадцатилетия. Не

удивительно, что самой заветной мечтой ребенка было смыться подальше и дать волю тщательно подавляемым инстинктам. Но где же все-таки теперь Лилия Мильто?

Спустя несколько минут, посвященных мучительным раздумьям о судьбе девушки, Леонидов набрал номер. Анны Гладышевой, которая не далее как двадцать седьмого августа вышла замуж и переменяла фамилию и свой социальный статус.

Трубку долго не брали, наконец нежный женский голос произнес долгожданное «алло».

— Анна Васильевна Гладышева?

— Уже не Гладышева, а Барышева, — задорно ответил веселый женский голос, и Леонидов понял, что с этой девушкой общаться будет не только легко, но и приятно.

— Извините, что беспокою вас в медовый месяц...

— Нет, не извиню. Мне сейчас очень хорошо, и я не хочу никаких беспокойств. Может человек побыть хоть немножечко безумно счастливым, как вы считаете, таинственный незнакомец?

— Может. Я рад за вас, честное слово. Но, к сожалению, я не таинственный незнакомец. Я следователь уголовного розыска, веду следствие по делу убитого недавно Александра Серебрякова. И мне просто необходимо задать вам несколько вопросов о вашей близкой подруге Лилии Мильто.

— О Лиле? Она-то тут при чем?

— Мне тоже хочется это узнать. Можно, я к вам сегодня подъеду, Анна Сергеевна? Не прогоняйте меня, я хороший.

— Ну, попробуйте, если вы старый и не боитесь моего мужа: он страшно ревнив и имеет разряд по боксу.

— Я не старый, но очень некрасивый и безобидный. Хотите, я загримируюсь под Квазимодо, чтобы не получить апперкот в солнечное сплетение? Вашего Отелло устроит Квазимодо?

— Вполне. Записывайте адрес. Как в Строгино ехать, знаете? От метро «Щукинская» любой автобус, номер которого начинается на цифру шесть...

Молодожены Барышевы снимали однокомнатную квартиру в районе Строгино. Обстановка сего счастливого приюта для новобрачных была скромная и явно не своя. Похоже, у новорожденной

семьи не было даже пылесоса, потому что в углу прихожей, опираясь на пластмассовый совок, гордо топорщился новенький веник.

Дверной проем почти целиком занимал молодой человек с отлично развитой мускулатурой. Алексей подумал, что такому роскошному человеческому экземпляру хорошо бы подошла работа массажиста или тренера по бодибилдингу, чтобы все желающие могли без труда разглядеть давно потерянные на собственном теле дельтовидные и широчайшие мышцы. Довольно ловко пнув скопившуюся у порога стайку тапок и отодвинув легким жестом пару тяжелых коробок, он добродушно втолкнул Леонидова в недавно обретенное жилище. При ярком свете еще не прикрытой плафоном одинокой лампочки Алексей увидел, что лицо у человека, заявленного на роль Отелло, вовсе не грозное, а очень даже приятное и улыбающееся. Как большинство физически сильных и больших людей, он немного стеснялся своих габаритов и кулаков.

— Проходите, пожалуйста.

Судя по тому, что его даже не спросили о том, кто он такой, Алексей сделал вывод, что воров здесь не боятся. Воры могли бы и сами напугаться.

— Анечка, к тебе, наверное, — позвал молодой человек.

Из кухни тут же выпорхнула хрупкая светленькая Анечка в голубом фартуке с трогательными оборками.

— Я вам звонил недавно, Анна Васильевна. Леонидов Алексей Алексеевич. Из милиции, — представился гость.

— Сережа, я тебе говорила...

— Ну-ка быстро, Анечка, прибери там все и чайку нам.

Глянув вслед тут же упорхнувшей супруге, он протянул Леонидову могучую руку:

— Барышев. Сергей.

Алексею осталось только отдаться на милость Бога, уповая на то, что пожатие могучего парня не расплющит его небольшую ладонь.

— Вы в комнату пока проходите.

В комнате Леонидов прежде всего обратил внимание на камуфляжную военную форму, висевшую на одном из стульев.

— Ваша, Сергей?

— Да. Я работаю во вневедомственной охране.

— Почти коллега.

— Ну, мы больше мускулами, чем мозгами.

— Право на ношение оружия имеете?

— А как же.

— А само оружие?

— Дома не держу.

— Стреляете хорошо?

— Не жалуясь. Не мастер спорта, конечно, но разряд по стрельбе имею.

— Завидую. У меня со сдачей этого норматива вечная проблема. — Леонидов врал, стрелял он прилично, просто прощупывал Барышева на предмет владения оружием.

— Хотите, посоветую хорошего тренера, быстро руку поставит?

— Хочу. Спасибо, Сергей. — Леонидов записал координаты человека, с которым, возможно, придется побеседовать.

Тут в комнату впорхнула Анечка:

— Мужчины, сейчас чайник закипит. Прошу к столу.

Они прошли в небольшую аккуратную кухоньку с голубыми, под цвет Аниных Глаз и фартука, занавесками. Эфирное создание быстренько выставляло на стол печенье, конфеты, джем в вазочке и домашние пирожки. Муж получил огромный бокал размером с тарелку супа, Леонидов нечто красно-полосатое средних габаритов, а себе хозяйка поставила хрупкую фарфоровую чашку с голубыми цветочками.

— Посудой не разжились еще, — извинилась она. — Собрали по родителям да друзьям. Кому что? Чай, кофе?

— Мне чай, — подставил Сергей свою посудину.

— Кофе, если можно, — попросил Леонидов.

— Можно. А можно, Сергей с нами посидит? Он все-все про меня знает, и с Лилей они хорошо знакомы.

— Да я вас не допрашивать собираюсь. Просто побеседуем, расскажете мне, как жили, как работали. Меня интересует все, связанное с «Алексером».

— Честно говоря, не хочется вспоминать, — вздохнула милая Анечка. — Я иногда даже радуюсь, что оттуда ушла, хотя на одну зарплату сейчас прожить трудно, да еще мы квартиру снимаем. Сейчас у Сережи отпуск, а я ему компанию составляю, потом придется искать работу. Но хуже, чем в «Алексере», нигде не будет, это уж точно.

— Сколько же вы там проработали, что успели сделать такие печальные для себя выводы, Аня?

— Один год как раз и проработала. Мы пришли туда вместе с Лилей, сразу после института. Познакомились с ней на первом курсе и сразу подружились. Со второго курса стали жить вместе, Лиля даже перевелась в мою группу. Так привыкли друг к другу, что не хотелось расставаться, после того как закончили институт. Без стажа всегда трудно работу найти, да еще и вместе. Повезло. Год назад все проще было, новые магазины открывались, торговля шла вовсю, никто ж не знал, что кризис будет.

Мы с Лилей хорошо вместе смотрелись: я беленькая, она рыженькая, фигуры почти одинаковые, она, правда, немного пониже ростом. И еще Лилька здорово красится и дурацкие вещи на себя надевает. Она говорит, что стильно, а мне кажется, очень вульгарно и бестолково: то футболку наденет оранжевую с дурацкой надписью, то блестящие босоножки на огромной платформе, а пряжки на них — как у Кота в сапогах из мультика. И юбки все время только короткие. Правда, у Лильки потрясающие ноги, тут уж Боженька расстарался. Но это же неудобно — все время носить такие юбки, и холодно. Правда, Сережа?

— Не знаю, не пробовал. И не переживай, у тебя ноги не хуже. Главное, что мы с тобой об этом знаем, а всем показывать вовсе не обязательно. Ох уж эти женщины: вечно им нужно признание их достоинств, — вздохнул Сергей.

— Анечка, а что у Лили были за проблемы с мужчинами?

— Вы с кем-то уже разговаривали? Кто вам об этом сказал? Лариса?

— Да, Лариса Никольская об этом упоминала, но послала она меня к вам, как к самой близкой Лилиной подруге.

— Ох уж эта «мамочка»! Да мы с Лилей в последнее время перестали друг другу секреты доверять. Дело в том, что ей не понравился Сережа, и она пыталась даже нас развести.

— Между прочим, твоя Лиля мне тоже сразу не понравилась, — встрял с обидой Барышев. — Если бы она не была бабой, я бы ей рожу набил, честное слово.

— За что?

— А пусть Анюта сама скажет.

— Да ладно тебе. Лиля просто пыталась навязать мне свое понимание событий. Говорила гадкие вещи: мол, зачем тебе этот мент, никакой шикарной жизни, никаких перспектив. Предлагала даже найти богатого мужика и вдвоем его обслуживать. У Лильки всегда были какие-то бредовые идеи о том, как получше устроиться в жизни. Она не сразу такой, стала, честное слово. Лилля же неглупая девчонка, в институт сама поступила, зарабатывать своим трудом добиралась. А потом вбила себе эту дурацкую мысль, что карьеру можно сделать только с помощью покровителя. Но ей не везло с мужчинами.

— А почему?

— Сережа говорит, что на таких не женятся. Но Лилька и без замужества была на все согласна, лишь бы мужик был богатый.

Сергей Барышев придвинул к себе огромную кружку:

— Понимаете, Алексей, на таких не только не женятся, но и в качестве любовниц долго не держат. Я Лильку терпел только как самую близкую Анькину подругу. Кстати, она и меня пыталась соблазнить, но уж больно пошло это смотрелось: пеньюары, мартини, травянистые какие-то духи. Короче, как в дешевом кино.

Леонидов мысленно покраснел до самых пяток. Отвернувшись к горячей плите, он нашел в себе силы выдавить:

— Интересно, зачем ей это было надо?

— С Анькой поссорить. У Лильки на мою будущую жену свои виды были. — Сергей положил свою могучую руку на тонкие пальцы Ани и слегка их сжал.

— Ты-то хоть понимаешь, жена, что твоя дражайшая подруга использовала тебя как приманку?

— Если я и ходила с Лилей куда-нибудь, где мы могли познакомиться с мужчинами, то ради нее. Она так уговаривала, просила: мол, ей одной неудобно.

— Ну да, просто на свежачка лучше клюют, чем на такую потасканную красотку, как твоя подружка. А ты, дурочка, и рада.

— Вовсе нет. Мне в ресторанах и не нравится вовсе, если без тебя. А когда я узнала, что Лилька пыталась моего Сережку соблазнить, решила после свадьбы с ней вообще не встречаться. Пусть другую компаньонку ищет, раз она такая змея. Только не подумай, Сереженька, что это из ревности. Я тебе верю, дорогой. — Она подмигнула мужу.

— Аня, мне очень хочется услышать эту историю о романе вашей подруги с Александром Серебряковым. Лилия наверняка с вами делилась всеми подробностями?

— Да уж. Это даже тоску иногда наводило. Знаете, первое время Лилька вообще ни о чем другом говорить не могла. Она всегда заикливалась на чем-то одном, ничего вокруг не замечая, даже того, что другим вовсе не интересно слушать всякие подробности.

Глаз она на Серебрякова положила сразу, как только мы устроились в магазин. Мне-то что: директор — он и есть директор, к тому же женатый. Хотя Серебряков был мужик интересный, не красавец, конечно, но что-то в нем было. Он умел брать. Не каждая женщина устоять сможет. Серебряков умел быть хозяином жизни. К тому же Лилька сразу сказала, что шеф не дурак до красивых девочек, глаз у нее на это наметанный. И стала моя подружка около начальства вертеться. Юбки такие надевала, что даже из-под пиджака не видно. А ноги у нее действительно точеные, это первое, на что мужики внимание обращали, выше смотреть было уже не обязательно, да и не на что особо. Лицо только за счет килограммовой косметики еще ничего, но уж слишком много она курит. Ей всего только двадцать три, а без краски дашь все тридцать: много пьет, поздно ложится, сигареты опять же через каждые пять минут.

Но на ее ножки Серебряков клюнул. Смотрю, зачастил в торговый зал, раньше, как сыч, все сидел в своем кабинете. Ухаживал он, конечно, своеобразно: никакого заигрывания, намеков, все открытым текстом, сразу видно, человек деловой и времени терять не хочет. Короче, на одной из вечеринок — кажется, это был Новый год — мы все здорово выпили. Серебряков по таким великим праздникам снисходил до коллектива, принял на грудь порядочно, хотя вообще-то пил редко, с женщинами со всеми танцевать начал. Иными словами, стал всем демонстрировать, что ничто человеческое ему не чуждо. А когда Серебряков Лильку пригласил, она на нем так и повисла, при всех за задницу хватать стала. Правда, все были настолько пьяные, кроме Ларисы, конечно, что никто внимания обращать не стал, там все друг о друга терлись. Я просто устала очень, поэтому сидела в уголке, тоже, конечно, навеселе, но все видела и, как ни странно, почти все помню. Немного погодя Серебряков с Лилькой куда-то исчезли. У нее были мои сигареты. Сейчас-то я бросила, да и тогда курила только так,

из-за баловства и за компанию. А сигареты у меня были слабенюкие, знаете, такие дамские, «Вог» с ментолом. Я вспомнила, что Маринка тоже такие курит и у нее в приемной всегда есть пачка в столе, ну и пошла туда. Прихожу — они в серебряковском кабинете, даже дверь не закрыли, Лилька на столе, и шеф возле нее — трахаются. Я, конечно, сразу из приемной выбежала. Лилька мне и так бы на следующий день все рассказала, она любит своими подвигами похвалиться, а тут все в натуре, своими глазами...

Я сдуру подумала, что Серебряков меня уволит, но он сделал вид, что меня тогда не заметил. Впрочем, ему это особо и не требовалось: делать вид. Он с сотрудниками даже здоровался только по великим праздникам, да и то случайно. Короче, все обошлось.

Вечеринка эта тридцатого была, а на следующий день, тридцать первого то есть, прилетает ко мне Лилька с глазами по пять копеек, старыми, разумеется. С ходу объявила, что Серебряков велел ей подыскать квартирку для их свиданий, что она теперь в фирме на особом положении и скоро всех приберет к рукам. Сидела у меня в комнатенке, размечталась, как будет свои порядки в магазине устанавливать, кого уволит, кого в должности повысит. Все кричала: «Я все помню, кто мне палки в колеса вставлял, кто считает, что я дура и проститутка. Все получат». Даже в лицах изображала, как будет народ увольнять. Мне противно было смотреть, так она разошлась, а под конец даже заявила, что Серебряков с нового года собирается вводить должность управляющего, так она, Лилия Мильт. о, намерена предложить свою кандидатуру. Представляете? Лилька в управляющих!

В общем, разошлась подруга. Это было шоу! Лилька была уверена, что после стольких неудач ей наконец по-настоящему повезло. Два месяца от нее никому покоя на фирме не было, народом даже чемоданное настроение овладело. И правда, кому охота работать в месте, где всем управляет вздорная девчонка, которая сама не знает толком, чего хочет. Хоть она мне и близкая подруга, но я тоже такое вряд ли согласилась бы терпеть.

К счастью для нас, уже весной все кончилось. Серебрякову немного времени понадобилось, чтобы ее; раскусить. Как только Лилька захотела в управляющие и выдала все свои бредовые идеи насчет реорганизации работы на фирме, шеф ее сразу бросил. Любви-

то у него, понятно, никакой и не было, а терпеть убытки из-за минутной прихоти слишком для него было накладно. Лилька, конечно, боролась отчаянно. Чего только она на Серебрякове не пробовала! Причем я все эти гадости выслушивала, представляете?! Но потом начинала реветь, что шефа ничем не проймешь. В постели-то он ее использовал на полную катушку, только потом платил, как проститутке, а как на человека просто внимания не обращал. Потом заявил однажды, что на постельные услуги положенный тариф есть и таких девочек он может найти сколько угодно, а она, если будет доставать, пойдет искать другую работу. Причем Серебряков пригрозил, что даст ей такие рекомендации, что ни одна уважающая себя фирма на работу не возьмет. Они же там все друг друга знают, все повязаны, понимаете?

Для Лильки это, конечно, был удар! Квартиру ей Серебряков снять успел, но оплатил только за те два месяца, что они любовь крутили. Пришлось моей подруге пилить обратно к матери. А там вообще начался ад. Мамаша у Лильки строгих правил, после Серебрякова иначе как проституткой вообще не называла. Лилька все это с трудом терпела. Она вообще впала в жуткую депрессию, месяц бродила как тень, ничего не ела, похудела страшно. Впрочем, это ей даже шло, талия-то у Лильки давно поплыла. Я с ней пыталась поговорить, успокаивала, но бесполезно.

И вдруг по фирме прошел слух, что у Серебрякова новая любовница. Притом постоянная и на полном пансионе. Я подумала, что Лилька от злости теперь на людей будет кидаться или этого самого Серебрякова задушит голыми руками, но она повела себя очень странно: успокоилась, повеселела, стала почти такой, как раньше. А про Серебрякова говорила странно, что, мол, недолго ему осталось.

Аня устала от такой длинной речи и потянулась за чайником.

Алексей Леонидов, боясь поверить в то, что дело начинает наконец проясняться, осторожненько спросил:

— Еще раз вспомните, пожалуйста, Аня, что ваша подруга говорила про Серебрякова?

— Да что-то вроде: «Пусть нагуляется напоследок, кобель, недолго ему осталось», и еще эту странную фразу: «Мне отмщение, и аз воздам».

— Так, еще одна несостоявшаяся Анна Каренина, — вздохнул Леонидов.

— Но Лилька никогда «Анну Каренину» не читала, она не любила литературу, тем более классику. Это ей явно кто-то сказал, потому что Лилька буквально заикнулась на этой фразе. Знаете, как это у нее бывало?

Лилия Мильто действительно заикнулась. Даже в самую темную душу забредает иногда любовь. Лилия всегда относилась к мужчинам как к средству для исполнения самых заветных своих желаний. Желания у Лили, конечно, были самые примитивные, из тех, что составляют предмет зависти отброшенных за черту бедности и не евших досыта людей. Им почему-то кажется, что долгожданное счастье состоит в дорожке норковой шубе, которую ни за что не сможет купить сосед, в экзотической еде вроде ананасов, привычной скорее для папуасов, чем для жителей сурового северного климата, в ежегодных вояжах на престижный курорт, где умирают со скуки толпы пресыщенных бездельников.

Серебряков казался весьма подходящим средством: владелец большой фирмы, хорошей машины, приличных денег и нелюбимой жены. В мыслях Лиля уже представляла, как Сашенька объявляет о своей безграничной любви, о разводе и, наконец (о, счастливый финал!), они едут венчаться на белом лимузине, и новоиспеченная мадам Серебрякова вступает во владение империей. Лиля страстно хотела перво-наперво купить себе блестящую красную машину. Непременно красную, чтобы все видели, что это едет она, Лилия Мильто, добившаяся в жизни ошеломляющего успеха. Потом, конечно, самые дорогие меха и непременно бриллианты. Бриллианты, бриллианты, бриллианты! Счастливые грезы бедных женщин. Да, Лиля мечтала блистать на светских тусовках и приемах, покупать дорогие экзотические наряды и однажды, разомлев в постели от выпитого шампанского и обильных ласк, выдала все это ничего не подозревавшему Серебрякову.

Тот выслушал молча. Подбадриваемая ничего не значащими «ну-ну», Лиля дошла до того, что осмелилась развить свою мысль дальше и выложить грандиозные планы по увольнению неугодных ей сотрудников. Бесстрастное лицо Серебрякова не дрогнуло даже в самый важный момент ее фантастических грез, когда Лиля вообразила,

как прекрасно она будет смотреться в торговом зале в должности управляющего. Но после этой лебединой песни шеф недвусмысленно дал понять, что между ними все кончено. Так же молча встал, оделся и ушел, бросив на прощание: «Девушка, я знал, что вы дура, но что такая...»

Лилю, конечно, бросали не в первый раз. Обычно она переживала неделю, ну, максимум две в особо тяжелых случаях. Еще неделю она бегала потом по подругам, поливая грязью подло бросившего ее мужика, затем переключалась на другой объект. Но так обидно ее еще не бросали никогда. Обычно клиент поначалу просто начинал увивать, потом избегать и обидных слов не говорил. Серебряков же сразу как отрезал.

Она кинулась изливать горе своим подругам. Больше всех досталось, конечно, Ане Гладышевой. Выплескивая день за днем отрицательные эмоции, Лиля надеялась, что скоро появится новый подходящий объект и все забудется. Объект появился, но боль, против ожидания, не прошла. Впервые у нее не было азарта, захват вражеских позиций велся без энтузиазма, и, как ни странно, впервые же довольно успешно. Лиля не переставала постоянно думать о Серебрякове. Ей становилось все обиднее и обиднее. Она начинала вспоминать о том, что Саша хвоста перед ней никогда не распушал, ерунды не болтал, рассказами о работе не изводил. Никогда не торговался, если вещь ему действительно нравилась, не раздражался по пустякам. Безразличие бедная девушка начала принимать за порядочность. Серебряков постепенно приобретал и другие «не», обрастая ими, как грязный остов затонувшего корабля красивыми ракушками, и становился в воспоминаниях Лили все благороднее и благороднее. Лиля не переставала о нем постоянно думать.

Наконец все плохое забылось, осталась только светлая мечта, обретшая вполне реальные контуры. У Лили теперь был конкретный объект для грез. С ней начало происходить что-то странное.

Бывает, что иногда в холодных от природы женщинах просыпается странное чувство к мужчине, который им никогда не будет принадлежать. Назвать это чувство любовью трудно, ибо в основе его заложена ненависть к вызвавшему его предмету, а не назвать — тоже как-то язык не поворачивается. Предмету страсти в таких случаях посылаются всевозможные кары, он видит-. ся охотнее в

геенне огненной, чем в собственной постели, а когда появляется рядом, то на бедную женщину' находит оцепенение. Она начинает подмечать любые знаки внимания предмета своей страсти к другим особам женского пола, мысленно примеряя их на себя и убеждаясь, что в данном случае она сама ответила бы гораздо лучше. Но на деле слова не идут с языка, получается вовсе уж не хорошо, а самая полнейшая чушь. Такие женщины обычно идут изливать свое горе к знахаркам и заклинательницам, заниматься привораживанием объекта, зашиванием ему в одежду тряпочек с собственной кровью, а в подушку — своих волос и прочими глупостями. Чувства изливаются не прямо, а косвенно, то есть через кого-то.

Нечто подобное нашло и на Лилю. Ежедневно встречаясь с Серебряковым, она не могла выдать из себя ни звука, чтобы как-то помириться, оправдаться, поведать о том, что с ней творится, хотя мысленно готовила и произносила пламенные речи об охватившей ее страсти. Лиля даже не избежала печальной участи всех бездарных влюбленных — написания бездарных стихов. Все это напоминало поджаривание на медленном огне. Бедный Серебряков и не подозревал о просыпающемся вулкане. Он спокойно спал, не терял отменного аппетита и не вспоминал о коротком любовном приключении, каких в его жизни случалось предостаточно.

Лиля же ночами в бесконечных снах бродила по огромной пустой квартире, по анфиладе комнат без мебели и людей, и чего-то искала. Душа ее не могла найти покоя и не давала даже ночью снимать напряжение. Лиля просыпалась с больной головой, невыспавшаяся и злая. Такой сон бывает обычно накануне экзамена, когда несколько дней читаешь учебники и конспекты, а, закрывая глаза, вместо глубокого сна все повторяешь, повторяешь, повторяешь.

Когда у Лили совсем пропал аппетит и она начала вместо еды курить сигарету за сигаретой, девушка почувствовала, что надо что-то делать, иначе можно или в ящик сыграть, или в психушку угодить. Если желанный предмет нельзя получить, то его надо уничтожить, что-бы ликвидировать постоянный источник раздражения. И тут Лиле повезло: нашелся человек, который помог ей принять решение...

— Значит, ваша подруга грезилась об отмщении? — переспросил Леонидов.

— Нет, это были- не грезы. Лиля говорила так, как будто все уже было решено. Будто меч уже занесен, остается только ждать, когда он отсечет голову злодея. Хотя я Серебрякова злодеем не считаю. В этом случае, по крайней мере.

— Интересно, а может, она порчу наводила или участвовала в каких-нибудь мистических обрядах? Девушка-то, похоже, слегка с приветом. Как думаете, молодые люди?

— Лилька-то? Ну, такими глупостями она заниматься не будет. Она не верит ни в Бога, ни в черта, хотя крыша у нее в последнее время определенно поехала.

— А что с вашей подругой случилось после того, как ее все-таки уволили?

— Не могу точно сказать. Мы с Сережей к свадьбе готовились, сами понимаете, ни до чего. Потом, после того случая, когда она пыталась нас поссорить, наша дружба пошла на убыль. Знаете, еще на первом курсе мы пообещали, что будем друг у друга свидетельницами на свадьбах. Так вот, я ей даже этого не предложила сейчас, а она и не вспомнила. За три дня до свадьбы я позвонила Лиле домой, чтобы напомнить о субботе. Трубку взяла ее мама и сказала, что Лиля дома больше не живет — ушла к какому-то парню. Я попросила передать приглашение.

На следующий день Лиля позвонила. Сказала, что случайно познакомилась с одним молодым человеком, денег у него немного, зато есть небольшая однокомнатная квартирка, где можно пожить какое-то время. Телефона там нет, это к тому же где-то в области, кажется в Истре, поэтому Лиля и не звонила последнее время. Я, естественно, пригласила ее на свадьбу вместе с новым другом, но Лиля сказала, что ее молодой человек очень стеснительный, сидит все время дома, мало с кем общается и на свадьбу вряд ли согласится пойти. Я предложила Лиле позвонить Михаилу Коваленко. Она так и сделала. На свадьбу они пришли вместе с Мишкой, а потом я уже не помню, что дальше было.

— Коваленко сказал, что Лиля с кем-то познакомилась.

— А, да, вспомнила. Была у нее такая привычка — сразу вцепляться в первого попавшегося прилично одетого мужика. В этот раз им оказался мой двоюродный брат Артем. Он выпендривается больше, а работает всего-навсего звукорежиссером на какой-то

второсортной радиостанции. Я Артему наутро позвонила на всякий случай, чтобы предупредить, что за штучка моя бывшая подружка, но он мне ответил, что еще вчера понял, что девочка ему не по карману. Артем в субботу поздно ночью отвез Лилю к матери, на Фрунзенскую, и больше не звонил.

— Телефон двоюродного брата есть у вас, Аня?

— Да, конечно.

— Ну а дальше что было?

— Да ничего особенного. На второй день Лиля у нас не появилась, уехала к своему другу, а в понедельник мы с Сергеем с утра улетели на Кипр, в свадебное путешествие, на семь дней. На весь медовый месяц денег не хватило. Позавчера только вернулись, я начала звонить друзьям, чтобы узнать новости, и Михаил мне и сказал о Серебрякове.

— Лиля вам не звонила больше?

— Нет.

— Знаете, Аня, если вдруг позвонит, попросите ее оставить свой адрес и передайте мой телефон. Очень необходимо с ней поговорить. Кстати, у вас не будет фотографии, где вы сняты с Лилей? Можно взглянуть?

— Да, конечно. — Аня достала небольшой альбом. Леонидов бегло пролистал плотные страницы, заполненные удачными и не очень любительскими снимками, выбрал одну, где две очаровательные девушки улыбались в объектив на фоне блеклого интерьера магазина «Алексер».

— Это, я так понимаю, одна из последних? Можно позаимствовать на время?

— Берите насовсем, не велика память. От таких воспоминаний лучше побыстрее избавляться.

— Вы думаете? Что ж, спасибо. Ну а вам, как это говорится: совет да любовь, чтобы жили долго и счастливо и умерли в один день.

— Что это у милиционеров юмор такой мрачный, сразу о смерти? Давайте по такому поводу шампанского, из свадебных запасов?

— Можно и шампанского. Обычно следователи на службе не пьют, но с хорошими людьми можно. За здоровье молодых!

— Спасибо.

Они выпили шампанского, Алексей еще немного посидел в маленькой уютной компании и вышел из квартиры Барышевых, наполненный сотнями приятных пузырьков и чувством улыбнувшейся наконец удачи.

Глава 8 СВИДЕТЕЛЬНИЦА

Утром следующего дня Леонидов решил вплотную заняться поисками Лилии Мильто. Первым делом Алексей решил взять в оборот бывшего партийного работника, а ныне активную пенсионерку Лидию Евгеньевну. С утра она оказалась дома, видимо не успев еще приступить к общественной работе, чему посвящала целиком свое личное время.

Телефон откликнулся сразу же бодрым металлическим голосом:

— Квартира Мильто. Вас слушают.

«Как в приемную большого начальства попал», — подумал Леонидов и повел планомерное наступление на позиции оппонента:

— Здравствуйте, уважаемая Лидия Евгеньевна. Все тот же капитан Леонидов вас беспокоит. Не объявлялась еще ваша блудная дочь?

— У меня нет больше дочери. — Оставшуюся от общественной работы часть своей жизни женщина, очевидно, посвящала просмотру многочисленных сериалов.

— Зачем же так категорично?

— Эта мерзавка заявила вчера вечером, чтобы забрать вещи. Больше я на порог ее не пущу. Не могу допустить, чтобы меня оскорбляли в моем собственной доме.

— Как, вы видели Лилию вчера? Передали мой телефон?

— Я все передала, молодой человек, более того, стала настаивать на ее немедленной явке с повинной.

— Вы так уверены, что ваша дочь преступница? — Леонидов сам почти перешел на мыльный пафос.

— После вчерашнего — да. Дочь стала на меня кричать, заявила, что ни в какую милицию она не пойдет, устроила скандал, потом бросила свои вещи и ушла.

— Куда ушла?

— К своему Беликову, куда же еще!

— Какой еще Беликов?

— У которого она теперь живет.

— Вы же говорили, что не знаете, куда ушла Лиля. Я вчера у вас адрес спрашивал.

— Молодой человек, не путайте меня. Адреса я не знаю и телефона тоже. Только то, что мальчика зовут Валентин Беликов и прописан он в городе Истре.

— Это уже немало. Когда она у вас была?

— Часов в девять. Я выставила дочь за дверь и отобрала ключи. Слава богу, у меня есть еще одна девочка, будет на кого опереться в старости. А про этого выродка слушать больше не желаю.

— Что ж, спасибо, Лидия Евгеньевна. Теперь, думаю, мы ее найдем и больше вас беспокоить не будем.

— Сделайте одолжение, молодой человек. До свидания.

Леонидов со вздохом положил трубку. По крайней мере, удалось узнать имя, фамилию и город, в котором находился объект новых Лилиных брачных планов. Подошедший Матвеев посоветовал послать в Истру Игорька Матвиенко на машине — для выявления всех Беликовых в этом городе, подходящих по возрасту, семейному положению и жилплощади.

— Не переживай, Леша, дня за два отыщут, — утешил он коллегу.

— За два?! Надо брать его тепленьким, пока ноги не сделал.

— Куда он денется. Сидит себе спокойненько и радуется, что все так удачно обтяпал и девчонка с ним.

— Может, самому поехать?

— У тебя сколько еще версий? Что ты зациклился на этой девице? Сиди работай. Займись пока Серебряковской «крышей».

— Я-то займусь, но интуиция подсказывает...

— Интуиция тебе уже подсказала. Вспомни, как ты в Елистратове был уверен. Найдут скоро твою девушку. Жди.

— Хорошо, я подожду.

Ждать на самом деле пришлось гораздо — меньше. Вечером того же дня Матвеев пришел к зарывшемуся в бумагах Леонидову с расстроенным мрачным лицом:

— Уж не знаю, Леша, радоваться нам или горячими слезами рыдать. Нашли твою красавицу, такое дело.

Леонидов поднял голову:

— Нашли? Игорек нашел? Так быстро?

— И он и не он. Представляешь, какая история вышла: поехал он в эту самую Истру, фотографию твою взял, разглядывал долго. Уж больно девчонки на ней красивые, а парень молодой, неженатый. И на сорок втором километре Волоколамского шоссе Игорек наткнулся на сотрудников Истринского ОВД. Труп там нашли. Сейчас ведь сезон, грибы самые пошли, вот одна парочка и обнаружила в лесу, почти у самой дороги. Вызвали милицию, экспертов, все как полагается. А парень-то наш — малый любопытный, взял да и притормозил. Девушку на носилках несли, а волосы у нее приметного ярко-рыжего цвета. Матвиенко подошел поближе, а там твоя Лилия Мильто с фотографии. Он ее тут же опознал. По предварительным данным эксперта, ее задушили вчера вечером в районе одиннадцати часов. Тело преступник оттащил в овраг, попытался закидать ветками, но было уже темно, да и спешил он, похоже...

Леонидов сжал руками виски:

— Так, похоже, что он от свидетельницы поспешил избавиться. Значит, интуиция меня не подвела, а, Павел Николаевич?

— Теперь надо срочно найти того парня. Ты сейчас езжай к матери девушки, привези ее на опознание и постарайся детально выспросить все о вчерашнем дне и о приятеле Лилии, Беликове этом. Надо всех на уши поставить, но отыскать его сегодня же.

На служебной машине Леонидов поехал к Лидии Евгеньевне Мильто. В стекло полосовал косой, по-осеннему нудный дождь, деревья от воды линяли, как бездомные собаки, мутная зелень на глазах покрывалась желтыми трещинами. Настроение у Алексея было под стать погоде: он думал о том, что в морге в это время лежит мертвое тело молодой красивой девушки двадцати трех лет и именно ему придется сообщить родителям о том, что в семью пришло горе. Теперь ни для кого уже не имело значения, была убитая плохой или хорошей, доброй или злой, она просто не заслужила того, чтобы умереть так рано. И Леонидов чувствовал свою вину в том, что не нашел преступника раньше и не смог повлиять на ход событий.

Фрунзенская набережная мокла под сентябрьским дождем остроконечными крышами сталинских построек. Машина остановилась в тихом дворике, тщательно ухоженном и подметенном. Пятнадцатизэтажный старый дом, погруженный в сладкую дремоту, равнодушно взирал на мир стеклянными глазами окон.

Старый лифт в железной сетчатой клетке поднял Леонидова на десятый этаж. Несколько минут он переминался с ноги на ногу возле солидной коричневой двери, не решаясь позвонить. Наконец, отважившись провести злосчастную черту между «до» и «после», тронул звонок.

Дверь открыла худая женщина пятидесяти с лишним лет, пытающаяся сохранить русый цвет волос с помощью краски. Ее лицо, казалось, медленно засыхало вместе с вьевшимся в него выражением вечного недовольства и брезгливости.

— Лидия Евгеньевна? Здравствуйте. Мы с вами несколько раз общались по телефону, вот, пришлось свидеться. — Леонидов замялся.

— Я же просила меня больше не беспокоить.

— У меня плохие новости. Пройдемте в комнату, вам лучше присесть.

— А что, собственно, случилось? Если вы арестовали эту мерзавку, я и пальцем не пошевелю, чтобы ей помочь. Я уважаемый человек, заслуженный работник...

— Она умерла, Лидия Евгеньевна. Железная леди, казалось, не поняла:

— Какая чушь. Как это умерла?

— Ее убили вчера вечером. Вы должны проехать со мной, и опознать тело. — Алексей еще не понимал, испытывает ли он жалость к этой женщине или только брезгливое удивление. Но, кажется, до нее дошел наконец смысл сказанного: она как-то сразу сжалась и коснулась рукой стены, проверяя реальность происходящего через ее осязание.

— Что, мне куда-то ехать?

— Оденьтесь, пожалуйста, машина внизу, я вас подожду.

Лидия Евгеньевна молча натянула прямо на халат шерстяной мохеровый свитер, набросила плащ. Больше она ничего не говорила и ни о чем не спрашивала, в машине молча смотрела перед собой сухими глазами. Пока мать не увидит своего ребенка мертвым, она ни за что не поверит в то, что его уже нет в живых.

В холодном, отвратительно пахнущем морге, взглянув на застывшее лицо дочери, Лидия Евгеньевна сказала только:

— Да, это Лиля, — и так же молча, без слез осела на руки Леонидова.

Смерть примирила враждующих мать и дочь, все оборонительные рубежи, которые они друг против друга выстроили, разом потеряли смысл, остались только один на один: холодное тело и женщина, которой придется похоронить своего ребенка.

Немного придя в себя, Алексей попытался поговорить с патологоанатомом. Он подтвердил время смерти, ее причину. Преступник задушил жертву, судя по всему не подозревавшую нападения, руками в перчатках. Под обломанными ногтями девушки ясно виднелись частички соскобленной кожи, видимо, она отчаянно пыталась разжать сжимавшие горло руки. Следов полового контакта обнаружено не было, хотя нападавшим, судя по отпечаткам на шее, был крупный мужчина значительной физической силы. Более подробно на все возникшие вопросы могло ответить вскрытие и тщательная экспертиза.

Всю обратную дорогу Лидия Евгеньевна прорыдала, уткнувшись в ворот своего пушистого, промокшего от дождя свитера. Леонидов немного успокоился, он знал, что слезы — это уже реакция на шок, хуже, когда человек застывает в своем горе и на происходящее не реагирует. Когда они приехали, Алексей помог женщине подняться в квартиру. Там по-прежнему стояла тишина. В этой квартире всегда тщательно заворачивали краны, заклеивали на зиму окна и экономили электроэнергию. Глядя на отполированную мебель и вещи, лежащие на отведенных им постоянных местах, Леонидов понял причину активного протеста выросшей здесь девушки. Из года в год придерживаясь подобных правил, нельзя было не захотеть хоть раз внести хаос в этот запланированный мирок, бросить ему в лицо не принятые здесь слова и как следует тряхануть, чтобы вылезло все тщательно прибранное и запрятанное.

Леонидов помог Лидии Евгеньевне снять плащ, провел на кухню. Высокие потолки в квартире не давали ни тепла, ни уюта. Здесь все было безжизненно, здесь просто поддерживали наведенный раз и навсегда порядок.

— Ваш муж еще на работе? — спросил Леонидов, стараясь завязать разговор и немного отвлечь женщину.

— Да. — Она всхлипнула.

— Может, позвонить ему или старшей дочери?

— Уже восемь, он сейчас придет. Лиза тоже, наверное, в дороге. Они с мужем возвращаются поздно.

— Вам нехорошо? Чайник поставить?

— Я сама. — Она побрела к плите.

Алексей увидел, как упала крышка чайника, загремели разбитые банки, но вмешиваться не стал. «Пусть двигается. Может, попросить ее приготовить ужин? Это ее отвлечет. Хотя, конечно, от мысли о еде тошнить начинает. Тяжелый день», — подумал Алексей.

— Лидия Евгеньевна, давайте сделаем бутерброды. Ваш муж сейчас с работы придет, хоть чаю поьем, — попытался он выдать что-то бодрое.

— Да-да, я сейчас. — Она опять зашевелилась, как машина, настраивая шестеренки пальцев на привычные движения.

Леонидов не мог уйти. Во-первых, боялся оставить ее одну, во-вторых, должен был отыскать хоть маленькую зацепочку, которая помогла бы в поисках.

— Извините, Лидия Евгеньевна, но я вынужден расспрашивать о вчерашнем вечере. Мы должны найти этого человека. Вы меня понимаете?

— Моя девочка! Как я ее вчера ругала! Зачем я ее ругала? Я сказала, что лучше бы она умерла. Вы понимаете? Я мать. Я пожелала смерти своей дочери. Поэтому она и умерла. Я убийца. Меня Бог наказал. Я его всю жизнь отрицала, а он меня наказал. У меня была такая красивая девочка. Она родилась с таким рыжим пухом на голове, глаза у нее были темные, пальчики маленькие, а на щечке родинка. Она даже не плакала — пицала. Я ничего не сохранила: ни пряди детских волос, ни одного молочного зубика. Ее тетрадки собирала и сдавала в макулатуру, когда они заканчивались, — не любила, когда в доме скапливался лишний мусор. А девочку мою всегда оставляла на Лизу. У меня тогда" была работа, всю жизнь только работа.

— Лидия Евгеньевна, вы вчера говорили с Лилей? Она боялась кого-нибудь? вспомните, пожалуйста. Кого она боялась?

— Вас. Она так боялась, что бросила все свои вещи. Она курила, беспрерывно курила. Я стала кричать, что все пропахло этим вонючим дымом. В школе я била ее по губам. Если бы не била, Лиля бросила бы курить. Почему я всегда вызывала у дочери только чувство протеста? А теперь она умерла...

Слезы текли по лицу Лидии Евгеньевны. Леонидов отчаялся что-либо узнать.

— Куда Лиля поехала вчера вечером?

— К мужику своему, куда же еще. — Женщина даже перестала плакать, найдя объект, который мог разделить ее вину за смерть ребенка. — Это он ее убил, мерзавец! Он убил мою девочку!

— Лиля ничего про Беликова не рассказывала?

— Я ничего не хотела знать. Я их всех ненавидела, всех, которые совращали мою дочь. Если бы я знала тогда, когда они познакомились в этом дурацком офисе, что этот мерзавец ее убьет! Я бы легла на порог и не дала выйти моей доченьке...

— В каком офисе они познакомились?

— Не знаю. Какое-то собеседование. Лиля искала работу, это я заставила ее искать работу. В записной книжке, в ее комнате, должно быть все записано. Она всегда туда записывала, когда по телефону говорили, куда приехать. Беликов тоже приезжал в ту фирму устраиваться на работу.

Леонидов кинулся в комнату. На письменном столе аккуратно лежали книги, журналы, газеты. Все было рассортировано и разложено: видимо, вчера, когда Лиля бросила здесь свои вещи, Лидия Евгеньевна тщательно все разобрала и разложила в надлежащем порядке. Отдельно от всего лежал черный блокнот с обложкой из искусственной кожи. Когда Алексей его раскрыл, то никакой системы в записях не увидел. Хаос, который культивировала в себе-девушка назло родителям, отражался во всем. Куча телефонов, наспех помеченных самыми обычными именами вроде Тань, Марин и Наташ, перемешивалась с различными рецептами, все это слегка разбавляли схемы, указывающие местонахождение каких-то магазинов и учреждений. Некоторые страницы были заложены визитными карточками, преимущественно с мужскими именами.

Леонидов лихорадочно листал блокнот в поисках последних записей. Наконец он наткнулся на какой-то чертеж, лихорадочно набросанный прямо посреди страницы.

«Так, метро «Павелецкая» радиальная, это понятно. Номер автобуса, две остановки. Поворот за угол, это тоже более или менее ясно. Даже номер телефона есть. То или не то? Сбоку размашисто приписано: «Валя». Мужчина или женщина? Наверное, он. Во всяком

случае, это последняя запись, а начинать надо с конца, ведь познакомились они недавно. Черт, рабочий день закончился. Никто не возьмет трубку. Может, они и взяли на работу того парня, тогда у них должны быть координаты. А если не взяли, он наверняка оставлял телефон, по которому можно было с ним связаться, чтобы сообщить результат собеседования. Так что он у нас в кармане. Если, конечно, это он убийца. Неужели он?»

В дверь позвонили. Леонидов прислушался. Раздались торопливые спотыкающиеся шаги, потом голоса, тихий плач, похожий на жалобу, низкий шепот.

«Ну, слава богу, еще одна проблема решена. Глав'ное, она теперь не одна. В таком горе, как смерть, самое страшное — это одиночество, на людях оно легче. За живых надо цепляться, за живых...» — подумал Алексей и вышел в прихожую.

В длинном широком коридоре Лидия Евгеньевна рыдала в объятиях крупного почти полностью облысевшего мужчины. Он неуверенно гладил жену по голове, глухо повторяя только одну фразу:

— Горе, горе...

— Здравствуйте. Вы отец Лилии?

— Да, — коротко кивнул он.

— Могу я теперь оставить Лидию Евгеньевну на вас? Ей дали успокоительное, напоите ее чаем и уложите. Вы сами-то как?

— Справлюсь. Вы откуда? — Он кивнул куда-то в пустоту.

— Да, я из милиции.

— Что-нибудь известно о нем? — Леонидов сразу понял, что речь об убийце.

— Ищем. Могу я взять блокнот вашей дочери?

— Да, конечно.

— Держитесь, мы его поймаем. — Кроме этой банальной фразы Леонидов не нашел других слов. Конечно, они его поймут, но для этих несчастных родителей уже ничего не изменится. Возмездие нужно живым, и оно только утешает, но не воскрешает.

С девяти часов следующего сентябрьского утра Леонидов караулил у дверей конторы, где Лилия Мильто предположительно познакомилась с Валентином Беликовым. Без двух минут появилась нарядная раскрашенная дама с белым вихрем волос на голове и открыла дверь массивным железным ключом. Не давая ей опомниться,

Алексей прямо у дверей сунул ей в лицо удостоверение: времени у него было в обрез.

— Мне нужны сведения об одном человеке, возможно даже, что он у вас работает.

Дама моргала накладными ресницами, с трудом вникая в смысл происходящего. Леонидов, не дождавшись ответной реакции, продолжил:

— Имя Валентин Беликов вам знакомо?

— Беликов, Беликов... Погодите, — начала просыпаться дама. — Кажется, это наш новый программист, мы заказали ему программу для офиса.

— Прекрасно. Адрес у вас есть?

— Что?

— Адрес мне дайте. Срочно* — Леонидов начинал терять терпение. Рядом хлопнула входная дверь. Сотрудники начинали без особого энтузиазма стекаться на рабочие места.

Дама засуетилась, нашла нужную бумажку:

— Вот, город Истра, и дальше... А телефона нет. Алексей схватил заветную бумажку и испарился с

максимальной скоростью, на которую только был способен.

Беликов был дома. Он преспокойненько отсыпался после ночного бдения за любимым компьютером. Через час с небольшим он уже сидел перед Леонидовым.

Записав необходимые сведения, Леонидов сразу приступил к главному:

— Знаете, зачем вас привезли?

Высокий, худой Беликов с внешностью типичного очкарика-отличника подслеповато щурил глаза за толстыми цилиндрическими линзами. Лицо у него было тонкое, скорее мальчишечье, чем мужское, руки же размером и строением пальцев больше походили на женские.

— Не знаю я ничего. Врываетесь, поднимаете с постели, везете черт знает куда... Не совершал я ничего криминального, кроме неуплаты налогов, разумеется, но за это же в уголовку не таскают? В доме все перевернули. Зачем? — Валентин явно нервничал, но это была скорее нервозность человека, впервые попавшего в такую обстановку, вырванного из привычной среды и испытывающего от этого вполне понятный дискомфорт.

— Позавчера вечером на сорок первом километре Волоколамского шоссе нашли задушенную девушку, Мильто Лилию Аркадьевну. В последнее время, по словам родственников и друзей, она проживала у вас в квартире.

— Лилию? Убили? Не может быть! Как странно. А я, дурак, еще вчера подумал, что она сбежала, и, знаете, даже вздохнул с облегчением. Убили. Странно...

— «Странно» — это все, что вы можете сказать о девушке, на которой собирались жениться?

— Кто? Я?! Глупость какая. Сумасшедший только мог хотеть на ней жениться, да и тот сбежал бы прямо из-под венца. У нас не было друг перед другом никаких обязательств, совершенно никаких. Я Лилию не выгонял, она сама, кажется, задерживаться не собиралась. Конечно, мне ее жалко, я немного не так выразился. Просто не сталкивался никогда с этим, ну, когда убивают. Знаете, это как в кино, кажется, что в настоящей жизни не случается. А тут такая совершенно безобидная девушка, и вдруг — задушена. Странно. Зачем мне ее убивать? — Он заметно и вполне искренне расстроился.

— Где вы были позавчера вечером в районе одиннадцати часов?

— Дома, конечно. Сидел за компьютером, как обычно.

— Вы стрелять умеете?

— Да у меня минус девять! Я еще со школы пожизненно освобожден от стрельбы. Я даже в самую мишень попасть не могу. И при чем здесь стрельба?

— Где вы были вечером двадцать девятого августа после девяти часов вечера?

— Дома я был, где же еще. Я все вечера сижу дома, мне все равно, какое вы называете число и день недели.

— Кто может подтвердить, что позавчерашний вечер и вечер двадцать девятого августа вы провели дома?

— Ну, тот, в августе, Лилия, кажется, была со мной.

— Прекрасный свидетель. Вы хоть понимаете, что говорите? Соседи вас видели?

— Какие соседи? Я не знаю никаких соседей. С чего мне заявлять им о том, что я дома? Они сами по себе, а я сам по себе.

— Вам известно, кто такой Александр Сергеевич Серебряков?

— Из Александров Сергеевичей я знаю только Пушкина, да и то смутно и не в лицо.

— Очень остроумно. В вашем положении лучше обойтись без замечаний подобного рода. Сколько вы были знакомы с Лилей?

— Не считал. Две недели точно.

— И ни разу за две недели не слышали о Серебрякове?

— Кажется, слышал. Да она говорила о нем, но я внимания на ее словах не заострял.

— Вы знаете, что его убили?

— Когда, тоже позавчера?

— Вы смотрите телевизор?

— Нет, не смотрю. Для меня там нет ничего интересного.

— Так кто все-таки может подтвердить, что седьмого сентября вы были дома?

— Понятия не имею.

— У вас есть машина?

— Да, есть. Старый «жигуль», «копейка», стоит около дома. А что?

— Когда вы в последний раз пользовались машиной?

— Когда отвозил часть сделанной работы на «Павелецкую».

— У вас есть оружие?

— Какое оружие?

— Вы хорошо стреляете?

— Да вы спрашивали меня уже. Вы можете себе представить, что такое минус девять? Это все равно что бродить в густом тумане, даже очки полной коррекции не дают, ведь у меня ко всему прочему еще и миопический астигматизм на оба глаза. Можете посмотреть мою медицинскую карту.

— Как же вы водите машину?

— Как все. Я купил права. Это преступление? Можете пересажать половину всех автомобилистов.

— Ими ГАИ пускай занимается. Значит, за компьютером вы целыми днями сидеть можете, машину водить тоже можете, а стрелять нет. Не логично получается.

— Как раз логично. Я экономлю зрение ради того, "что мне действительно необходимо. А стрелять мне незачем.

— Вы убили Лилию Мильто?

— Да не убивал я ее. Зачем мне убивать? У меня с психикой все в порядке, я не маньяк какой-нибудь. С чего мне убивать девушку, которая и так мне ни в чем не отказывала?

— Я могу подсказать вам, Валентин Дмитриевич, что это был за мотив...

В кабинет вошел Матвеев. Покосился на Беликова:

— Валентин Дмитриевич, выйдите на время в коридор, покурите, отдохните.

— Спасибо. — Беликов вытер намокший лоб, с облегчением исчез за дверь.

Матвеев присел возле стола: — Ну, что, Леша?

— Да, бред какой-то. Целый час по кругу одно и то же. С одной стороны, у него зрение такое, что в слона не попадет с расстояния в один метр, не то что в человека. С другой стороны, машину-то он водит.

— Правильно. Потому что есть такая штука, как контактные линзы, в них можно полную коррекцию при любом зрении сделать. У меня дочка тоже все глаза себе вычитала, щурилась на все, а очков стеснялась. Сейчас надела линзы, никто и не замечает, что у нее видимость почти нулевая. Может, у Беликова есть комплект контактных линз, но он их постоянно не носит, а только в крайних случаях.

— Проверим. Алиби у него никакого нет: все время сидит дома, с соседями не общается. Мотив отрицает. Но Лилия вполне могла его окрутить и натравить на Серебрякова. Не сама же она стреляла? А?

— Что ж, другого подозреваемого у нас нет. Пока Беликов не доказал, что сидел дома эти два дня, он первый кандидат. С другой стороны, улики-то все косвенные. Если бы пакет с деньгами найти...

— Интересно, а вы действительно считаете реальным, Павел Николаевич, что мужчина, две недели знакомый с женщиной и о которой у него создалось не самое лучшее впечатление, пойдет вечером убивать любовника, который эту самую женщину бросил полгода назад? Абсурд какой-то.

— Это для тебя абсурд. Мало ли, что она ему наплела. Могла запросто сказать, что шеф к ней приставал, заставлял силой, шантажировал потерей работы, принудил сделать аборт. У баб

фантазия такая, что из мелочи раздуют Большую Советскую энциклопедию.

— Нет, все равно не могу понять. Вы учили всегда ставить себя на место преступника, чтобы понять его психологию. Так вот: Беликова я не понимаю.

— Видно, про любовь еще мало знаешь. Не встретил еще настоящую любовь, Леша, так, чтоб за душу... Вот представь себе: сидел спокойненько тихий молодой человек, очкарик и зануда, жил себе поживал в некой виртуальной реальности и думал, что жизнь определилась окончательно и бесповоротно. И вдруг появляется девушка, красивая, достаточно ловкая. А годочков юноше, между прочим, уже прилично за двадцать. Может он запасть на такую-то фею? Вполне. И тут она ему сообщает, что жизнь ее до него была до крайности несчастной, а один подонок вовсе унизил и оскорбил так, что дальше жить не хочется. Как должен поступить благородный рыцарь, только что вылупившийся из этой самой виртуальной реальности и привыкший верить на слово? Вполне может схватить пистолет и пойти кровью смывать позорное пятно на чести любимой девушки.

— Ага, при этом не забыв замаскировать благородный акт под заказное убийство. И как замаскировать! Кстати, денежки он тоже прихватить не забыл.

— Ну, если принять во внимание, что Беликов склонен к точным наукам, к тому же программист, то это вполне может и соответствовать. А деньги мог и у родителей спрятать или в землю закопать где-нибудь на даче. Искать надо. В общем, вывод такой: работай, Леша, работай. Попробуй поговорить с ним по-другому. Не дави, пусть парень расслабится, расскажет, как проводил время с девушкой, к кому с ней ходили, где гуляли. Про родителей поговори. Пойми, на что он способен, а на что нет. Это ж тебе не алкаш закоренелый и не наркоман, психика тонкая, ранимая. Глядишь — сам тебе все расскажет.

— Да понял я, чего вы от меня хотите. Похоже, до^ окончательного установления истины еще далеко.

— Вот и я говорю: работай, Леша.

Матвеев вышел из кабинета:

— Беликов, заходите.

Валентин боком протиснулся в дверь. Ему явно полегчало, он был бледен, но решителен и готов отстаивать свои права.

— Садитесь, Валентин Дмитриевич. — Леонидов повертел в руках карандаш: надо было все начинать сначала. — Скажите, как вы познакомились с Лилией Мильто? Где, при каких обстоятельствах? Когда точно это случилось?

— Я точно не помню, где-то в середине августа. Дело было в офисе на «Павелецкой», где я сейчас работаю. Они дали объявление в газету, кажется «Из рук в руки», что ищут программиста за небольшую плату. Я человек не привередливый, много не прошу, работаю быстро. Позвонил, договорился приехать на собеседование.

— И сразу увидели Лилю?

— Ну да. Они, видимо, сотрудников набирали, директор с кем-то беседовал, поэтому секретарша попросила меня подождать в приемной. Смотрю — на диване девушка сидит, симпатичная такая, рыженькая. Я присел рядом, не близко, конечно, в противоположном углу.

— Это еще почему?

— Знаете, я стесняюсь женщин, тем более таких симпатичных. Кто знает, чего от них ждать: могут и послать подальше, они же только о том и думают, что все мужики мечтают их клеить.

— Значит, до знакомства с Лилей у вас не было девушки?

— Почему, была. Знаете, у меня ведь своя квартира. Бабушка умерла года два назад, кроме родителей, других наследников не было, а у них своя трехкомнатная, вот они и решили меня отделить. Мама все хотела, чтобы я женился, пыталась познакомить с дочками своих приятельниц. Ну, я сопротивлялся, сопротивлялся, а потом одна понравилась. Мы расписываться не стали, решили так пожить немного, посмотреть, что получится. — Беликов глубоко вздохнул.

— Ну и что получилось?

— Она сбежала через месяц. Заявила, что со мной со скуки можно помереть, и ушла. Не понимаю, что этим женщинам надо? Я вообще ни во что не вмешивался — хотел как лучше.

— Ладно, оставим в стороне подробности вашей жизни в период, который меня мало интересует. Лилия с вами сама заговорила?

— Конечно. Еще бы я стал навязываться. Она спросила, нет ли у меня зажигалки, потом подошла к секретарше, выяснила, что

директор, видимо, не скоро освободится. Ну, вернулась ко мне и говорит: «Пойдем перекурим это дело, все равно еще час мариноваться в этой клоаке». Не знаю, чего ей так не понравилось, офис как офис, бывают хуже. Я пошел с ней покурить. Она сразу начала мне рассказывать про свои проблемы, как ее уволили, какая стерва ее мамаша, как надоело возвращаться домой и выслушивать это бесконечное занудство о том, что раньше все работали и никто без дела не болтался.

— И вы предложили ей пожить у вас?

— Нет, что вы. Я вообще молчал. Лиля мало нуждалась в диалоге, она сама и спрашивала и отвечала. Потом только поинтересовалась, где живу, почему сюда пришел работу искать. И сама тоже ко мне пожить не напрашивалась поначалу. Надеялась, наверное, что ее на работу возьмут. Меня первого пригласили. Директор оказался человеком деловым, мы быстро Договорились, Когда вышел, Лилия попросила меня подождать на улице, мол, все равно по пути. Мне спешить было некуда, я и подождал. Ей сразу отказали, даже телефон не стали записывать.

— Откуда вы знаете?

— Она сама сказала, что здесь номер пустой. Лилия же себе искала не только работу, но и покровителя на определенных условиях, а здесь шеф попался серьезный, женатый и моралист еще тот, сразу раскусил, что Лилия за птичка. В метро Лилия сказала, что проголодалась. Для ресторана было слишком рано, да я и не любитель. Предложил «Макдоналдс», она поморщилась, конечно, но согласилась. Поехали мы на «Тушинскую», мне оттуда домой по пути. Народу было мало — будни. Посидели мы с ней, поболтали. Тут Лилия и попросилась ко мне пожить. Она абсолютно не страдала никакими комплексами. Начала себя расхваливать, какая она хозяйственная, как хорошо готовить умеет, и в постели опытная. Я, конечно, растерялся. Чтоб девушка так навязывалась первому встречному! Как-то непривычно. Но Лилия сказала, что, если мы друг другу не понравимся, она не задержится, соберет манатки и свалит. Я согласился: мне что терять? Мне самому надоело возиться с домашним хозяйством, магазины эти, стирка, кухня.

После этого мы поехали на Фрунзенскую, к ней, за вещами. Я посидел во дворе, подождал, пока она шмотки соберет. Пока курил,

Лилька быстро вернулась, вышла с двумя большими сумками. Вещи были в них набиты кое-как. Она сказала, что мамаша развыступалась, пришлось взять, что под руку попало. Ну и поехали мы в Истру. — Валентин замолчал.

— Дальше что было?

— Да ничего особенного. Купили бутылочку вина, два блока сигарет, еды кой-какой. Приехали, поужинали, легли. Что рассказывать-то? Я сразу понял, чем моя звезда себе на жизнь зарабатывает, очень она уверенно занималась этим делом; Строила, правда, из себя много, цену набивала.

— Лиля нравилась вам, Валентин?

— Да как сказать. Ноги у нее, конечно, были потрясные, а все остальное так себе. Лицо утром отекало ужасно, смотреть неприятно. Много курила. Я сам, конечно, курю, но не так. Чтоб одну за одной и без всякого перерыва, это уж слишком, тем более для женщины.

— О чем вы разговаривали?

— Да ни о чем. Она мало что понимала в компьютерах. Когда я начинал что-нибудь говорить, включала телевизор. У нее была невыносимая привычка без конца переключаться с канала на канал, ничего не досматривая. Меня это раздражало. Вообще в ней было много неприятного. Знаете, этакий человек-монолог, абсолютно не нуждающийся в собеседнике. Все о какой-то ерунде, с идиотскими подробностями. Скоро я понял, что слушатель Лиле и не нужен вовсе, и стал включать компьютер, пока она говорила.

— Суть ее рассказов не помните?

— Невозможно было запомнить, потому что невозможно было понять. У Лили мысли растекались, как сырые куриные яйца по гладкому столу. Безумная женщина.

— Была. Ее убили.

— Да, извините. Конечно, о покойниках плохого не говорят, это общепринято, просто я плохо воспринимал Лилину речь.

— Но фамилию Серебряков вы слышали?

— Да.

— Лилька рассказывала, как Серебряков ее бросил?

— А он это сделал?

— Пожалуйста, вспомните, Валентин. Александра Серебрякова убили. Если это сделали не вы, как утверждаете, то человек, о котором

Лиля не могла не упоминать.

— Никого я не убивал! Зачем он мне сдался? У меня все есть: компьютер, квартира, машина. Все очень старенькое, конечно, зато никому, кроме меня, не нужное. Я сплю спокойно, никому не приношу вреда и не осложняю себе жизнь. Ну, не повезло: связался с девушкой, которую кто-то за что-то удушил. Только я здесь ни при чем.

— Лиля могла привлечь вас к убийству Серебрякова.

— Что? Да вы хоть понимаете, что она для меня никем не была? Кто будет мстить за таких женщин? Ну бросил Лильку какой-то мужик, правильно сделал. Если честно, я тоже собирался ее выставить. В больших дозах эта девушка была невыносима. С чего бы я стал защищать честь женщины, у которой этой чести с само-то рождения не было предусмотрено, спала ведь с кем попало, лишь бы получить свое. Конечно, было в ней и хорошее: в доме Лилька все делала, прибиралась, готовила, постирушками занималась. Но вместе с тем какая-то рефлекторная страсть к порядку: все время раскладывала вещи по своим местам.

— Это не страсть, а привычка: с детства родители заставляли. Да, впрочем, для вас это не важно. Друзей Лили вы знали, Валентин?

— Да никого я не знал.

— С кем-то она общалась, уезжала из дома?

— Куда-то ездила, кажется.

— Двадцать седьмого Лиля уезжала на свадьбу к близкой подруге, вы об этом знали?

— Да... Аня, кажется. Лилька меня звала, но что я, ненормальный? Я к родственникам-то на свадьбы не хожу. Чего там хорошего? Бред какой-то. А тут идти в незнакомую компанию с полоумной бабой. Лилька одна поехала. Я отдыхал от ее бесконечной болтовни.

— А говорите, что все вечера проводили вместе.

— Ну, раза два она уезжала. На эту свадьбу и за вещами, в тот вечер, когда ее убили.

— А днем?

— Днем Лиля часто уезжала в Москву искать работу. С утра уезжала, а вечером возвращалась. Но мне кажется, что она только делает вид, что ищет работу.

— Почему?

— Если так упорно каждый день ездить по разного рода объявлениям, да еще с таким настроением, как у нее, то обязательно что-нибудь подвернется, ну, я имею в виду услуги определенного рода. Конечно, сейчас кризис, но только к древнейшей профессии это не относится.

— Чем же тогда, по-вашему, занималась целыми днями Лилия Мильто?

— Не знаю, никогда не проверял, но, кажется, тем же, чем и дома, — ждала.

— Чего ждала?

— Кто ее знает, только Лиля все время находилась в состоянии постоянного прислушивания, знаете, как охотничья собака. Малейший шорох и скрип двери ее настораживал. И это болезненное внимание ко всяческим криминальным новостям.

— Каким новостям?

— Ну, там «Криминальный экран» или по ТВ-6 передача, где рассказывают о всяких происшествиях. Я эти передачи терпеть не могу, сколько раз просил, чтобы переключила, но в этом она никогда не уступала. Даже странно: любой фильм прерывала на половине, любое шоу до конца не досматривала, а тут как приклеится, так оторвать невозможно. И каждый раз жуткое разочарование, чуть ли не до слез.

— Фамилию Серебрякова она не упоминала в связи с таким вниманием к криминальным сводкам? Не вспомните?

— Может, и упоминала, раз я ее запомнил.

— А после или до Серебрякова Лиля кого упоминала? Имена, фамилии? — осторожно спросил Леонидов.

— Да всякие. Лена, Оля, Аня и так по кругу.

— А такую фразу, как «Мне отмщение, и аз воздам», вы часто от Лили слышали?

— Что-то подобное было. Я подумал, что она совсем спятила: начинала бормотать это и еще про какую-то Лену.

— Лена? Что за Лена? Подруга? Фамилию называла?

— Да не помню я никаких фамилий. Лиля вообще все время что-то бормотала, не вслушиваться же в подобный вздор. Она мне работать мешала, понимаете? Я пытался отключиться. Вы никогда не пробовали засыпать с включенным телевизором? Не то что он там едва бормочет, а достаточно громко вещает, и звук нельзя уменьшить. Что вы делаете?

С головой накрываться бесполезно, все равно в такой позе не заснешь, значит, остается погрузиться в собственные мысли и сосредоточить внимание на внутреннем раздражителе, а не на внешнем. Вот это напоминает мою с Лилей совместную жизнь, если вам угодно. Поэтому не пытайтесь меня спрашивать о таких подробностях, как смысл ее бормотания, я не смог постичь этот смысл.

— Допустим, вы меня убедили: днем вы погружались в свои мысли и в работу, не обращая никакого внимания на девушку, которая жила рядом с вами, но ночью-то вы до нее снисходили? Ложились-то вы в одну постель и наверняка о чем-то беседовали?

— В постели мы вообще не разговаривали, если вам интересны столь интимные подробности. Лиля терпеть не могла всяких там сюсюканий, ее словарный запас ограничивался репликами, употребляемыми в порнографических фильмах, иначе говоря, целой коллекцией вздохов и ахов. Подробности моей жизни ее мало интересовали. Вообще, не так уж с ней было интересно в постели, сплошной театр одного актера. Где только она этому научилась?

— Клиентура была соответствующая. Ну, что ж, Валентин Дмитриевич, прямых улик против вас у меня нет, подписку о невыезде, конечно, возьму до выяснения всех обстоятельств дела, об алиби подумайте на досуге: не все окружающие вас люди так погружены в себя. Вам-то кажется, что вас никто не замечает, а найдется какая-нибудь добрая бабуля, которая сидит себе у окошка и от нечего делать все соседские передвижения фиксирует. Мы, конечно, попытаемся со своей стороны выяснить, как и что, а пока свободны.

— Могу прямо сейчас идти?

— Пока. Конкретно сейчас — пока можете.

— Спасибо. — Он даже засветился, и очки одобрительно заблестели. — А Лилю я не убивал, честное слово.

«Господи, вот еще взрослое дитя», — подумал Алексей, провожая взглядом его тощее дергающееся тело, и пододвинул к себе лист бумаги. Рука проворно заскользила по листу бумаги, рисуя взъерошенных маленьких ежиков. Ежики успокаивали Алексею нервы, а нервничать было от чего, интуиция подсказывала Леонидову, что в данном случае «честное слово» не обманывало: парень к убийству отношения не имеет.

Очевидно было только то, что Лилию Мильто убил человек, осуществивший убийство в лифте, жертвами которого стали Серебряков и пенсионеры Завьяловы. А если Беликов так отзывается о погибшей девушке, то мстить за нее он действительно не мог или у него были свои счеты с покойным. «Кстати, это идея, — подумал Леонидов. — Надо проверить, не пересекались ли жизненные пути Серебрякова и Беликова. Чего Лиля все время ждала — это очевидно: просматривая криминальные новости, она сторожила сообщение о смерти бывшего шефа, ибо такие убийства пресса не обходит стороной. Единственная зацепочка — это Лена, которая упоминалась в связи с известной фразой, очевидно, с ее подачи Лиля ухватилась за незнакомое изречение».

День этот прошел для Алексея в неприятной бумажной работе. Он составлял запросы на Беликова: не привлекался ли, не состоял ли, где учился, где работал. Параллельно пытался изучать записную книжку Лилии Мильто, в которой разобраться было так же сложно, как в китайской грамоте. Лен там было аж несколько штук, еще больше Оль и Ань. «Чего я голову ломаю! Надо съездить к очаровательной Анечке Гладышевой-Барышевой и вместе в этой книжечке покопаться. Анечке наверняка ближе весь этот бред, которым кишит затертый блокнотик, женщина женщину всегда лучше поймет. И выйду я от эфирной девы заново окрыленный и готовый к новым свершениям. Я везучий».

Алексей пришел домой около восьми часов вечера, и первое, что с удовольствием отметил, было отсутствие новых коробок. Очевидно, процесс продрозверстки подошел к финалу: цены притормозили наконец, как танк перед заградительными окопами — вроде и раздавить нетрудно, да кто знает, чем все это обернется. К тому же и деньги в доме кончились, остались одни макароны, как самая твердая валюта разразившегося кризиса.

Алексей поел борща, съел второе, налил рюмку водки. Мать покосилась, но промолчала. Последнее время она вообще мало внимания обращала на сына, так много вопросов приходилось ежедневно обсуждать с соседками на лавочке у дома. Внимание общественности целиком поглощали цены на основные продукты питания, новости с рынков поступали так быстро, что на самый задний план отошли даже события личной жизни жильцов, обычно находившиеся в самом центре внимания.

Алексей же, почувствовав прилив нахальства после выпитой рюмки, набрал Лялин номер:

— Алло, я слушаю, говорите.

— Ляля, это я.

— Леша? Вот не ожидала.

— Я тогда ушел не попрощавшись, ты извини. На работу опаздывал, — попытался неумело соврать Леонидов.

— Да?

— Как твои дела?

— Нормально.

— У тебя что-то случилось?

— Ничего не случилось.

— У тебя дома кто-то? К бабке, что ли, опять пришли?

— Нет, не к бабке.

— Слушай, кончай так разговаривать, тоже мне, Мата Хари нашлась: ах, мы все такие загадочные-презагадочные. Ты что, на меня разозлилась и подцепила какого-нибудь придурка?

— Сам ты придурок. Даже хуже. Тебе лечиться надо, диагноз «гипертрофированное большое самолюбие». И можешь больше не утруждать и мне не звонить, я в подобных одолжениях не нуждаюсь.

Она подождала немного на всякий случай. Алексей тоже никак не решался положить трубку. Возникла пауза, которая могла закончиться как полным разрывом, так и примирением. Неожиданно Леонидов плечом задел книжную полку в прихожей, возле которой стоял, опираясь гудевшей спиной о стену. Упала какая-то книга, Алексей потянулся за ней и случайно дернул провод; телефон грохнулся на пол, жалобно дзинькнув.

«О, черт!» Он поднял аппарат. Гудки. Хотел было позвонить Ляле и сказать, что не нарочно, но замер, слушая, как ноет нескончаемый гудок.

«Все равно не поверит. Странно, совсем чужая женщина. Кстати, хороший повод навсегда избавиться от этого бреда, лучше не дожидаться. Ладно, все. Кончено».

Он поднял аппарат, аккуратно водрузил на прежнее место. Потоптался еще немного в прихожей, потом пошел на кухню и налил себе еще одну рюмку водки.

Глава 9 СЕСТРЫ

Утром Алексей первым делом объявился на работе. Посидел, попил ароматного кофейку с Игорьком Матвиенко, потрепался с коллегами, обсуждая наиболее значимые происшествия последних дней. Наконец, решив, что время пришло, набрал телефон Барышевых без боязни оторвать молодоженов от сладкого сна или еще от чего-нибудь из разряда более приятных ощущений.

Анечка откликнулась сразу.

— Аня, здравствуйте. Многострадальный Леонидов вновь у ваших ног. Примите, не гоните.

— Что-нибудь случилось?

— А разве вам никто не звонил?

— Нет, а что?

— Лучше, если я сейчас приеду. Не возражаете?

Леонидов подумал, что, возможно, Лидия Евгеньевна Мильто не знала нового телефона близкой подруги своей дочери. «А похороны-то сегодня наверняка», — подумал Алексей, но решил событий не торопить.

К Барышевым он долетел за рекордное для себя время, вспомнив юношеское увлечение бегом на средние дистанции. Молодожены только что встали, ибо вид у них был расслабленный и томный, какой бывает у людей, еще не пресытившихся супружеской жизнью и обильными утренними ласками. Алексею до смерти не хотелось прерывать сладкую идиллию.

— Прошу прощения, молодые люди. Помешал, конечно?

— Нет, что вы. Проходите, проходите, чаю сейчас попьем.

Алексей скользнул на кухню, заранее морщась от предстоящего объявления о неприятной новости. Анна что-то почувствовала:

— Что случилось, Алексей Алексеевич?

— Лию убили. Ее родители, скорее всего, не знают вашего телефона, иначе бы сообщили, что сегодня похороны.

— Когда убили? Где? — Анна растерялась.

— Седьмого сентября, вечером. Позвоните Лидии Евгеньевне. Телефон знаете?

— Конечно. — Аня метнулась в комнату к телефону. Алексей остался вдвоем с Барышевым. Тот явно мялся и не знал, как себя вести.

— Давайте-ка, Сергей, дернем по кофейку. Хочется чего-нибудь обжигающего. Можно?

— Да ради бога. — Тот с явным облегчением потянулся за чайником.

— Знаете, Алексей Алексеевич...

— Да какой там Алексеевич. Давай переходить с высокого слога на обычную человеческую речь.

— Ладно, перейдем. Хотел только сказать, что хотя я Лилю недолюбливал, но как-то не по себе. Плохая смерть. Как?

— Задушили.

— Тот тип, что Серебрякова шлепнул?

— Похоже на то.

— Ты что, спросить о чем-то хотел?

— Да, нужна помощь твоей жены. Тут записная книжечка объявилась, может помочь. Надо вместе покопаться. А вы ничего нового не вспомнили?

— Если честно, не до этого.

— Понимаю. Завидую, по-хорошему, конечно. — Леонидов вспомнил вчерашний разрыв с Лялей и погрузился.

Аня пришла заплаканная, уткнулась в плечо мужа, как брошенный котенок, вжалась в его широкую грудь хрупким телом.

— Поедем, Сережа? На похороны успеем еще.

— Алексей хотел с тобой поговорить. Я пока пойду оденусь.

Он скрылся в ванной, а Аня присела на старенький полосатый стул.

— Аня, вы не посмотрите эту записную книжку? — Леонидов достал из кармана толстый засаленный блокнот. — Мне нужно вычислить некую Лену, с которой Ли-ля сблизилась в последнее время и, судя по всему, сделала ее поверенной в своих страданиях по Серебрякову.

— Да, конечно, посмотрю. Эта книжка мне известна, многие знакомые у нас были общие, Лиля еще с института все записывала, а я иногда пользовалась. Вот это — наши сокурсницы. Правда, Лены

среди них нет, Наташа и Ирочка. На этой странице телефоны всех тех, что с нами работали в «Алексере».

— Погодите-погодите. Давайте запишу фамилии ваших подруг по институту.

— Да, конечно.

Под ее диктовку Леонидов сделал пометки у себя в блокноте.

— Еще кого знаете?

Аня отыскивала еще несколько общих знакомых, раз-бирая визитки. Несколько отложила:

— Это наши постоянные клиенты, из магазина. Бывшие, конечно. А вот этих не знаю. — Алексей получил приличную пачку неопознанных картонных прямоугольников.

— Аня, Лиля не звонила вам вечером седьмого сентября?

— Нет.

— Она куда-то уехала из дома, когда мать на нее накричала. Значит, не к вам. Возможно, к этой самой Лене и уехала. Вспомните, пожалуйста, всех знакомых Лен, с которыми вы общались.

— Лен? В «Алексере» точно не было ни одной. В группе с нами учились две Лены, но мы знакомства не поддерживали, не думаю, что у Лили осталась с ними связь, эти девушки для нее интереса не представляли.

— Так, хорошо, а из не общих ваших знакомых никого не можете вспомнить? Может, подруга детства или из класса кто-нибудь? Ни с кем Лили не встретилась после того, как ее бросил Серебряков?

— Да, как же. Совсем забыла. У Лили была подруга Лена, в школе еще. Они вместе устраивали какие-то вечеринки, с мальчиками гуляли, ходили вместе на дискотеки. Лили часто ее вспоминала. Последние два года они, кажется, даже сидели за одной партой.

— Телефон этой Лены и фамилию не поищете?

— Нет, не знаю. Лена и Лена. Наверное, Лидия Евгеньевна помнит.

— Спасибо, Аня. Это для меня уже кое-что.

— Так я буду собираться?

— Да, конечно, извините, что задержал.

Пока Аня собиралась, умытый и причесанный Сергей налил себе и Леонидову по чашке крепкого кофе. Они посидели молча, дожидаясь, пока соберется Аня. Наконец Барышев осторожно спросил:

— Ну что, разобрались?

— Пытаюсь. Спасибо за кофе. Пойду, надо подумать.

— Успехов.

Они обменялись крепким рукопожатием.

«Вот с ним мне легко, — подумал Леонидов, когда вышел из маленькой квартирki. — Сразу видно — мужик. И девушку хорошую отхватил, а ты, Леша, так и будешь по чужим подушкам лысину протирать. Но кто же такая эта Лена? Неужели действительно школьная подруга? А если нет? Господи, ну почему Лиля не могла рыдать на плече какой-нибудь Василисы или Матильды? А Лен в славном городе-столице как собак нерезаных».

Уже ближе к вечеру Леонидову удалось дозвониться до Лидии Евгеньевны Мильто. Даже по телефону было слышно, как гудит в квартире собравшийся на поминки народ.

— Извините, ради бога, что в такой момент. Это следовательно Леонидов вас беспокоит.

Пауза.

— Лидия Евгеньевна, примите мои соболезнования.

— Спасибо. — Голос ее был безжизнен, как только что погребенная дочь.

Алексей в душе ругал себя и свою работу самыми последними словами.

— Один, только вопрос: вы не помните, с кем сидела ваша дочь за одной партой последние два года в школе?

Лидия Евгеньевна даже не удивилась:

— С Леной Завьяловой. Девочки дружили. А потом, когда Лена кончила школу, старшая девочка вышла замуж, и Завьяловы переехали. Я даже телефон Леночки не знаю. Помянула бы мою девочку. — В трубке слышались всхлипывания.

— Извините еще раз, ради бога, Лидия Евгеньевна. — Леонидов осторожно прервал поток глухих рыданий.

Несколько минут сидел молча, переваривая услышанное.

«А вот это уже кое-что. Лена Завьялова — это уже не такое редкое сочетание».

Одну Лену Завьялову он знал наверняка и был уверен, что другой искать уже не придется. Если эта самая Лена была подружкой Лили

Мильто, то уж Серебрякова могла знать. не только по рассказам прелестной соседки. Это было горячо, очень горячо.

Лиля и Лена, Лена и Лиля — Леонидов и так и этак примерял эту комбинацию и, наконец, решил побеседовать для начала не с младшей сестрой, а со старшей. Александра- наверняка знала о подругах сестры и могла пролить свет на их отношения с ней. В конце концов, девушки могли в последнее время и не встречаться.

Настроение у Леонидова взлетело, как ртуть в градуснике от высокой температуры. Мысль о том, что сегодня он может увидеть Сашу, привела Алексея в состояние" щенячьего восторга — то беспричинное слепое ощущение кайфа, которое возникает от самого невинного чесания или щекотания. Если ему и хотелось вести с кем-то долгие бессмысленные разговоры, содержащие в себе больше многозначительных пауз, чем ничего не значащих слов, то этим человеком была Александра Завьялова, Саша, Сашенька.

«Постой, — одернул себя Леонидов, — какая Сашенька, и тем более Завьялова. Она же замужем, фамилию носит другую. Черт, я все время забываю про этого самого мужа, как его там? Где-то запись в деле... Так. Владимир Заневский. Она, значит, Александра Викторовна Заневская, тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года рождения. Десятое сентября. Адрес, телефон...»

Телефон, естественно, не отвечал.

«Идиот, она же работает, — ругнул себя Алексей. — Ребенок в садике, муж, как и положено, на жизнь зарабатывает».

Выяснить место работы Александры Завьяловой-Заневской много времени не заняло. Леонидов решил времени зря не терять, а махнуть напрямиком в школу.

Ох уж эти школы в новых районах Москвы! Они похожи друг на друга, как новенькие карандаши в одной коробке — одинаковые, свеженькие и удивительно безликие. Типовые сине-белые здания, рядом с которыми обязательно расположены бело-желтые садики, и все это окружено прутиками только что посаженных деревьев. И запах везде одинаковый: свежая краска и резина на подошвах сменной обуви.

Леонидову повезло. Он вообще был везучим, этот баловень судьбы, ибо в очереди за колбасой всегда был тем последним человеком, которому эта самая колбаса доставалась. Сегодня

Леонидову повезло в том, что после этого урока у Александры Викторовны было «окно», а значит, сорок минут относительно свободного времени. Он нашел нужный кабинет и пристроился у стены в ожидании звонка.

Как всегда неожиданно, прозвенел звонок. За дверью раздался грохот разом отодвигаемых стульев, гомон и крики.

Александра Викторовна вышла из класса следом за волной покрасневшихся подростков, хлынувшей в коридор, прорывая убогую плотину хлипкой двери. На ней был синий костюм с белой блузкой, делавший ее старше, волосы тщательно уложены, под мышкой классный журнал. Леонидов впервые подумал, что перед ним взрослая женщина, имеющая семью, нелегкую работу и устоявшуюся размеренную жизнь.

«И никогда она не захочет все это изменить. Да с чего я взял, что вообще могу в эту самую жизнь вмешиваться? Кретин. Правильно Лялька поставила диагноз: гипертрофированное самолюбие», — ругал себя Леонидов, прежде чем решился окликнуть Александру:

— Александра Викторовна!

Она обернулась и, кажется, почти не удивилась:

— Здравствуйте, Алексей Алексеевич. Вы ко мне? Он на всякий случай оглянулся вокруг:

— Да вроде больше никого знакомых у меня здесь нет. — Присутствие Саши катастрофически заставляло его паясничать. Он вдохнул побольше воздуха и попытался себя одернуть: — Даже помните, как меня зовут. Спасибо. У меня к вам небольшой разговор. В учительской сказали, что у вас «окно». Не помешаю?

— Я хотела сочинения проверить, но ничего, оставлю работу на вечер. В учительскую пойдём?

— Погода нынче наладилась: солнышко блестит, травка еще зеленеет; ласточек, правда, уже не видел, но кое-какая птичья живность чирикает. Пойдемте лето проводим. Посидим на лавочке, погреемся. Я видел, там сквер пытаются разбит-ь возле вашей школы. Деревья, правда, еще не выросли, зато лавочки вполне.

Он подхватил сумку с тетрадями.

— Подождите, я журнал занесу в учительскую, не нести же его принимать солнечные ванны за компанию с нами.

На улице действительно было чудно: дождь прекратился, асфальт подсыхал на солнышке, как только что выстиранный половик, серо-синее небо кусками выглядывало из свинцовых облаков. Алексей и Саша нашли почти сухую лавочку, Саша достала из сумки два полиэтиленовых пакета, один протянула Леонидову:

— А то пойдете дальше с мокрыми штанами.

«Ну почему у меня такое ощущение, будто я знаю эту женщину много-много лет? С ней не испытываешь никакого напряжения, прямо хоть во всех грехах своих признавайся», — тихонько вздохнул Алексей.

— У вас все в порядке, Александра Викторовна?

— Да. Почему вы спрашиваете?

— Сам не знаю. Вот, ищу убийцу ваших родителей, обязательно найду. К несчастью, он меня пока опережает: убил свидетельницу, девушку одну. О ней я и хотел с вами поговорить.

— Я ее знаю? — расстроилась Саша.

— Возможно. У вас с сестрой доверительные отношения?

— Не думаю. Я долгое время пыталась ее понять, но Лена все время от меня отгораживается. Никогда не просит помощи, не рассказывает о своих неудачах. Зато если чего-то добились, то первым делом ко мне.

— Значит, ее подруг вы не знаете?

— Ну, почему. Лена умеет их выбирать, всегда умела. В школе очень гордилась тем, что ходит в гости к дочке директора магазина или партийного работника. Тогда это были самые привилегированные слои.

— Да и сейчас тоже, смотря какой магазин и какая партия. Вы упомянули о дочери партийного работника.

Фамилия Мильто вам ничего в связи с этим не напоминает?

— Да, конечно. Я имела в виду именно Лилю. Лена любит выставлять своих подруг напоказ. Лиля долгое время была предметом ее особой гордости.

— Почему была?

— Время изменилось. Не знаю, как там все происходило, только по тому, что Лиля перестала появляться у нас дома, я делаю вывод, что Лене она стала не нужна, потому что ее родители предмет гордости больше собой не представляли. Понимаете меня?

— Значит, Лилю вы давно уже не видели?

— Да, с тех пор, как мы переехали с Фрунзенской набережной.

— Лена о своей бывшей подруге никогда больше не упоминала?

— Я же говорю: она не вспоминает при мне о неудачных моментах своей жизни. Лена умеет находить себе друзей. Она, если надо, может говорить только приятные вещи, мастерски делает комплименты, не скупится на дорогие подарки ко дням рождения. Зачем ей девушка, с которой больше не выгодно дружить? Отработанный материал. Нашлись другие.

— А в школе, когда Лилина мама была, так сказать, еще у власти, они были очень дружны? Не вспомните?

— Ну, насколько Лиля способна была испытывать дружеские чувства, я не знаю. Лена очень старалась. «Мы с Лилей» слышалось буквально на каждом шагу. «Мы с Лилей идем на дискотеку», «Мы с Лилей идем на просмотр самого модного фильма», «Мы с Лилей встречаемся с самым красивым мальчиком в школе». Да, подруги у нее и до сих пор — девочки яркие, как на подбор. В бар или в ресторан в одиночку ведь не пойдешь. Ходят парами, и молодые люди тоже. Знакомятся, вместе проводят время. Лене, конечно, всегда доставался тот, на кого не польстилась красивая подруга, но это только поначалу. Видите ли, сестре нравится только то, что уже кому-то принадлежит. Другой вариант ее не устраивает, Лена всю жизнь занимается тем, что отбивает чужих кавалеров.

— Наверное, из-за этого возникают частые ссоры?

— Как ни странно, нет. Во-первых, попытки Лены не всегда успешны. Да что там говорить — в большинстве случаев. А во-вторых, она умеет подловить нужный момент и развести так, что ее никто не заподозрит. А потом просто делает вид, что подобрала никому уже не нужное. Роль утешительницы брошенных мужчин сестре особенно удается. У Лены вообще прекрасные отношения со всеми, за исключением родных ей людей. Какое-то странное отторжение от семьи. Прежде всего я имею в виду себя и...

— Ваших покойных родителей?

— Не хочется об этом говорить. Их больше нет. Пусть все будет похоронено вместе с ними.

— Я понимаю. Не из любопытства вас спрашиваю, Александра Викторовна, мне хочется понять характер вашей сестры, ее

взаимоотношения с людьми. Они часто ссорились, Лена и ваши родители? Недружно жили?

— Ну, неудобно назвать жизнью то, что происходило в квартире. Конфликт отцов и детей родился одновременно с самим человечеством, как преподаватель литературы, могу привести массу примеров. Не в этом дело.

— Мне просто хотелось понять причину, почему Лена не проявила беспокойства, когда ее мать и отец не пришли вовремя домой. Она даже не вышла на площадку, не подняла тревогу. Ведь мало ли что, пожилые люди...

— Часов в десять она позвонила мне, спросила, не у нас ли родители.

— А когда узнала, что их нет? Испугалась?

— Удивилась. Сказала нечто вроде: «Странно, странно...» Наверное, это у нее высшая степень проявления тревоги за близких. Вот я испугалась. Я, знаете, страшная паникерша. Сразу начала воображать себе самое ужасное, как мне тогда казалось. Представила, как родители попали в аварию или с кем-то случился сердечный приступ. Воображала их в больнице, в отключенном лифте, в сломанном автобусе. Даже начала вещи собирать, которые могут понадобиться, если что-то серьезное и маму или отца увезла «скорая». Но того, что случилось, я не могла представить в самом страшном кошмаре.

— А Лена что предприняла?

— Она начисто лишена сентиментальности. Все, что еще невозможно определить как свершившийся факт, сестра отказывается воспринимать.

— Значит, она беспокоиться не стала?

— Нет, Сказала, что попробует позвонить знакомым, тете. Я попросила срочно перезвонить, как родители найдутся. Сама хотела ехать домой, к Лене, но Вова еще не пришел, Сережку не с кем было оставить.

Так и прыгала до половины двенадцатого. А потом, когда муж пришел, позвонила Лене. Сестра сказала, что ничего по-прежнему неизвестно, и я сразу же поехала к ней. Приехала, когда их уже нашли... Там милиции полно было... — Саша не заплакала, а только затихла, поджав под скамейку ноги в простых черных туфлях. Алексей

смотрел, как золотятся на солнце ее кудрявые каштановые волосы, и не хотел вообще больше думать о крови, о трупах, о ненависти. Сашины печальные глаза сливались с небом — его бездумная голубая вечность втягивала в себя без остатка.

«Мне просто приятно на нее смотреть. Просто приятно, потому что она красивая. Что плохого в том, что я смотрю на красивую женщину и испытываю чувство идиотской невесомости? Плохое есть: я не хочу от нее уходить. Никогда. Александра, Саша, Сашенька...» — метеором пронеслось в голове Леонидова, прежде чем он неожиданно для себя спросил:

— Саша, вы мужа очень любите?

Она начала медленно краснеть. Алексей смутился. Эта женщина кокетничать не умела.

— Можно, я не буду отвечать?

— Вот всегда у вас так, а вы врать не умеете'. Что плохого в нежных чувствах к собственному мужу? Я же не про любовников вас спрашиваю/

— Вы следователь, а не исповедник. Я имею право не отвечать.

Леонидов глубоко вздохнул и быстро заговорил:

— Вы мне просто очень и очень нравитесь, Саша. Я хочу совершить подлость и начать ухаживать за замужней женщиной. К моему большому несчастью, вы не современны, Саша. Сейчас замужние женщины не стесняются иметь любовников, наоборот, без мужа и любовника одновременно считается, что это не полный комплект. Если бы вы были современны, как большинство красивых женщин, я стал бы вас коварно соблазнять. Пригласил бы в ресторан, в Большой театр, если вы предпочитаете оперу, на квартиру к уехавшему в командировку приятелю, в конце концов. Но что мне делать? Я, конечно, хам. Можете меня оскорблять, если хотите. — После этой тирады Леонидов отвернулся, старательно разглядывая чахлый куст, произрастающий рядом со скамейкой.

Саше жутко захотелось рассмеяться и почесать его за ухом, как пушистого рыжего кота, пытавшегося залезть в миску со сметаной, но испугавшегося строгой хозяйки с веником в руке.

— Бедный обиженный мальчик, — вздохнула она. — Алексей, какой же ты еще глупый и какой самонадеянный. Я на урок опоздаю.

Она потянула из рук Леонидова свою сумку. Он неловко отпустил, тетради рассыпались по асфальту. Саша ойкнула и нырнула под лавку, вылавливая цветасто-полосатое месиво. Леонидов тоже испуганно присел на корточки, хватая тетради и засовывая их в Сашину сумку.

— Ну что ж ты их мнешь, чудовище? — рассердилась Александра.

— Подумаешь, они все равно уже грязные.

— Брысь отсюда! — Саша подхватила сумку с подмоченными творениями изящной словесности и побежала к школе.

Леонидов стоял у скамейки, жмурясь на солнышко, и улыбался блаженно и глупо.

«Ага, по крайней мере, мы уже перешли на «ты». Даже когда она ругается, она все равно милая. Ми-ла-я».

Он еще немного повздыхал и отправился продолжать так удачно начатый рабочий день.

А направлялся капитан Леонидов в знакомый до боли дом для серьезной беседы с младшей сестрой, имеющей характер странный и резко отличающийся от сестриного. Настало время зайти в квартиру, которую он так тщательно обходил стороной.

...К дому, в подъезде которого в конце августа был убит Александр Серебряков, Леонидов не шел, а летел. Его распирало от желания вывести на чистую воду всю эту шайку-лейку, выплеснуть фонтан эмоций, как шампанское из теплой бутылки, с обильной пеной и громким свистом. Он чувствовал вдохновение, а вдохновение — главная штука в любом деле, тот самый рычаг, которым, если постараться, можно сдвинуть матушку-Землю.

Алексей вышел на седьмом этаже, привычно втянув голову и живот, как будто пуля, если она ему предназначалась, могла отскочить от накачанного пресса. На площадке никого не было, только облезлые стены и цементный пол равнодушно взирали на маленького суетливого человека. Леонидов замер у железной двери, примериваясь, куда сначала? Лена или Лана? Лана или Лена? Ладно, нечего кругами ходить. Жму.

За дверью раздались уверенные шаги.

— Елена Викторовна? Здравствуйте.

Она удивилась и слегка попятилась, пропуская в темный влажный коридор. Синеватая лампа гудела зловеще, освещая его дрожащим

холодным светом. Они прошли в квартиру. Леонидов заметил, что мебель стоит иначе, чем в тот день, когда он впервые разговаривал с Еленой Завьяловой, даже занавески на окнах были другими. Создавалось впечатление, что хозяйка стремилась поскорее избавиться даже от самого духа недавно похороненных жильцов, так спешно накладывался на все отпечаток собственной индивидуальности Елены Викторовны.

— У вас перестановка?

— Избавляюсь от тягостных воспоминаний. — Она усмехалась вызывающе, словно примериваясь к Леонидову, как к партнеру на ринге: побьет или не побьет?

— Не слишком ли поспешно? — прощупал противника и он.

— В самый раз. — Даже поза ее напоминала боксерскую стойку: правая нога вперед, сжатые руки опущены, плечо прикрывает подбородок. Позже, выйдя на свет, Алексей увидел, что с сестрой у них так же мало внешнего сходства, как и сходства характеров. Если Сашина фигура тянулась вверх всей своей архитектурой, начиная от прически и кончая кончиками длинных ступней, то Лена как бы оседала на землю. У нее была короткая шея, широкие плечи и плотные бедра. Макияж на лице выглядел дорого, ногти в порядке, джинсы и свитер явно из бутика, а не с рынка.

— Чайку не нальете, Елена Викторовна? С самого утра на ногах, вот наконец добрался к вам, язык на плечо.

— В стране кризис, вы разве не в курсе? Мне за вас пайковые не заплатят.

— А вы, пожалуй, подвержены греху жадности, а, Елена Викторовна?

— А вы греху наглости?

— Что ж, один — один. Как все-таки насчет стакана чаю?

— Что ж, воды не жалко. Домашнее варенье вас устроит? Извините, после похорон любимых родителей у меня напряженка с финансами.

— Что-то вы неважно выглядите. Переживаете их смерть?

Она почти позеленела. Видно, подобные замечания насчет внешнего вида Лену Завьялову сильно огорчали. Но она сдержалась:

— Да. Самое тяжелое, что может случиться с человеком, — это потеря близких.

«Эта фраза явно не крик души», — подумал Алексей, глядя, как фальшиво изменилось Ленино лицо, пытаюсь обрести не свойственное ему выражение скорби. Вслух же сказал соответствующее заданному тону:

— Я вас понимаю. Сочувствую. Занавески, наверное, из бабушкиного сундука. Хорошо сохранились.

— Если вы намекаете на мою ложь насчет затруднения с финансами, то могу огорчить: занавески мама купила за неделю до смерти. А вы всегда с юмором относитесь к чужому горю?

Алексей нахмурился:

— Если бы я не был наслышан о том, как вы относились к своим родителям, уважаемая Елена Викторовна, покраснел бы до неприличия. Но не буду. Вы, наверное, простили им все после столь преждевременной кончины.

— Сашка нажаловалась? Да она всю жизнь мне завидует, вот и наговаривает.

— Чему завидует, простите?

— Да есть чему. Идеалистка проклятая. Если и есть дураки, которые влюбляются в подобные экземпляры, то это у них быстро заканчивается. Любовь, как говорится, приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

— Прекрасно сказано. Позвольте аплодисменты?

— Обойдусь. Кстати, не напомните свое имя-отчество? У меня плохая память на все, кроме цифр.

— Алексей Алексеевич. По фамилии Леонидов.

— Очень приятно. Запишу, если не возражаете?

— Пожалуйста. На память, значит, жалуетесь, Елена Викторовна?

— Да, у меня ретроградная амнезия. Местами. «Да ты, дорогуша, язва. И сериалы смотришь, хотя в дури этой не признаешься и под дулом пистолета», — решил Алексей, и ему страшно захотелось связвись:

— Какими, простите, местами?

— Наглядно показать?

— Я при исполнении. Меня голова в основном интересует. Вернее, внутреннее ее содержание. Может, освежим вашу память, фотографии семейные посмотрим?

— Вас интересует семейный архив?

— Еще как. Давайте воскресим прошлое?

Она пошла. Неохотно, но пошла. Наверное, еще не сообразила, какой подвох кроется в просмотре старых фотографий.

Альбомы действительно были древние, в тяжелых, бархатных переплетах, с серыми страницами плотного картона, в прорези которых были вставлены выцветшие снимки. В бордовом бархате скопилась многолетняя липкая пыль. Алексей с умилением увидел маленькую Сашу, еще в черно-белом варианте. Леночка фигурировала уже в цветном. Вот счастливые мама с папой ведут дочек в зоопарк. Леночка на пони, старшая сестра рядом, где-то возле ее ноги... Еще Саша, уже взрослее. Алексей не удержался и украдкой провел пальцем по кудрявой головке. Сердце сладко заныло, он со вздохом перевернул страницу. Все было на месте: Лена в первом классе, Лена за партой. Похожие детские лица, школьные елки и первые взрослые вечера. А вот выпускной: уже оформившиеся девушки, со взрослыми прическами, в дорогих платьях, рядом старающиеся тянуться за ними парни. Лена в кремовом костюме, натянутом на тяжелой груди, а рядом Лилия Мильто рыжеватые пышные волосы, глаза с оттенком зелени, еще тонкая, стройная фигурка.

— С этой девушкой вы в одном классе учились?

— С Лилей? Конечно. Это же наш выпускной вечер. Наш класс, преподаватели, директор собственной персоной. А с Лилей мы даже за одной партой сидели, если это вам интересно.

— Она была вашей близкой подругой?

— Да, а что?

— Вас не удивляет слово «была»?

— Нет, мы давно не встречались.

— Седьмого сентября ее нашли убитой в лесу, недалеко от города Истры.

— Лилию убили? Я ничего об этом не знаю.

Конечно, Лена держалась, но Леонидов кожей почувствовал ее испуг, как будто ледяная волна окатила его с головы до ног. Женщина сжалась, подобно пружине, готовая распрямиться и больно ударить обидчика.

— Бедная, бедная Лилечка! Какой ужас! Вот так у нас гибнут молодые девушки! В любой момент может объявиться какой-нибудь

маньяк, а вы все ходите, допросы учиняете, глупостями занимаетесь. Стыдно, — выпалила Лена.

— Это еще почему?

— Потому что вы, вместо того чтобы преступника ловить, сидите и альбомы чужие рассматриваете.

— Когда вы последний раз видели Лилю?

— Вы что, не видите, как мне плохо? На меня такие потери обрушились последнее время, тут еще и трагическая гибель близкой подруги. У меня ком в горле стоит. Принесите мне воды, пожалуйста, графин на кухне.

«Ладно. Подумать хочешь. — Леонидов пошел за водой. — Ну подумай, есть о чем. Как лихо ты усвоила лучшее правило защиты. Стала бы ты так на меня наезжать, если бы что-то не скрывала».

Лена взяла стакан, не спеша, маленькими глотками стала пить противную, нагрешуюся на солнце воду. Зубы о край стакана у нее не стучали.

— Вы утверждаете, что с Лилей не виделись очень давно? Почему вы так разволновались, Елена Викторовна?

— Да, разволновалась. Если бы кого-нибудь из ваших одноклассников нашли убитым где-нибудь в лесу, вы бы что, не стали переживать? К тому же мы с Лилей встречались и после школы. Ее что, изнасиловали? — произнесла она зловещим театральным шепотом.

— Нет, не изнасиловали. Задушили. Голыми руками, представьте себе. Думаю, убрали как свидетеля, который может помочь в раскрытии дела Серебрякова.

— Да что вы?

— А разве вы не в курсе, что Лиля работала в магазине «Алексер»?

— Откуда?

— Сколько же времени вы не встречались?

— Не помню. Кажется, меньше года.

— Значит, Лиля уже работала на фирме, когда вы виделись в последний раз. Разве она не упоминала о своей работе?

— Я не помню. Это было достаточно давно.

— Ретроградная амнезия?

— Что? Вы что, шуток не понимаете? Просто я не обязана помнить, где и с кем работают мои подруги. Несомненно, Лиля не могла не упоминать о том, на какие средства существует, но у меня полно и своих проблем.

— Кстати, а почему вы сейчас не на работе?

— Наша фирма временно закрыта. Последствия кризиса.

— Понятно. А на что вы существуете?

— У меня дома, как видите, есть компьютер. Беру работу на дом. Набираю на компьютере текст разного рода рукописей. Сейчас все пишут, весьма популярное занятие.

— Быстро печатаете?

— Я работаю с текстовым редактором, господин сыщик. Если у меня на работе временные трудности, то это еще ничего не значит, могу пока продержаться.

— Рад за вас. В наше время это качество особенно ценно. И все-таки день встречи с Лилией припомните.

— Я не делаю в своем календаре пометок о свиданиях ни с подругами, ни с мужчинами.

— А про мужчин я еще не спрашивал. Заранее хотите отмазаться?

— Среди моих знакомых нет подозрительных молодых людей на роль убийцы-маньяка. Мне нечего скрывать.

— Зато мне есть о ком спросить. Один молодой человек, например, у которого в последнее время обитала Лиля, утверждает, что она часто вспоминала некую подругу Лену и даже навещала ее незадолго до своей смерти.

— Может, быть. Лена — имя распространенное, а Лиля была девушка крайне общительная. Так что все могло случиться, только я-то тут при чем?

— А ведь к этой Лене Лилия, судя по всему, поехала и вечером седьмого сентября, когда ее мама стала настаивать на ее явке к нам в МУР.

— Да? Странно, ничего про это не знаю.

— Значит, никаких показаний на этот счет дать не хотите? Подумайте хорошенько, Елена Викторовна.

— Хочу. Хочу дать показания. Во-первых, заявляю, что не знала никакого Серебрякова, даже на лестничной клетке и у дверей соседки ни разу с ним не сталкивалась. И если моим родителям так не повезло

сесть с ним в один лифт, когда его задумали убрать, то лично я к этому никакого отношения не имею. Можете запротоколировать, я это с огромным удовольствием подпишу.

— Спасибо, большое спасибо. И за чай тоже.

Леонидов решил пока не настаивать на продолжении беседы с упорной дамой. Поэтому он преспокойно подождал, пока Елена Завьялова запрет за ним дверь, и позвонил в соседнюю квартиру.

Лана возникла в дверном проеме, одетая в умопомрачительный красный костюм и в полной боевой раскраске. Губы алели на ее лице, как флаги не так давно свергнутых коммунистов, ноги блестели толстым слоем лайкры толщиной пятьдесят ден. Только вместо туфель на ней были домашние тапочки, пара розовых ушастых уродцев, основательно потрепавшихся от непрерывного применения.

Она бросила на Леонидова взгляд победительницы если не в целой войне, так по крайней мере в одном из ее генеральных сражений:

— Я уже ухожу.

— Могу составить компанию.

— Ха! Где ж ты раньше был, когда приглашали? Тю-тю, Леша. У меня свидание.

— Так-так-так. Я слышу бой барабанов. Что, подходящий объект на горизонте замаячил?

— Не смешно.

— В таком случае, Светлана Анатольевна, торжественно обещаю передать вас из рук в руки в целости и сохранности, как представитель законной власти, так сказать.

— Да мы опять на «вы»?

— Служба. Что поделаешь. Все равно вы меня отвергаете.

— Ну ладно, можешь проводить. Туфли только надену.

— Я с вами.

— А здесь не можешь подождать?

— Мне надо в одно место.

— Нахал ты.

Это была скорее интуиция, чем уверенность, но телефон в квартире звонил. Отбросив с дороги Лану, Алексей метнулся к журнальному столику:

— Алло!

Никто не ответил.

— Ты что, сдурел? Если это мой новый, я тебя прибью. Зачем ты мне личную жизнь портишь? Ни себе ни людям.

— Не переживай, красотка, это не то, что ты думаешь. Только что я спас тебя от одного из семи смертных грехов.

— Ха! От блуда, что ли?

— От этого тебя уже и сам Господь Бог не спасет. Сие кара пожизненная. От лжи, дорогая, я спас тебя всего-навсего от лжи.

— Отморозок.

— Я представитель правосудия, Алексей Алексеевич меня зовут, — обиделся он.

— Подумаешь. Иди давай, куда хотел, я уже в туфлях.

— Передумал. Ты убиваешь во мне все физиологические потребности.

— Не понимаю я тебя, Леонидов.

Они спустились в лифте вниз, на первый этаж. Выйдя из подъезда, Лана, хитро подмигнув, достала из сумочки ключи от машины. Покрутила ими перед носом Алексея, демонстрируя замысловатый брелок.

— Что, презент от нового кавалера? Поздравляю!

— Старую починили, балда. Кризис в стране, соображать надо.

— Что-то у народа кризис — каждой бочке затычка. Ты что, политикой стала интересоваться?

— Мой новый-то из этих, ну, которые вечно куда-то баллотировались.

— Прекрасно! Браво-брависсимо! Теперь мы, оказывается, следим за политической жизнью в стране. Как у нас там финансы? Не подкачают?

— Да ну тебя. Садись, подвезу.

— Может, побеседуем где-нибудь? У нас в уголовном розыске, например? Мой кабинет — прекрасное место для свиданий.

— Ну, нет. Поедем лучше в одно местечко, я угощаю. Надо же с тобой рассчитаться за доставленное удовольствие.

— А что, Нора тебя уже покормила за мой счет?

— Ага, на это только и надеюсь. Если от Норки оплаты долгов ждать, ноги можно протянуть с голодухи.

— А где твой маленький «мерседес»?

— Вон стоит. От «мерседеса» там только наклейка на лобовом стекле, да и та давно облезла.

«Жигуль», шестерка, бежевого цвета, довольно грязный и потрепанный, притулился возле бетонного бордюра.

— Помыть бы, — кивнул Леонидов на боевого коня прекрасной дамы.

— Дорого больно.

— А ручками?

— Я девушка нежная.

Они сели в салон, еще довольно приличный, весь в полосатом искусственном мехе. Лана вела машину рывками, постоянно дергаясь из стороны в сторону и не отрывая глаз от дороги. Леонидов смотрел на ее напряженный профиль и с ужасом ожидал скрежета тормозов, тем более что на переднем левом крыле успел заметить свеженькую вмятину. Когда же на кольцевой

Лана попыталась повернуть прямо из среднего ряда, не выдержал, запустил матюком:

— ...Баба за рулем — аварийная ситуация на дороге.

— Может, сам сядешь? — разозлилась та.

— Ну уж нет. Взялась везти — так вези, не дергайся, я уже успел представить свои похороны. За сколько права-то купила?

— Сейчас только дураки сами сдают. Были бы баксы, а желающие за них постараться всегда найдутся.

— Тебе и постарались, «а до смерти четыре шага», как в песне поется. Скоро приедем?

— Не дрейфь, сыщик, помирать — так с музыкой. Минут двадцать еще осталось.

— Двадцать я не переживу. Ланочка, у меня еще ни жены, ни детей. За что лишаешь возможности продолжения рода?

— Твоя вредная порода в этом не нуждается.

Так, переругиваясь, они добрались наконец до небольшого итальянского ресторанчика.

Принюхиваясь к незнакомым запахам, Леонидов присмотрел себе приличный кусок пиццы, мясную лазанью и огромную кружку пива. Лана со вздохом ограничилась парой фруктово-овощных салатов и рюмкой мартини.

— Поешь ты нормально, — не выдержал Алексей.

— Тебе что, меня жалко?

— Мне жалко свой кусок пиццы, от которого ты непременно захочешь оттяпать.

Лана фыркнула, но еще одну порцию все же взяла.

Они сели за крайний столик. Народу в зальчике было мало, люди явно не спешили тратить последние" деньги в подобных заведениях.

— Ну, что тебе от меня еще надо, Леонидов?

— Всего-то навсего несколько вопросов об одной милой девушке, с которой ты наверняка знакома.

— И что с этой девушкой?

— Задумана неизвестным. Кстати, для справки: молодая, красивая, тоже пыталась устроить свою личную жизнь за счет любвеобильных мужчин.

— Ты меня пугаешь? Не нравятся мне подобные намеки. Молодые да красивые нынче пачками по улицам ходят, только судьба у них разная и цена тоже.

— Твоя, конечно, самая высокая.

— На мелочевку вроде тебя размениваться не буду.

— Давай оставим взаимные оскорбления, а то я могу подумать, что ты ревнуешь.

— Много чести. Так кого там замочили?

— Фу, Лана, ты же девушка нежная, к чему такой жаргон? Лилию Мильто убили.

— Лильку? Да ну... — Она распахнула огромные ресницы, изнемогавшие под тяжестью нагруженной туши.

«Весьма натурально, — подумал Алексей. — Похоже, я попал в точку».

— Ты знала ее?

— Смеешься. Она же меня с Серебряковым свела. Век не забуду такой подарочек. Ладно, чего теперь прошлое вспоминать. Помянем, не чокаясь.

— Ты ж за рулем!

— Что мне с рюмки будет? К тому же у меня «антиполицей» припасен.

Она глотнула из рюмки, Леонидов тоже уткнулся в свое пиво. Несколько минут посидели молча.

— Как Лиля тебя познакомила с Серебряковым?

— Да очень просто. Сидели мы как-то втроем у Ленки Завьяловой: ее предки на дачу свалили, а мы на троих, по-бабьи, бутылочку раздавили, Я в то время как раз при своих осталась: фирма лопнула у моего мужика. Конечно, кинул без копыя, сам еле ноги унес. Денежки у меня к тому времени к концу подошли, работать я не приучена, как нормальные ломовые лошади, вот и сидела, сопли пускала. Ну, Ленка с Лилькой переглянулись, а Лиля возьми да и скажи, что ее шеф как раз тоже остался без подруги.

— Случайно не сказала почему?

— Сказала, что характером Серебряков с кем-то не сошелся, но разошлись по-хорошему. Я особо не вникала: мне-то какая разница, кто до меня у Шуры был? Короче, Лилька предложила забежать к ней в магазин, когда восьмое марта будут отмечать. У них в офисе все время грандиозные сабантуи были по всяким крупным поводам. Я согласилась, конечно. Когда пришла, там уже пьянка была в самом разгаре. Серебряков слегка был на взводе, он мало пил, но на меня сразу клюнул: пригласил потанцевать, ну и все такое. Я к нему так прижималась, что тупой бы и тот сразу догадался, что от него хотят. Ну, понятно, намекнула Шуре, что девушка свободная, при свободной хате, правда не своей, но место для нежного свидания имеется. Он был не дурак, вечером уже сидели у меня. Ну, потом Серебряков остался на ночь, все такое прочее, и закрутилось: подарки, деньжата. Лилька звонила потом несколько раз, все советы давала, как мне себя с ним вести, чтобы с крючка не сорвался. Кстати, дельные вещи говорила.

— Например?

— Ну, что Шура жутко пунктуален, опозданий не терпит, ждать не любит, не выносит разговоров о работе и о жене. Советовала не жадничать, лишнего не просить, в душу не лезть. Потом часто рассказывала, что Серебряков любит, какие напитки, какую одежду. Мне все это очень помогло. Не веришь?

— Приходится. А советов интимного плана она тебе, случайно, не давала?

— В смысле?

— Какие твой любовник позы предпочитает, например?

— Ты что, спятил? Она-то откуда могла знать?

— А ты не догадываешься?

— Стала бы Лилька тогда Серебрякова под меня подкладывать да еще заботиться, чтобы он был всем доволен? Не понимаю, зачем ей это было нужно? Ты, Леша, сочиняешь.

— Нет, милая. Это чистейшая правда. Лиля была у Серебрякова как раз перед тобой при этих самых постельных делах, но не удержалась. Потом почему-то решила вас свести. Неужели она ни разу не упомянула о своем разбитом сердце и нежных чувствах к твоему покровителю?

— Да нет, клянусь! Наоборот, рассказывала о своих мужиках, хвасталась, кого зацепила, даже консультировалась у меня, что и как делать. Опыт перенимала. Цели-то у Лильки были те же, что и у меня, только класс пониже. Так, все мелочевка ей шла. Я думала, что Лилька хочет, чтобы Серебряков продвигал ее по службе и я бы ему на это намекала. Но о делах и вообще о магазине мы не говорили.

— А Лена Завьялова активно интересовалась Серебряковым?

— Да нет. Слушала, конечно, что я про Шуру' рассказывала, и очень внимательно, но вопросов никаких не задавала.

— Делами его не интересовалась?

— Нисколько. Да я и не знала ничего про эти самые дела. Мне же посоветовали ни о чем таком не выведывать.

— А Лиля много спрашивала про Серебрякова?

— Нет, сама болтала, как стая попугаев. Ей бы поменьше говорить — с мужиками бы попроще было, они ведь и сами поговорить любят. Их больше слушать надо. Лилька в основном советовала, сколько можно в данный момент попросить, она-то знала, как идут дела в магазине. Нет, все равно не могу понять. Лилька и Серебряков! Здорово они меня обдурили. А я-то никак не могла понять, чего она такая добренькая. Ничего вроде не просит. Еще, стерва, говорила, что подобные мужчины не в ее вкусе. Ой, что это я? Ее ж убили.

— Да, случилась такая неприятность, — вздохнул Леонидов. — А когда ты в последний раз видела Лилю?

— Вроде несколько дней назад.

— Не может быть. Ее убили седьмого сентября.

— Да? Ну, значит, накануне и видела. А может, это седьмое и было, вечером, часов в девять.

У Леонидова даже в горле пересохло. Он глотнул пива из своей огромной кружки и севшим от волнения голосом спросил:

— Ты точно помнишь? Лиля все вечера была к Истре, кроме одного, когда приехала к матери в квартиру за вещами. В этот вечер ее и убили, часов около двенадцати. Ты ее видела именно седьмого?

— Седьмого, восьмого, какая разница? Я не смотрю в календарь.

— Вспомни, Лана! Ты ее у Елены Завьяловой видела?

— Ну да, где же еще? Зашла потрепаться, как обычно. Только сели с ней, чайник поставили, как влетает эта фурия: глаза шальные, волосы в разные стороны, испуганная какая-то. Ну, Ленка ей: мол, успокойся, кофейку попей, и вроде подмигивает. Сели обе, надулись, молчат, как рыбы об лед. Ну, я начала рассказывать, как тот придурок, что Шуру шлепнул, натянул меня на тридцать тысяч баксов. Сижу смеюсь. К тому времени я уже совсем успокоилась: что с багажа упало, то пропало. Только они как-то обе вдруг напряглись, потом Ленка стала тактично меня выпроваживать: сказала, что у нее работы много, да и Лилю надо проводить, тачку поймать. А чего ее провожать, если она только-только вошла? Какие уж там у них секреты, не знаю, только я обиделась и ушла. К тому же мне фильм хотелось посмотреть, а он как раз начинался после десяти часов.

— Что за фильм?

— С Томом Беринджером в главной роли. Обожаю его: такая душка. Мне вообще нравятся такие плотные мужики, а там он вообще совсем молоденький, лапочка такая. Полицейского играет. Ну, там, понятно, красивая свидетельница, любовь и все такое прочее. Короче, оказались они в постели... Что ж за фильм с Беринджером, если без раздевания?

— «Снайпер» еще есть, например. Там он классно играет, и никаких баб.

— Ну, это я и смотреть не буду. Что, даже до пояса не раздевается?

— Нет, он очень даже одет, вымазан сажей для полного камуфляжа и весь фильм бежит со снайперской винтовкой.

— Фи! Скучно.

Леонидов слушал ее болтовню, машинально поддерживая пустой разговор, и думал о том, какую важную информацию сейчас получил от ничего не подозревающей девушки. Это ведь был удар! Лена Завьялова и Лилия. Мильто. Вечером, за три часа до убийства последней. Лиля явно пришла сказать подруге, что ее вызывают к

следователю, хотела, видимо, получить инструкции, что можно сказать, а что нельзя, и выработать общую линию поведения на случай, если откроются нежелательные факты. А тут Лана со своими проблемами. Они ее выпроводили, а дальше? У Лены нет машины. Водить она не умеет или притворяется, что не умеет.

— Лана, ты не видела, когда Лиля ушла?

— Нет, я же говорю, кино смотрела. Правда, чуть не уснула. Хорошо, что Ленка позвонила.

— Зачем?

— Сама не знаю. Извинилась, сказала, что у Лили неприятности, не хотелось при мне это обсуждать и все такое.

— Во сколько был этот звонок?

— Где-то в половине двенадцатого, фильм почти заканчивался.

— А она что, зайти не могла?

— Да она из ванны звонила. У нее привычка такая: перетащит туда телефон и давай общаться с внешним миром. Сроду не могла ее понять: там же мокро. Я просто из кухни слышала, как вода льется. У нас слив совместный, так что, если кто-то в ванне бултыхается, все про это знают.

Лана с неохотой стала запихивать в себя овощные салаты:

— Витаминчики нужны. А так надоел этот силос. Алексей тоже набил рот, радуясь возникшей паузе.

Его мысли скакали в голове, как лягушки в болоте, колыхая, словно тину, обрывки полученной только что информации.

«Лена не душила Лилю. Она преспокойно плескалась в это время в ванне и обеспечивала себе алиби, названивая по телефону. Возможно, звонила она на всякий пожарный случай не одной только Лане. Тут не подкопаешься. Что теперь? Явиться к ней, вытаскивать признание в том, что она последней в этот вечер видела Лилю? Не последней. Последним ее видел убийца. Она признается, баба умная. Скажет, что отправила подружку ловить левака часов в одиннадцать, а что случилось с ней дальше, знать не знает, ведать не ведает. А если Лилю действительно убил случайный человек? Не причастный никаким боком к убийству Серебрякова? Убил молодую девушку, не ограбил, не изнасиловал, не нанес никаких увечий, не совершил ничего, указывающего на действия маньяка или сумасшедшего. Тогда зачем убил, спрашивается? Просто так? Где мотив? Нет, определенно

есть кто-то третий между Леной и Лилей, мужчина, исполнитель. Почему так тщательно спланировано и замаскировано под заказное первое убийство? Четко продуманное, без единой зацепки, а второе спонтанное, дерзкое. А все потому, что он только исполнитель, сам мозгами работать не умеет: Второе убийство совершил, скорее всего, по собственной инициативе. А кто вдохновитель первого? Неужели сама Елена Викторовна Завьялова? Но где они пересеклись с Серебряковым? Еще одна несчастная любовь? Нашли же они с Лилей общий язык, на почве мести, спелись так, что буквально затолкали Лану к нему в постель, чтобы держать под постоянным контролем. А как только поняли, что собирается улизнуть, пристрелили. Но кто стрелял? Кто этот третий?»

Лана, оторвавшись от поглощения драгоценных витаминов, снова начала щебетать что-то о своих делах.

— Леша, почему же ты не спросишь, кто теперь мой благодетель?

— Ланочка, я так за тебя рад, что мне все равно, кто сделает тебя счастливой. К тому же, ей-богу, у меня голова не тем занята.

— Значит, узнал, что хотел, и я тебе больше не интересна?

— Не злись. Кстати, тебе есть куда уехать на время?

— Это еще зачем?

— Не догадываешься, кто звонил перед нашим уходом и почему я грудью своей заслонил от тебя телефон?

— Что я тебе, гадалка?

— А звонила твоя любезная соседка, Елена Викторовна, чтобы предупредить о том, что можно говорить, а чего нельзя. А теперь, раз уж мы с тобой так мило побеседовали, она захочет содержание этой беседы выяснить. Улавливаешь мою мысль? У них уже два трупа в актив записаны, теперь непременно сработает инстинкт самосохранения.

— Ты что ж думаешь, что все это Ленкина работа?

— Поезжай-ка ты лучше к маме от греха, Богом прошу.

— Куда? В колхоз. «Двадцать лет без урожая»? Смеешься? Чего я там не видела? Лучше уж у Норки пару дней переночевать, в счет долга за проигранное пари. Через два-то дня я могу вернуться в свое гнездышко?

— Только позвони мне сначала. Запиши на всякий случай рабочий телефон и домашний.

— А мама не будет ругаться за знакомство с испорченной женщиной? Я ей так сразу и представлюсь: проститутка Лана.

— Пошлая ты все-таки женщина, Светлана Анатольевна. Скромнее надо быть. К тому же мама знает, с кем я способен на серьезные отношения, а с кем нет.

— Ах, так? Значит вот за кого меня держишь, сыщик. Хотела я тебе еще кое-что порассказать» да теперь сам своих преступников лови. У меня с этой минуты рот на замке: лучше уж своих прикрывать, чем выслуживаться перед таким чистоплюем неизвестно за что.

— Ладно дурить, девушка. Выкладывай, что там еще у тебя?

— Перебьешься. Я и так на свидание опаздываю. — Она схватила сумочку и, кинув на Алексея презрительный взгляд, направилась к выходу.

— Домой только ночевать не приходи! — все же крикнул ей вслед Леонидов.

Краем уха он слышал, как взревели за окном бежевые «Жигули». «Дура девка, — лениво подумал Леонидов. — Непременно вмажется в кого-нибудь при такой темпераментной езде. Хорошо, что домой придется пешком возвращаться, целее буду».

Он допил пиво, посидел еще немного, осоловел от непривычной обильной еды и, посетив известное заведение, побрел к метро.

Его непрерывно клонило в сон, хотелось только одного: лечь и закрыть глаза. Прислонившись спиной к дверям равномерно покачивающегося вагона, он пытался о чем-то размышлять, чтобы окончательно не отрубиться и не проспять нужную станцию.

«Можно подумать, что сон рождается в желудке, а не в голове. Сейчас бы холодный душ, чашечку кофейку и пару умных мыслишек на сон грядущий. Разгадка-то — вот она, рукой пошарить только. Выключателем щелкнуть, чтобы озарить эту темную комнату, и можно ловить черную кошку, тем более что она там есть. А денек был веселый: сначала Сашенька, потом решительная Елена, а под конец ослепительная Лана. Черт, не проехать бы, глаза совсем слипаются...»

Когда он добрался до родимого дома, его не ждало ничего нового. Мама смотрела очередной бесконечный сериал, на плите разогревались в эмалированной кастрюльке привычные щи, изо всех углов выглядывали ставшие привычными коробки. Мама явно жаждала поделиться последними новостями из магазинов. Алексей

покорно выслушал все, что полагалось. Мамин монолог звучал для него как-то издали, пока в нем не промелькнуло знакомое слово «Ляля». Тут Алексей встрепенулся, как почуявший узду конь.

— Когда у вас наконец свадьба, Алексей?

— Мамочка, я не хотел бы тебя огорчать, но ничего не поделаешь: мы расстались. — Он постарался выразиться близкими ей словами, переходя на высокий слог.

— Поссорились? — ахнула мама.

— Нет, мы просто тихо-мирно разошлись. И слава* богу, что это произошло до свадьбы. Мы с Лялей друг другу не подходим.

— Ты мне зубы не заговаривай. В моем возрасте другие уже по несколько внуков нячат, и все у них как у людей. А ты болтаешься на своей работе с разными, ни жены, ни детей. Тебе уже тридцать три.

— Ну да, в моем возрасте Христа уже распяли.

— Типун тебе на язык. Ты же не святой. Женись, сын, хватит болтаться.

— Что, сейчас прямо бежать или дашь мне выспаться перед пожизненной каторгой?

Мать только махнула рукой, надувшись, ушла в комнату, к любимому телевизору. — Алексей побрел в душ. Ему хотелось еще немного пободуствовать, чтобы не существовать только от работы до работы, а урвать хоть кусочек личного времени. Но сон все-таки победил. Через полчаса Леонидов не выдержал и уснул.

В двенадцать часов ночи его подняла разъяренная мать.

— Проснись! Лешка, проснись!

— Что? Где? Что случилось? — Он с трудом приходил в себя.

— Тебе звонят.

— Да сплю я. — Он попытался натянуть на голову подушку.

— Звонит пьяная женщина, третий раз уже звонит. Кому ты дал наш телефон? Я хотела уже в милицию сообщить, потом вспомнила, что милиция дома спит.

— Женщина?

Он разом проснулся и побежал к телефону.

— Алло! Лана?

— Леонидов, ты... Понял кто? У меня жетоны уже кончились давно. Хорошо, какой-то мужик сотовый дал. Ты спишь, что ли, животное?

— Какие еще жетоны? Ты где?

— В... Сижу в «Утке», пьяная в сиську. Мой урод отвалился. Кинул меня, представляешь? Я за руль не могу, у меня все перед глазами плывет. — Она опять стала нецензурно ругаться.

— Какая еще «Утка»?

Она путано и с какими-то ненужными пьяными подробностями стала объяснять, как добраться до заведения, в котором сейчас находится.

— Леша, забери меня.

— С ума сошла? Езжай к Норе.

— У нее Паша. Я туда не хочу.

— Дура!

— Забери. Я тебе за это расскажу, кого видела тогда вечером, когда Лилька приходила. Днем не сказала из вредности, а теперь скажу. Я до-о-брая. На такси Ленка ее посадила, как же! Знаем мы это такси. Ходит и ходит к ней, вроде по делу. Известно, какие там дела. Я еще специально выглянула, чтобы проверить, он или не он. Да кто еще на эту Ленку клюнет?

— Ты про кого говоришь-то, Лана?

— Приедешь — скажу.

— Хватит в детство играть. Сиди там, я сейчас приеду.

— Да? Слушай, а этот чего здесь делает?

— Кто?!

— Ну, Ленкин. Е-мое, ты чего?.. — В трубке раздались неясные булькающие звуки и гудки. Леонидов даже не стал орать в трубку «алло, алло». И так все было ясно. Он нашел Лану раньше.

Через десять минут такси мчалось Алексея по направлению к указанному Ланой заведению. Водитель сразу ухватил суть обрывочных сведений, полученных Леонидовым от пьяной женщины, видимо, знал это место. Мелькали за окном яркие цветные витрины, казино и рестораны. Фейерверк разноцветных огней вспыхивал на фасадах. Освещено было все: дома, маленькие и большие магазинчики, придорожные деревья, опутанные причудливыми светящимися цепями. Алексей прекрасно понимал, что уже не успеет, что едет напрасно, но все равно ехал, потому что еще тяжелее было просто сидеть и ждать утра.

В лихом заведении резвилась полуголая, разнузданная, пьяная толпа. Она всосала в себя Леонидова, как болотная трясина — случайно попавшее в нее раненое животное. Он блуждал среди потных тел, натываясь на что-то скользкое, мокрое, тупое и не обладавшее ничем, кроме инстинктов. Красные орудия лица не выдавали ни одного осмысленного взгляда. Ланы среди них не было. Знакомый красный костюм не мелькал в этой толпе, как ни вглядывался Алексей.

Наконец у стойки бара он набрел на бритого мужика с сотовым телефоном. Тот что-то упорно орал в трубку, пытаясь перекрыть музыку и плотный звенящий гул.

— Девушка здесь недавно звонила по сотовому. Не вы ей давали телефон?

— Что? — Тот поднял на Леонидова тупой, ничего не понимающий взгляд.

— Красивая брюнетка, яркий красный костюм, великолепные ноги.

— Иди ты, мужик...

— Я из милиции, — попытался вдолбить ему Леонидов.

— Ты че, мужик, у нас все нормально...

— Сотовый давал девушке, брюнетке? Колье на шее с кулоном в форме сердца, помада красная. Ну, давал? — потрянул Алексей бритого.

— Ты че, мужик? Ее другой мужик увел. Все нормально, мужик.

— Какой мужик ее увел?

— А... его знает.

Бритый отклеился от стойки и, шатаясь, с ревом ринулся туда, где бесновалась пляшущая толпа. Алексей понял, что здесь искать бесполезно. Народ на слова не реагировал, все просто отрывались по полной программе. Сжав зубы, Леонидов вышел на улицу. Минут десять он просто бродил вокруг, сам не зная зачем, машинально заглядывал под скамейки и в ближайšie кусты. Сердце билось где-то в горле, от страха болел живот. Он боялся за Лану, понимая, что вряд ли увидит ее живой, ругал себя, ругал ее.

«Надо было тащить ее к себе домой, черт с ней, с мамой, пережила бы. Надо было...» — думал он, продолжая ходить кругами, осматривая подозрительные места.

Его остановил наряд милиции. Из подъехавшей машины вышли двое:

— Ваши документы.

Долго и тщательно они изучали удостоверение, потом козырнули:

— Вид у вас больно подозрительный. Что-то потеряли, капитан?

— Девушку.

— Бывает. — Очевидно, они еще сомневались в его трезвости.

— Да вы не поняли. Свидетельницу я потерял. Ее увезли отсюда на машине минут сорок назад.

— Какая машина?

— Если бы я знал наверняка.

— Помочь вам?

— Домой подкиньте, мужики. Метро уже закрыто, а такси нашему брату не очень-то по карману, тем более ночью.

— Садитесь.

Он полез в машину. Искать сейчас Лану было бесполезно. Во-первых, мало надежды, что она еще жива, во-вторых, убийца наверняка повезет тело за город, чтобы бросить где-нибудь в лесу. С утра надо было объявлять розыск. Но даже в случае, если Лану будут искать все силы МВД, может не повезти так, как с телом Лили. А значит, убийцу он должен найти раньше, чем найдут труп. Времени уже совсем не оставалось.

Глава 10 РАЗВЯЗКА

Часов до трех ночи Леонидов не мог заснуть. Он заново переживал события последних дней, пытаясь представить, как можно было бы все изменить, чтобы не испытывать той боли, которая разрывала его сейчас.

Наконец, измучившись от бесплодных переживаний, Алексей провалился в сон. На маленькие красные кусочки дробилось яркое платье Ланы, мелькали прекрасные мертвые ноги Лилии Мильто, врывался чем-то темным и зловещим перекошенный рот Лены. И поверх всего сияли необыкновенные Сашины глаза.

На фоне этого бреда непрерывным гулом звучали обрывки чьих-то фраз:

«...Ходит и ходит к ней, вроде по делу...»

«...Она всегда хотела то, что кому-то уже принадлежало...»

«...Она говорила, что Лена все устроит...»

«...Мне ваши пайковые никто не заплатит...»

Шепот неся со всех сторон. Алексей летел, расставив крылатые руки, хватал ими разноцветные разрозненные куски и собирал их в большую пеструю кучу. Все это напомнило ему огромный, разбитый на тысячи фигурных кусочков пазл, где целая и поначалу понятная картина оказывается грудой бессмысленных черточек, полосок, красочных точек и непонятных значков.

Некоторые делают во сне грандиозные открытия, способны перевернуть мир, некоторые сочиняют гениальные стихи или пленительную музыку. Леонидов не был гением: у маленьких людей маленькие масштабы. Положив на нужное место последний кусочек своей мозаики, он услышал победный звон колоколов. Очнувшись, Алексей понял, откуда идет этот звон: на стуле, рядом с его кроватью, уже несколько минут надрывался будильник.

Звонок ударил по Леонидову, как раскаленный прут. Не в силах сразу проснуться, он попытался скрыться от надвигающейся реальности под большой белой подушкой, но пришедшая на непрекращающийся монотонный звук мама стала энергично трясти его за плечо:

— Леша! Вставай. Вставай ты, бога ради! Тебе же на работу!

— Не упоминай Бога всуе, мама, — пробормотал Леонидов.

Мать выдернула из-под него подушку и закричала:

— Вставай ты! Я уже завтрак разогрела. Алексей больно ударился головой о спинку дивана и окончательно проснулся. Остатки сна разлетелись в ванной под брызгами холодной воды. Вздвогнув от прикосновения тысяч ледяных иголок, он вспомнил все:

«Я понял, кто убийца. У него сейчас работает только слепой инстинкт загнанного животного. А если найдутся еще прямые улики или свидетели? Нет, со свидетелями, похоже, он разобрался. Со всеми ли? Конечно! Какой же я дурак! Идиот! Бежать, срочно бежать! Саша!» — последнее слово Алексей прокричал уже вслух и сорвался из ванной.

Пролетев мимо шарахнувшейся в сторону матери, он почти запутался в мешках и коробках, и, расшвыривая по сторонам стратегические запасы продуктов, стал на ходу одеваться. Через несколько минут Леонидов уже несся к метро. Встречные потоки воздуха обжигали легкие, растренированное дыхание сбилось, ноги налились свинцом. Люди испуганно шарахались в стороны, пропуская мужика с бешеными глазами и хрипящими легкими. Плотную толпу у входа в метро он прорезал, как нож — слегка подтаявшее масло.

Леонидов летел вниз по эскалатору, уговаривая себя: «Я должен идти очень быстро, еще быстрее. Он не успеет убить Сашу, просто не сможет этого сделать, не зверь же он, в конце концов. Я успею. Саша ничего еще не знает, она отвела в садик сына и пошла на работу, а там он ее не тронет, не посмеет. Все в порядке, у меня полно времени. Но, черт возьми, как долго нет поезда. Поумирали там все, что ли?»

Время в такие моменты идет страшно медленно. Промежутки между станциями тянулись, как жевательная резинка, народ, как назло, подолгу набивался на каждой остановке, огромное количество людей ехало, спешило, перемещалось по своим неотложным делам. Полжизни Леонидов уже готов был отдать за машинку перемещения, чтобы мгновенно оказаться у дома Александры Завьяловой, когда наконец вылетел из метро. И снова он бежал, вспомнив, как еще в школе летел к заветной финишной черте, с ликованием оставляя позади соперников и упиваясь своей скоростью. Он был быстрее всех, он возвышался над лениво текущей толпой, презирая ее за вялость и

безразличие. На следующей после метро остановке Алексея догнал автобус, и только тогда он сообразил, что на финише просто упадет без сил и не сможет больше ничего сделать.

«Я катастрофически глупею, — уговаривал себя Алексей, глядя, как мелькают за окном дома и застывшие на месте люди. — Если Саша на работе, она никуда не денется. Мне надо ехать брать его, а не лететь сломя голову охранять любимую женщину». Леонидов поймал себя на мысли, что в-первые соединил вместе Сашу со словом «любовь».

Первым делом Леонидов пошел в школу. В полупустой учительской было тихо. Несколько дам готовились к предстоящему уроку или проверяли толстые пачки тетрадей.

— Здравствуйте! — бросил он в пустоту. — Заневская Александра Викторовна в каком кабинете сейчас занимается?

Седеющая накрашенная дама осуждающе приподняла уголки морковных губ:

— У нас урок, молодой человек.

— Я из милиции. Капитан Леонидов, вот документы, пожалуйста.

Дама внимательно уставилась в протянутый ей документ:

— А что случилось?

Бывшие в комнате учителя при слове «милиция» оторвались от своих тетрадей и журналов и внимательно прислушивались к диалогу.

— Ничего особенного. В деле убийства ее родителей открылись новые обстоятельства. Мне необходимо срочно поговорить с Александрой Викторовной.

— И все-таки у нас урок, молодой человек, — не сдавалась подозрительная дама. — Подождите звонка.

— А у нас новый труп, — брякнул Леонидов.

— Пойдите, — раздался чей-то низкий неприятный голос. — Она же сегодня на работу не явилась!

— Как не явилась? — внезапно севшим голосом выдавил из себя Алексей.

— Так, просто не пришла. Безобразие! Ну и молодежь пошла! Никакой ответственности, творят, что хотят. Дети у них прямо на рогах стоят. Хорошо, Людмила Петровна перенесла историю с последнего часа на первый. В другом классе тоже придется расписание поднимать. А я не буду за Заневскую работать, пусть директор с ней разбирается.

— Она точно сегодня не приходила? Домой не звонили? — переспросил Леонидов.

— Там трубку никто не берет, — тихо сказала застенчивая светленькая девушка. — Саша никогда раньше не срывала уроки, это первый раз такое. Если даже Сережа болел, она обязательно звонила, что не придет. Наверное, случилось что-то серьезное. Саша ведь такая ответственная.

— Все вы, молодежь, ответственные. Нахватаете часов больше, чем у других, а потом кто-то должен за вас заниматься. Без конца одни больничные, а мы и ползком на работу приходим.

— Вы за меня занимались когда-нибудь, Мария Ивановна? Занимались?

Леонидов не стал слушать продолжение начинающегося скандала. Он выбежал из учительской, плохо соображая, что делает. Ноги сами несли его к Сашину дому. Он долго-долго звонил в обитую коричневым дерматином дверь, даже стучал в нее кулаком и ногами. Там, по другую сторону, было тихо. Никто не спешил открывать, не раздавалось ни единого шороха, указывающего на то, что за дверью кто-то есть. Алексей вышел из подъезда и увидел рядом с домом детский сад. На деревянной веранде бегали детишки разного возраста, от совсем крохотных до самостоятельных уже маленьких человечков. Алексей вспомнил, что Сереже Заневскому сейчас шесть лет, значит, он должен ходить в последнюю перед школой группу. Не факт, конечно, что это был именно его садик, но Алексей рискнул подойти к двум оживленно беседующим возле забора воспитательницам.

— Здравствуйте! — крикнул Леонидов. Они обернулись.

— Не подскажите, где самая старшая группа?

— Подготовительная?

— Ну, наверное.

— Вон гуляют. Я воспитатель, — кивнула та, что помоложе. — А что вы хотели?

— Сережа Заневский, случайно, не в вашей группе?

— Да, в моей. Только он сегодня не пришел, и мама не позвонила, ничего не сказала. У него очень ответственная мама, учительницей в соседней школе работает. Да вы что хотели-то? Домой к ним зайдите, дома они, где ж им быть?

— Да, конечно, — упавшим голосом уронил Леонидов и слепо пошел в сторону чахлого скверика. Он нашел лавочку, на которой разговаривал тогда с Сашей, сел, тяжело опираясь на деревянную спинку. У него страшно гудела голова, но хуже всего было чувство охватившего Алексея отчаяния.

«Значит, она не привела ребенка в садик. Ушла куда-то вместе с ним. Узнала или просто почувствовала? Куда же она пошла? Если ничего не знает, то, конечно, к сестре. Матери и отца у нее теперь нет, из родственников самая близкая — это сестра. Да, больше Саше некуда было пойти. Чего же я тогда здесь сижу, кретин? Надо бегом бежать к Лене Завьяловой».

Леонидов нащупал в кармане пару жетонов, которые держал на всякий случай, и пошел искать таксофон. На углу одного из домов он увидел пластмассовые кабинки.

— Дяденька, вы жетончики не бросайте, кулаком по нему тресните, он и соединит, — посоветовал пробежавший мимо пацан с черным ранцем на спине.

Леонидов усмехнулся, набрал номер в кабинете Матвеева и при слове «алло» шарахнул со всей накопившейся злостью по железному корпусу телефонного аппарата. Действительно, сработало.

— Павел Николаевич? Это я, Алексей.

— Леша, ты где? Что случилось?

— У меня тут еще один труп наметился. Предположительно сегодня ночью убита Антонова Светлана Анатольевна, высокая брюнетка, была одета в красный костюм, красные туфли на высоких каблуках. Объявите в розыск. Он должен был вывезти труп за город, о направлении ничего покане могу сказать.

— Ты-то сам где?

— У дома Александры Заневской. Она пропала.

— Как это пропала?

— Ушла с ребенком из дома. Он теперь за нее примется, понимаете?

— Где же его искать?

— Там же, где Сашу. Я сейчас еду к Елене Завьяловой, она замешана во всех трех убийствах. Пришлите туда машину и сотрудников. Нужен ордер на ее арест и обыск в квартире.

— Хорошо, Алексей. Все сделаем. Как ты его вычислил?

— Лана подсказала. Дурак я, Павел Николаевич, сколько кругами ходил, и не там искал. Все гораздо проще. Но надо же было до такого додуматься?

— Успокойся, Леша. Я высылаю машину.

— Если раньше приедут, пусть меня подождут. Тут надо осторожно. В квартире могут быть Саша и ребенок.

— Понял тебя. До встречи.

«Если Александра там, живая и здоровая, — это удача. Можно вступить в переговоры, можно торговаться, но спасти ее и Сережку. Не зверь же он, в самом деле? Если Бог есть, он не допустит ничего такого». При мысли о том, что Саши уже может не быть в живых, у Алексея закружилась голова.

...У знакомого дома, когда Леонидов подъехал, уже стояла милицейская машина. Игорек Матвиенко в сопровождении плечистого высокого парня топтался у подъезда, поглядывая на часы.

— Про труп Светланы Антоновой ничего не слышно? — первым делом спросил Леонидов, переводя дыхание.

— Нет еще. Знать бы хоть, в каком направлении искать.

— Надо попробовать в районе Ногинска, за Балашихой. Позвоните в местный розыск, может, у них уже что-то есть.

— Это вряд ли. Если только грибники опять наткнутся. Ну что, пошли?

— погоди, я сам сначала. Дай рацию, если что — я тебя позову.

Леонидов поднялся на злосчастный этаж, широко развернув плечи. Ему жутко не хотелось жить. Он не представлял себе, как переживет то, что могло уже случиться с Сашей, и мечтал только о пуле, которая вошла бы в ноющее сердце и принесла долгожданный покой.

Налегая на белую кнопку, Алексей звонил, звонил, звонил. Самое странное, что через несколько минут он услышал шаги. Дверь открылась, на пороге появилась Лена Завьялова, без косметики, с измученным серым лицом и в стареньком махровом халате. Она щурилась на свет, не понимая, чего от нее хочет этот страшный человек с перекошенным помятым лицом.

— Где Саша? — хрипло выдохнул он.

— Почему она должна здесь быть?

Лена еще пыталась защищаться, как зверь, одной ногой угодивший в капкан и пытающийся, отгрызть эту самую родную ногу, ставшую вдруг непомерной тяжестью. Леонидов отодвинул Лену и бросился в квартиру, сгруппировавшись для броска. В прихожей был страшный беспорядок, валялись детские вещи, в углу одиноко лежал маленький желтый жирафик из «Макдоналдса». Алексей поднял его, еще ничего не понимая, побежал на кухню, в комнаты. Он яростно распахивал шкафы, двери кладовой, туалета и ванной, даже зачем-то заглянул под кровать.

— Их здесь нет, — тихим, тусклым голосом сказала вошедшая в квартиру Лена.

— Куда вы ее дели? Она же тебе сестра! Родная сестра! — Леонидов вцепился в плотные Ленины плечи, раскачивая ее из стороны в сторону, пытаясь оторвать от пола.

— Она все равно сдохнет. Пусти! — Лена рванулась, треснул халат, посыпались пластмассовые пуговицы. Стягивая разошедшиеся полы, Лена прошла в кухню, Алексей за ней.

— Вам все равно конец, — убежденно произнес он. — Его сегодня возьмут или объявят в розыск. Думаешь, долго он сможет скрываться? У кого, где? А ты пойдешь под суд как организатор преступления, соучастница. Богатая у тебя фантазия, Елена Викторовна. Твоя ведь идея? Скажи, где Саша, я тебе все пообещаю, что хочешь. Ты сама ведь никого не убивала. Я тебе Л а ну прощу. О мальчишке подумай, он тебе не чужой. Я люблю Александру. Если ты полжизни просидишь в тюрьме, я все равно тебя потом задушю. Выйдешь — и задушю. Хочешь, поклянись собственной жизнью? Вы ее уже убили? — Алексею было страшно, жутко узнать правду, но он опять вцепился в Лену, сжимая ее горло, чтобы куда-то деть горевшие руки.

Она завизжала, стряхивая Леонидова с себя, метнулась куда-то вбок.

— Почему все всегда ей? Мне всю жизнь только обноски, только после нее. Ненавижу! Сука!

Лена редела, вытирая сопли и слезы рукавом халата.

— Где Саша?! — орал Алексей. — Сделай для сест-1ры хоть что-нибудь раз в жизни!

— Да не знаю я! Она ушла. Пока я разговаривала по телефону, оделась и ушла. Я думала, что она с Сережкой возится, а она вещи собирала.

— Ты что, убийцу вызывала?

— Да, вызывала! Я бы сама ее голыми руками задушила, но она сильнее. Высокая, как же! Вцепилась, как тигрица, за своего змееныша. Сроду была тихоня, а тут характер появился. Все из-за гаденыша своего маленького...

— Когда она ушла?

— Ночью, около двенадцати. Я хотела ее задержать, но не смогла. Я только что по телефону звонила. Его не было.

— Понятно. Очень был занят. Свидетельницу убирал. Куда ушла Александра? Подруги у нее есть? Где она может быть?

— Не знаю. Сама бы хотела узнать.

«Балда! — Леонидов в который раз обругал себя последними словами. — Почему в школе не узнал, кто ее близкая подруга, с кем отношения поддерживает. Но она ушла. Поняла, что за штука ее сестра, и ушла».

— Что она сказала вам перед уходом, Елена Викторовна?

— Она меня прокляла. Истеричка! Думает, я в Бога верю. Если бы и был на свете этот самый Бог, то не допустил бы, чтобы одним доставалось все, а другим ничего.

— Какой там Бог! Ты дьяволу давно продалась.

— Давайте ведите! Наручники надевайте на слабую женщину. Преступница, как же! А все эти деньги проклятые. Ну зачем он их взял? Дурак — он и есть дурак. Все мужики уроды. Все! Надо было с Лилькой вдвоем все делать, без этого козла. Она бы свое получила, я свое.

Поняв, что Елена действительно не знает, где сестра, Алексей немного успокоился: значит, не в курсе и убийца. Он вызвал людей снизу.

Когда коллеги поднялись на седьмой этаж и вошли в квартиру, Леонидов сказал Игорю:

— Слушай, ты посиди пока с этой звездой или машину вызови, а мы сгоняем в одно место.

— Леонидов, где я тебе транспорт возьму? Эту даму надо срочно к Матвееву доставить, а ты поезжай на втором номере. Пешкарусом.

— Мне желательно пулей и с сиреной, чтоб подвывала. Времени у меня ноль, надо убийцу брать. А эту девушку можешь пока наручниками к себе приковать и везти в метро. Сейчас извращенцев много, подумают, что вы влюбленная пара с психическими отклонениями.

— Ладно, остряк-самородок. Одевайтесь, — бросил он Елене.

Она скрылась в спальне. Плечистый напарник Матвиенко поинтересовался:

— Не опасная? В окно не сиганет?

— Не, у нее жажда жизни еще не ослабела, надеется выкарабкаться. Я ее на вас оставлю, мужики, разбирайтесь. А я поеду брать главное действующее лицо.

— Слушай, Леха, а у тебя оружие есть? — поинтересовался на всякий случай Матвиенко.

— Нет, в сейфе на работе. Я там сегодня еще не появлялся.

— И ты хочешь, чтобы я тебя одного отпустил? Ну уж нет, не все же лавры должны тебе достаться. Твои мозги — мой пистолет. Устраивает?

— Давай, только бегом.

— Есть!

В машине Игорь спросил:

— Куда едем?

— Для начала в школу. Надо опросить всех коллег по работе Александры Завьяловой, может, она у близкой подруги отсиживается.

В учительской уже произошла смена состава. Из прежних утренних педагогов присутствовала только толстая дама, которая никого не хотела замещать.

— Здравствуйте еще раз, — смиренно произнес Леонидов, хотя в душе у него все кипело, как в жерле разбуженного землетрясением вулкана. — Извините, бога ради, не подскажите мне, где можно найти ту девушку, с которой вы утром так энергично вступили в дискуссию?

— Не знаю, никуда я не вступала. — Мадам не была настроена поддерживать диалог с представителем власти.

— Юноша, о ком вы говорите? — вмешалась в разговор завитая белым барашком бабулька.

— Да о математичке этой молодой, Танечке Савостиной. Представляете, Клара Леонидовна, она мне с утра так нахамила, так

нахамила...

— Простите, эта девушка домой еще не ушла? — невежливо перебил ее Леонидов.

— Кажется, у нее урок в шестом классе. Второй этаж, сорок шестой кабинет, — прощбетала Клара Леонидовна.

Оставив двух дам дальше обсуждать проблемы современной молодежи, Алексей, перепрыгивая через несколько ступенек, кинулся искать сорок шестой кабинет. Шел урок, но он не постеснялся прервать занятия и энергично застучал в дверь математического кабинета.

Учительница не спешила выйти, и Леонидов, приоткрыв дверь, выразительно махнул ей головой в сторону пустого коридора. Она поспешно подошла.

— Татьяна, на минуточку. Александра Викторовна не объявлялась?

— Ой, звонила недавно. Сослалась на какие-то семейные неприятности и взяла два отгула.

— Кому звонила? Вы с ней говорили?

— Нет, что вы. Она говорила со своей подругой, Наташей Михайловой. А та уже передала нашему завучу.

— Где сейчас Наташа?

— В другом крыле, в тридцать девятом кабинете. За дверью уже нарастал гул, Танечка поспешно нырнула в класс, а Леонидов с низкого старта метнулся в другое крыло.

Наташа не хотела отрываться от урока. Она игнорировала все кивки незнакомого молодого человека, пока он не вошел в класс:

— Можно вас на минуточку?

— А в чем дело? У нас урок.

— Я из милиции.

— Из милиции?

Она поспешно вышла вместе с Алексеем.

— Где Александра? Наташа замялась.

— Я друг Александры Викторовны. У нее серьезные проблемы, и мне срочно надо ее увидеть.

— Это семейное дело.

— Уже не семейное. Где она?

— У меня дома. — Наташа покраснела. — Знаете, так странно, я сама ничего не понимаю. Пришла поздно ночью, вся в слезах, с Сережкой, он кое-как одет. Она просила никому ничего не говорить. Я позвонила ей два часа назад, потом не выдержала — сказала директору, а то нехорошо получается, все волнуются. У нас никто без веской причины занятия не пропускает. Все так за Сашу переживают. Ну, с кем не бывает, поругались, зачем же скрывать от коллектива.

— Ясно. Значит, уже вся школа знает, что Александра у вас.

— Ну... А что тут такого?

— Адрес ваш?

— Что?

— Адрес, адрес. Куда ехать, скажите.

— Это еще зачем?

— Девушка, я в уголовном розыске работаю. Жизнь вашей подруги в опасности, а вы еще этому поспособствовали.

Наташа покраснела еще больше и стала сбивчиво объяснять, где живет. Оставив недалекую простодушную подружку в коридоре, Леонидов бросился к машине. Выяснить, появлялся ли тут он, времени уже не осталось. Он ведь не дурак — никому и в голову не пришло, что именно ему нельзя говорить, где находится Александра, наоборот, должны были с охотой поспособствовать.

«Будем надеяться, что два часа — приличный запас времени, не должен он меня опередить. Хорошо бы, у этой Наташи двери были такие же крепкие, как ее мозги, и телефон в порядке. Хотя звонить в милицию Саша не будет, это уж точно».

По улицам они гнали, врубив сирену и не обращая никакого внимания на цвета светофора. Район, как назло, был новым, жители путались в номерах домов и сразу не могли сообразить, куда послать сотрудников уголовного розыска. Пока нашли нужный дом, Леонидов уже успел раскалиться от злости на бестолковость людей, пугавшихся милицейской машины. Жутко хотелось набить кому-нибудь морду или, на худой конец, просто укусить. Как цепной пес, он кинулся к лифту, велел Игорю на всякий случай подниматься по лестнице. Выйдя из лифта, Леонидов сразу услышал его голос:

— Саша, я все равно войду. Открой. — Слышен был скрежет чего-то металлического о корпус замка.

На звук открывающейся двери лифта мужчина повернул голову. Леонидов сделал вид, что достает пистолет:

— Владимир Владимирович Заневский? Вы арестованы. Руки поднимите, и лицом к стене.

Конечно, он наплевал на пистолет. Заневский понял, что теряет или жизнь, или свободу, и неизвестно, что окажется в его случае важнее. Да и пистолета никакого у Алексея не было, зато была дикая злость. Они сцепились там же, на лестничной клетке. Топтались рядом, мешая друг другу. Чужое человеческое тело оказалось жестким и неудобным, оно было сильным и норовило подмять под себя Алексея и вдавить его в пол. Руки никак не могли преодолеть слои одежды, все время срывались и отчаянно хотели разжаться и отпустить. Леонидов уже почти отпустил Заневского, когда тот неожиданно обмяк и осел на пол.

Матвиенко нагнулся и защелкнул на нем наручники.

— Спасибо. — Алексей вытер саднившую губу. Во рту скапливалась кровь.

—: Леха... ты как?

— Ты его чем?

— Да пистолетом. Здорово ты его держал.

— Тащи вниз, я сейчас.

Матвиенко потащил к лифту мычащего Заневского.

«Все, конец». Леонидов прижался к стене, пытаясь успокоить дрожащие колени. Как на фотографии, погруженной в проявитель, на теле пятнами начала появляться боль. Пачкая о стену свою куртку, он передвинулся ближе к двери и потянулся занывшей рукой к звонку.

— Саша, это я.

— Кто? — прошелестел за дверью испуганный родной голос.

— Алексей. Его увели, Саша.

— Леша? Его точно нет?

— Нет. Здесь только я.

Дверь приоткрылась. Леонидов увидел испуганный синий глаз, прилипшие ко лбу кудряшки и схватил ледяную тонкую руку:

— Испугалась?

— Тише, Сережа спит.

Они тихонечко вошли в квартиру.

— Я Сережку в дальней комнате закрыла, он полночи не спал.

— Что случилось? Ты доллары нашла?

— Да, в стиральной машинке. Она сломана, машина эта, там всякий хлам лежит, я стала старый Сережкин носок искать, чтобы распустить и рейтузы довязать. А там этот пакет...

— Белый с синим. А в нем тридцать тысяч долларов.

— Кажется, меньше...

— Значит, уже попользовался.

— На нем кровь. Я сразу поняла, что это кровь.

— Зачем же ты к Лене поехала?

— А куда? Я же не знала, что они...

— Любовники? Ты что, слышала, как она звонила?

— Нет. Лена как-то странно себя повела, когда я рассказала ей про эти деньги. Я ничего не могла понять, как Вовка выследил Серебрякова, как он вообще узнал про него и эти доллары. А Лена сразу разозлилась и отправила меня в маленькую комнату, мол, чтобы Сережку уложила. Там снаружи такая щеколда, папа прибил, чтобы дверь сквозняком не открывало. Когда мы с сыном в комнату ушли, Лена вдруг взяла и щеколду эту задвинула. Я испугалась, стала в нее плечом бить — никак. Схватила в горячке кресло, что рядом стояло, чтобы ударить чем потяжелее, а там за креслом Вовкин халат. Со спинки, наверное, соскользнул и давно валялся. Я сразу узнала этот халат, сама подарила на двадцать третье февраля, долго не могла придумать, что купить, ходила, выбирала. Потом как-то летом приехала с дачи, а халат исчез. Я в голову не брала, куда он делся, а тут лежит в Ленкиной спальне, а из кармана лифчик торчит, явно не мой. Тут я все поняла. Сестра давно мне грозилась что-то рассказать, о чем я не знаю, намекала, что я чего-то не понимаю, что ей меня жалко, что, мол, я жизни не знаю. Ленка всегда что-то недоговаривала, хотя ей так и хотелось ляпнуть. Если бы я знала, что они такие сволочи! Знаешь, как я разозлилась? Шарахнула по двери этим самым креслом. Ленка в кухне как раз номер набирала. Я сразу вспомнила про Лилю и поняла, что они хотят сделать. В голове только Сережка: что с ним будет? За сына я бы их обоих убила. Подняла его с постели, схватила вещи. Мы с Ленкой в коридоре схватились, она Вовке так и не смогла дозвониться...

— Правильно. Он в это время был занят Ланой.

— Какой Ланой?

— Соседкой, к которой Серебряков приходил. Она случайно видела твоего мужа в тот день, когда он Лию убил.

— И что с этой Ланой? — Убил он ее, думаю.

— Господи! Мой муж! Семь лет жила и не знала. Знала, что подлец, что жадный, что меня не любит, но что может убить? А все говорили: «Как тебе повезло: не пьет, не курит, прилично зарабатывает». Ну почему так? Почему я?

— Саша, возвращайся домой. Скоро твоя подружка придет, плохая, между прочим, подружка. Так что езжай отсюда.

— Домой? Я не могу.

— Езжай в квартиру родителей.

— А Лена?

— Ее увезли.

— Как же так? Я теперь что, совсем одна? Я не могу сейчас одна.

— Я приеду вечером. Скажи только, куда приезжать.

— Ты точно приедешь?

— Конечно. Куда?

— В квартиру родителей. Лучше там. На работу все равно завтра не пойду.

— Саша, мне надо идти. Вечером обязательно буду.

Она подняла на него влажные испуганные глаза, сжала руку.

Алексей стиснул зубы, потому что рука болела, он сам не мог понять, почему рука-то? Осторожно разжал Сашины пальцы, кивнул и, не оглядываясь, пошел к лифту. Надо было закончить неприятное дело, а потом зализывать собственные раны, хотя дело это уже стало касаться и лично его, Алексея Леонидова.

Елена Викторовна Завьялова сидела в кабинете Матвеева и упорно разглядывала осенний пейзаж за пыльным стеклом. Она находилась в состоянии оцепенения, когда окружающий мир становится похожим на картинку в телевизоре и все воспринимается как происходящее не с тобой, а с каким-то другим, нереальным персонажем. По комнате рядом с Леной ходил какой-то человек, говорил, садился, писал; незнакомая, сильно уставшая женщина что-то ему отвечала, все было серо и смертельно скучно.

— Какие отношения у вас с мужем сестры, Владимиром Заневским?

— Нормальные.

— Он ваш любовник?

— Нет.

— Кому принадлежит идея убийства ваших родителей и Александра Серебрякова?

— Кому вы звонили вчера ночью, когда пытались задержать в квартире сестру?

— Да, я звонила Володе, чтобы он приехал и забрал Александру, она явно сошла с ума. Только ненормальной женщине может прийти в голову подобный бред, что муж якобы покушается на ее жизнь и жизнь собственного сына.

— Следовательно, себя вы тоже к категории нормальных людей не относите, раз допустили убийство собственных родителей?

— Это была трагическая случайность. Я тут ни при чем.

— А про деньги, которые нашли в квартире Занев-ского, вы тоже первый раз слышите?

— Какие деньги?

— Тридцать тысяч долларов.

— Не знаю ни о каких деньгах.

— Неужели? А вот Антонова Светлана Анатольевна показала, что говорила вам об этой сумме, деньги ей в тот вечер вез Серебряков в качестве отступного.

— И где же эта Светлана Анатольевна? Пусть при мне все это скажет.

— Как вы, Елена Викторовна, уверены, в том, что ваш любовник убрал столь неприятную свидетельницу.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Хорошо, придется устроить вам очную ставку с Владимиром Заневским. Может, коллективно мы доберемся до истины.

— Устраивайте. Пожалуйста.

В соседнем кабинете так же упорно держал круговую оборону Заневский.

— Где вы были вечером двадцать девятого августа?

— Я заходил к сестре своей жены, как обычно, заносил ей работу. А что, в этом есть какое-то преступление?

— Во сколько вы ушли?

— В половине десятого. Лена может это подтвердить. Ее родителей еще не было дома.

— И вы с ними не встретились возле лифта?
— Нет, я никого не видел, спустился вниз и пошел к машине.
— А откуда у вас дома деньги, тридцать тысяч долларов, которые были у Серебрякова в тот вечер, когда его убили?
— Подбросили.
— Вместе с вашими отпечатками пальцев и следами крови?
— Должен же я был посмотреть, что в этом пакете?
— А почему не принесли пакет в милицию?
— Не успел.
— Когда вы его обнаружили?
— Вчера.
— К вам домой в последнее время посторонние люди заходили?
Кто мог подбросить такую улику?
— Мало ли. Может, слесарь заходил или водопроводчик?
— Хорошо, мы возьмем показания у вашей жены. Где вы были вечером седьмого сентября?
— Дома.
— А вчера вечером — тоже дома?
— Да.
— Елена Завьялова звонила вам около двадцати четырех часов, вы не подошли к телефону.
— Я спал.
— А то, что жены не было дома, вас не удивило?
— Нет. Мы поссорились, она вполне могла уйти к сестре.
— Светлана Антонова видела седьмого сентября вас выходящим из квартиры Елены Завьяловой в сопровождении Лилии Мильто. По телефону она сообщила мне об этом факте накануне своего исчезновения.
— Кто такая эта Антонова?
— Соседка Завьяловой.
— Пусть сама скажет. Вы что угодно можете на меня наговорить.
— Вы убили Светлану вчера вечером. Где спрятали тело?
— Что? Никого я не убивал!
— Зачем вы пытались взломать дверь в квартиру Натальи Михайловой, где пряталась от вас ваша жена, которая нашла спрятанные деньги и боялась, что ее вы тоже убьете?

— Она все выдумала. Саша детективов начиталась, вот и вообразила черт знает что. Придумала, будто я хочу ее убить.

— А разве не так было?

— Я просто хотел вернуть ее домой.

— Значит, вы отрицаете свою причастность к убийству пяти человек.

— Отрицаю. Я никого не убивал.

Спустя полчаса Матвеев и Леонидов подводили первые итоги допросов. Оба выглядели не лучшим образом, Павел Николаевич, вздыхая, рассматривал распухшую щеку Алексея и его запавшие глаза.

— Ну что, Леша, устал?

— Еще как!

— Молчат они. Что делать-то будем?

— Без Сашиных показаний не обойтись. Придется устраивать очную ставку ее и этих двух ублюдков.

— Как ты их.

— А как еще? Надо во что бы то ни стало сломать их круговую поруку. Пока они друг за друга цепляются, их не расколоть. Есть у меня одна мыслишка, гнилая, правда, но кто знает? Надо вечером проверить. Ну и на Сашу я надеюсь. Она теперь главный свидетель.

— Думаешь, сможет все это выдержать после" вчерашнего?

— Она добрый человек. Глядишь, еще и захочет простить родственничков. Но их надо непременно засадить, а по Заневскому вообще вышка плачет. Я постараюсь уговорить Александру, чтобы она дала показания.

Леонидов опять вернулся к тому, с чего начал: он подходил к злополучному дому, разглядывая приевшийся окрестный пейзаж. Все оставалось таким же: прутья деревьев, посаженные вдоль бетонного бордюра, несколько запачканных свежей грязью ступенек в неухоженный подъезд, остов покалеченного домофона. Но раньше в подъездной темноте и сырости он ясно различал запах мертвечины, а теперь пахло просто собачьей мочой, мокрыми газетами и влажным цементом. Почтовые ящики знакомо щерились железными зубами, приبلудная черная собака с отвисшим брюхом только лениво приоткрыла на Алексея свой гноящийся глаз. Жизнь перестала казаться опасной, она поражала своей обыденностью и повторяющейся чередой неприятных мелочей.

Когда Саша открыла дверь, Леонидов вспомнил, что никогда раньше не видел ее в домашнем халате. Она была сонная, слегка растрепанная, с легкой красной полоской на примятой подушкой щеке, и этот Сашин будничный вид был лучшим признанием его нынешних прав. Из-за ее спины выглядывала кудрявая Сережкина голова.

— Ну, как вы?

— Заходи, заходи, — Саша втащила его в комнату. — Мы — ничего. Спать только все время хочется.

— Это у тебя такая своеобразная реакция на стресс. Некоторые, например, начинают все время жевать.

— Если ты себя имеешь в виду, то ужин я приготовила.

— Да нет, это я так, без намеков. Если честно, я тоже где-нибудь бы сейчас отрубился.

— Иди руки мой. Есть-то все равно небось хочешь?

— Хочу.

Пока Саша накрывала на стол, Алексей с наслаждением плескал себе в лицо ледяной водой, пытаясь избавиться от накопившейся усталости. На кухне он увидел три тарелки. Сережка с десертной ложкой в руке ждал, когда взрослые усядутся за стол. Вот тогда Алексей впервые подумал, что теперь у него есть семья.

— Мама, а мы завтра в садик тоже не пойдём?

— Нет. И завтра не пойдём, и послезавтра, и после-послезавтра тоже.

— Прогуляем?

— Просто будут выходные.

— У-у-у. Я думал, прогуляем. В понедельник теперь пойдём?

— В понедельник. Картошку будешь?

— Нет. Можно, после супа я пойду мультик смотреть?

— Можно.

— А я буду картошку, — заявил Леонидов.

— Значит, тебе досталась двойная порция. — Саша загремела кастрюлями у плиты.

— Как он там? — спросила она, имея в виду мужа.

— Саша, ты его любишь? — спросил Алексей, прислушиваясь к топоту убежавшего к заветным мультикам ребенка.

— Любила когда-то. И сильно любила, раз не заметила, как мало в нем человеческого. Теперь только омерзение. Убивал из-за денег.

Неужели ему мало было? Ведь неплохая работа, и я никогда не просила больше того, что он мог принести в дом. Не понимаю.

— Боюсь, когда ты узнаешь все до конца, тебе будет еще страшнее.

— Ты про что?

— Саша, помоги мне. Я хочу, чтобы твой муж и Лена сделали признание. Ты должна дать показания, что Владимира не было дома в те вечера, когда совершались убийства, что в дом не приходили Посторонние и никто не, мог подбросить сверток с деньгами. Ты понимаешь?

— Ты не представляешь, что говоришь. Давать показания против самых близких оставшихся у меня людей, выносить на свет Божий всю эту грязь и мерзость...

— На суде тебе все равно придется обо всем услышать. Они тебя предали. Оба предали, причем сестра это сделала сознательно, чтобы причинить как можно больше боли. Ты просто не хочешь в это верить, все надеешься на что-то. А ничего уже не изменится. Пойдем завтра со мной?

— Куда?

— На очную ставку.

— А Сережа?

— Посидит с моей мамой. Она давно мечтает о внуках, а тут уже сразу — ходящий и говорящий, пеленки стирать не надо.

— Что ты, неудобно.

— Удобно, еще как! Давай я буду решать, что мы себе можем позволить сделать, а что нет? Я знаю свою мать, она обрадуется, а мы закончим это дело. Поедешь со мной?

— Хорошо.

— Расстроилась?

— Не люблю всех этих объяснений. С работы, наверное, придется уйти.

— Не надо никуда уходить. Делай вид, что у тебя все в порядке. Улыбайся чаще, ничто не бесит наших врагов так, как улыбка на лице. Найдется новый повод для сплетен, а о тебе все забудут.

— Ладно тебе. Мне сейчас так плохо. Никогда не смогу забыть все это. Кажется, сколько будешь вспоминать, столько и будет больно.

— Глупости. Я сколько всего забыл. Думаешь, мало? Иногда так сам себе и говорю: «Ну, все, сегодня последний счастливый день в моей жизни». А через три дня какая-нибудь глупость случится — и опять счастлив, как дурак. Не может человек всю жизнь находиться в мрачном настроении, иначе все давно начали бы с крыш пачками прыгать.

— Смеешься надо мной.

— Утешаю. Кончай реветь, а то, если можешь, лучше водки выпей.

— Да я не пью.

— Я, что ли, пью? Стресс надо снимать. Думаешь, водку дурак придумал? А то государство случайно с ее продажи такие бабки имеет! Здесь налицо спекуляция главной человеческой слабостью: иллюзией пофигизма. Давай налью? О, тут и сок в холодильнике имеется. Сестренка любила красиво пожить.

Он разбавил апельсиновым соком немного водки, налил себе и Саше:

— Ну, давай, за то, чтоб быстрее все кончилось и мы жили долго и счастливо.

Саша не стала возражать, они чокнулись, выпили. Александра сразу порозовела, стала клевать носом.

— Саш, постели мне где-нибудь и иди спать. Я останусь? Не тащиться же на ночь глядя на другой конец Москвы? Маме позвоню?

— Ладно.

Она пошла в большую комнату, и Алексей услышал скрип стеновых шкафов.

Он плстию прикрыл дверь и набрал номер домашнего телефона:

— Мама? Это ты?

— Кто же еще?

— Ты что делаешь?

— Телевизор смотрю. Ужин приготовила: макароны сварила, сарделек. Сегодня масло на рынке опять подорожало, представляешь? .

— Мама, я женюсь. — Леонидов прижал трубку вплотную ко рту, прикрыл рукой.

— На Ляле? Ты у нее? Помирились? — обрадован-но охнула мать.

— Нет, я не у Ляли. Завтра утром мы к тебе приедем, мальчика у тебя оставим на пару часов?

— Какого мальчика? — охнула мать.

— Теперь уже нашего. Готовься.

— Леша, как же это?

— Да вот, так вышло. Сама же хотела внуков. Один уже есть.

Мама, ты там смотри не очень переживай. Ты нам нужна.

— Да я всю ночь теперь не усну.

— Спи. Спокойной ночи, целую.

Кроме чистого белья Саша отыскала также запечатанную в целлофан зубную щетку и новенькие спортивные штаны внушительного размера.

— Папины еще. Новые, ни разу не надел. Большие?

— Веревочкой подвяжу. Спасибо.

— Позвонил?

— Ну.

— И что?

— Пойдем, Саша, кино какое-нибудь хорошее посмотрим. Я там кассет на полке много видел...

— Это Ленины.

— Да? Тем лучше. Надо поближе познакомиться со вкусом твоей сестрицы. Как говорится, перевирая классику, скажи мне, какие фильмы ты смотришь, и я скажу, что ты собой представляешь...

Утром Леонидов проснулся в чужой, незнакомой комнате и не сразу вспомнил, что произошло накануне. Когда вчерашние события приобрели отчетливые очертания, у него сразу улучшилось настроение. Он принял душ, съел приготовленный Сашей завтрак, помыл посуду, пока она собирала Сережку, и позвонил Матвееву. Выполнив череду последовательных полезных действий, Алексей почувствовал, как вместе с отличным настроением приходит к нему пьянящее ощущение полета и удачи. Подталкиваемый этим мощным рычагом, он, неожиданно для себя выскочил на лестничную клетку. Тайник был в том месте, где он и предполагал: на последнем этаже, за трубой, удобное, темное местечко. Алексей сунул туда руку, понюхал палец, потом, пошарив, нащупал что-то мягкое, кожаное. Удовлетворенно вытер носовым платком испачканную руку:

«Умница, Леша, умница. Сам себя не похвалишь, никто не похвалит, а ты умница. Гений сыска! Великий и непревзойденный.

Всякие занюханые персонажи убогих классиков тебе не годятся в подметки, недостойны стирать пыль с твоих великих башмаков!»

Восторженную оду в его собственную честь прервал испуганный Сашин голос:

— Леша, ты где?

— Иду, иду. Вы готовы?

Из квартиры Леонидова вкусно пахло домашними пирожками. «Ну, точно, всю ночь не спала», — подумал он про мать, нажимая на кнопку звонка. Мама вышла в выходном черном платье, украшенном традиционным белым воротничком. Они с Александрой очень смущались друг друга, разговор вертелся в основном вокруг ребенка: что он любит, что не любит, как ходит в садик.

— Мы с ним сейчас покушаем и гулять пойдем. Правда, Сережа?

— Да, мы пойдем в магазин, посмотреть, сколько сегодня стоит сливочное масло.

Мама' Алексея умилилась, а Саша покраснела.

— Это он в садике наслушался. Сейчас даже дети только об этих ценах и говорят, — стала зачем-то оправдываться она, а Леонидов добавил:

— Ну, раз у тебя с бабой Любой есть общая тема для разговоров, я за вас спокоен. А мы с мамой пойдем по делам.

В здание уголовного розыска они с Сашей вошли, взявшись за руки. Алексей тихонько сжимал ледяную кисть, пытаясь оживить застывшую женщину. От страха она даже слегка дрожала.

— Не бойся, это как у зубного: когда мы отсюда выйдем, все страшное будет уже позади", но зуб рвать все равно надо.

...Они сидели в небольшом кабинете: Лена Завьялова с безразличным огрубевшим лицом, нервный, дергающийся Заневский, за ночь растерявший остатки боевого запала, испуганная Саша. Владимир упорно не смотрел на жену, впрочем, на любовницу тоже.

Матвеев переложил на столе несколько бумажек:

— Ну что, начнем? Надеюсь, сегодняшняя ночь изменила вашу позицию: намерены вы дать соответствующие показания о причастности к убийству Серебрякова, Завьяловых, а также Лилии Мильто? Как, Владимир Владимирович?

— Мне не в чем признаваться. Вы пытаетесь меня оговорить. Я не виноват.

— А вы, Елена Викторовна?

— Я вообще не понимаю, что от меня хотят.

— Значит, душу облегчить себе не желаете и меру наказания тоже? Приятно видеть в вас такую солидарность, тем более что так же слаженно вы готовились к первому преступлению. Нам тут коллеги помогли не~ много. Последние штрихи к портрету, так сказать. Алексей Алексеевич, вы готовы? Начинайте.

— Итак, вся эта история началась даже не с Лилии Мильто, а раньше, гораздо раньше. Точную дату, когда вы, Елена Викторовна, соблазнили мужа своей сестры, я назвать, естественно, не берусь, но то, что это случилось, вполне рискну доказать...

Это действительно случилось — и не так много времени прошло после громкой свадьбы, накануне которой так горько плакала Лена.

Больше всего в сестре Лену бесило то, что на ней все почему-то хотели жениться. Первое предложение Саше сделал на втором курсе очень приличный молодой человек. Но Александра признавала только браки по любви. Претендент был отвергнут и долго не мог утешиться. Потом были и другие, такие же терпеливые молодые люди, настроенные на длительный семейный союз, скрепленный соответствующей печатью и подписями.

Лене предложений не делали, ни до Сашиного замужества, ни после. Лена с юных лет вбила себе в голову, что даже самая некрасивая девушка, если постарается, может соблазнить любого мужчину, а дальше уже дело техники. Она набиралась постельного опыта где только это было возможно, надеясь, что новые партнеры откроют ей какой-то все время ускользающий секрет: как стать необходимой мужчине настолько, чтобы он решился на брачные кандалы. Секрет этот никак Лене не давался: мужчины охотно пользовались ее постельными услугами, демонстрировали свои мускулы и таланты, но женились почему-то на других или неизменно уходили к ним после бурной ночи.

Все это Лена переживала не очень, пока перед глазами не появился пример Александры и ее мужа. Саша цвела: кожа ее блестела по утрам, глаза светились, волосы вились безо всякой химической завивки. Лене оставалось только бессильно колотить руками подушку по ночам. А потом еще и этот обмен квартиры: Саша ждала ребенка. Лена с самого начала высказывала свое недовольство, ведь Саша

получала так нужную ей самой свободу от родителей, а она, Лена, оставалась на положении домработницы.

Она пробовала возмущаться, мама уговаривала:

— Леночка, но у Саши семья, их скоро будет трое.

— Я тоже скоро выйду замуж!

— Да. Когда это случится? Если случится... — со вздохом добавляла мама. — К тому же у тебя всегда будет своя комната.

— Ну уж спасибо, — огрызалась Лена.

Взамен потерянных прав на отдельную жилплощадь Лена потребовала единоличное завещание на родительскую дачу. Саша не стала спорить: ей было все равно. Лене же в их с Владимиром квартире просто трясло: муж, отдельное жилье, ребенок, всеобщая любовь. Она ненавидела сестру, и когда на новоселье пошла на кухню, чтобы скрыть слезы зависти, столкнулась нос к носу с зятем.

— Выпьем, что ли, на брудершафт, Володька?

— Да мы вроде на «ты».

— А поцелуй?

Она привалилась к сестриному мужу, всасывая в себя его рот и засовывая свой язык ему чуть ли не в горло: Лена была сильно подвыпивши.

— Ладно, сестричка. — Зять оторвался от Лены, но посмотрел на нее очень внимательно.

— «Надо проверить, какой ты верный муж», — решила Лена, вытирая смазанную помаду.

Случай представился скоро. Пришло лето, родители собрались переезжать на дачу. Саша вышла в декрет и тоже решила перебраться туда же — поесть свежей зелени, погреться на солнышке. Лена сдавала в это время летнюю сессию, Владимир работал и за город перебираться явно не спешил: отношения с родителями жены у него не заладились с самого начала.

Как-то он заехал к Елене домой за материалом, который теща купила на пеленки и впопыхах забыла в городской квартире. Женщины готовили на даче детское приданое. Как это всегда бывает во время беременности жены, Володя изголодался по нормальному сексу. Лена же открыто его спровоцировала, появившись в купальнике: на улице стояла изнуряющая жара, оба с трудом соображали, что делают. Опомнились они уже ночью: воздух остыл и был не таким раскален-

ным, вентилятор шумел, навевая прохладу на мокрые голые тела. Они курили в темноте, лениво перебрасываясь словами. У Лены и Владимира оказалось много общего: оба любили хорошую еду, красивые машины, дорогие вещи, свободу и терпеть не могли Лениных родителей. Володя вырос в провинции, всю сознательную взрослую жизнь мечтал жениться на москвичке, чтобы зацепиться в столице. В Лене он нашел достойную собеседницу и единомышленницу: оба обожали сплетничать и умели видеть в людях только недостатки, находя мыслимые и немыслимые изъяны в достоинствах.

Им так понравилось проводить совместные летние ночи, что после экзаменов Лена нашла работу и осталась в городе до осени, Володя тоже сослался на собственную незаменимость и не стал брать очередной отпуск. На даче они появлялись в выходные, наездами, причем старались появляться там по очереди, испытывая еще некоторую неловкость перед родителями и Александрой.

Их сексуальные отношения становились все изощреннее. Оба обожали смотреть самую черную порнуху, пытаясь параллельно изобразить увиденное. Много позже им пришла идея заснять на видео собственные упражнения в этой области — это особенно возбуждало, когда приедалось все остальное. Любительское порно куда больше действует как стимулятор, чем обыкновенная эротика, люди там гораздо реальнее и движения куда ближе к истине, чем искусственные ахи и вздохи. Когда кончилось то лето, Саше пришла пора рожать. Еще неделю, пока она лежала в роддоме, в распоряжении Елены и Владимира была квартира Заневских, потом начался кошмарный период грязных пеленок, ночных бдений и детских болезней. Владимир все больше уставал от семьи. Свободную квартиру своих многочисленных приятелей или подруг Лене удавалось найти редко, а страсть, как известно, разгорается еще сильнее, если нет возможности ее удовлетворить. Родители становились все нестерпимее своими придирками и подозрениями. Квартира разделилась на два лагеря, кухня попеременно становилась то местом примирения сражающихся сторон, то трибуной, с которой объявлялось начало новых военных действий. Планы Лены Завьяловой не имели определенных очертаний, пока она не встретила Лилию Мильто. А нашла Лена школьную подругу совершенно случайно, она зашла в «Алексер» присмотреть подарок к Сашину юбилею свадьбы. Сестра

обожала семейные праздники, тщательно хранила в своей памяти все скромные даты, свято верила в семью, в традиции общего для всех воскресного стола и упорно не хотела замечать, что муж просто не сопротивляется, но участия в подготовке праздников почти не принимает.

Итак, Лена зашла посмотреть подарок, а увидела бывшую одноклассницу в умопомрачительной мини-юбке и с сияющим выражением лица. Лиля переживала в тот момент период блестящего романа с Александром Серебряковым и с восторгом описывала грядущие перспективы устройства личной жизни. Практичная Лена решила, что возобновить подобное знакомство никогда не помешает. Бывшие близкие подруги поужинали вместе в приличном ресторанчике, поделились новостями и стали периодически друг другу позванивать, сообщая о больших успехах и маленьких неудачах. Однажды Лиля прилетела к Елене прямо домой вся в слезах. Бурный поток ругательств и обвинений та сначала выслушивала с брезгливостью: сама Лена в подобных случаях сора из избы предпочитала не выносить. Только ночью, пытаясь заснуть после просмотра очередного кровавого боевика, Лена вспомнила рассказ подруги и поняла, чем Лилины беды могут лично ей, Лене Завьяловой, пригодиться. И тогда у нее родилась эта простая и страшная идея.

— Итак, вы, Елена Викторовна, тайком от сестры и родителей стали встречаться с Владимиром Заневским. Не удивительно, что рано или поздно родственники стали вам здорово мешать. Несколько лет вы терпели, накапливая в себе злость и раздражение, но мысль об избавлении от постоянного источника неприятностей покоя вам не давала. Лилия Мильто своим рассказом об удачливом, но разборчивом бизнесмене натолкнула вас на мысль об идеальном убийстве. Лиля так красочно расписывала привычки и мельчайшие подробности жизни своего бывшего любовника, что вам стало казаться, будто Серебряков ваш личный близкий друг. Вы, Елена Викторовна, узнали про его необычайную пунктуальность, расчетливость, потребительскую страстишку к красивым женщинам определенного поведения и решили на этом сыграть.

Как раз в этот момент ваша очаровательная соседка Лана, живущая на содержании у состоятельных мужчин, осталась без очередного покровителя. И вы решили подсунуть ее Серебрякову,

чтобы держать того под постоянным контролем. Не знаю, как вам удалось сломать бедную Лилю, но Лиля заболела идеей справедливого, как ей казалось, возмездия, и согласилась помочь вам и Заневскому. Таким образом, возникла преступная группа, целью которой стало убийство трех человек. Девушке Лане был преподнесен в качестве подарка на Восьмое марта состоятельный бизнесмен Александр Серебряков, Лиля начала свою деятельность в качестве наставницы у своей преемницы ценного тела, и скоро первый этап преступного плана был осуществлен: Серебряков стал со свойственной ему пунктуальностью посещать новую пассию.

Тогда же, уважаемая аудитория, Лена начала подготавливать своего любовника Владимира Заневского к следующему этапу: она культивировала в нем мысль о неизбежности того, что должно было произойти. Ведь вы, господин Заневский, человек по натуре слабый. Возможно, в первый раз выслушав идею своей дамы сердца, вы даже обозвали ее дурой. Возможно. Но Лена умеет уговаривать, да и теща с тестем в компании с нелюбимой женой доставали изрядно. За семейным столом разговор неизбежно скатывался к тому, как Владимира облагодетельствовали московской пропиской и дареной квартирой, как пригрели, одели, накормили. У неуверенных в себе людей чувство собственного достоинства — место наиболее уязвимое. всю жизнь им приходится переступать через себя, доказывая, что они и сами могут чего-то добиться в жизни. Владимир терпел, скрипел зубами, но купил-таки пистолет и приготовился сделать то, к чему его склоняли вы, Елена Викторовна.

Теперь можно было приступать к третьему этапу, а именно: обеспечить присутствие Владимира в те вечера, когда это было нужно, то есть когда Серебряков посещал Лану. Для этого вы, Елена Викторовна, придумали историю с работой, которую Заневский якобы должен был вам иногда передавать от своих знакомых. Через несколько дней он вновь приходил затем, чтобы эту воображаемую работу забрать. Родители ваши в компьютерах, естественно, ничего не понимали, но охотно пользовались билетами в кино и в театр, которые вы любезно им предлагали, чтобы избавить от встречи с нелюбимым зятем. Возвращались они обычно к десяти часам, когда начинался телесериал. Вы никогда не забывали посмотреть с родителями очередную серию, обсуждая увиденное и слушая родительские

впечатления. Встречаясь с зятем у лифта, а происходило это довольно часто, обе враждующие стороны вежливо здоровались, перебрасывались парой фраз о здоровье и погоде и расходились в разные стороны. Со временем это стало обыденной вещью.

Алексей перевел дух и продолжил, обращаясь уже ко всем:

— Лена прекрасно знала, что как раз в то время, когда ее родители возвращаются из очередного культурного похода, стремясь не пропустить следующую захватывающую серию, приезжает к Лане пунктуальный Серебряков. Рано или поздно, но они должны были встретиться в одном лифте. Вся идея была построена на одной простой вещи: привычке. Человек ведь, по сути своей, существо консервативное: он все время создает для себя стандартные жизненные ситуации, в которых ему проще существовать. Мысль, сначала показавшаяся Владимиру Заневскому дикой, превратилась со временем в нечто обыденное. Если в тот вечер, когда он заходил к Завьяловым, родителей Лены не было дома, он привычно брал у своей любовницы приготовленный для него пистолет, надевал перчатки, опускал руки в карман и ждал у лифта. Тесть с тещей приезжали, выходили, разговаривали с ним о чем-то и исчезали в своей квартире. Он же спокойно* выходил на лестничную клетку и прятал пистолет в тайнике за трубой. На следующий день пистолет снова забирала Лена. Со временем все это стало отработанным до автоматизма. Владимир ждал, когда в лифте Серебряков окажется вместе с родителями жены. А ждать и догонять, как известно, труднее всего. Все решали секунды, что-то не срабатывало, ситуация никак не складывалась в пользу Владимира и Елены.

Несколько раз Владимир, возможно, был близок к тому, чтобы выстрелить, не дожидаясь удачного совпадения. Остается удивиться его терпению.

По странному стечению обстоятельств, Александр Серебряков шел в тот дом в последний раз. Он готовил глобальные перемены в жизни и вез отступного своей любовнице Лане. Эти-то деньги все и испортили: Владимир увидел их, когда пакет упал, и не смог не взять. Инстинкт жадности сработал у него быстрее, чем инстинкт самосохранения. Владимир деньги взял, но от схемы не уклонился: пистолет положил рядом, сделал все, как говорила Лена. Естественно, что сначала никто не стал сомневаться, что «заказан» именно

преуспевающий бизнесмен Серебряков. Расследование убийства развивалось по намеченной преступниками схеме, семьей Завьяловых никто серьезно интересоваться не стал. Но проклятые деньги продолжали разрушать прекрасный план: про них узнала Лиля. Она прибежала к Лене Завьяловой, чтобы сообщить, что ее вызывают к следователю, и получить необходимые инструкции. К несчастью, в этот момент у Елены сидела в гостях соседка Лана, которой припало пожаловаться подружкам на утрату солидного денежного куша, приготовленного для нее Серебряковым. Лилия сразу просекла, в чем дело, и потребовала свою долю: одну треть. Ей были очень нужны деньги, чтобы уйти от родителей и начать новую жизнь без надоевших попреков и скандалов. Из-за семейных проблем и постоянных неудач с мужчинами Лилия превратилась в настоящую истеричку. Лена поняла, что подруга становится опасной, особенно беспокоила ее привычка вести бесконечные монологи, в которых Лилия могла выболтать что угодно. Если бы Валентин Беликов повнимательнее слушал свою подругу, я раскрыл бы ваше преступление раньше и Лана осталась бы в живых.

Судьба Лили была решена: Лена вызвала Владимира Заневского, чтобы якобы отдать подруге часть денег и отвезти ее за вещами в Истру. Как известно, до Истры Лилия Мильто не доехала. А дальше наступил синдром пуганой вороны, которая и куста боится. Спонтанное, незапланированное и ничем не прикрытое убийство выбило Заневского из колеи. Слишком уж тесно завязались в узел три женщины: Лена, Лилия и Лана. К тому же любопытная Лана знала о регулярных посещениях Владимира и любила выглядывать в коридор, чтобы пококетничать с любовником соседки.

Я успел перехватить в тот вечер ваш звонок, Елена Викторовна, вы не смогли предупредить Лану, чтобы держала язык за зубами. Пришлось вам опять беспокоить Заневского: трупом больше, трупом меньше — уже не имело значения. Вы знали, что Лана собирается в «Утку» на свидание с новым кавалером: та не преминула похвастаться перед соседкой новой победой. К сожалению, я опоздал. Пьяную Лану, наверное, легко было затащить в машину, а, Владимир Владимирович? Только в тот вечер вас ждала дома еще одна неприятность: ваша жена нашла в стиральной м-ашине пакет с сотенными долларовыми

купюрами и следами крови. Она не стала ждать вас и поехала к сестре, которую ни в чем не подозревала.

Дальше история известная: к сожалению, некоторые подруги не умеют хранить тайну. Поэтому Владимир легко выяснил в школе место пребывания жены, нашлись доброжелатели, которые решили помирить супружескую пару. Не сомневаюсь, что в конце концов он взломал бы дверь, и неизвестно, чем вся эта история закончилась бы. Как у акулы, почуявшей запах первой крови, у убийцы появляется маниакальная страсть уничтожать людей, мешающих ему воспользоваться своей добычей. Цель Заневским уже была достигнута в тот вечер, когда он стрелял у лифта в трех ничего не подозревающих людей, все остальное воспринималось теперь как мелкие препятствия, нуждавшиеся в поспешной ликвидации.

Вот и вся история. Надеюсь, все было изложено достаточно близко к реальным событиям?

— Осталось только в-се доказать, — подала голос Елена Завьялова.

— Что ж, вам кажется, Елена Викторовна, что вы умеете замечать следы. Но вы не могли учесть, что события будут развиваться так быстро, и не все улики уничтожили. Во-первых, это, конечно, деньги. Самая весомая и значительная прореха в вашем деле. И Александра Викторовна сможет подтвердить, что никто из посторонних в последнее время в доме не появлялся. Если только вы, Владимир Владимирович, не изобретете самостоятельно какой-нибудь мифический персонаж и не докажете его существование. Но фантазия у вас работает значительно хуже, чем у Елены, недаром вся идея принадлежит ей. Во-вторых, я знаю, где находится ваш тайник. Мы сейчас подъедем туда, возьмем понятых и все это дело зафиксируем вместе с вашими пальчиками, оружие-то смазывать пришлось неоднократно — не один день ждали, пока пригодится. А может, и еще что в этом тайнике найдется, например кожаные черные перчатки, которые вы, Владимир Владимирович, побоялись в тот вечер прихватить домой, чтобы на глаза жене не попались ненароком.

И еще: возвратился из командировки некий человек, который выгуливал в тот вечер собаку, несмотря на дождь. Осталось только провести опознание. Думаю, он укажет время, когда вы вышли из подъезда. И наконец, приятный сюрприз.

Жестом неудавшегося фокусника Леонидов вытащил из кармана видеокассету.

— Вчера вечером искал в вашей видеотеке интересный фильм, Елена Викторовна. Хотелось зрелища на сон грядущий. Ни за что не угадаете, как мне повезло. У вас ведь на этой полке порядочек, все пронумеровано, все в тетрабочку отдельную записано. Вот под номером шестнадцатым есть такая вещь: «Лена и Володя» называется. Как меня эта надпись заинтересовала! Конечно, при живых родителях на полке вы ее не держали, нет, но в последнее время захотелось, наверное, посмотреть. Может, стремились понять, ради чего все дело затеяли и стоит ли игра свеч? Я тут глянул и смело могу сказать: не стоит. Неприглядное зрелище, но достаточное, чтобы быть продемонстрированным на суде в качестве доказательства вашей связи с Владимиром Заневским. Показ, разумеется, при закрытых дверях и детям до шестнадцати, а то и до двадцати. Лена позеленела:

— Вы не имеете права. Вы не будете это показывать.

Заневский вскочил со стула:

— Ты, дура, я велел тебе все сжечь! Какая же ты...! Умной себя считаешь? Ты со своим умом в тюрьме теперь сгниешь. Господа следователи, я готов дать показания. Эта женщина сама меня на все натолкнула! Сама!

— Я никого не убивала. Надеюсь, что суд учтет мое раскаяние. Я только жертва этого психопата. У меня во всех случаях стопроцентное алиби.

— Что? Да ты сама психопатка! «Идеальное убийство, никто не догадается!» Да я до тебя был человеком, пусть плохим, но не скотиной. Зачем ты меня все время накручивала? Дайте мне бумагу, я напишу.

— Пишите, Владимир Владимирович, пишите. Лена вдруг осознала, что все происходит именно с ней и именно против нее сейчас даст показания этот совсем еще недавно самый близкий человек, ради счастья с которым она убила собственных родителей, и истерично завизжала:

— Уроды! Все уроды! Ненавижу мужиков!

— Леша, Александру уводи! Зови конвой и кого-нибудь с валерьянкой — у нее истерика! — крикнул Матвеев.

В кабинет влетели два милиционера, Леонидов поспешно вывел Сашу в коридор. Ее трясло, как от соприкосновения с электрическими контактами, он сжал ее челюсть, чтобы прекратить стук дрожащих зубов.

— Все кончено, уезжай отсюда.

— К-к-куда?

— К маме.

— Н-н-не могу. Мне нехорошо. Леонидов задвинул Александру на стул:

— Посиди, я сейчас.

Он бросился в кабинет за водой. Там Лена Завьялова билась на грязном полу, рыдая и царапая ногтями затоптанный линолеум. Владимира Заневского уводил конвой. Матвеев подозвал Алексея:

— Давай домой, Леша, нельзя Александру сейчас оставлять, кто знает, что ей в голову взбредет после сегодняшнего. А здесь уже и так все ясно.

— Сказал он, где труп Ланы?

— Сказал. Наши сейчас поедут. В лесу спрятал. Обвинение мы теперь им предъявим, факт, выпускать по истечении трех положенных суток не придется. А ты сегодня свободен. Вези Александру домой, сыщик.

Леонидов вышел в коридор, напоил водой затихшую Сашу.

— Я с тобой. Поехали. — Он тихонько, как тяжелобольную, повел ее на улицу.

Леонидов не повез Александру домой. Лишние люди и лишние расспросы в таком состоянии еще больше выбивают из колеи. Когда ему самому было плохо, Алексей сторонился многолюдья. Он выбирался на прогулку, но не на Красную площадь и не в шаркающую многочисленными людскими шагами напряженную тишину музеев и галерей. Он просто ехал за город, подальше от Москвы, туда, где каменные ступени небоскребов постепенно сходили на нет и исчезали среди ветвистых деревьев.

Они ехали в полупустой затоптанной электричке, и Саша, прислонившись к его плечу, молча смотрела в грязное окно. Говорить им не хотелось. Мимо проносились, сменяя друг друга, куски чужой непонятной жизни, люди куда-то перемещались, решали свои мелкие и

глобальные проблемы, покупали еду и вливали в себя напитки. На одной из станций Алексей потянул Сашу за рукав:

— Давай выйдем.

Она пошла, как ручное животное, слепо доверяющее свою хрупкую жизнь другому, более разумному существу.

Они спустились с платформы и по тропинке вступили в плотные ряды замерших под блеклым солнцем деревьев. В лесу было тихо. Грибники, сошедшие вместе с ними с электрички, потянулись дальше, в самую глушь, где пахло сыростью и слежавшейся хвоей. Алексей и Саша молча пошли по самому краю леса, где солнце вплотную соприкасалось с желтеющей листвой и было празднично и светло: Они трогали шершавые стволы берез, разглядывали сквозь листву полинявшее небо. Саша, нагнувшись, подобрала несколько ярких листьев.

Ничто так не успокаивает, как тишина леса, изредка прерываемая шорохом опадающей листвы. В осеннем лесу приходит вера в то, что всякая смерть — это всего лишь сон и после долгого холодного затишья неизменно наступит новое тепло и новая жизнь.

— Скоро весна, — неожиданно для себя сказал Алексей.

Саша вздохнула:

— Долго еще. Вот Новый год — скоро.

— Пойдем, гриб поищем. Сережка обрадуется.

— Ты что, я же в туфлях!

— А мы с краю, по елочкам.

У густых пушистых елок Леонидов, оглянувшись на всякий случай, прижался к Сашиним губам. Это была сейчас даже не любовь, а острая нежность к обманутому, доверчивому существу, которое не знает, как дальше жить, кому верить и на кого опереться. Он успокаивал Сашу, глядя теплые кудрявые волосы, и машинально уговаривал и себя и ее:

— Все будет хорошо. Все будет хорошо. Не может не быть. Мы такие хорошие, что не заслужили ничего плохого, просто надо всегда быть вместе. И все будет хорошо...

— Все будет хорошо... — эхом откликнулась Саша.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пролог

Зиму, как обычно, предсказывали суровую, но она не оправдала ожиданий. Морозы продержались только до середины декабря, потом уже стало непонятно: то ли это преждевременно начавшаяся весна, то ли нехстати вернувшаяся осень. Не поддающееся конкретному определению время года поставило в тупик морально готовых к борьбе со стихией москвичей, и люди отчаянно ругали зависший как раз в центре материка антициклон, гадая, в чем придется встречать Новый год — в купленных на премию дубленках или нехстати убранных поглубже в шкаф осенних пальто. Самый любимый для каждого русского человека праздник туманно расплывался в ноздреватом снежном киселе.

Как раз в эту неприятную погоду поздно вечером в квартире Леонидовых зазвонил телефон. Они давно уже уложили сына и залезли под теплое пуховое одеяло, отгородившись от непогоды. Саша, переживающая в этот момент события какой-то очередной мелодрамы, показываемой по телевизору, вздрогнула и толкнула в плечо сладко сопевшего носом Алексея:

— Леш, тебя, наверное.

— Да ну их! — пробормотал Алексей, но сонно потянулся к трубке.

— Да, слушаю. — Больше всего оперуполномоченному Леонидову не хотелось, чтобы это был звонок с работы. Перспектива окунуться в размазанные дождем сугробы подействовала как холодный душ, он проснулся, но услышал смутно знакомый женский голос, который предельно вежливо уточнил:

— Алексей Алексеевич?..

— Да, именно.

— Вас беспокоит Ирина Сергеевна. Серебрякова. Фирма «Алексер». В сентябре вы расследовали дело об убийстве моего мужа. Помните?

Да, да, конечно! Это дело соединило судьбы Леонидова и Александры, и забыть его он теперь не сможет никогда.

— У вас что-то случилось?

— Понимаете, ситуация в коллективе осложнилась... Я очень беспокоюсь. Видите ли, Алексей Алексеевич, фирма решила организовать отдых сотрудников в рождественские каникулы: неделя в

одном подмосковном санатории. И представьте, тридцать человек, которые находятся между собой в состоянии «холодной войны»...

— Так не организовывайте.

— Мне хотелось бы сгладить возникшее напряжение. Гораздо лучше, если люди в открытую выясняют отношения, а не сплетничают в кулуарах и не строят тайно друг другу козни. В связи с этим у меня к вам просьба.

— Хотите навязать мне роль рефери в предстоящем боксерском поединке?

— Ну, в некотором роде. Я перед вами в долгу. Вы так блестяще разоблачили убийцу мужа, и при этом невинные люди не пострадали. Хочу предложить вам, Алексей Алексеевич, поехать с нами. Там великолепная спортивная база: отдохнете, поплаваете в бассейне, поиграете в теннис...

— Теннис — игра богатых. У меня даже мячика нет, не говоря уже об остальном, одна экипировка обойдется мне грандиозным провалом месячного семейного бюджета. К тому же я недавно женился.

— Да? Поздравляю! Так это же прекрасно: проведете время с женой, без всяких хозяйственных хлопот, насладитесь отдыхом.

— У нас еще сын семи лет.

— Что вы говорите? Как быстро дети нынче растут! — попыталась пошутить Ирина Сергеевна. — Что ж, это тоже не проблема. У многих наших сотрудников есть дети приблизительно такого же возраста. Двухместный номер вас устроит?

— Мне не нравится общество ваших сотрудников. Знаете, Ирина Сергеевна, у меня до сих пор неприятный осадок на душе, к тому же неловко себя чувствую, принимая акты благотворительности.

— Что вы, Алексей Алексеевич, это я вам буду очень обязана. А насчет сотрудников, может быть, вы не совсем правы? Кстати, Глебов теперь снова у нас. Аню Барышеву я тоже пригласила вместе с мужем, хочу, чтобы с Нового года она опять начала работать в магазине.

— Я за них рад.

— Прошу вас, не отказывайтесь. Вы почти всех знаете, со многими беседовали, при вас люди будут себя сдерживать и ничего плохого не произойдет.

— Вы чего-то боитесь?

— Боюсь. У меня такое предчувствие, как будто случится что-то плохое. Как надвигающийся грозовой фронт, который и мимо может пройти, и молнией запросто ударить. Поймите, мне больше не к кому обратиться.

— Мне надо обсудить ваше предложение с женой.

— Конечно, конечно. Посоветуйтесь, все обдумайте. Там прекрасные условия, трехразовое питание, своя лыжная база.

— А как с транспортом? Этот ваш санаторий'навер-няка где-нибудь в лесу, на чем туда добираться простым смертным?

— Я еду одна в машине и вас с семьей могу захватить. Подумайте до конца недели и обязательно позвоните. Мы заранее будем заказывать путевки.

— Спасибо, Ирина Сергеевна, мы подумаем. — Леонидов уже хотел повесить трубку, когда Серебрякова вдруг сменила тон:

— Алексей?

— Да?

— Я вас очень прошу. — В голосе явно слышалась мольба.

— Я позвоню.

Он повесил трубку. Последняя фраза заставила Леонидова поверить в серьезность ее опасений. Саша сидела под одеялом, поджав колени к подбородку, и смотрела на Алексея круглыми от удивления глазами.

— Слышала все?

— Да, а кто это?

— Вдова Серебрякова. Помнишь?

— Еще бы! А что ей надо?

— Приглашает в увлекательную турпоездку.

— За границу?!

— Нет, родная моя. Пока только в санаторий под Москвой, на недельку, до восьмого. Не хочешь встретить Рождество под настоящей елкой?

— Хочу! А что, совсем-совсем бесплатно?

— Нет, не совсем, но ты будешь с Сережкой под елочками бродить и в бассейне плавать, а я отрабатывать ваш и свой кусок колбасы.

— Как это?

— Поддерживать правопорядок в качестве неофициального представителя законной власти. Следить, чтобы сотрудники в глотки друг другу не вцепились.

— Ну не будут же они драться?

— Что ты! Очень интеллигентные люди, выросшие на жирной почве рыночной экономики и щедро удобренные дерьмом жесткой конкуренции.

— В конце концов, мы же можем ни с кем не общаться, сидеть в своей комнате, гулять, отдыхать. Поедем, Лешечка.

— Ладно, уговорила. Чего только не сделаешь ради единственной и неповторимой. Завтра позвоню Серебряковой.

Он чмокнул Сашу в нос, а сам пошел на кухню. Тихонько налил себе рюмку водки, залпом выпил, передернувшись от гадкого ее вкуса, и устался в темное окно. Сидел, вспоминал события уже прошлогоднего сентября. Еще тогда у него осталось ощущение чего-то незаконченного, вроде огромного смердящего гнойника, который он только вскрыл, но не удалил. И эта рана так и осталась гнить дальше, захватывая все новые и новые живые еще ткани и уничтожая почти не сопротивляющийся уже организм.

Он знал, что когда-нибудь придется к этому вернуться.

На следующий день Алексей позвонил Серебряковой.

— Ирина Сергеевна? Леонидов говорит. Я принимаю ваше предложение. Когда заезд?

— Спасибо вам. Вечером первого января я вас захвачу. Часам к пяти будьте готовы. Адрес скажите, пожалуйста, куда подъехать?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1 ЗАЕЗД И НАЧАЛО ПЕРВОГО ДНЯ

Пунктуальность Ирина Серебрякова наверняка переняла у покойного мужа: ровно в семнадцать ноль-ноль она позвонила в дверь квартиры. Ее темно-зеленый «пассат» был загружен доверху, багажник заполняли коробки с едой и выпивкой, даже в салоне для людей осталось уже совсем мало места. Леонидов сел впереди, Саша и Сережка загрузились на заднее сиденье вместе с многочисленными сумками. Из-под огромного пакета едва виднелась кудрявая Сережкина голова, Саша одной свободной рукой придерживала и его, и какую-то картонную коробку.

Пока они ехали, Алексей едва сдерживался, чтобы не начать расспрашивать о ситуации на фирме, но Ирина Сергеевна поддерживала светскую беседу, работы не касалась. Они с Александрой пытались найти общие интересы: не молчать же тупо всю дорогу. Доехали часа за два, несмотря на стремительно сгущавшиеся сумерки. Санаторий находился вдали от основных шоссе-магистралей, где-то совсем в лесу, последние пару километров дорога шла среди густого лесного массива, только что по ней проехал трактор, прокладывая в глубоком снегу широченный ров. Уже основательно стемнело, когда вдали уютно засветились огоньки деревенских домов. Луна, как огромная люстра, висела над дорогой, ее желтый абажур казался нарисованным на черном бархате неба, дожди кончились неделю назад, и наступила настоящая зима. Наконец, проехав небольшой поселок, они увидели ряд небольших, но солидных строений и минут через двадцать подъехали к проходной, возле которой уже стояло несколько машин.

— Пойдемте, ключи получим, а потом будем вещи переносить, — сказала Ирина Сергеевна, когда они вышли из салона, разминая ноги.

Вскоре они подошли к главному корпусу: двухэтажному длинному зданию, сонная девушка выдала им ключи от двух номеров. Серебрякова получила ключ трехместного люкса, Леонидовы от скромного двухместного номера.

— Сколько вас человек? — зевая, поинтересовалась не менее сонная тетя в окошке с табличкой «Дежурный администратор».

— Тридцать.

— Всех разместили в один коттедж. Самый дальний. Номер шестнадцатый. Заселяйтесь. На ужин вы уже опоздали, завтрак в девять, не опаздывать.

— Спасибо, мы постараемся.

Леонидов обвесился сумками, как носильщик на вокзале, и поинтересовался:

— И далеко все это тащить?

— Сейчас выйдете на аллею — и по ней до конца, там и увидите коттедж.

Они пошли по расчищенной тропинке, окруженной мохнатыми елями и глыбами белых сугробов. Мороз был градусов пять. Коттедж номер шестнадцать светился в темноте желтыми огоньками, как зажатый айсбергами корабль, обещающая среди мрака и холода долгожданные отдых и тепло. Это было двухэтажное, добротное здание из красного кирпича, с мансардой и острой покатой крышей.

Они вошли, взглянули на номера, указанные в заказах.

— Наши на втором этаже, Ирина Сергеевна. Здесь десятым заканчивается! — крикнула быстренько пробежавшая вдоль дверей Александра.

По лестнице Леонидовы и Серебрякова поднялись в огромный холл второго этажа. Возле стен в ряд стояли обшарпанные диваны с потерявшей цвет обивкой, посередине небольшой и очень одинокий журнальный столик.

— Вот здесь и будем вместе собираться, — удовлетворенно заметила Ирина Сергеевна, осмотрев невзрачный интерьер. — Самое главное, что места много, столы из комнат принесем, стулья недостающие тоже.

Где-то открылась дверь, в холл выбежала румяная светленькая девочка.

— Даша, ты куда? — раздался голос дамы, явно предпочитающей повелительное наклонение всем другим.

Серебрякова обрадовалась и поспешила навстречу девочке:

— Дашуля, Катя, вы уже здесь?

— Да с полчаса уже. Как доехали, Ирочка? После всплеска эмоций Леонидов с семьей был

представлен холеной даме лет тридцати пяти. Она оказалась близкой подругой Ирины Сергеевны, некоей Ка-лачевой Екатериной Леонидовной.

— А где Илья? — поинтересовалась Серебрякова.

— Да в комнате. Уже к телевизору успел приклеиться.

Женщины не успели обсудить Илью, как в холл ввалилась шумная группа основательно замерзшей молодежи в ярких куртках, шапочках и джинсах.

— Вот где танцы устраивать! — крикнула хорошенькая румяная девушка с модной короткой стрижкой. — Сегодня будет грандиозная дискотека!

Мальчики дружно захохотали.

Леонидов сразу вспомнил эту милую особу — помощника бухгалтера из магазина «Алексер» Наталью Акимцеву. Серебрякова повернулась к вошедшим:

— Как добрались, молодежь?

— Замерзли, Ирина Сергеевна! А где двадцатая комната? — хором загалдели они.

— Последняя справа, — подсказал уже сориентировавшийся в планировке здания Леонидов и протянул руку ближайшему молодому человеку: — Алексей.

— Юра, — представился юноша приятной наружности, упакованный в дорогие и модные вещи.

Подошли и двое других. Их Леонидов тоже видел мельком в том же «Алексере», но не помнил имен. Одного звали Костей, другого Андреем. Парни дружно потащили в девятнадцатую комнату внушительных размеров яркие спортивные сумки. В течение следующего часа народ продолжал прибывать небольшими группками. Леонидов раскланялся с Пашей Сергеевым, до сих пор не нашедшим замену Норе, которая сделала вид, что Алексея не узнает, кивнул секретаршам Марине и Оле, напряженно поздоровался с Валерием Валентиновичем Ивановым — бессменным управляющим фирмы, кивнул знакомым работникам торгового зала. Затем подошли две дамы в окружении детей. Одна оказалась главным бухгалтером; другая — поварихой, причем первая была невероятно толстой, а вторая —

невероятно худой, можно было подумать, что они случайно перепутали должности. Потом- объявился сияющий Глебов, энергично затрясший руку Алексея, выражая радость от неожиданной встречи. Когда наконец появились Барышевы, Леонидов вздохнул с облегчением: такая компания его очень даже устраивала. Высокенький, почти квадратный Серега так стиснул ему ладонь, что Леонидов слегка присел.

— Здорово, сыщик, — усмехнулся Барышев.

— Ты руку-то отпусти, чемпион, и не ори так громко: я не на работе. Какими судьбами?

— Не поверишь: похоже, Серебрякова грехи замаливает. Сказала, что после каникул возьмет Аню на работу в фирму, а пока предложила присоединиться к компании... Улавливаешь?

— А я женился. Где там моя звезда? Саша! Знакомься: Аня, Сергей. Самые приятные люди в этой компании, не считая, конечно, меня.

Саша зарумянилась, Аня тоже смутилась. Из тех, с кем довелось общаться Леонидову, это была вторая женщина, которая не разучилась еще краснеть после двадцати лет.

— Ну, что, народ, — раздался жизнерадостный голос юноши приятной наружности, — давайте примем по десять капель для согрева! Где там у нас горячее?

— В моей машине. — Серебрякова достала из сумочки ключи.

Мужчины тут же побежали к машине за снедью, женщины потянулись к столу разворачивать привезенные продукты.

К половине десятого в холле появился стол, загруженный разного рода бутылками. Дамы торопливо доделывали бутерброды с мясом, рыбой, икрой. Из номеров поспешно тащили кресла, стулья и все, на что можно было приземлиться. Оголодавший замерзший народ облизывался. Из двенадцатого номера люкс вышел наконец в костюме «Адидас» пузатый Калачев. Коллектив его проигнорировал, но он с начальственным выражением лица занял место во главе стола.

Валерий Иванов тоже стульев не носил, молча ждал начала банкета. Его пустые, мертвые глаза внимательно следили, кто чем занимается, словно мысленно он уже распределял месячную премию за вклад каждого в общее дело рождественского веселья.

Леонидов с тоской смотрел на эту суету и понимал, что сейчас будет выпита одна рюмка, за ней потянется другая и ничего прояснить в такой ситуации конечно же не удастся. Народ занимала только одна мысль: поскорее принять и расслабиться.

Наконец Калачев потянулся за шампанским, какой-то незнакомый Леонидову смуглый молодой человек за бутылкой водки, Глебов зацапал красивую емкость с марочным вином.

Общество с трудом дождалось конца торжественной калачевской речи.

«И чего он тут раскомандовался?» — подумал Леонидов, наливая в стакан с водкой апельсиновый сок. Ему показалось, что этого плотного, лобастого мужика он уже где-то видел, только где?

Первую выпили почти не закусывая. Саша с наслаждением потягивала шампанское, Алексей снова разводил в граненом санаторском стакане гремучий коктейль, добавив для вкуса в водку с соком еще и белого мартини.

Дальше все закружилось, как в калейдоскопе. Замерзшему и голодному народу сразу стало весело. Спиртное до желудков дошло гораздо быстрее, чем закуска, и уже через полчаса всюду орала музыка, молодежь начала снимать с себя куртки и свитера. Паша Сергеев явно решил напиться. Нора только кусала ярко накрашенные губы и несколько раз пыталась сказать ему что-то злое, но коммерческий директор, судя по всему, уже вошел в штопор и отмахивался от Норы, как от надоевшей мухи, без конца подливая себе в стакан.

Илья Петрович Калачев еще пытался держаться, но шампанское распирало его изнутри. Пузырьки уже бурлили в его начальственном мозгу, норовя сбить его с пути истинного и швырнуть упрямца в круг танцующих. Впрочем, Екатерина Леонидовна уже давно резвилась, высоко вскидывая ноги в сапогах на высоченных каблуках. Дети, оставленные без родительского присмотра, носились со второго этажа на третий, где была мансарда. Ее деревянный балкон нависал над столом метрах в трех, наверху слышалась веселая возня и детский смех.

Сережка тоже бесился там, на балконе, сцепившись с Павликом Казначеевым, сыном толстой бухгалтерши Юлии Николаевны. Там же кувыркались Леша Корсаков, Даша и Даник Глебов. Дети всюду

пользовались свободой, предоставленной им решившими отдохнуть от них родителями.

Все это Алексей уже воспринимал с трудом. После третьего коктейля ему стало совсем хорошо. Он обнимал смеющуюся Сашу и выплясывал в общем кругу.

«Глупо, ну глупо быть сегодня трезвым, — уговаривал он свое второе «я» в виде сурового, осуждающего все происходящее работника уголовного розыска капитана Леонидова. — Всем весело, всем хорошо. Елки, первое января все-таки, последний год исчезающего тысячелетия!»

Плотный Валера Иванов где-то на заднем плане роботообразно двигал толстыми конечностями, толстая дурашливая Лиза, продавщица из «Алексера», трясла непонятного цвета кудрями рядом с подругой Эльзой. Костя Манцев, менеджер, уже несколько минут с пьяным упорством пытался снять с себя очередную одежду.

Вдруг ярким цветным пятном в объятия Леонидова упала смеющаяся Оля Минаева, бывшая секретарша покойного Серебрякова. Алексей подхватил ее и повел в круг танцующих.

— Следователь, а я тебя помню, — лукаво прошептала она.

— Только жене не говори, — пьяно пробормотал Леонидов, почти роняя ее на пол в глубоком па.

Потом он вдруг очутился рядом с Норой.

— А со мной потанцуешь? — явно заигрывая, усмехнулась зеленоглазая русалка.

Инстинкт самосохранения работал у Леонидова даже в припадке буйного веселья. Нору он на пол ронять не стал, прекрасно помнил, какую штуку она хотела с ним выкинуть на пару с покойницей Ланой. С пьяным упорством Алексей удерживал женщину на пионерском расстоянии, Нора же упорно тянула его на себя, косясь на танцующую рядом Сашу в объятиях Сергея Барышева.

Вдруг совершенно отчетливо Леонидов увидел абсолютно трезвую Ирину Серебрякову, одиноко сидевшую в углу старенького дивана. Она держала в руках полный граненый стакан шампанского, но не пила, разглядывала на свет вино, а через него и резвящуюся пьяную толпу. Взгляд ее ничего не выражал.

Часа в два ночи наконец уgomонились дети. Взрос: лые расходиться так скоро не собирались.

Где-то в три по второму кругу начали пить за Новый год, за новое счастье, здоровье и процветание фирмы, после многочисленных тостов народ цепочкой потянулся на деревянный балкон — перекурить. Периодически исчезали какие-то парочки, но вновь появлялись, вливаясь в общее веселье. Все слилось в пестрый хмельной кавардак: люди, лица, пьяная любовь, мокрые поцелуи, запах табака и мучительная рвота у перебравших спиртного на голодный желудок. Леонидов крутился во всем этом людском водовороте, не отделяя себя от толпы.

В каком-то тумане он успел за рукав вытащить Сашу из сумасшедшего водоворота и прокричать ей в ухо:

— Ну как, весело?

— Весело! А сколько всего вкусного, и шампанское — прелесть. Можно еще?

— Можно, только не захмелей.

— Ой, я уже на ногах едва стою. — Саша качала кудрями, и ее голова казалась наполненным гелием воздушным шариком, который пытался взлететь под самый потолок.

Кончилось тем, что Алексей поймал ее на балконе вместе с Аней Барышевой. Обе пытались неумело закурить. Сигареты они стрельнули у Маринки Лазаревич — секретарши Паши Сергеева. Леонидов отвел их вниз, сдал Аню на руки невозмутимому Сергею. Барышев выглядел абсолютно трезвым, юной жене показал внушительный кулак и сигарету отобрал. Противник всякого насилия Леонидов Сашу ругать не стал, начал было речь о вреде курения, но, запутавшись спьяну, махнул рукой и оставил жену в покое.

Часов после четырех буйное веселье, благополучно миновав свой пик, пошло на убыль. Саша не выдержала и ушла спать. Калачев уволок упирающуюся Екатерину Леонидовну, куда-то исчезла Нора.

Серебрякова по-прежнему сидела в углу дивана.

К шести часам в холле остались самые стойкие. Алексей почувствовал, что засыпает, и нехотя покинул импровизированный танцзал. В комнате на одной кровати сопел носом Сережка, на другой забила под одеяло Александра. Он осторожно подвинул спящую жену, прилег и прижался к ее теплой спине. В голове все так кружилось, что Леонидов не смог даже сразу закрыть глаза, комната вращалась, словно он катался на карусели и перед самым носом в

темноте прыгали цветные шарики, мешая погрузиться в спасительный сон. Наконец Алексею это удалось, и сознание, как, в глубокую яму, провалилось в тяжелый дурманящий сон.

Проснулся он, по годами выработанной привычке, в половине восьмого утра, за окном тускло светился новый день. В комнате висела давящая тишина, Сережка спал, Саша тоже тихонечко посапывала. У Алексея страшно гудела голова, он с трудом встал на ватные ноги, попытался шагнуть, но его вдруг швырнуло на крашеную стену. Проведя рукой по холодной салатовой поверхности, Леонидов с трудом поймал равновесие, вывел себя в вертикальное положение, как падающий в воздушную яму самолет, и направил чугунное тело в ванную. Из зеркала на него глянули безумные мутные голубые глаза, волосы на голове торчали кустиками.

Алексей долго плескал в лицо холодной водой, не решаясь залезть под душ в казенной ванной.

«Господи, как же плохо-то! Надо бы на свежий воздух и снежком; растереться. И вообще — пить надо меньше. Надо меньше пить. Для чего я здесь? В чем смысл моей гнусной жизни? За что я так вчера себя не полюбил? Вот что значит не уметь вовремя остановиться».

Он надел тренировочный костюм, куртку, открыл дверь в холл. Сразу Леонидов и не понял, что за бесформенный предмет лежит у стола. В глазах еще стоял туман.

Он не спеша подошел к столу. Остатки еды, пустые тарелки, окурки, следы грязных ног, пустые пачки от сигарет. Пахло той отвратительной кислятиной, которой утром бьет в нос от растерзанного и неубранного стола, брошенного отключившимися людьми на медленное и убогое засыхание. Но самое плохое было не это.

Возле одной из ножек этого стола с запекшейся кровью на правом виске лежал коммерческий директор «Алексера» Павел Петрович Сергеев.

Пульс Леонидов щупать на стал. Покойников в своей жизни он видел предостаточно, чтобы определить: Паша был мертв. Пятно потемневшей крови застыло на полу возле его головы огромной неправильной кляксой.

Машинально Леонидов посмотрел на часы. Было восемь сорок шесть. Потом на цыпочках подошел к лестнице и спустился вниз на

первый этаж. Ночью пошел густой снег и утих только к утру, необходимо было проверить его свежий, еще не слежавшийся покров, нет ли посторонних следов.

Тяжелая входная дверь открылась с трудом. Снег плотным ровным слоем лежал около коттеджа. Леонидов попробовал выйти и сразу провалился по щиколотку, попытался сделать несколько шагов, но снег моментально набился в кроссовки, ноги замерзли, куртка тоже начала пропускать порывы ледяного ветра.

«Одно ясно: чужих здесь не было, что и требовалось доказать. Хрен влезешь сюда без трактора и хрен же вылезешь обратно. Срочно надо Барышева поднять», — подумал Леонидов. Рукой он зачерпнул горсть снега и попытался привести в норму оплывшее лицо.

Анна и Сергей Барышевы вчера вечером заселились в крайнюю комнату на первом этаже под номером четыре. Стучать пришлось долго, Алексей со злости ударил ногой по двери пару раз. Потеряв терпение, он прокричал:

— Серега, выйди!

Послышался скрип кровати и неуверенные шаги. Не открывая двери, Барышев гулким шепотом произнес:

— Чего тебе надо, не вовремя проснувшийся человек?

— Оденься и выходи.

— Еще чего. Мы на завтрак не пойдем.

— Никто, похоже, не пойдет. Дверь-то открой. Барышев наконец соизволил появиться в коридоре.

— Ну? Если это твоя новогодняя шутка, я тебя убью.

— Какая к черту шутка. Сергеев наверху, в холле, с разбитой башкой.

— Чего, перевязать некому, что ли?

— Не поможет. Он мертв.

— Ну, дела...

— Аню не буди, — прошипел ему вслед Алексей. — Фотоаппарат захвати, я у тебя вчера видел.

Они молча поднялись наверх. Та же тишина, кислый запах, грязные стаканы. Леонидов решил наконец нащупать пульс Сергеева.

— Смотри, он, похоже, сверху упал. Фанерные перила сломаны. Паша вчера был здорово пьяный. Видимо, упал неудачно: виском

прямо об угол стола, да и высота не меньше трех метров. Не повезло, можно сказать.

— Не повезло... — Леонидов усмехнулся. — А еще говорят, что пьяных Бог бережет.

— Леха, ты чего? Напился человек, пошел покурить, ну и звезданулся, потеряв ориентацию. Могло такое быть?

— Да так звезданулся, что перила проломил. С разбега, наверное, на них бросился, не иначе. Смотри, у него рубаха порвана, а на щеке царапина и синяк. Нет, Серега, он на перила не кидался, сцепился с кем-то. Ну я дурак! Серебрякова ведь предупреждала... Надо ее срочно разбудить. Ты давай дуй в главный корпус, звони, вызывай милицию. А я здесь останусь. Пошел Серебрякову будить.

Барышев пошел вниз одеваться, Алексей нехотя направился к одиннадцатому номеру Серебряковой.

— Ирина Сергеевна, это Леонидов, откройте!

Она как будто ждала за дверью, открыла сразу, без лишних вопросов.

— Что-то случилось?

— Павел Петрович лежит в холле мертвый, Ирина Сергеевна. Мне нужна ваша видеокамера. У вас ведь вчера была видеокамера? Вы что-то снимали.

— Не я, Калачевы снимали. Паша снимал, Валера Иванов. Камера действительно моя, но пользовались вчера все. Но почему Паша? Не может быть! — Она потрогала руками седеющие виски.

— А кто, по-вашему, должен там лежать? Есть какие-то версии? Поделитесь.

— Что? Я не знаю. Я говорю, сама не знаю что.

— Возможно, что это несчастный случай, не надо так сразу. Дайте, пожалуйста, вчерашнюю кассету. Чистая у вас есть?

— Конечно.

— Зарядите и оставайтесь пока здесь.

Леонидов взял видеокамеру, сунул в карман кассету с записью вчерашнего праздника и вышел в коридор.

Перво-наперво он взял крупным планом тело коммерческого директора, потом наехал на стол, уставленный грязной посудой, захватил испачканный кровью угол стола, пол, окурки, остатки еды.

«Как стадо мамонтов пробежало. Нет, никаких улик здесь не найти, затоптано основательно», — расстроился Алексей.

Не переставая снимать, поднялся по лестнице наверх, в мансарду. На втором этаже у проломленной в фанере дыры стояла банка из-под маринованных огурцов, наполовину заполненная окурками, в углу мансарды валялась пара пластмассовых бутылок из-под колы, детский резиновый мячик. Эти мирные вещи никак не вязались с трупом внизу.

Леонидов подошел к самому краю, взял план сверху, заснял застывшее в странной позе тело, сдвинутую мебель, стараясь ничего не упустить, потом снова спустился в холл. Отдельно снял Пашино мертвое лицо с царапиной на щеке, разорванную рубашку, ворот в яркой губной помаде. Жутко захотелось пить. Поборов отвращение, Алексей нащупал один из стаканов.

«Еще несколько минут здесь никого не будет, а постом начнется. Женщины станут голосить, это непременно. Визг, топот, ахи, вздохи, версии. Дурдом, короче. Убежать бы, просто убежать... Зачем я Сашку послушал? Самоуверенный идиот, алкоголик, кретин, какой ты к черту работник уголовного розыска, если тебя никто не боится?»

Он налил в стакан виноградного сока, выпил. Стало полегче. Мертвый Паша уже не пугал, он просто перешел в разряд свершившихся фактов, слился с предметами окружающего интерьера, ничего не просил, никому не мешал. Леонидов жутко боялся перешагнуть из пассивного состояния в активное, боялся сдвинуться с места, чтобы бежать, будить, расспрашивать, собирать окурки, ползать в пыли мансарды и пытливно заглядывать людям в глаза. Хуже всего было именно это: в каждом вчерашнем знакомом видеть убийцу — и подозревать, подозревать, подозревать...

Наконец Алексей решился: поставил на стол пустой стакан и вдруг услышал, как скрипнула чья-то дверь. В коридор вышел сонный Глебов и застыл, увидев лежащего на полу Сергеева.

— Он что, здесь спал?

Леонидов сообщил, что Глебов ничего не понял.

— Борис Аркадьевич, он мертв.

— Простите, я линзы не надел. — Глебов близоруко прищурился. — То есть как это мертв? Что значит — мертв?

— Идите к себе в комнату, сегодня завтракать вряд ли будем рано. Я вас позову, когда надо будет переносить тело.

Глебов внезапно потерял мобильность, и Леонидову пришлось слегка подтолкнуть его к дверям, из которых уже испуганно выглядывала Тамара, глебовская жена.

— Только не надо кричать. Не сразу, — попросил Алексей. — Не выходите пока в коридор.

Справившись с первым проснувшимся товарищем, Алексей вздохнул и направился будить Нору.

Павел Сергеев вместе со своей девушкой занимал номер люкс на первом этаже, потому что три люкса на втором зарезервировали Серебрякова, Калачевы и семья Ивановых. Леонидов долго стучал в дверь. Нора или спала, или категорически не хотела открывать.

Наконец Нора с грохотом распахнула дверь и появилась на пороге, раздувая ноздри, как рассерженная лошадь.

— Ну?!

— Павел Петрович умер.

— Упился? Туда ему и дорога.

— Или с балкона упал, или ему помогли. Собирай вещи и перебирайся в комнату Серебряковой.

— Еще чего? Я уезжаю.

— Попробуй. Если даже дойдешь до машины, можешь в нее впрячься и везти на себе до ближайшего шоссе. Поторапливайся, сейчас дети встанут, надо тело убрать. Здесь мы пока устроим мини-морг. Чего застыла?

— Никуда я не пойду, можешь в снег этого мерзавца закопать, чтоб не вонял. Убирайся!

— Я тебя сейчас за волосы поволоку. Не испытывай мое терпение, я с перепоя особенно нервный. Шевелись!

Нора стала энергично швырять в сумку тряпки. Леонидов помогал ей их уминать. Наконец, подталкивая Нору, потащил два баула на второй этаж. Леонидов никак не ожидал, что эта истеричка громко завизжит, увидев тело, он швырнул сумки и зажал ей рот:

— Дура, что ты орешь?

— Мне плохо.

— Ему еще хуже! Сядь! — Он толкнул Нору в сторону дивана.

— Нет! — Она стала брыкаться.

— Выпей сока и помолчи, психопатка.

— Нет! — еще громче взвизгнула Нора и оттолкнула его руку.

Послышались голоса, где-то скрипнули двери.

— Давай быстро в одиннадцатую. — Леонидов поволок вещи. Нора побрела за ним.

— Ирина Сергеевна, пусть Нора побудет у вас, — сказал Алексей Серебряковой.

— Да-да, конечно. Нора, проходите.

— Сейчас надо вынести тело. Скажите, в каких номерах есть сильные мужчины?

— В девятнадцатом Манцев и Липатов.

— Ирина Сергеевна, дайте Норе воды и не выходите пока, ради бога.

— Хорошо.

Леонидов метнулся к девятнадцатому номеру.

— Мужики, откройте!

На пороге появился заспанный Липатов.

— А друг твой где?

— А я знаю? Что, завтракать пора?

— Выйди в холл. Как у тебя с нервами?

— Не понял.

— Поймешь. Штаны надень.

Из соседнего восемнадцатого Алексей вытащил взъерошенного Глебова.

— Борис Аркадьевич, перестаньте трястись, покойников, что ли, не видели? Давайте его вниз перенесем.

Глебов занервничал:

— Почему это я должен его куда-то тащить?

— Давай, давай, не расклеивайся.

Втроем они перенесли, цепляясь за перила и ежесекундно спотыкаясь, на первый этаж тело Павла Сергеева. Внесли в люкс, положили на одну из кроватей. На тумбочке рядом лежал свеженький комплект постельного белья, Паша так и не успел застелить свою кровать. Леонидов взял жесткую клейменую простыню и накрыл тело, закрыл дверь ключом с биркой, на которой была выбита цифра «один», и положил этот ключ в карман. В другом его кармане лежала кассета с записью вчерашней гулянки.

В холле уже начинали появляться встревоженные люди, истеричный вопль Норы, похоже, разбудил всех. Появилась Саша в

спортивном костюме, заспанные, помятые Калачевы, тихая жена Глебова.

— Дорогие дамы, — стараясь держать себя в руках, начал Леонидов, — сегодня ночью произошел несчастный случай с Павлом Сергеевым: он упал с балкона. К сожалению, разбился насмерть. Пока не приедет милиция, не расходитесь. Предлагаю дамам навести здесь порядок, помыть посуду и накрыть стол для завтрака, еды со вчерашнего вечера еще осталось много. Просьба не паниковать, не забывают, здесь дети.

Он закончил говорить, вытер пересохший от количества произнесенных слов и сушняка рот. Женщины, нервничая, пошли к столу, боязливо сторонясь окровавленного угла. Леонидов принес из своего номера чистое, накрахмаленное до состояния доски полотенце, прикрыл следы крови, сверху поставил пустую бутылку, из-под шампанского. В холле появилось еще несколько человек. С первого этажа поднялась бухгалтерша Казначеева, потом пришли Валерия Семеновна Корсакова и Аня.

Корсакова энергично взялась накрывать на стол, известие о смерти Павла Петровича на нее впечатления не произвело. Она двигалась, разговаривала, резала и разливала так, будто это было самое рядовое утро в ее жизни. Леонидова невольно поразило ее лицо, он настороженно разглядывал высокую фигуру поварихи, злое смуглое лицо и крупные сильные руки. Ему стало не по себе.

«Энергичная мадам, и здоровая, как гренадер. Прямо женский спецназ, а не работник кулинарного фронта. Такая толкнет — не то что фанеру проломишь, пролетишь со свистом, как ракета «земля—воздух». Надо будет к ней присмотреться», — размышлял он, продолжая наблюдать за Валерией Семеновной.

Принесли закипевший чайник. Мужчины начали рассаживаться вокруг стола. Вид у всех был еще тот: помятые джинсы, свитера, сонные лица. В холле дуло изо всех щелей, при дневном свете отлично было видно грязь, паутину и потертость старой мебели. То, чего вчера никто спяну не замечал, спешило вылезти наружу. За пыльным окном, как чадящая свеча, едва теплился пасмурный зимний день, напоминая несвежую послепраздничную скатерть. Кто-то из присутствующих несмело предложил опохмелиться, народ поежился, но не поддержал. Ели лениво, курили здесь же. На Леонидова никто не

смотрел, но на сотрудников «Алексера» его присутствие давило, как петля плохо намыленной веревки.

«Дурацкое положение! — вертелось у Алексея в голове. — Попал как петух в оицип. Подозревать, всех подозревать, ловить косые взгляды и знать, что один из этих людей убийца. Кто? Можно начинать прямо по списку...»

Через час появился засыпанный снегом Барышев.

— Добрался до главного корпуса, Серега? — кинулся к нему Леонидов.

— Пер как танк. Замело все к черту.

— Ну, что они сказали?

— Будут к нам пробиваться. К вечеру, наверное, можно ждать. Велели ничего не трогать. — Барышев говорил короткими фразами, пытаюсь выровнять дыхание.

— Умники. Как они там себе представляют толпу народа, планомерно и систематически огибающую мертвое тело в течение суток? Да тут и так все затоптано, а к вечеру вообще ничего не останется. Я все заснял на видеопленку в лучшем виде, пусть смотрят и радуются жизни, — разозлился Леонидов.

— А где...

— Внизу, в первой комнате.

Барышев покосился на прикрытый полотенцем угол стола.

— Поешь, похоже, до столовой доберемся не скоро.

— К обеду все расчистят, не каменный век. У главного корпуса уже трактора всюю шуруют.

— А чего ж, до шоссе расчистить, что ли, не могут?

— Так праздники же, перепились все. Сам знаешь, как у нас в стране в начале нового года вся жизнь замирает: все только пьют-да опохмеляются. Пока очухаются, доберутся до техники... Пойду переоденусь. Аня!

Подлетела его испуганная беленькая супруга.

— Жена, дай мне сухие носки и штаны. И чаю горячего.

— Может, тебя лучше погреть?

— Ладно, ребята, — вздохнул Леонидов. — Время собирать камни. Давай, Серега, переодевайся и заходи ко мне. Ты вчера был самый трезвый, свидетелем будешь.

— Это тебе так показалось. Просто я большой, у меня масса устойчивая, сильно не раскачивается.

— Брось скромничать, что-нибудь да помнишь. Составим с тобой план действий и попытаемся облегчить работу местным органам правосудия.

— Да, называется, отдохнули.

— Ну, ладно, иди давай. А я к Ирине Сергеевне. Она-то предвидела подобный инцидент? Надо это дело прояснить.

Так капитан Алексей Алексеевич Леонидов и начал расследование по факту убийства коммерческого директора фирмы «Алексер» Сергеева Павла Петровича.

Глава 2 НЕСЧАСТЛИВОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЯ ПЕРВОГО

Ирина Сергеевна Серебрякова сидела в том же углу дивана. Любимый пушистый платок до подбородка укутывал ее расплывшееся тело, взгляд не отрывался от пустой бутылки, придерживающей белое полотенце на углу стола. Алексею не хотелось к ней сейчас лезть с вопросами, но выхода не было.

— Ирина Сергеевна, я должен вас побеспокоить.

— Да, я готова, — откликнулась она, как будто последние полчаса только и делала, что ждала, когда с ней захочет побеседовать работник уголовного. выска Леонидов.

— А к чему, простите, готовы? — переспросил он удивленно.

— Вы же сказали, что хотите побеседовать.

— Да. Где уединимся? В вашем номере?

— Там Нора.

Леонидов осмотрелся: Пашиной красавицы среди присутствующих дам действительно не наблюдалось.

— А чего она, чаю не хочет?

— Нора сейчас ничего не хочет, вы сами подумайте, разве ей до людей? Паша ведь был ей не чужой, сама помню, как когда-то... — Она споткнулась о неприятное воспоминание, но сдержалась. — Лежит, знаете ли, лицом к стене, в одеяло закуталась. Бедная девочка...

— Переживает, не иначе. Такая существенная финансовая потеря, — не сдержался Алексей.

— Ну, зачем же вы так? Давайте пройдем в ту боковую комнату. — Она кивнула на дверь под номером двадцать один.

— А кто сюда заселился?

— Никто. Должен был один из шоферов с женой, но он неожиданно заболел, накануне заезда в санаторий. Деньги за путевки не вернули, и ключ вчера выдали. Помните, мы вчера сюда сложили вечером продукты и спиртное из моей машины?

Леонидов вообще смутно помнил вчерашний вечер и уж тем более не отследил, где поместили многочисленные запасы.

— Ключ у вас?

— Там, должно быть, открыто. А ключ вчера вечером Паша, кажется, забрал.

— Паша?

— Да, он занимался разгрузкой продуктов.

«А спиртное прямо в себя разгружал, не иначе, — прикинул Леонидов. — Надо будет ключик поискать в его карманах».

В двадцать первом горой были навалены сумки и коробки с деликатесами, которых Алексей с семьей не мог позволить себе даже по самым большим праздникам.

— Да тут целый маркитантский обоз! — воскликнул Леонидов, оглядывая батарею разнокалиберных бутылок. Две кровати из трех были разобраны, на тумбочке стояла открытая неполная бутылка водки, два стакана, початый пакет апельсинового сока.

— Здесь кто-то ночевал? — спросила Серебрякова.

— Боюсь, этот товарищ был не в единственном числе. Между прочим, удобное местечко, и к столу вылезать не надо, все под рукой. Кто-то воспользовался.

— Да, похоже.

— Присядем, Ирина Сергеевна, не стесняйтесь. Я вот в это кресло, если позволите. Соку не хотите?

— Нет, спасибо. Я готова ответить на все ваши вопросы, Алексей Алексеевич.

— А сами никакую версию случившегося выдать не хотите?

— Да, я нечто подобное предполагала, но произошло совсем не то, что я ожидала, понимаете? Мне казалось, что жертвой мог стать Валера Иванов, именно с ним связаны все конфликты на фирме.

— Знаете, и мне так осенью показалось. Значит, убийца промахнулся, выбирая жертву? Но принять Павла Петровича за Валерия Валентиновича можно только в полной темноте и то не на ощупь.

— Я пыталась после того, как вы мне рассказали о результатах расследования, что-то исправить...

— Глебова, например, взяли назад, пообещали после Рождества вызвать на работу Анечку Барышеву. Попытка обратиться к славному

прошлому, так я понимаю? Но разве можно что-то вернуть? По-моему, тот «Алексер» давно кончился.

— Да, но мне так захотелось возродить в магазине ту атмосферу, которая была, когда они только начинали дело, все работали вместе, но без увольнения Валеры это было невозможно, а без него развалилось бы то, что уже есть. Я не могла решиться на такой шаг, понимаете?

— И вы решили Валерия Валентиновича не трогать, а вместе с ним и группу родственников-блюдолизов. И что, ваши меры дали какой-нибудь результат?

— Трудно сказать. Вернулись Глебов, Ольга Минаева, секретарша моего покойного мужа...

— Да, я ее помню. На какую работу вы ее рекомендовали?

— В помощь Паше. Он сам попросил, знаете, ведь много дел, касающихся фирмы, перешло к нему после смерти Александра.

— И Павел Петрович попросил просто помощницу или конкретно Ольгу?

— Ну, он намекнул, что глупо тратить время на обучение кого-то постороннего.

— Разумно.

— Потом он же попросил за Аню Гладышеву.

— Что-то раньше я в нем такого благородства не замечал. С чего вдруг такие перемены? Еще кого пытался вернуть?

— Тут-то как раз и возник конфликт: чтобы взять на работу еще одного менеджера из уволенных, надо было куда-то пристроить Сашу Иванова. И продавец у девочек явно получался лишний. Валерий уперся: ни туда ни сюда. В коллективе заговорили о том, что он выживет Глебова из фирмы. А Борис — фанатик. Он без своей работы что без воздуха. Естественно, Паша вступился за Борю, Валера — за свою команду. В итоге фирма раскололась на два лагеря.

— Состояние «холодной войны»?

— Да не такой уж холодной, бывало и горячо. Доходило до таких разборок! Девочки у нас очень темпераментные.

— Чьи же, Балерины или Пашины?

— Танечка Иванова может за себя постоять и Лиза.

— Это такая высокая, полная? Женщина с веслом?

— Крупная девочка. Вы всегда все утрируете, Алексей.

— А Эльза?

— Кассирша? Та спокойная. Но, знаете, я ее недолюбливаю. Несмотря ни на что, я предпочитаю иметь дело с открытыми, быть может, даже с шумными людьми, но не с такими тихонями, которые пакостят из-за угла. Ходит такая дрянь, сплетни потихонечку собирает. У нее даже досье на каждого составлено, компромат своего рода.

— А вы откуда знаете?

— Она пыталась мне его подсунуть. Знаете, такое подробное описание всех промахов ее коллег. Сплетни, слухи, домыслы. Неприятная девушка, для меня по крайней мере...

— Как вы прореагировали на досье?

— Вежливо дала понять, что не одобряю поступки подобного рода.

— А кого Эльза хотела утопить?

— Глебова, конечно, Олю, Марину. Но добиралась она да самого Паши.

— Вот как? А он-то ей чем не угодил?

— Я не собираю сплетни, спросите лучше у нее.

— Я правильно вас понял: с Павлом Петровичем состояла в конфликте добрая половина фирмы? Во-первых, господин управляющий Валерий Валентинович.

Во-вторых, его воинственно настроенные родственники. В-третьих, чем-то обиженная дама по имени Эльза. Следующие два пункта занимает своими объемами мощная Елизавета. Еще недовольные были?

— Да не Пашу я хотела защитить, когда обратилась к вам. Поймите это. Все, что случилось, похоже на трагическую случайность. Я всегда симпатизировала Павлу, и, честно говоря, его бы я больше послушала, чем Иванова, если бы дело дошло до «или — или».

— Вот поэтому-то именно он, а не Валера лежит сейчас мертвый на первом этаже,

— Он мог и сам упасть, и наткнуться случайно на этот проклятый угол.

— А вот с этим могу поспорить: на угол попал случайно, а вот толкнули его умышленно.

— Но без намерения убить.

— Не скажите. С ненавистью толкнули, это уж точно. А всякая ненависть подразумевает под собой желание устранить физически

вызвавший ненависть предмет... И видите, как кому-то крупно повезло. Извините за черный юмор. И за то извините, что мне уже второй раз в жизни приходится заниматься проблемой вашего алиби, Ирина Сергеевна. Прямо рок какой-то. Сами-то вы спать во сколько ушли?

— Грех на вас обижаться, Алексей. Вы всегда с таким виноватым видом задаете этот вопрос. Я ушла спать сразу после того, как Илья увел спать Катюшу.

— Мадам Калачеву?

— Именно. Вы должны это помнить. Я видела, как вы еще вовсю в это время развлекались.

— Так хочется покраснеть, Ирина Сергеевна, но голова уж очень болит. Но верьте, что мне очень и очень стыдно. Одно только могу сказать в свое оправдание: честно отработаю свою путевку, найду убийцу и передам в лапы правосудия.

— Я вас не упрекаю. У меня и в мыслях не было, чтобы вы весь вечер стояли у каждого за спиной и периодически грозили пальцем: «Не убий». Просто надеялась, что ваше присутствие остановит убийцу и не произойдет того, что произошло. Хотелось поверить в то, что общее веселье всех примирит.

— Хотели мира, а получили... Да не решается ни один конфликт путем грандиозной пьянки, увы. Ладно, Ирина Сергеевна, доказать чье-то алиби в пылу пьяной вакханалии невозможно, остается надеяться, что народ начнет что-то вспоминать. Кстати, как там насчет обеда? Может, ваша повариха покормит, так сказать, на дому? Неохота по сугробам лазить. Смотрел я сегодня на эту даму очень внимательно, похоже, она о Павле Петровиче сожалеть не будет. А он, бедняга, как к ней относился?

— Знаете, что странно: он ведь ее просто не замечал, а на днях вдруг попросил уволить, причем в очень категоричной форме.

— На каком основании?

— Мол, много кладет себе в карман. Но это глупо: кто из поваров не приворовывает? Конечно, она брала себе и оставшиеся продукты, и с деньгами было нечисто, но все в меру.

— Воровать в меру. Это хорошо. А, простите, кто эту самую меру определил?

— В меру, это когда другим остается достаточно, чтобы на подобное воровство закрывать глаза.

— Так. И что же вы ответили Павлу Петровичу?

— Сказала, что если на то пошло, то решение всех кадровых вопросов я могу переложить на него, пусть сам занимается подбором и увольнением сотрудников.

— Короче, развязали руки?

— Я не сижу целыми днями в офисе и тем более не обедаю. Ему виднее.

— Значит, Корсакова после Рождества у вас больше работать не будет?

— Ну, теперь, думаю, вопрос о ее увольнении отпал. Кто будет заниматься поисками новой поварихи? Если у Паши и была какая-то кандидатура, то теперь это уже не актуально.

— Прекрасно! Вы плодите подозреваемых со скоростью один в пять минут. Проще было бы назвать тех, у кого не было повода лишиться фирму коммерческого директора, осталось только выяснить, не было ли у Павла Петровича махинаций с бухгалтерией и любовных связей на стороне. Кстати, мы забыли про красавицу Нору. Как развивался их роман с Павлом?

— Еще раз повторяю, что я не собираю сплетни. Это охотно расскажут вам другие. Желаю успеха.

— Так, значит, действительно что-то было. Ну, с любовными связями я как-нибудь разберусь сам, это мой конек. А как насчет бухгалтерии?

— Не имею претензий. У Юлии с Павлом проблем не было.

— Кстати, она хорошо зарабатывает?

— А в чем дело?

— Это ведь она приехала на новенькой «восьмерке»? Сама за рулем — смелая дама. Это ее личная машина?

— Ведь не иномарка. Юле без конца приходится ездить в банк, по делам, и я довольна, что она обходится без служебной машины.

— А про ее зарплату не скажете?

— Приличная зарплата. Цифры называть не буду, скажу только, что не задаюсь вопросом, на какие деньги куплена эта машина.

— Что ж, вопрос исчерпан. Пока мне не о чем вас больше спросить, вы' меня и так основательно загрузили.

— Я всегда готова вам помочь, чем могу.

— Воспользуюсь непременно. — Серебрякова подавляла его своей вежливостью и правильностью речи.

Леонидов вслед за Ириной Сергеевной вышел в холл, застав там вполне мирную картину: молодой человек, которого он вчера запомнил как просто Колю, наливал пиво себе и Андрею Липатову, Барышев сверлил глазами дырку в фанерных перилах балкона, Корсакова вместе с Тамарой Глебовой носила в комнату напротив посуду, у окна курили секретарша Марина и Наташа из бухгалтерии. Остальные, видимо, разбрелись досыпать. Серебрякова сразу прошла к себе, проведать Нору. Вот кого Леонидов мечтал хорошенько потрясти! Лежала она, закрывшись в комнате, неспроста, и уж наверняка не из-за переживаний о потерянной неземной любви. С девушками этого типа Алексей уже сталкивался: бурно оплакивать они могли только уплывшие из рук деньжата, а вместо сердца Бог вложил им в прекрасную грудь некий блестящий, как железо, камень, из которого делают популярные дешевые украшения. Гематит, кажется, называется. В общем, что-то связанное с кровью, у Саши были такие бусы, по его мнению, и Алексей давно покушался их выкинуть. Сергей Барышев встал, как только Алексей кивнул ему на дверь в свой номер.

— Только там сейчас наши феи чирикают.

— А мы их попросим с детьми прогуляться.

— Ага, пусть роют снежные пещеры.

— Им полезно. — Леонидов распахнул дверь. — Девочки! Идите-ка подышите воздухом, а заодно и оцените спасательные работы. Вблизи уже должен быть слышен шум моторов.

— Выпроваживаете? Думаете, мы будем вас подслушивать? Ну и ладно. — Слегка надувшись, женщины стали собираться. Саша крикнула Сережку, надела на него пуховик и сапоги, плотно обернула шарфом шею.

Когда компания удалилась, Леонидов полез в тумбочку, где с вечера предусмотрительно запрятал бутылку хорошего вина.

— Смотри: мускат! Сахару, зараза, тридцать пять процентов. Сироп, елки! Похмелимся?

— А пить из чего? Стаканы-то в холле. Сходить?

— Ни-ни! Не стоит оказывать дурное влияние на общественность. Сейчас крышку от мыльницы принесу, да подай ту пластмассовую

штуку от лака для волос.

— Колпачок, что ли?

— Его, родимый.

— Воняет же.

— Ничего, пойдет под мускат. Я эту штуку сейчас с мылом помою.

— Тогда ты из него сам и пей.

— Ладно, как гость, можешь пользоваться привилегией в выборе посуды. Будешь потом мыльные пузыри ртом пускать.

— Классное занятие! С детства обожаю.

Они разлили мускат в мыльницу и колпачок от лака для волос. В тумбочке нашлась пара мандаринов.

Потом глотнули из импровизированных стаканов. Барышев скривился и закашлялся:

— Ш-ш-ш...

— Ш — што?

— Ну ты злодей, Леонидов!

— Я тебя предупреждал. Между прочим., мне тоже невкусно. Знаешь, какую гадость бабы себе на голову льют?

— Иди ты, отравитель.

— Ладно, будем считать, что водные процедуры закончены. Вернемся к нашему хладному телу. Передо мной список присутствующих в этой экспедиции граждан. Итого тридцать человек. Минус пятеро детей — остается двадцать пять. Себя с Сашей я тоже исключаю, если только я не лунатик и не осуществляю под воздействием сна свои заветные мечты, но поскольку это маловероятно, получается еще минус два. Теперь о вас, Барышевы: во-первых, я тебе доверяю. Во-вторых, вы спали в угловой комнате и рано ушли. Так что получается еще минус два.

— Ну, спасибо, благодетель ты наш.

— Не за что, цветы можно прямо в номер. Итого получается: двадцать три минус два равно двадцати одному.

— В первом классе ты, Леонидов, наверняка на пять учился?

— Только в первом... Серебрякову тоже в общем-то можно исключить.

— И самого убитого, надеюсь, тоже.

— Да, елки, даже забыл, для чего вся эта арифметика. Остается девятнадцать душ, у шестерых из которых уже обрисовался веский мотив. Нора тоже под большим вопросом.

— Ей-то какой навар?

— Пока определенно сказать не могу, но что-то там есть, видел вчера, как они с Пашей по разным углам сидели. Кстати, как только все эти сугробы разгребут, надо будет добраться до главного корпуса и просмотреть кассету с записью вечера.

— А где кассета?

— У меня в кармане. Сейчас уберу в тумбочку вместе с бутылкой, надо прятать от грабителей такие ценные вещи. Итого: шесть человек имеют видимый мотив, остальные скрытый. В таких делах, как правило, стоит только поглубже копнуть. В учреждениях, где зарплата коммерческая, да и очень приличная, нет места любви и братству, тем более сейчас, когда народ за место под солнцем глотку перегрызет, когда каждый сам за себя.

— А Пашины люди? Их ты со счетов не сбрасываешь? Они-то его лелеять были должны, как нежный цветок орхидею.

— А если кто-то притворялся, что он Пашин человек, а сам делал ставку на Валеру?

— Ну ты прямо раздул тайны мадридского двора. Король и его свита, толкающая друг друга в зад.

— А ты у своей жены спроси, как ее в свое время убрали из «Алексера», она тебя просветит. Серебрякова, между прочим, сама мне сейчас призналась, что некая Эльза ей досье на всех пыталась всучить.

— Эльза, Эльза... Погоди, это та самая белесая дамочка с прической каре? Действительно, на немку похожа. Гестапо в действии. Та еще сучка. Анька моя ее терпеть не может, даже не поздоровалась вчера.

— Да таких, можно сказать, в упор не видишь, а они живут и процветают. Валера и мадам Иванова за нее горой, я это еще осенью заметил.

— С чего предлагаешь начать?

— С обеда, конечно. Похоже, что дорогу жизни уже расчистили, слышишь, за окном шумят моторы.

И действительно, в комнату ввалились румяные, засыпанные снегом Саша и Анечка.

— Мужчины, вас приглашают на обед.

— Пойдем, Сергей, а то у меня желудок склеился. — Леонидов встал, хмыкнул, как бы прочищая горло.

— О чем это вы, мужчины? — поинтересовалась Саша.

— Да мы тут так, мылись.

— И причесывались...

Когда Барышев вышел вслед за женщинами, Алексей открыл тумбочку, посмотрел на кассету, выдвинул ящик и сунул кассету поглубже, так чтобы создалось впечатление, будто ее хотели спрятать, и аккуратно закрыл дверцу.

«Кто ищет, тот непременно найдет», — подумал он, выходя из комнаты.

Метель на улице немного утихла. Небо напоминало слежавшуюся вату, зато снег радовал своей свежестью, пушистостью и белизной. Леонидову он напомнил взбитый белок, в котором гигантская десертная ложка процарапала глубокую борозду. По этой борозде цепочкой тянулись жертвы вчерашней пьянки: Манцев на ходу захватывал голыми руками снег и тер опухшее лицо, озорная Марина пыталась подловить его сзади и сунуть за шиворот холодный комок. Наконец ей это удалось, Манцев взревел и ринулся на нее тигром, они заорали и повалились в сугробы.

— Веселится народ. Не очень-то и скорбят об усопшем, — вздохнул Алексей.

— Отдыхать приехали. Жизнь-то продолжается.

— Слушай, Сергей, я, кажется, дверь в комнату забыл закрыть.

— Что, за свои миллионы опасаясь?

— У меня там осталась действительно ценная вещь — джинсовые штаны. Погоди, я мигом.

Леонидов не спеша вошел в холл и стал подниматься на второй этаж. У самых дверей в холл, где вчера резвилась веселая компания, он столкнулся с внушительной фигурой Валерия Иванова. Господин управляющий с каменным лицом прошел мимо.

«Не переусердствовал ли в демонстрации равнодушия?» — заинтересовался Алексей, бросаясь в свой номер. Кассеты в тумбочке не было.

«Не верю! Неужели разобрались на высшем уровне, без привлечения низшего звена? Точно! Умыкнул видеозапись вчерашнего

вечера, а это уже является косвенным свидетельством вины. Не клептоман же он в самом деле?»

Алексей пошел обратно к ожидавшему на улице Барышеву.

— Ну что, на месте ценный предмет одежды?

— Все в порядке. Далеко нам топать?

— Туда, где вчера ключи от комнат брали.

Главное административное здание санатория вытянулось вдоль забора тремя кирпичными этажами. Если в архитектуре коттеджей еще проглядывали претензии на оригинальность, то опередивший их в дате рождения каменный монстр полностью соответствовал совковым стандартам. Он с нескрываемым отвращением всасывал в огромный стеклянный рот прибывающих людей: мол, чего суетитесь, вкусного все равно ничего не получите. Еда полностью соответствовала первому впечатлению от строения: старательно обезжиренное меню было явно составлено с одной целью: уберечь граждан отдыхающих от целлюлита, много было только чая, поскольку вода все равно в организме не задерживается и к тому же в кранах ее полно. Кормили отдыхающих похожие на кукол с выбеленными перекистью волосами официантки, развозя тарелки на металлических столиках, напоминавших больничные каталки. Леонидов с Александрой пожевали салат из капусты и морковки, похлебали харчо и полностью съели второе, ибо разбавленное водой пюре лилось в желудок так легко и непринужденно, что остановить его было невозможно. После горячего чая, который немного скрасил малоаппетитный обед, Леонидовы пошли занять очередь у гардероба для себя и Барышевых, поскольку Сергей имел привычку съесть все, что стояло на столе, и за себя и за жену. Когда он наконец наелся, очередь за переданной на хранение одеждой уже достигла окошка в чугунной витиеватой решетке.

— Ужинать пойдем? — подмигнул Барышев.

— Если выживем после обеда. По мне — так лучше сухим серебряковским пайком обойтись.

— Ладно, пока наши женщины в фойе книжки смотрят, пойдем и договоримся с администрацией о просмотре кассеты.

— Не выйдет. Я ее пожертвовал в фонд нуждающихся в любительской видеопродукции.

— Это как?!

— Оставил в тумбочке в надежде, что виноватый захочет ее изъять, так оно и получилось, вроде ловли на живца. Ну, соскучился человек по рыбалке, а сейчас зима, трудно понять, что ли?

— А если на этой пленке зацепка, по которой можно вычислить убийцу.

— Пойми, посторонний сразу не увидит того, что для убийцы очевидно. Не переживай, Серега, пойдем лучше отдохнем от приема пищи.

— У вас, у сыщиков, конечно, свои методы, можете эксперименты ставить, все, что угодно, но тогда уволь меня из помощников.

— Ладно, хватит психовать, пойдем, надо с чего-то начинать.

— Милиция приедет, она и начнет. А я сюда отдыхать приехал. Пойду выплюсь.

— Иди, иди. Может, проспишься — пообреешь.

Барышев, подхватив под руки Аню и Сашеньку, повел их к дверям. Леонидов лениво побрел следом. Иногда он и сам не понимал, зачем совершает те или иные поступки, и будет ли от них прок, но словно бес толкал его под руку. Алексей называл это интуицией, жена — очередным заскоком.

Алексей посмотрел на спины удаляющихся друзей и жены, оглянулся и не спеша свернул в елочки. Оказываясь на природе, он всегда норовил коснуться ствола дерева, листвы, чтобы убедиться, что на свете еще существует нечто не из асфальта и камня. Побродив среди холодных душистых стволов, набрав полные кроссовки снега, он немного успокоился и вернулся в коттедж.

Войдя в свою комнату, Леонидов обнаружил, что она пуста. Жена и Сережка где-то гуляли, им дома осточертело сидение в четырех стенах. Алексей лег на перекрахмаленное, жесткое белье и подумал, что меньше всего ему сейчас охота куда-то идти и общаться с гражданами отдыхающими. Хотелось просто полежать и подождать, может, все разрешится само собой, придет к нему в комнату, например, человек и скажет, что так, мол, и так, я столкнул Пашу с балкона, не нарочно, а так, по пьяни. И, откровенно говоря, Леонидов эту версию охотно поддержал бы, тем более что все были изрядно под хмельком и смутно припоминали события предыдущего вечера. Было только одно маленькое «но»: одного из присутствующих Алексею не хотелось выгораживать, а именно он и был, похоже, причастен к случившемуся.

«Я докажу, что Пашу толкнул Иванов, и успокоюсь. Надо только найти кассету, которую он взял, и свидетеля, который непонятно почему до сих пор не объявился. Свидетель — он всегда есть. А вот промолчать этот случайный очевидец мог только в том случае, если принадлежал к команде управляющего, Пашины люди давно бы уже прибежали».

Алексей никак не мог отключиться. Им овладело странное состояние, когда человек очень хочет спать, изнемогает от усталости, но заснуть тоже не в силах — из-за огромного нервного напряжения. Он ворочался, подминая под себя подушку, пока не услышал в коридоре шаги и веселые женские голоса. Алексей подумал, что это Саша, она его успокоит, и тогда он, возможно, заснет, и выскочил в коридор. Но это были Наташа Акимцева и Марина Лазаревич. Они пристраивались у окна с пачкой сигарет и бутылкой темного пива. Леонидов задвинул свою сонную меланхолию в самый дальний угол души и пошел работать. С улыбкой донжуана на вынужденном отдыхе он подступил к двум очаровательным феям. Девушки и впрямь были хороши — длинноногие, с тонкими талиями.

— Здравствуйте, девушки!

— Мы сегодня уже встречались, — засмеялись они. — Пива не хотите?

У Леонидова в желудке мускат, замешенный на лаке для волос, до сих пор сражался с водянистым пюре, и Алексей нашел в себе силы вежливо отказаться.

— Можно, я просто с вами постою?

— Мы же курим.

— А я не курю, но вдыхаю. Токсикоманю потихоньку, а в таком приятном обществе эффект просто потрясающий.

— Compliments делаете? — заулыбались девушки.

— Предположим... А где ваши неотразимые мужчины?

— Пошли выяснять насчет бассейна. Здесь, оказывается, все по расписанию, да еще обязательный медицинский осмотр.

— Что смотрят? — озабоченно осведомился Леонидов.

— Ноги. На предмет грибка.

— Врач, конечно, мужчина? Я бы тоже посмотрел кое-какие ножки, на предмет грибка, естественно.

— Ха-ха! Мы не против.

— Тише! — Алексей оглянулся с видом заговорщика — Жена где-то рядом. Поэтому давайте о другом... Жалко вам Павла Петровича?

— Еще бы! Наверное, из санатория надо прямо на биржу труда отправляться, теперь Валера просто всех скушает. Или Норке компанию составим, будем вместе богатых покровителей искать, она тоже в минусе. Что-то и не появлялась сегодня, даже не обедала, аппетит небось пропал!

— Как же, была без пяти минут жена, а теперь женщина без определенного занятия, так, что ли, девочки?

— Жена! Если ее заставить работать, как нас, с девяти до семи, от нее ничего- не останется. К тому же Паша ей уже почти дал отставку.

— А вы откуда знаете?

— Он от Норы бегал последнее время, — фыркнула Марина. — Просил меня отвечать, что уехал в банк или на переговоры, а Норка его доставала. Даже в офис приезжала караулить.

— Он что, не мог прямо сказать девушке, что не собирается дальше поддерживать с ней отношения? По натуре ведь Паша джентльмен.

— Попробуйте избавиться от такой пиявки, как Нора! Во-первых, ей целыми днями нечего делать, а во-вторых, нечего терять. Она такие спектакли в офисе устраивала!

— Как интересно! Расскажите.

Марина поправила прическу и облизнула губы. От выпитого пива щеки ее зарумянились, и она с большой охотой поведала следующее:

— Когда я говорила Норе, что Паша в банке или еще где-нибудь, она тут же являлась в офис. Охрана пускала любовницу коммерческого директора беспрепятственно. Последнее время он, правда, поумнел и приказал ее заворачивать. Но эта дамочка прорвется через любые кордоны. Караулила его в торговом зале или на улице. Она' обожала эффектные и неожиданные появления. Самые душераздирающие сцены происходили в его кабинете, за закрытыми дверями, но я-то слышала! Нора устраивала бурную сцену ревности, попрекала какой-то шлюхой, к которой Паша якобы таскается, ссылаясь на деловые поездки.

— У него действительно появилась другая женщина, и Нора узнала, кто она?

— Конечно. Выследила любовничка. Дама оказалась замужней и весьма обеспеченной. Нора постоянно угрожала, что донесет ее мужу. Пашу аж трясло от ее воплей.

— Да мало ли рогоносцев! Пусть бы и рассказала.

— Но муж этой дамочки — партнер по бизнесу, друг Серебряковой. Фирма весьма в нем заинтересована.

— А как его имя? Марина замялась:

— Все-таки я еще на работе, понимаете?

— Охраняете коммерческие тайны? Ладно, я и сам уже догадываюсь. А дама эта часто Павлу звонила?

— Только на сотовый. Он запирался в кабинете, когда с ней разговаривал.

— Серьезное дело.

— Только вы зря думаете, что Пашу из-за этого убили. Норка не сумасшедшая, она только пугала. Могла, конечно, чужими руками все организовать, но чтоб сама... Пашу Валера толкнул. :

— Вы это видели?

— Нет. Мы спали. Так наплясались вчера, что даже на любовь сил не осталось.

— Да что вы? Такие молодые, энергичные...

— Зато мальчики у нас не энергичные. Я своего Кольку едва отволокла. Он так напился, что мне пришлось ночевать у Ольги.

— Так он все равно заселился с младшим Ивановым. Вам, Мариночка, и места у них в комнате не было.

— Вот как раз там, куда я отволокла Николая, младший Иванов и близко не наблюдался. Не знаю, может, под утро объявился? Я сама как пришла, так и упала, ничего не слышала, спала, что называется, без задних ног.

— А где же все-таки был ночью Александр Иванов?

— Спросите что-нибудь полегче. Все так перемешались вчера! Ночевали совсем не там, куда заселились.

— Ну, спасибо, обрадовали. Значит, лишь бы вещи куда-нибудь кинуть, а там можно мигрировать как захочется? Этот спал не там, куда поселился, комната, которая должна быть пустой, оказалась самой популярной. Женщины отправляются не к своим мужчинам. Короче, черт знает что. Ваши соседки тоже с кем-то поменялись местами?

— Кто, Эльза с Елизаветой? Смеетесь! Лизу даже танцевать никто не приглашает, а Эльза так умирала по Паше, что над ней давно уже все смеются.

— Да что вы? Любвеобильный мужчина был этот коммерческий директор.

— Просто красивый. Знаете, многие девушки мечтают о принце на белом «мерседесе» с кучей денег и смазливой физиономией. Паше неплохо удавалась эта роль.

— А вы разве не мечтаете?

— Мы работаем, мечтать особо некогда. Труд на чужое благо лучше всего избавляет от ненужных иллюзий, тем более если у тебя обычные для всех девушек данные.

— Эльза тоже работает. Разве не так?

— Она так поглощена своей карьерой, что видит только работу и дом. А природа требует свое! Значит, надо найти подходящий объект прямо на рабочем месте, вот она Пашу и приглядела.

— А он? Отвечал взаимностью?

— Кому? Наш Паша не мог снизойти до романа с рядовой женщиной. Представляете этого роскошного красавца под руку с Эльзой в ее неизменной затрапезной кофте?

— Она же прилично зарабатывает, неужели не может хорошо одеться?

— Не знаю, куда Эльза деваает деньги. Она скрытная, никому про свои личные дела никогда не рассказывает, но похоже, что Паша ее здорово отшил.

— Как она себя повела?

— Да никак. По ней не поймешь.

— А судя по тому, что рассказала Ирина Сергеевна, решила отомстить. Ну ладно, похоже, ребята возвращаются. Черт с ней, с этой дамой. А что, девушки, если я тоже пойду с вами в бассейн смывать похмелье?

— Конечно. Потом в волейбол можем поиграть!

— Почему же не в теннис?

— Народу слишком много, надо всех привлечь. Мы поклонники массового спорта.

Девушки заспешили к своим кавалерам. И тут Леонидов увидел, что Ирина Сергеевна Серебрякова вышла из своей комнаты и зашла в

соседнюю, где расположились Калачевы.

«Значит, Нора сейчас одна. Похоже, пора прервать ее затянувшуюся истерику». Алексей бросился к одиннадцатой комнате.

Дверь угловой комнаты была заперта изнутри. Леонидов сначала тихонько поскреб ее, а потом настойчиво застучал:

— Нора, открой! Хватит давить на жалость: я-то тебе все равно не верю.

Ответом был лишь скрип кровати.

— Гражданка Прохорова, откройте представителю законной власти. Елена Сергеевна, будьте благоразумны!

В замочной скважине заскрежетали ключи. Дверь резко распахнулась.

— Опять ты? Сколько ты мне, сволочь, нервов испортил! Я вот доберусь до твоей жены! — взвизгнула слегка помятая дама в пошлых розовых кружевах.

Леонидов увернулся от двери и оттеснил Нору в комнату.

— У тебя что, пунктик особый — всем обо всем доносить? Родители в КГБ при Сталине не работали, случайно?

— Ублюдок милицейский! Пошел ты...

— Дура! — Леонидов толкнул ее на мятую постель. — Хочешь, наверное, как Лана, закончить молодую жизнь в роли задушенной свидетельницы. Думаешь, люди слепые, не понимают, какой цирк ты тут изображаешь?

— Хам, быдло, нищий огрызок!

— Стареющая шлюха! Психопатка!

Оба перевели дух. Леонидов с опаской приблизился к шипящей женщине.

— Все?

Но это было далеко не все. Возле его носа вдруг мелькнули длинные сиреневые ногти. Алексею с трудом удалось их перехватить, она оцарапала руки, но зато он спас глаз.

— Врезать тебе, что ли, девушка? Соображаешь, куда когти свои суешь? Давай успокаивайся. Ты как стресс снимаешь: пьешь, колешься, нюхаешь? Или просто на балалайке играешь по ночам?

— Ты бы заткнулся, ищейка милицейская. Дай сумочку, там пузырек с таблетками.

— Ого! — присвистнул Леонидов, увидев название. — Не удивительно, подружка, что ты такая нервная. Тебе нужен доктор, а не исповедник.

— Дай сюда. — Она рванула к себе таблетки. — Захочешь настучать, можешь не дергаться, у меня есть рецепт.

— Ну да, и письменное разрешение родителей. Не сомневаюсь, что уж бумагами ты запаслась.

Нора открыла пузырек дрожащими от нетерпения руками.

— А запить, Елена Сергеевна?

— Сок в тумбочке.

— Отлично! Кусаться больше не будем?

— Иди ты...

— Ругаешься ты как-то без выдумки. Неужели это ты Пашу отправила в тот полет?

— Делать мне нечего. Я раньше тебя спать ушла.

— И спокойно легла и уснула?

— Докажи, что не так.

— Я-то докажу. Не одна же ты по ночам в поисках возлюбленного гуляешь, сифида ты моя неугомонная. Я даже догадываюсь, кто составил тебе компанию.

— Что, все утро в пепельницах копался или в помойном ведре?

— Ну, твоя работа куда грязнее моей. Не сразу же ты вылезла в дорогие шлюхи, была наверняка и дешевкой. Ты Пашу чем шантажировала? Угрожала рассказать о ваших с ним постельных упражнениях или на видео снимала? Это сейчас самый распространенный вид шантажа.

Таблетка подействовала. Нора начала успокаиваться.

— Ничего я не собираюсь тебе докладывать, Леонидов.

— Я и без тебя знаю, что у Павла Сергеева была связь с Калачевой... И прошлой ночью вы друг друга попеременно пасли. Не могла ты спокойно уснуть, пока соперница караулила свою до чертиков напившуюся собственность.

— Сволочь.

— Язык у тебя без костей. Может, подумаешь и будешь отвечать на конкретные вопросы? Когда Калачев увел свою жену, ты спать пошла?

— Да.

— А потом решила проверить на всякий случай? Вернулась и увидела ее с Павлом Петровичем?

— Да.

— Знаешь, Елена Сергеевна, моя жена уже в пятом классе учит детей отвечать на вопросы развернутыми предложениями. Постарайся вспомнить детство. Кто еще в это время бодрствовал?

— Не помню. Эльза с Лизой, кажется, еще сидели, — зевнув, сказала Нора, — Манцев, Маринка со своим мальчиком. Этот смазливый плейбой тоже крутился возле какой-то юбки. И Пашка со стервой Катькой обжимался.

— Ты что, скандал устроила?

— Ха! Стану я зря эмоции расходовать. Просто вывела Катьку в боковую комнату поговорить.

— Поговорили?

— Она плохо соображала, мычала как корова. Катька вообще много пьет, когда мужа нет поблизости. Я пробовала ее трясти, но что толку объясняться с невменяемой?

— И долго ты с ней общалась?

— Я сразу поняла, что у них уже ничего не получится в эту ночь, позвала мужиков, и мы ее отвели обратно к мужу.

— И ты спокойно удалилась спать?

— Ну хорошо. Еще мы с Катькой выпили на брудершафт, и я бросила в ее стакан свою таблетку, чтобы скорее отрубилась. Устраивает?

— Ты что, ненормальная? А если бы ей стало плохо?

— Как видишь, не сдохла. Ненаказуемо.

— Больше никому свое зелье не бросала?

— А что?

— У меня осталось бы гораздо меньше подозреваемых. Неужели Калачева выпила, да еще на брудершафт?

— Ты знаешь, что пьяные склонны мириться с заклятыми врагами. Кайф у них такой особый. Ну а теперь, если закончил свои расспросы, уходи, я посплю.

— Скоро машина приедет и катафалк. Ты в город поедешь?

— Поеду. Должен же кто-то сообщить его родителям. Да и не совсем я ему чужая, надо подумать о похоронах. Отпустишь, следовательно?

— Убирайся. Думаю, что неделю здесь никто и не выдержит, все разбежимся. Пропали серебряковские денежки.

— А ты за нее не переживай. И если хочешь знать мое мнение, то это Иванов Пашу кокнул.

— Все это утверждают, но никто не видел. Ты-то с чего на управляющего хочешь наехать?

— Не твое дело. Но против него я все, что угодно, покажу.

— Ты злишься, что фирма из рук уплыла? Да, знатная была кормушка.

— А почему была?

— Просто, похоже, смерть Павла Петровича свела твои дивиденды к нулю.

— Это только ты так считаешь. Но я в тираж еще не вышла. Я еще им всем покажу! Мое время только начинается, запомни это, мент.

Леонидов счел нужным запомнить на всякий случай этот факт. Нора уже засыпала: норовила упасть то на подушку, то в его объятия. Он понял, что больше ничего от Норы не услышит, и вышел из комнаты.

Когда Алексей выходил из одиннадцатой комнаты, неожиданно приоткрылась дверь в соседнем двенадцатом. Испуганная мадам Калачева высунула в проем двери голову. Леонидов хотел было пройти мимо, но женщина выскочила и вцепилась в его рукав:

— Я знаю, эта шлюха грязью меня поливала, такого про меня наговорила! Поверили, да? Нашли кого слушать, да она готова упечь меня на всю оставшуюся жизнь.

— Послушайте, Екатерина Леонидовна, не надо так кричать. Храните свои тайны, тем более что муж где-то поблизости.

— Илья пошел записываться в бассейн вместе с до-"черью. Зайдите, прошу вас.

— А разве Ирина Сергеевна не там? — Леонидов кивнул в сторону комнаты.

— Была, но только что ушла.

Алексей понял, что она не отстанет, придется ее выслушать. Ох, не любил он откровений подобных дамочек, был уверен, что Калачева в собственное оправдание будет поливать всех остальных грязью.

В люксе царил полный бардак. Екатерина Леонидовна не привыкла обходиться без домработницы. Вещи валялись где попало.

Недопитые стаканы сока и пустые пакеты соседствовали с разбросанной повсюду дорогой косметикой и детскими игрушками, женский бюстгальтер висел рядом с детскими брюками, мужские несвежие носки валялись прямо посреди потертого ковра. Леонидов вздохнул и очистил себе кусочек стула, заметив при этом кружевные женские трусы на его спинке. Калачеву неубранное белье не смущало, видимо, в ее глазах Леонидов числился по классу услуги, которой хозяева не стесняются. Алексея опять замутило от вчерашнего перебора спиртного, а больше от предстоящего разговора. Он не ошибся: на своей территории Екатерина Леонидовна обрела уверенность и барские манеры.

— Вы не должны выслушивать мнение таких' женщин, как эта... — Калачева выразительно кивнула на стену соседнего номера. — Они подлежат уголовной ответственности за-проституцию и не могут влиять на позицию органов, ведущих следствие.

— А что, порядочную женщину от проститутки отделяет только штамп в паспорте? Насколько я знаю, Елена Сергеевна сожительствовала только с одним человеком, чего о вас, простите, сказать нельзя.

— Как вы смеете! Кто я и кто она? Категорически заявляю: все, сказанное этой шлюхой, — ложь, грязная и отвратительная ложь!

— Увы, позвольте с вами не согласиться. Ведь я вас вспомнил, Екатерина Леонидовна. Вернее, вашего мужа, бывает иногда просветление. Мучился вчера весь вечер, сам не ведая того, но — вспомнил! В сентябре, когда я расследовал дело об убийстве Серебрякова, он подтвердил, факт передачи займа денег Павлу Сергееву, который тогда подозревался в убийстве. Чтобы доказать свою непричастность, Павлу Петровичу пришлось рассказать мне о вашей с ним связи. Говорил он и о том, что именно вы уговорили мужа выручить его в трудный момент и дать необходимую сумму в долг.

— Это ложь! Мы просто друзья!

— Показания Сергеева запротоколированы и подшиты к делу. Да и Нора вас выследила, а она хоть и занимает менее значимое положение в обществе, чем вы, но пользуется такими же гражданскими правами. Перед законом все равны — и порядочные женщины, и... — Леонидов не стал уточнять, кто в данном случае есть кто, но Калачева обиделась:

— Что вы себе позволяете? Вы ничего не посмеете сказать! Мое имя должно остаться вне этой грязи.

— К чему такая патетика? Значит, вы персона особая-и можете прелюбодействовать не скрываясь, но обсуждать это никто не смеет? Взять, например, вчерашний вечер: не очень-то вас беспокоили вопросы чести, когда вы весьма нескромно вели себя в кругу молодых девчонок.

— Это мое дело.

— Теперь, когда ваш любовник мертв, придется все же публично потрясти грязное белье. Хорошо же вы его попачкали, коли так боитесь.

— Вы непорядочный человек, не джентльмен.

— Так и вы, милая дама, не леди: леди так себя не ведут. Что это? Ноги задирали, приставали к приехавшему с другой женщиной, мужчине, пили водку. А? И Сергеев ваш хорош: когда запахло жареным, заложил всех с потрохами. Если вы полагаете, что мужчины вашего круга всерьез могут претендовать на звание порядочных, это просто смешно. Богатые люди порядочными не бывают. Они столько раз заключают сделки с собственной совестью, что она становится их партнером, а не судьей.

— В вас зависть говорит, господин милиционер. Вы сами ничего не добились, вот и травите тех, кто в состоянии оплачивать дорогие привычки.

— Да, в том числе и любовника. Сергеев ведь вам недешево обходился. Между прочим, в том памятном разговоре в начале сентября он мне признался, что не знает, как от вас избавиться. Просто деньги были очень нужны.

Лицо женщины исказилось, куда делись интеллигентные манеры и лоск!

— Ты, козел! Я бы тебя... — Ее словарный запас оказался куда круче, чем у Норы. Вот что значит образование! Леонидов терпеливо выслушал все, что почерпнула из фольклора мадам Калачева.

— Вы очень образно выражаете свои мысли, вполне в духе порядочных людей. Мне осталось только выяснить точку зрения на все это вашего супруга.

Она взвилась, как почуявшая кнут кобыла.

— Пойдите! Да, я признаю свою связь с Павлом. Но она закончилась три месяца назад. Нора не там искала, ее драгоценный Паша не ко мне на свидания ездил.

Леонидов насторожился.

— У Сергеева была еще женщина, ради которой он бросил вас и хотел бросить Нору? А вы не врете, Екатерина Леонидовна?

— Да. То есть нет, не вру. Я просто не хотела радовать эту проститутку тем, что уже не сплю с Павлом. И потом, после того как она все выложила Илье, мне стало наплевать на ее шантаж.

— Как выложила?

— Очень просто. Приехала к нему на работу, записалась на прием и все, что накопила, выложила.

— Что-то после этого изменилось в вашей семейной жизни?

— Ничего особенного. Похоже, Ильи и так обо всем догадывался. Я, конечно, покаялась, пообещала, что больше ничего такого не будет, он простил. У нас ведь очень прочный брак, ребенок. Илья меня любит.

— Чего же вы в таком случае в санаторий приехали?

— Серебрякова пригласила, мужу идея понравилась, я обрадовалась, что смогу увидеть Павла. Мне кажется, я по-прежнему любила его. Так что думайте, вернее, можете думать что угодно.

— Значит, ваш муж был инициатором этой поездки?

— Только не думайте, что он имеет отношение к смерти Павла Петровича. Я была в комнате и могу подтвердить, что Илья никуда не отлучался.

— Ну да. Особенно после того, как Елена Сергеевна подбросила вам в бокал таблетку, чтобы окончательно вырубить. Из вас получился невероятно ценный свидетель.

— Какая еще Елена Сергеевна?

— Нора, какая еще? По паспорту ее Еленой Сергеевной зовут.

— Что? Эта дрянь...

— Неужели не помните, как пили с «дрянью» на брудершафт?

Калачева вся сжалась, сидя на неубранной кровати.

— Это не Илья. Не рассказывайте ему, что я сидела с Павлом в ту ночь.

— Это вы помните?

— Скорее, догадываюсь. Инстинкты, они, знаете, не подводят.

— Я постараюсь обсудить с вашим мужем эту тему как можно деликатнее, хотя я и не джентльмен. А кто все-таки эта женщина, ваша соперница?

— Не знаю. Похоже, что они работали вместе. Кто-то с фирмы.

— Зачем же тогда были свидания?

— А где им, по-вашему, любовью заниматься? Уезжали якобы в банк или на совещание. Проще же, когда в любовницах секретарша?

— Значит, это Марина?

— Не знаю. Я не выясняла точно. Мало ли на фирме красивых девочек...

— Выбор есть. Вы уезжать пока не собираетесь?

— Собираюсь. Я сама платила за свою путевку, но что значат эти гроши по сравнению с удовольствием от вас избавиться.

— А вот это не так-то просто сделать, если вы действительно причастны к случившемуся. — Леонидов вдруг услышал за окном шум моторов, незнакомые голоса и скрип снега возле коттеджа. — Что ж, похоже, коллеги приехали. Прервем нашу приятную беседу, Екатерина Леонидовна. Желаю вам поскорее прийти в себя. Голова-то болит?

— Хам!

— Я вам о здоровье, а вы мне о воспитании. Нескладно как-то получается. — Испытывать терпение Калачевой Леонидов больше не рискнул и исчез за дверью люкса.

В холле было шумно. Герои вчерашнего вечера неуверенно жались по стенкам, наблюдая, как пространство посередине заполняется приехавшими сотрудниками милиции. Большинство из них было в штатском, но мелькали и погоны. Распоряжался действиями группы молодой человек в звании старшего лейтенанта.

— Еще не вечер, а вы уже прибыли, — сказал, приблизившись к нему, Леонидов. — Поздравляю! Не ожидал вас так скоро, поэтому решил совместно с товарищами отдыхающими убрать тело в номер покойного.

— Кто вы? — оцетинился старший лейтенант и скользнул взглядом по мятым леонидовским штанам.

— Оперуполномоченный Московского уголовного розыска капитан Леонидов Алексей Алексеевич. Угодно мои документы?

— Угодно. — Коллега принялся внимательно изучать удостоверение, потом козырнул, но любезности у него не

прибавилось. — Вообще-то это наша территория, капитан. Как вы здесь оказались?

— Я не претендую на чужие лавры. А здесь в качестве отдыхающего, друг хозяйки и устроительницы этого мероприятия. В роли свидетеля до сих пор выступать не приходилось, но всегда готов.

— Тело зачем распорядились убрать?

— Вы не поняли, старший лейтенант, я здесь ничем и никем не распоряжаюсь. Просто мы сочли целесообразным избавить детей от подобного зрелища. Для вас я все старательно заснял на видео- и фотопленку и сохранил под почти стерильным полотенцем орудие преступления в виде стола.

— Почему это стол — орудие преступления?

— Покойник упал с балкона и ударился об угол. Приглашайте экспертов и можете начинать.

— Чего уж тут теперь делать экспертам? Где тело?

— Пожалуйста, вот ключ. — Леонидов быстро достал из кармана железную бирку с ключом от комнаты номер один. — Первый этаж, с лестницы сразу налево.

Старший лейтенант начал отдавать распоряжения сотрудникам.

Несколько часов группа оперативников мучила себя и отдыхающую публику, пытаясь восстановить вчерашние события. Наконец пришла очередь и Алексея. Они прошли в боковую комнату, которую старший лейтенант облюбовал для бесед с сотрудниками фирмы «Алексер» и остальными отдыхающими.

Старший лейтенант достал бланк протокола и стал записывать данные Леонидова. Тот наконец не выдержал:

— Я не услышал, как ваше имя и отчество, коллега, извините.

Старший лейтенант нехотя оторвался от бумаг, пробормотал не вполне разборчиво:

— Оперуполномоченный Семеркин Вячеслав Олегович.

— И какие выводы вы делаете из происшедшего, Вячеслав Олегович?

— Я вас допрашиваю или вы меня?

— Давайте, Слава, не будем играть в детскую песочницу: мы взрослые люди, занимаемся одним делом. Произошло все на вашей территории, но люди из Москвы дело могут запросто забрать. К тому

же народ приехал сюда отдыхать. Может, оставите несчастных в покое?

— Я должен все оформить как положено. Не каждый день от несчастного случая умирает один из руководителей крупной фирмы.

— Значит, вы пришли к выводу, что это был несчастный случай?

— А что? Все свидетели показали, что Сергеев был пьян, на ногах не держался, часто ходил на балкон покурить. Не удержал равновесие, свалился, наткнулся на стол. Эксперт констатировал, что смерть наступила от удара о тупой предмет. На столе кровь и частички мозгового вещества. Думаю, это несчастный случай.

— Не собираюсь вас разубеждать.

— Конечно, будет вскрытие, повторный допрос свидетелей. А больше я здесь задерживаться не собираюсь.

— Правильно. Забирайте тело, женщину покойного коммерческого директора и — с Богом!

— Значит, вы тоже считаете, что это был несчастный случай?

— Как частное лицо предпочитаю не иметь версий. Несчастный случай так несчастный случай.

— А вот некий Барышев Сергей Сергеевич говорит, что вы уже начали собственное активное расследование и что-то говорили о разорванной рубашке покойного и синяках. Это правда?

— Показалось. Показалось господину Барышеву, что я проявил к смерти Павла Петровича некий особый интерес. Чего только с похмелья не почувдится, старший лейтенант. Так ведь? А с людьми я действительно разговаривал, да с какими людьми-то: с женщинами! Утешал, уговаривал, от истерики отпаивал. Публика нервная.

— Значит, Барышеву показалось?

— Несомненно.

— Что ж, тогда мы поедem. Я здесь нашу беседу записал, подпишите протокол, Алексей Алексеевич. Знаете где?

Леонидов с удовольствием поставил неразборчивый крючок там, где всегда заставлял расписываться других. «Всегда полезно почувствовать себя в шкуре того, кого обычно мучаешь сам: масса новых впечатлений. Теперь, пожалуй, стану добрее», — усмехнулся он про себя и вышел вслед за Семеркиным.

После разговора со старшим лейтенантом, Алексей решил заглянуть к Норе... Девушка явно что-то скрывала: уж больно

уверенно она держалась, явно чувствуя за спиной чью-то поддержку. Возле дверей серебряковского люкса Леонидов неожиданно столкнулся с Костей Манцевым. Тот почему-то мгновенно отвел глаза и начал оправдываться:

— Вот, хотел помочь чемодан донести.

— Понятно. Конечно, разве можно оставлять беспомощную девушку одну... в таком горе. Значит, у нее все в порядке?.

— Да, все нормально. — Манцев обернулся и крикнул куда-то вглубь: — Нора, я взял чемодан.

Из комнаты донеслось невнятное воркование, и Алексей передумал туда заходить. Суэта в холле уже улеглась: приехавшие сотрудники милиции покинули коттедж, отдыхающие оживились. Одна только Нора уезжала из санатория, остальные решили задержаться на пару дней, до похорон Сергеева. Леонидов удивился, что к Норе не присоединилась Калачева, но, видимо, так решил сам господин преуспевающий бизнесмен Илья Петрович. Наконец тело понесли в «скорую», кое-кто пошел рядом с носилками, наблюдая, как отправится в местный морг коммерческий директор, так любивший красивую жизнь и дорогие вещи. Одна красивая вещь, впрочем, полезла в ту же машину, правда брезгливо поджав накрашенные губы: Нора привыкла ездить на переднем сиденье шикарных автомобилей и чувствовала себя не в своей тарелке на жесткой лавочке фургончика. Леонидов краем глаза успел увидеть, как она обменялась многозначительными взглядами с Манцевым и быстро сунула ему в руку какую-то бумажку.

«Что бы это значило и кого она одурачила?» — усмехнулся про себя Леонидов, продолжая наблюдать за остальной публикой.

Ирина Сергеевна Серебрякова выглядела расстроенной больше других. Она-то охотно прервала бы отдых, но долг удерживал ее рядом с коллективом и с Леонидовым, которому Серебрякова обещала помочь в поисках истины. Сотрудники «Алексера» прекрасно понимали, что версия несчастного случая удобна всем, но ничего не объясняет.

На улице было темно, метель прекратилась, но мороз крепчал. Молодежь отчаянно замерзала в куртках и легкой обуви. Когда машины наконец тронулись в путь, многие откровенно вздохнули с облегчением и побежали в коттедж. На первом этаже сразу стало

спокойнее, вместе с источником скорби исчезло и напряжение. Леонидов воспринимался теперь как свой, пострадавший, причастный к общим неприятностям и не имеющий отношения к следственной работе.

Алексей был доволен, ревнивый коллега невольно.,, помог ему стать незаинтересованным в расследовании лицом. Теперь ему было легче, гораздо легче...

Глава 3 ОКОНЧАНИЕ ДНЯ ПЕРВОГО

Первым, кто осудил поведение Леонидова во время присутствия в коттедже представителей местной милиции, был, конечно, Барышев. Он отловил Алексея на лестнице и тут же сволок вниз, пихая к дверям своего номера, как тряпичную куклу.

— Серега, ты чего? — брыкался Леонидов.

— Иди-иди, я сейчас тебе устрою! — Барышев с такой яростью захлопнул дверь, что с потолка посыпалась отставшая штукатурка.

— Ты сдурел, что ли, Серега? Больно! Я, между прочим, тоже могу показать приемчик, думаешь, не учили?

— Попробуй! Ты соображаешь, в какое поставил меня положение? Я заявляю, что это убийство, что представитель МУРа ведет расследование, а ты линяешь в тень, прикидываешься ветошью, чтоб не отсвечивать, и согласно киваешь головой на все глупости этого молодого осла в лейтенантских погонах! Отвечай, чего ты добиваешься? — все больше распалялся Барышев. — Саботируешь расследование? Покрываешь преступника? Этого Иванова, который всем омерзителен?

— Да если бы действительно Пашу убил Иванов, я бы первый надел на него наручники! Нет у меня такой уверенности, понял — нет!

— Все говорят...

— Вот именно. Слишком все сходится. Мы ничего не сможем доказать. Я хочу получить факты, а они будут, если народ перестанет на меня коситься. И, между прочим, чего вы все уперлись в этого Иванова? У многих, кажется, полно мотивов, одни бабы чего стоят: содержанка, которую Паша собирался бросить, замужняя любовница, которую уже бросил, девушка, которой не ответил взаимностью, и некая неизвестная особа... А ты Иванов, Иванов...

— Паша с бабами ладить умел. Его ни всех хватало.

— Ты-то откуда знаешь?

— Слушай, на любой фирме амурные шашни начальства тут же становятся достоянием гласности. Забываешь, что Аня моя в «Алексере» работала, когда в невестах еще ходила. Бывал и я там,

общался с народом. Так что давай людей трясоти. Кто-то же должен был засечь Валеру с Пашей на этом балконе, недаром же Иванов кассету свистнул.

— А откуда ты знаешь, что он?

— Думаешь, я совсем тупой? Манцев случайно видел Валеру, когда он из твоей комнаты выходил.

— Я никого не встретил, когда возвращался запереть дверь.

— Да? Манцев в боковой комнате спрятался, чтоб Валера не засек и ты заодно.

— А от меня-то он зачем прятался?

— Потому что никто тебе не будет помогать, пока ты идешь не в том направлении.

— А именно?

— Копаешься в личной жизни Паши и допрашиваешь его женщин.

— Кого же я должен в таком случае допрашивать — его мужчин? И в каком направлении должен идти, по мнению этого коллектива?

— Оставь в покое свой дурацкий юмор и докажи органам правосудия, что Сергеева убил Иванов.

— От имени какой группы ты выступаешь? Она многочисленна? Все или минус любимые ивановские сторонники?

— Ты, Леонидов, главное, подумай, а свидетели найдутся. И давай, Леха, замиримся.

Своими огромными ручищами он стиснул леонидовские плечи. Алексей на всякий случай ткнул Барышева кулаком в живот и чуть не завизжал от обиды: кулак словно отскочил от плотного клубка накачанных мышц. Сергей засмеялся:

— Топай давай, а то я начну показывать, каким приемчикам меня учили в десантных войсках.

Барышев задержался в комнате, ожидая неизвестно куда запропастившуюся жену, а Алексей пошел наверх. По дороге он размышлял, что за женщину не хочет ему выдавать коллектив, почему этот самый коллектив против раскапывания любовных связей Сергеева и как удалось народу перетащить на свою сторону Барышева. «Неужели Серега знает, кто убийца? Не может быть! Это же свой, Сергей Барышев, сотрудник вневедомственной охраны, знакомый еще

по делу Серебрякова. Надежный, честный, настоящий мужик. Не может этого быть!»

Между лестничными пролетами Леонидов наткнулся на курившего Липатова. Эта личность была Алексею не знакома, и он решил приглядеться к нему. Угрюмый, на вид физически сильный мужик покосился на него и посторонился. Но почуявший дичь сыщик явно не спешил:

— Послушайте, мы в «Алексере» не встречались?

— В честь какого праздника?

— Я расследовал убийство Серебрякова. Липатов наморщил низкий, полузакрытый волосами

лоб, изучающе глядя на Алексея. Его лицо нельзя было назвать неприятным, но вот небольшое движение мысли ему бы не помешало.

— Не помню что-то.

— Простите, вы какую должность занимаете в этом милом заведении под названием «ЗАО «Алексер»?

— Я шофер. Раньше Серебрякова возил, теперь обязан Валеру доставлять.

— Что ж так, без отчества?

— А на хрен мне его отчество? Вместе коробки таскали несколько лет назад.

— Он тоже был шофером?

— Грузчиком он был. Это я был шофером и остался им же.

— Что ж, не хотите его возить?

— А почему одни в люди выбиваются, а другие пожизненно баранку должны крутить? Я. Валеру возить не подряжался. Шеф — другое дело. Серебряков меня нанимал, он и заработать давал. Шеф был мужик что надо...

— Вас же никто не заставлял, наверное, переходить в личные водители Валерия Валентиновича?

— Ага. Только сказали: извини, дорогой, но раз шефа больше нет, то и должность твоя тю-тю. Или ищи. другую работу, или, если они захотят, вози по очереди Пашу с Валерой и делай все, что они скажут. Я, естественно, согласился: кушать-то всем хочется, с работой сейчас не очень, всех на самокупаемость переводят.

— Это как?

— А так: дается в месяц определенная сумма, хочешь — за щеку клади, хочешь — ремонт на нее делай. Туда все входит: и бензин, и запчасти, и штрафы, которые наши гаишники мастера сочиняют. И твоя собственная зарплата. И крутись как хочешь. Могут еще и грузить-разгружать заставить/за этим у начальства никогда не заржавеет.

— А личному шоферу проще?

— По крайней мере, коробки таскать не надо. Да что я вам... — Липатов потянулся к пачке сигарет. — Закурите?

— Нет, здоровье берегу. Может, пойдем пищу принимать? Есть охота.

— Я бы лучше выпил. Водки. Нам, шоферам, только по праздникам и можно принять как следует.

— Любите принять? Как следует, разумеется?

— Не без этого. Какой же мужик не любит выпить? На то они и выходные, чтоб выпить.

— Для кого как, для кого как... Вопрос спорный. Да, говорим с вами, говорим, а друг другу не представились.

— А со мной церемониться не обязательно. Если хотите, зовите Андрюхой.

— А по отчеству?

— Забудь, начальник, мне еще до отчества, как тебе до генерала. Пошли к народу присоединяться. — Липатов загасил окурок об облезлую, но чисто вымытую стену и первым тронулся вверх по лестнице.

В холле уже готовилась новая гулянка. Отдыхающие оживились. Стол вымыт, женщины расставляли посуду. Леонидов был на все сто уверен, что это инициатива невозмутимой Корсаковой. Она опять хозяйничала у стола, кромсая огромным ножом окорок, колбасу, белую лоснящуюся рыбу. Дух от стола исходил просто восхитительный. Алексей вдохнул соблазнительный аромат и взглядом нашел Александру: она суетилась там же, вместе с остальными женщинами носила, подавала, резала, раскладывала. Музыка, правда, никто не включал, танцы в сегодняшней программе, видимо, не предусматривались, хотя спиртное уже на столе появилось. Правда, по сравнению со вчерашним в небольшом, но достаточном, чтобы развеять тоску-печаль, количестве.

Пока шла вся эта суета, Леонидов незаметно разглядывал присутствующих в холле женщин. Не было только Ирины Сергеевны и мадам Калачевой, но они в расчет и не принимались. Любовница покойного коммерческого директора должна быть помоложе и всегда под рукой, чтобы безопасно было водить Нору за нос.

«Кто из них любовница покойного Павла Петровича? Кто?» — мучился Алексей, пытаясь влезть в шкуру психолога. Ему до смерти хотелось вычислить эту женщину без всякой подсказки.

Танечка Иванова — жена управляющего. Сразу вычеркиваем. Паша не любил бледных женщин. Ее и Эльзу, следуя кобелиной логике, из списка удаляем. А может, Сергеев изменил своим вкусам — сладенького обкушался, на пресное потянуло? Все с людьми случается, а коммерческий директор — тоже человек. Эльза неважно выглядит, и так не красавица, но сейчас совсем зеленая, хотя и не пила вчера совсем.

Елизавету тоже можно отставить в сторону. Слишком уж толста. Не польстится на нее Паша, даже несмотря на свою хваленую потенцию. Тем более что полно других кандидаток. К примеру — великолепная особь — Марина Лазаревич, секретарша. Подходит и по форме, и по содержанию. Правда, с ней некий молодой человек Николай, но это еще ничего не значит. Калачева вообще здесь с мужем, но это ей не помешало вчера караулить соблазнительную дичь. Марину — в актив.

Ольга Минаева. Опять-таки секретарь. Уже второй. Зачем Паше два секретаря? Дел, говорил, много было. Ольга для определенного сорта дел вполне подходит: яркая блондинка, высокая, с прекрасной фигурой, умная. Хотя ум — это уже из другой оперы. Мог Паша на нее засть? Мог! Значит, против Ольги тоже ставим жирный крестик.

Юлия Николаевна Казначеева, Тамара Глебова, повариха Валерия Семеновна — наши замужние, обремененные детьми дамы. Для детей Паша просто еще не созрел. А Корсакова просто выше его на голову, а коммерческий директор был слишком тщеславен, чтобы позволить женщине над собой возвышаться. К тому же поварихе. Это уже предмет для насмешек, а Паша не мог допустить и мысли о том, что чем-то смешон. Юлия Николаевна не проходит ни по каким параметрам: возраст не тот. Тамара Глебова в магазине не работает. Остается еще Наталья Акимцева — тоже весьма милая девушка.

Невысокая, стройненькая, очень живая. Не такая яркая, как Ольга Минаева, но зато более доступная. Но тоже при кавалере. Парень красивый, с замашками любителя шикарной жизни. По типу похож на Сергеева. Не наводит ли это на мысль о склонности Натальи к определенному сорту мужчин?

Подведем итоги. Если бы я был на месте Павла Сергеева, то, исходя из моего, то есть его вкуса, я бы оставил троих: Марину Лазаревич, Наталью Акимцеву и Ольгу Минаеву. Вот так-то. Надо ко всем троим внимательнее присмотреться.

Леонидов окончил свои логические построения как раз к началу чаепития. Все сели за стол. Обошлись без, тостов. Начальственные лица выползли из своих номе- j ров, народ, не чокаясь, помянул Пашу. Потом люди разбились на небольшие группки по интересам, сидели, жевали, вяло беседовали.

Алексей расположился рядом с женой, соображая, что же дальше делать. Он никак не мог выбрать жертву для очередной душеспасительной беседы, надеялся, что жертва найдется сама. Приняв хорошую порцию водки, размякший Калачев сам свалился в соседнее кресло.

— Поговорить бы, следовательно, — выдохнул он в ухо Леонидову.

— Я не следовательно. Я работник уголовного розыска на испорченном отдыхе.

— Ну ты же все раскапываешь.

— Сегодня вроде милиция приезжала.

— Да ладно, знаем... Серебряковамне все рассказала. Ты ей пообещал найти убийцу. Я знаю, под жену мою копаешь.

— Илья Петрович, народ к нам прислушивается, у вас голос громкий. Пойдемте, что ли, в ничейную комнату.

— Пойдем, погоди, я бутылку возьму.

Калачев прихватил початую бутылку водки, два граненых стакана и пачку сигарет.

«Да, видимо, это и называется «мужской разговор», — вздохнул Леонидов, оглядывая джентльменский набор. У него до сих пор болел желудок, и перспектива продолжать движение к гастриту не очень-то прельщала.

Несмотря на накрытый во второй раз обильный стол, коробок в двадцать первой комнате не убавилось. Правда, запах малость

подпортился — один аромат неудачно наложился на другой, но рыбка еще пахла отменно и по-прежнему вызывала аппетит. Алексей со вздохом опустился на не убранную с прошлой ночи кровать и подтянул себе под локоть подушку в несвежей наволочке.

Калачев между тем уже наполнил бледной отравой стаканы.

— Насухую нельзя поговорить, гражданин, товарищ, господин? — поинтересовался Алексей на всякий случай.

— Что ты, сыщик, как красная девка: хочешь, но целка мешает? Давай дернем по маленькой, праздники еще никто не отменял. Да и познакомиться надо поближе, не первый вечер за одним столом. — Калачев почесал свое внушительное пузо.

— Допустим, что второй. Только вчера вы меня вроде бы не замечали.

— Вчера я не знал еще, что моя дура такую штуку выкинет.

— Какую штуку?

— Ладно, за дурака меня не держи, будто не знаю, что она вместе со мной спать не легла? Полетела к своему голубю ненаглядному. Я только прикидываюсь, что бываю сильно пьяным. Стал бы я такие деньги грести, кабы не умел в пьяном виде замечать что следует, а когда надо — делать вид, что совсем никакой. Это и есть деловая хватка — много пить и много слушать. А уж Катьку-то свою я заметил: упорхнула, едва зенки закрыл.

— Что же вы ее не остановили?

— А зачем? Ну, выпьем, что ли?

Алексей с отвращением принял и влил в себя немного водки. Не шло сегодня, царапало горло, выворачивало желудок. Калачев же выпил с удовольствием, оттяпав зубами кусок валявшегося на тумбочке яблока, зажевал и потянулся к сигаретной пачке.

— Закуришь, милиция?

— Спасибо, берегу здоровье.

— Береги, береги, все там будем — и здоровые, и больные. Так вот, насчет моего ума... Эта Пашкина баба, которую Норой зовут, думает, что она самая умная. Решила отомстить своему хахалю моими руками. Думала, что, узнав про его амуры с Катькой, я меры начну принимать. Да знал я про все. Ну посуди ты сам: я целый день на работе. У меня бизнес — крутишься туда-сюда. Одна «крыша» чего стоит. Ты с бандюками когда-нибудь договаривался? Они только

пальцы загибать умеют, а считать — нет. Налоговая опять же, ОЭП этот... Каждый месяц проверки, проверки, проверки. Всем надо, все жить хотят. Страна непуганой коррупции. Снимут одного — другой приходит, новенький, голодный, как только что вылупившийся волчонок. У него еще нет ничего, кроме волчьего аппетита и постоянно растущих потребностей. А сколько обиженных лично тобой? Одного уволил, другому не так сказал — все затаились, ждут. И каждый гвоздь приготовил, чтобы вколотить в твой гроб. Это только у бедных врагов не бывает, а мы на том и стоим, что их наживаем. В итоге все друзья — ау! Где друзья? От тебя только ждут, чтоб поделился. Поделишься — мало! Еще давай!

Но страшнее всего, когда приходишь домой, а там тоже это «давай». Все равно что: деньги или постельные ласки. А у меня сил уже нет. В квартире молодая здоровая баба, не работает, гладкая, сытая, заботами не обремененная. Сначала ты ее от всего избавляешь — от сумок, стирки, уборки, от забот о хлебе насущном — и ждешь, что она будет тебе по гроб благодарна. Поначалу так оно и есть, только благодарности ненадолго хватает. Потом выясняется, что делать ей нечего, а тело — оно свое требует, ему энергию куда-то девать надо. Это мое только и норовит растянуться и отдохнуть. А баба отдыхает сколько влезет, поэтому и ласки все время хочет.

В итоге когда в один прекрасный день замечаешь, что супруга малость поутихла, соображаешь, что она где-то прихватила на стороне. Развестись? А смысл? Без бабы все равно нельзя: привык, ребенок опять же, общие друзья, да и природа требует своего, не часто, но требует. Да и люблю я свою Катьку, хоть она и стерва. По-своему, конечно, но — люблю. И дочку люблю. Дашка — молодец, учится хорошо, умная, не в мать, меня обожает. Нормальная семья, одним словом.

Между делом, значит, выясняю, что роман у нее не с кем иным, как с молодым, холостым, да еще и компаньоном. Я в серебряковский бизнес тоже солидно вложился. Уж Пашу я знал хорошо: у него таких Катек... Ничего серьезного между ними быть не могло.

Так и жили. Кроме нас троих, никто об этом не знал: Паша молчал, потому что меня боялся, жена привыкла к сытой жизни, выгонять стал бы — не ушла бы, а я делал вид, что ничего не знаю.

— Устроились, короче, — наконец нашелся Леонидов, который поначалу ошалел от такого фонтана откровений.

— Ты еще молодой, но упертый, сыщик. И не стал бы я тебе тут душу изливать, если бы ты не совал свой нос туда, куда тебя не просили. Я сразу сообразил, что ты под меня или под Катьку копаешь. Только не она его с балкона спустила.

— Я знаю. Единственная стопроцентно неподозреваемая женщина, за исключением, конечно, моей жены.

— Это еще почему?

— Потому что прекрасная девушка Нора из ревности положила в ее стакан часть своей суточной дозы успокоительного. Екатерина Леонидовна спала без задних ног и к Паше-покойнику не приближалась.

— Чего ж ты мне сразу не сказал, мент?

— А интересно было вас послушать. Кстати, у вас, хозяев жизни, такое свойство — вы слушаете только себя. Собственные слова для вас настолько важны, что, пока не выскажетесь, упаси боже прервать. Так что я благообразно помалкивал. К тому же вы сами не могли приложить ручки к Пашиному полету, а?

— Я спал. Перебрал хорошо. Да и объяснил я тебе, что ненависти к Паше не испытывал, все совершалось с моего благословения. Понятно?

— А вы не в курсе, кто заменил вашу жену на посту постоянно сменяемой любовницы Паши?

— Смеешься? Паша со мной не откровенничал. Не знаю я ничего. Да и не амурные тут дела.

— А какие?

— Власть с Валерой не поделили. Король-то умер, то есть великий и могучий Серебряков, а преемников оказалось два, один явно был лишним. Только мне всегда казалось, что на радикальные методы способен именно Паша. Тот был друг, соратник, наследник с благословения, так сказать. А Иванов — птица другого полета, не в его характере избавляться от конкурента таким образом. Хотя если оба выпили и дело дошло до разборки, то все могло случиться. Давай, Леонидов, дернем еще по одной. За упокой души раба Божьего Павла.

— Так пили уже.

— Душа, она вечного поминовения требует, что ей одна рюмка! Пей, сыщик, хуже все равно уже не будет.

— Вы это о чем?

— А о жизни! Дурацкий сериал помнишь — «Богатые тоже плачут»? Жена смотрела, мне, само собой, не до соплей, только название понравилось. Ну все у меня есть: две квартиры, три дачи, три машины, жратва любая, за дочку штуку в месяц плачу в одну только школу, а их целых три. Жене бриллианты покупаю, деньги на тех счетах, на каких нужно. И покоя нет. А кроме него, чего желать — непонятно. Одно только — попить, поесть, да здоровье уже не то. Думаешь, не был я молодым и стройным, как ты?

— Погодите, Илья Петрович, вы на сколько старше меня-то? Мне тридцать три, скоро тридцать четыре стукнет.

— Да? Семь лет разницы всего-то? Неплохо ты сохранился, сыщик.

— Так ведь я не богатый. А вы бы хобби какое-нибудь себе придумали: бабочек, что ли, ловите или японские деревья карликовые выращивайте. Сейчас, говорят, модно.

— А ты пробовал?

— У меня вся жизнь хобби: как свести концы с концами называется. От такого не заскучаешь.

— Хочешь, на работу к себе возьму? Нравишься ты мне, хоть и ершистый мужик. Штуку буду платить для начала.

— Нет, спасибо, Илья Петрович. Свобода — это осознанная необходимость — слышали про такое? Главное — осознать, что тебе дороже: она или пожизненная каторга в золотых цепях.

— У тебя, что ли, начальства нет?

— Есть, только это начальство, а не благодетели. Не люблю быть обязанным. Благодаяние по отношению к тебе совершается один раз, а расплачиваешься ты за него потом всю жизнь. Вот так-то.

— Философ. Нахвтался где или сам сочиняешь? Что ж, ты, выходит, бедный, но гордый. Все с мельницами ветряными воюешь?

— Так потому и живота нет, Илья Петрович. Кстати, а чего вы сегодня не уехали со своей драгоценной женой? Остались зачем-то в не очень подходящей компании.

— Если бы я уехал, подумали бы, что испугался. А Илья Петрович Калачев ничего не боится. Да и к Пашиной смерти я

отношения не имею, поэтому в глаза присутствующим смотреть не боюсь и драпать не собираюсь. Я за жену переживал, что она сдуру могла. А если все и так ясно, то мы, пожалуй, завтра свалим отсюда. Здесь уже не отдых, а мне нужно нервные клетки восстанавливать. Слушай, сыщик, чего тут осталось, может, допьем?

Тут в комнату ввалилась огромная фигура Барышева.

— Помешал?

— Что ты. Только свет закрываешь. Голову убери, она в аккурат в плафон упирается, — кольнул его Леонидов.

— Почему это маленькие люди такие завистливые? Вас женщины потеряли. Сидите тут, а у нас бутылки водки не хватает.

— Садись, Серега, составь компанию Илье Петровичу, у меня организм не принимает, — кивнул на Калачева Алексей.

— Да ну, завтра же народ в спортзал собирается, какая водка?

— Эх, мужики! — Господин преуспевающий бизнесмен вылил в свой стакан остаток из бутылки, выпил махом, кинул в-рот дольку мандарина. Барышев и Леонидов проследили за этим процессом и вышли в холл. Илья Петрович нетвердой походкой за ними.

В холле царило грустное оживление. Если и существует такое понятие, то оно обозначает вынужденно сдерживаемое веселье: вроде радоваться повод не позволяет, а молодая кровь играет вовсю и покоя не дает. Женщины не смеялись в открытую, а хихикали, перешептываясь в тесных кружках, мужчины с серьезными лицами говорили несерьезные вещи. Мрачнее тучи был только Валерий Иванов. Похожий на раздувшегося индюка, он занимал добрую треть дивана. Со стороны можно было подумать, что погиб его лучший друг, а не противник номер один, и Валера о нем скорбит и оплакивает. Но Леонидов, как человек посвященный, знал, что причина скорби управляющего не в этом. Вокруг Иванова сжималось плотное кольцо, его, словно волка, методично обкладывали красными флажками.

Алексей никак не мог понять, была ли смерть Сергеева просто поводом для коллектива разделаться с подминавшим его под себя человеком, или управляющий действительно был виновен. Леонидову оставалось подождать, кто первый вонзит кинжал в подготовленную для разделывания тушу.

Саша наконец соизволила приземлиться рядом.

— Скучаешь, муженек?

— Зато тебе весело.

— Сам виноват. Сидишь смотришь на всех с подозрениями. Хочешь, пойдём погуляем, мы тебя с Сережкой в сугроб засунем?

— Спать уже пора, а тебя на подвиги тянет. Я в этом кресле так хорошо пригрелся. А ты иди с Аней и Барышевым в карты играть.

— А ты? Нам четвертый игрок нужен.

— Я приду. Позже.

— Опять чего-то замыслил, Леонидов. Думаешь, ты тут самый умный? У тебя на лице написано, что скоро снова в кого-нибудь вцепишься. Тебе, Леша, надо было идти в священники, уж очень ты любишь исповедовать. — Высказавшись, Саша мимоходом глянула в зеркало и упорхнула к румяной Анечке.

Алексей остался один и, повернув голову, увидел Валерию Семеновну Корсакову, которая наливала себе рюмку водки. В компании дама не нуждалась. Пила в одиночку, закусывая всем, что подворачивалось под руку. Аппетит у нее был отменный, видимо, особенно уважала повариха деликатесы, которые, ничуть не стесняясь, уничтожала с большим аппетитом.

«Интересно, обкладывает ломтик хлеба двумя кусками белой рыбы: снизу и сверху. Это, наверное, и называется правильный бутерброд. Мне или Сашке так не сделать, совесть не позволит. А эта ничего — кушает. Он посмотрел в свой пустой стакан и повернулся к Корсаковой:

— Поделитесь, Валерия Семеновна? А то все в одиночку пьете, даме так негоже поступать.

На «даму» повариха внимания не обратила, молча налила ему добрую половину того, что еще оставалось в бутылке. Пить Леонидов не собирался, но решил «поддержать» компанию...

— Хочу вас спросить: почему вы без мужа приехали?

— Вам-то что?

— Может, интересуюсь на предмет ухаживания.

— Ага, вон твой предмет порхает. — Она кивнула на улыбающуюся Сашеньку.

— Вас не проведешь, Валерия Семеновна. А вот господин Манцев вчера в своей комнате не ночевал.

— Мне-то что? — Но голос у нее дрогнул.

— Его почему-то попросил господин Липатов. Комната номер девятнадцать. Вы не знаете, где это?

Женщины этой породы в ответ на подобные намеки никогда не краснеют, в этом Леонидов убедился сразу, услышав ответ Валерии Семеновны. Краснеют позволившие себе намек мужчины. Например, он, Алексей, не ожидал от себя такой реакции. Когда Корсакова выдала все, что знала из области бранной лексики, он поспешил отсесть от нее подальше. Леонидов понял, что попал в точку. Конечно, шалости замужней поварихи мало что добавляли к делу об убийстве коммерческого директора, но кто и где был в ночь преступления, знать не мешало.

Придя в себя после общения с эмоциональным работником питания, Леонидов стал присматриваться к трем женщинам, которых для себя определил как возможных любовниц Павла Сергеева. Марина Лазаревич сидела в обнимку с юношей по имени Коля и улыбалась словам, которые он бубнил в ее каштановый затылок. Наталья Акимцева неодобрительно наблюдала за подвыпившим Юрой, который путано рассказывал анекдот одновременно толстой Лизе и бледной Эльзе. Ольга Минаева явно скучала в одиночестве. Во всяком случае, выражение лица у нее было кислое. Алексей решился и переброеил усталое тело на другой диван.

— Девушка, вы скучаете?

— Неужели такой приятный мужчина решил меня развлечь?

— Эх, Ольга, не первый раз вижу вас, и всегда вы вызываете во мне определенные чувства.

— Жена, что ли, куда-то вышла?

— Ну почему сразу — жена? Вы мне просто напоминаете романтических тургеневских девушек.

— Ага, как Лиза выпорхнула из своего дворянского гнезда. Как же, в школе проходили.

— Ольга, ну почему вы пресекаете все попытки сказать вам что-то приятное? Странное свойство характера у такой красивой женщины.

— Просто не люблю комплименты. Они меня настораживают. Если мужчина говорит женщине комплимент, значит, ему от нее что-то нужно. Так позвольте узнать, по какому поводу вы ко мне подлизываетесь, Алексей Алексеевич?

Еще в первое посещение «Алексера» Леонидов понял, что Ольга не глупа, и подобные игры с ней затевать трудно. Но как иначе узнаешь, была ли она в связи с Пашей. Разве что в лоб спросить?

— Вы правы, я мерзкий, коварный тип, все делаю с задней мыслью, Вы меня совершенно не интересуете как женщина, просто хотелось выяснить, как вы относились к покойному ныне коммерческому директору?

Она усмехнулась:

— Как и большинству женщин, он мне нравился: красивый, общительный, не жадный, веселый. Что еще?

— А вы ему нравились?

— Опять же, как и большинству мужчин. У меня тот счастливый тип романтической блондинки, который вызывает у лиц противоположного пола ностальгию по тихому обожанию. А вы равнодушны к блондинкам, капитан?

— Нет. Значит, он нравился вам, вы ему — и?

— Что — «и»? Не всякое «и» успешно трансформируется в «а!». На свете полно мужчин и женщин, которые нравятся друг другу, но это не значит, что они вместе спят. Вас ведь это интересует?

— Не всякие мужчина и женщина, которые друг другу нравятся, свободны для любви, поправил бы я вас. Вам и Павлу Петровичу цепи не мешали.

— А Нора?

— Ладно, не буду мудрить, ходить вокруг да около. Скажу прямо, что мне известно о Пашином романе с какой-то девушкой из офиса. Он все-таки исхитрился завести его под носом у своей стервы-любовницы.

— Рисковый мужчина. Не думала, что он способен на поступок.

— Значит, это были не вы?

— Значит, не я.

— Зря понадеялся. Красивее вас, Оленька, он никого бы не нашел.

— Послушайте, вы надеетесь, что вам кто-то сам признается. Вы наивны. Займитесь лучше Ивановым, и перестаньте ковыряться в чужих душах. А сейчас^спо-койной ночи, господин капитан.

Она поднялась и начала протискиваться в сторону выхода. Алексей налил себе пива. Общение с девушкой Олей требовало дополнительной стимуляции. Его только что откровенно поучали, и

Леонидов обиделся. Время было позднее, и Алексей решил пойти «зализывать раны» к жене.

В угловой комнате номер четыре Серега Барышев резался в дурака со своей и леонидовской женами. Они сидели с ногами на сдвинутых кроватях и орали как ненормальные. Сергей, оставшийся в дураках в третий раз, возмущался женскому коварству, Аня смеялась, покрасневшая Сашенька убеждала народ играть на щелбаны. Увидев Алексея, несчастный Серега от радости чуть не свалился с кровати.

— Леонидов! Какое счастье! Первый раз в жизни так тебе радуюсь. Гроби сюда, меня женщины обыгрывают.

Злорадный Леонидов сделал постное лицо:

— Вряд ли тебе помогут мои жалкие силенки. Что ж ты не воспользуешься своим могучим телосложением?

— Видали? Знаешь, Леха, говорят, маленькие — они умные. Я просто убежден в твоём гигантском интеллекте, особенно если внимательно присмотреться к твоему росту.

— А ты не вглядывайся во что не просят. Дорогие женщины, сделайте этому большому и глупому парни-ше еще пару «дураков». Ему полезно.

— Правда, Лешка, чего ломаешься, давай сыграем двое на двое: женщины против мужчин, — поддержала Барышева Саша.

— Александра, а где ребенок? Лучше бы спать его уложила.

— Ну ты зануда, Леонидов, — возмутилась жена. — Он с детьми в мансарде носится. Дай ребенку нагуляться, не все же тебе одному.

— Так и быть. Если, Барышев, признаешь, что ты тупица, а я великий интеллектуал.

— Да хоть сам Эйнштейн. Садись давай.

Леонидов сбросил кроссовки и устроился на кровати. В карты он играл прилично, прекрасно просчитывал козыри на руках противника., даже Серега не смог испортить ему игру. Вскоре женщины потерпели сокрушительное поражение со счетом один — десять. Барышев гудел могучим смехом, Сашка норовила ударить Алексея картами по ушам, а Анечка только бормотала:

— Нечестно, ну нечестно же. Сергей наконец перестал смеяться:

— Леонидов, я все тебе прощаю, будь моим другом навсегда. Моя физическая сила плюс твой интеллект — и никакие женщины с нами

не справятся.

— Да? — не выдержала миролюбивая Анечка. — Это мы сейчас посмотрим. — И она головой уперлась мужу в могучее плечо, пытаясь повалить на кровать.

— Так, все ясно, Александра, пойдем. — Леонидов, подхватил Сашу под руку и повел к дверям. — Завтра продолжим, если у дам появится охота.

Глава 4 ВЕСЬ СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

На следующее утро, проснувшись, как обычно, в половине восьмого, Алексей долго не решался открыть глаза. Ощущение чего-то недосказанного и невыполненного не покидало его со вчерашнего утра. Леонидов был почти уверен в том, что неприятности продолжатся, поэтому в коридор выглянул с опаской, боясь наткнуться на какой-нибудь очередной сюрприз. Почему у него возникло нехорошее предчувствие, Алексей и сам не смог бы себе объяснить. Однако в холле не оказалось ничего, кроме растерзанного стола и потертой мебели. Алексей вздохнул с облегчением. Мир показался не таким уж гнусным, впереди замаячила неясная надежда на то, что он, Леонидов, ошибается. Народ, как и полагалось в такое раннее время, еще спал. В холле было пусто. Стоять в одиночестве, чувствуя над собой высоту деревянного потолка, оказалось крайне неприятно.

Леонидов вздохнул и отправился на улицу, размяться. Зарядка давно уже перестала быть для него необходимостью и перешла в разряд привычек, от которых просто трудно отказаться. Не сделав утром положенное количество наклонов, отжиманий, приседаний и подтягиваний, Леонидов не мог потом весь день избавиться от чувства не выполненного с утра важного дела.

Отпахав положенные двадцать пять минут, он с облегчением вздохнул и отправился будить к завтраку жену.

Поднявшись на второй этаж, Леонидов увидел выходящую из люкса Калачеву с двумя большими сумками. За ним плелась заспанная и злая Екатерина Леонидовна, тащившая зевающую Дашеньку.

— Илья Петрович, доброе утро! — поздоровался Алексей. — Не раненько ли поднялись сегодня? Еще только восемь.

— Кто рано встает, тому сами знаете что.

— Неужели вам все еще мало? Господь к вашему бизнесу и так достаточно щедр. Даже позавтракать не хотите.

— Мне полезно одно разгрузочное утро.

— А семейство? — не унимался Алексей.

— В «Макдоналдс» по дороге заедем.

— Это же голый холестерин. То ли дело — здешняя столовая, вот где надо питаться людям, нуждающимся в диете.

— Приятно было познакомиться, но мы торопимся, — вмешалась мадам Калачева.

— На автобус? — не выдержал, съязвив, Леонидов.

— Даша, пошли, — безжалостно дернула сонную девочку за руку Екатерина Леонидовна.

Та всхлипнула и потащилась за матерью, поскуливая:

— Мама, я не хочу уезжать... Не хочу, мама... Калачев поставил сумки поближе к дверям и подошел к Леонидову:

— Вот что, сыщик, я вчера слегка перебрал... Ты бы взял у меня денег? — Илья Петрович полез в карман, вынимая смятые пятисотенные купюры. Попробовал считать, потом вздохнул, пожевал губами, пихнул всю пачку.

— Зачем? — удивился Алексей.

— Спокойнее. Мне. Тебе.

— Бросьте, Илья Петрович. Ничего я не помню, мало ли что люди болтают, когда напьются.

— Гордый, что ли?

— Просто не вижу повода воспользоваться вашим благодеянием. От заработанного никогда не откажусь, а от подачки... .

— Как хочешь. А ты — мужик. Не понимаю, но уважаю. Может, еще пересечемся. Визиточку не хочешь взять?

— Давайте. — Леонидов спрятал в карман шикарную калачевскую визитку. Лишняя бумажка карман не тянет, а в жизни даже великих сыщиков все случается, в том числе и неприятности на работе. Если турнут, к кому бежать? — Всего хорошего, Илья Петрович.

Тот бормотнул что-то неразборчивое и потащил вниз свои сумки. «Похоже на поспешное бегство, — усмехнулся про себя Алексей. — Торопится господин бизнесмен. Правильно, чего ему теперь здесь ловить? А куда я, собственно, шел? Да, нам «Макдоналдс» не светит, семейство придется будить».

...В огромной столовой народу оказалось мало, только вечно голодный Барышев уминал, как всегда, за троих. Еще бледная Эльза в компании с толстой Елизаветой что-то жевала за соседним столом. Леонидовы присели рядом с Сергеем, хором поинтересовавшись:

— Вкусно?

— Еда — это необходимый физиологический процесс, а не повод радоваться жизни, — изрек невозмутимый Барышев, заглатывая очередную ложку неаппетитной овсянки.

— Все ясно, — вздохнул Леонидов, подвигая к себе тарелку. — На что-либо почти съедобное рассчитывать не приходится. Какие планы на сегодня?

— Как это, какие планы? Я намерен охватить всю предлагаемую местными организаторами досуга спортивную программу. Не страдать же всю неделю по безвременной Пашиной кончине? С утра — бассейн, после обеда — лыжи, после лыж — волейбол.

— Ты-то, может, выживешь после всего этого, а я — пас.

— Тебе бы только в карты играть. В благодарность за вчерашнюю победу в этом виде спорта я беру над тобой шефство: буду твоим тренером во всех спортивных мероприятиях.

— Только не это! — ужаснулся Леонидов.

— Ты давай, Леха, запихивай в себя всю кашу, она тебе в ближайшее время пригодится.

— А отпустить меня поспать никак нельзя?

— Я тебе друг или нет? Неужели я допущу, чтобы ты разжирел и перестал нравиться женщинам? Никогда! — Серега пододвинул к себе тарелку Анечки, расправившись со своей порцией.

— Своей жене я всегда буду нравиться, а другие женщины мне не нужны, правда, Саша? — попытался вывернуться Леонидов.

— Ну уж нет. Зачем ты мне нужен толстый? Правильно, Сергей, ату его, пусть не залеживается, — засмеялась Александра.

— А вчера что говорила? И это называется любовь?! Ладно, я вам всем отомщу.

— Иди, Леонидов, плавки надевай. Я пораньше встал сегодня и записал нас всех в бассейн на утренний сеанс. У тебя двадцать пять минут, чтобы морально подготовиться к заплыву на полтора километра.

— Барышев, я подозревал в тебе садистские наклонности, но ожидал хотя бы элементарной человеческой благодарности...

— Иди, иди... — Доев кашу, Сергей поднялся и неумолимо стал подталкивать Алексея в сторону раздевалки.

Через двадцать минут Леонидов уже входил в здание спортзала, прижимая к груди пакет с плавками и спортивной формой. Плавать ему никогда не нравилось. Еще в школе Алексей предпочитал бег на средние Дистанции, в крайнем случае — коллективные игры, наподобие футбола. Но спорить с Барышевым и женой было бесполезно. К тому же он надеялся окончательно избавиться от скопившихся в организме ядов, выгнав их с потом. Около входа в раздевалку было не очень-то многолюдно. Сидевшие за столиком две неспортивного вида женщины выдавали отдыхающим купальные шапочки и пропуска в бассейн. За соответствующую плату, конечно. Леонидов со вздохом сожаления оплатил свой и Сашин с Сережкой заплыв и двинулся под контролем Сергея Барышева в мужскую раздевалку.

— Не вздумай сбежать, — зловеще прошипел ему в ухо приятель. Он первый разделся и прицеливался к освободившейся душевой.

Желающие искупаться с утра пораньше, оказывается, уже давно оккупировали бассейн. Поплывать в теплой воде в холодное время года никто не откажется. Любителей водных процедур оказалось так много, что Алексей понял: в воде придется просто стоять, ибо пробиться сквозь плотную массу людских тел было затруднительно. Шарахались купающиеся только от мощного Барышева, который, как волнорез, рассекал пахнущую хлоркой воду, создавая внушительную волну, заставлявшую людей держаться подальше. Плавал Сергей мощным отлаженным кролем, быстро и красиво.

Леонидов поежился от легкой зависти и, пристроившись у борта, украдкой стал разглядывать женщин. Те, в отличие от мужчин, не спешили: натягивали купальные шапочки, оглядывали по нескольку раз себя в зеркалах, постольку же раз мылись в душе... Стройные и красивые выходили из раздевалки не спеша, поглядывая на купающихся мужчин и надолго зависая возле металлических поручней, не торопясь спрятать под водой то, чем щедро наградила их природа. Мясистые толстушки бочком пробегали к воде, сожалея о сделанном когда-то выборе в пользу вкусной еды. Именно в такие минуты, когда приходится появляться в крохотном бикини перед оценивающими мужскими взглядами, женщина дает себе слово с утра начать новую жизнь и ежедневную гимнастику.

Леонидов с удовольствием оглядел появившуюся в проходе жену: Саше не требовались подобные обеты, она выглядела прекрасно, и даже казенная голубая шапочка удивительно подходила к ее синим глазам. Купальник у Александры тоже был в тон, и он хорошо подчеркивал большую красивую грудь, тонкую талию и маленький, волнующий воображение животик. Отыскав глазами мужа и сына, она улыбнулась и нырнула в бассейн.

— Так, Лешечка, все ясно, чем ты здесь занимаешься.

— Чем же?

— Ты неисправимый бабник. Посмотри лучше на Барышева: плавает себе и плавает, ни на кого не смотрит.

— Зато на него все смотрят. А я, пользуясь своей ординарностью, занимаюсь расследованием, вычисляю преступника, не понимаешь, что ли?

— В бассейне? За дурочку меня не держи! Я тебя сейчас буду топить за вранье. — Саша действительно потащила Леонидова под воду. Они забарахтались, подбираясь к трущемуся у бортика Сережке.

Алексей всегда удивлялся, как меняются без одежды люди. Сейчас, бултыхаясь среди голых тел, он никак не мог сообразить, кто из присутствующих в бассейне ему знаком, а кто нет. Одинаковые шапочки колыхались над водой, делая людей удивительно похожими друг на друга. И когда одна такая шапочка схватила Леонидова за руку, он даже не понял сначала, чего хочет незнакомая девушка.

— Алексей Алексеевич, мне надо с вами поговорить. Только по голосу Леонидов узнал жену управляющего Иванова Татьяну.

— Что, прямо сейчас?

— Чем быстрее, тем лучше. Я все равно уже накупалась.

— Мне тоже, если честно, такое скопление людей в бассейне удовольствия не доставляет. Через десять минут встретимся в холле.

— Хорошо. — Она поплыла к бортику.

Алексей со "спиной оглядел ее полную некрасивую фигуру, вздохнул и подплыл к жене.

— Александра, я отлучусь на свидание.

— С кем?

— Да присмотрел тут себе одну русалку.

— Тогда я тоже кого-нибудь присмотрю.

— Попробуй только. Это мужчина может позволить себе легкий флирт, а тебя я сейчас под барышевский присмотр отдам. Кстати, скажи ему, чтобы Сережку в раздевалку отвел: пусть тренируется на чужих детях, пока своими не обзавелся.

Через десять минут он пристроился вместе с Татьяной Ивановой за столиком в маленьком буфете.

— Извините, Татьяна, не знаю вашего отчества...

— Это не важно, — успокоила его женщина. Госпожа Иванова действительно была на редкость бесцветной особой. Взгляд серых невыразительных глаз впился в Леонидова, прижимая его к стулу.

— Хорошо, Татьяна, я слушаю. Что такого важного вы решили мне сообщить?

— Официально заявляю, что мой муж, Валерий Иванов, в момент убийства Павла Петровича Сергеева в нашей комнате не ночевал.

Леонидов чуть не упал со стула. Он ожидал, кто же первым бросит камень в Валеру, но никак не предполагал, что это окажется собственная супруга господина управляющего.

— Вы что, караулили его?

— Я не спала. Последнее время отношения между Валерой и Павлом Петровичем были особенно напряженными. Муж хотел выяснить все окончательно и, когда мы ушли к себе в номер, сказал, что должен срочно поговорить с Пашей, мол, он его ждет. Я же, естественно, не могла уснуть, моя работа тоже зависела от итогов их переговоров. Вам ведь известно, что Ирина Сергеевна пригласила на работу в магазин Аню Барышеву. Получается, что вместе со мной и Лизой будет три продавца, а ставки только две. Одна из нас — лишняя.

— Уж не думаю, что Валерий Валентинович стал бы делать выбор между своей женой и чужой женщиной.

— Дело в том, что Павел Петрович недавно высказал мысль, что жена не должна работать под руководством мужа. Поэтому я вполне могу потерять работу.

— Вы в ней очень нуждаетесь?

— Это не имеет значения! Хочу остаться в магазине, не важно, по какой причине.

— Ладно, оставим. Не понимаю, как это вы, жена, чуть ли не обвиняете родного человека в преступлении?

— А вам-то не все равно? — Глаза женщины зловеще сверкнули из-под пряди закрывших лицо волос. — Ваше дело покарать. Вот и карайте. Я на любом суде готова заявить, что в момент убийства в комнате мужа не было. Он был на том самом балконе. Я слышала крик, глухой удар, а через несколько минут в номер вошел Валера. Он был не в себе, ничего не стал объяснять. Но я-то знаю!

— Что ж, весьма неожиданно. Больше ничего не хотите добавить?

— Нет, больше ничего. Что теперь будете делать?

— С веревкой брошусь на Валерия Валентиновича.

— Вы так торопитесь избавиться от мужа?

— Это не ваше дело.

— Как мило у вас все получается: то не мое дело, это не мое дело. Славное мнение об органах правосудия, которым лишь бы схватить и посадить.

— Значит, моего признания недостаточно?

— Увы...

— Хорошо. Вас жена, наверное, уже ждет, а меня Валерий.

— Кстати, а он что же, с утра не плавает?

— Наверное, занят чем-то более важным, — странно усмехнулась она и двинулась к выходу.

Алексею осталось только проследовать за Татьяной в холл, где его действительно уже поджидали Барышев и компания. Саша крутила головой, высматривая женщину, соблаздившую мужа раньше времени покинуть бассейн. Увидев даму, с которой появился Леонидов, Александра засмеялась, а Барышев присвистнул:

— Леха, твое обаяние распространяется даже на самые отмороженные персонажи. О чем вы шептались вдали от супружеских глаз?

— Любопытной Варваре, говорят, на базаре нос оторвали. Догадайся с трех раз, что не мешало бы оторвать такому любопытному мужику, как ты?

— Ну уж нет! Может, это самая дорогая мне вещь в собственном организме. Кстати, я не доволен: ты не активно вел себя в бассейне, до обеда еще три часа, пойдём на лыжную базу?

— Только если пообещаешь, что кататься мы будем в собственное удовольствие, а не назло рекордам.

— Ладно, я тебя за женщинами поставлю, будешь замыкать строй. Пошли переодеваться.

Леонидов на всякий случай обернулся, но Татьяны Ивановой в спортивном комплексе уже не было.

Погодка на улице и впрямь установилась — только и катайся на лыжах. Метель окончательно стихла, снега намело вдоволь, легкий морозец приятно щекотал кожу. До своего коттеджа' они шли не спеша, наслаждаясь свежим, пахнущим хвоей воздухом и тишиной.

В коттедже Алексея ждал еще один сюрприз: в холле, сидя на диване со стаканом апельсинового сока в руке, его поджидал двоюродный брат управляющего Саша Иванов.

— Можно вас на два слова, Алексей Алексеевич?

— Что, так важно? Я покататься на лыжах собрался.

— Всего пару минут.

— Хорошо. Александра, иди собирай Сережку и мне там приготовь, что втурпоход надеть. Я сейчас.

Семейка Ивановых начинала Леонидова потихоньку доставать. «Пошлю-ка я сейчас куда подальше всю эту братию», — подумал он, шагая за Ивановым-младшим в комнату номер четырнадцать.

— Ну, и что такого важного вы хотите мне сообщить. Впрочем, догадываюсь: желаете заявить, что видели, как ваш двоюродный брат столкнул с балкона господина коммерческого директора. Верно?

— Не совсем так. Видите ли, я не ночевал в своей комнате после того сабантуя...

— Это я уже знаю. Где же вас носило?

— Вообще-то дело личное: я был с женщиной и не хотел бы ее впутывать.

— Что, так серьезно?

— Не надо меня сватать на роль Ромео. Я, конечно, человек мягкий, но не дурак. Короче, я был в боковой комнате. Вернее, сначала в холле, потом Валера вышел из своего номера и сказал, что идет поговорить с Пашей. Я пытался отговорить, коммерческий директор был сильно пьян, черт знает что мог ляпнуть. Но братец и сам неслабо принял, рвался в бой отношения выяснять. Я отговаривал, честное слово, но брат еще сказал, что на Пашу управу найдет-. Я плюнул и ушел к своей девушке. Она ждала в двадцать первой комнате, у меня

был с ней серьезный разговор, можно сказать, дальнейшая жизнь решалась.

Когда послышался тот звук, ну, удар, мы сначала ничего не поняли. Подумали, что спьяну кто-то стол уронил. Через несколько минут я выглянул в коридор, на всякий случай: там увидел лежащего на полу у стола Пашу, а Валера, нагнувшись, у него пульс щупал. Когда меня увидел, то испугался.

— Ничего не сказал?

— Сказал. «Не думай, это не я» — вот что сказал. А кто тогда? Больше никого не было. Манцев, правда, спал на диване в холле, но он был в стельку, вряд ли чего слышал. Голову, во всяком случае, не поднял.

— Значит, Манцев?

— Да ничего он вам не скажет. Если до сих пор не выразил желания, значит, ничего не помнит. Стал бы он Валеру выгораживать? Он же к Ольге неравнодушен, а та братца просто ненавидит.

— К Минаевой, что ли?

— А то к кому?

— А она?

— Эта девушка не про нас, серых. Костик у нее был на ролях «давайте будем просто друзьями».

— У Ольги кто-то есть или она просто в ожидании корабля с алыми парусами?

— Ну, глупой ее никак не назовешь. Зачем ей ждать, если можно просто руку протянуть и взять?

— И протянула?

— Наверное. Конкретно никто ничего не знает.

— Или делает вид, что не хочет знать. У вас не офис, а какой-то аквариум: любой корм тут же виден и растаскивается в момент.

— Значит, ничего не было. Да при чем здесь Ольга? Я про Валеру говорю: он убил. Спьяну, конечно, подрались, Паша случайно упал. Я же говорил ему: не ходи.

— Не уберегли, значит, или не очень хотели? Вам-то что за резон кусать кормящую вас руку? Ведь братец Для вас благодетель.

— А знаете, как тяжело всю жизнь расплачиваться за благодеяние? Кто-то из философов сказал, что благодеяние только

тогда истинно, когда совершивший его тут же о нем забывает, а принявший помнит всю жизнь.

— А вы и философов читаете?

— Слышал краем уха. Не важно. Так вот, Валера никогда не помогает просто так. Он не просто не забыл, а потребовал оплаты в нужный момент. Ему нужно было то, что для человека куда важнее хорошей работы и большой зарплаты, — он требовал полного, я бы сказал, собачьего подчинения. Он хотел сломать человека.

— Что же вы должны сделать?

— Это касается только меня.

— Значит, моими руками вы решили избавиться от оплаты по долгам?

— Я сказал правду. Иногда случай помогает и таким зависимым людям, как ваш собеседник. Почему бы и не воспользоваться? Кстати, Таня тоже подтвердит, что Валеры в их комнате не было, когда Паша упал с балкона.

— Не она ли вас попросила об услуге? Ей вы тоже чем-то обязаны?

— Никто ни о чем меня не просил.

— А ваша девушка не хочет подтвердить истинность ваших слов?

— Это не совсем удобно.

— Она что, замужем? Иванов замялся:

— В некотором роде...

— Что же, я просто уверен, что к концу дня найдется еще кто-то, кто кинет камень в управляющего. Похоже, что в ту ночь сладким сном праведника спал только я, остальные же следили за тем, кто кого победит: Павел Петрович Валерия или Валерий Павла Петровича. Ставки не делали?

— Не понимаю.

— А зря. Серебрякова наверняка проиграла бы целое состояние: она так верила в коммерческого директора.

— Собственно, я больше ничего не хотел...

— Тогда я свободен, пойду займусь тем, что было изначально обещано: отдыхом.

— А что с братом?

— Тоже торопитесь? Подождите пару дней, Саша.

Или не вмоготу?

Иванов зыркнул на Алексея, как на заклятого врага.

«А глаза-то у него как у двоюродного братца. Тоже волчонок подрастает, только часа своего дожидается. А с виду такой милый, хрупкий, вежливый...» — подумал Леонидов, направляясь в свою комнату переодеваться.

Саша уже оделась сама, подготовила к походу Сережку и теперь ворчала на Алексея, швыряя в него свитер, спортивные штаны, куртку и шарф.

— Где ты ходишь? Мы уже все потные.

— Ну и шли бы без меня.

— Нет, дома тебя редко вижу, хочу хоть здесь насмотреться.

— Я так и слышу команду «к ноге». Шаг вправо, шаг влево карается расстрелом?

— Леша, не злись. Мы просто по тебе скучаем.

— Ладно, потащусь с вами, так и быть. Между прочим, мне смертельно не нравятся лыжи, но это, похоже, мало кого интересует.

Саша не стала слушать брюзжание мужа, вытолкала его за дверь, закрыла ее на ключ, а ключ опустила в 'карман. Леонидов понял, что пути к отступлению отрезаны, и пошел преодолевать снежные сугробы.

Они встретились с Барышевыми возле лыжной базы. Два мужика в дешевых спортивных костюмах отоваривали желающих приобщиться к лыжным видам спорта соответствующим инвентарем. Народу привалило порядочно; возле стены копошились «спортсмены», прислонив свои разноцветные и разнокалиберные лыжи.

Больше всех, конечно, не повезло Сергею Барышеву: он долго не мог подобрать себе ботинки. Алексей быстро схватил первое, что более или менее подошло, помог Саше и маленькому Сережке: мальчишке достались детские лыжики с креплениями прямо на сапоги и пара коротеньких палок. Наконец были готовы Александра и Анечка, сам Барышев скрепя сердце влез в тесные ботинки.

Кавалькада пестро экипированных спортсменов выстроилась у кромки леса. Лыжня была присыпана снегом — мягкая и не очень удобная. Серега Барышев встал на нее и, мощно работая палками, пошел, как таран, подминая под себя свежие сугробы. За ним заскользили Анечка, потом Александра. Леонидов пропустил вперед Сережку и пошел замыкающим, готовясь извлекать из снега упавших и

подталкивать отстающих. Тут Сережка действительно шлепнулся, и Алексей выловил его из сугроба, встряхнул, поставил обратно на лыжню и почувствовал, что замерзает.

— Эй, Александра! Сашка!

— Что? — обернулась она.

— Дай хоть прокатиться с ветерком. Замерз совсем, заболеть мне только не хватало.

— А ты умеешь?

— Брысь с дороги!

Саша сошла с лыжни, пропустив его и Сережку. Леонидов избрал в грудь побольше воздуха, мощно оттолкнулся палками и рванул догонять Барышева. Тот ушел уже прилично вперед, но Алексей был легче и подвижнее, а главное, шел уже по проторенной лыжне. Основательно запыхавшись, он все-таки приблизился к приятелю-викингу, разрезавшему сугробы, как волны Северного моря.

— Барышев, лыжню!

Тот недоуменно обернулся:

— Чей там писк раздается? Я тебе сейчас покажу лыжню! — и надал, работая палками.

Леонидов рванулся за ним. Было уже не то что не холодно — пар клубами валил изо рта, захотелось даже сбросить с себя куртку. Ломило где-то за ушами, с носа каплями стекал пот.

— Серега, кончай! Дай хоть на елочки посмотреть!

— В здоровом теле оно знаешь как здорово живется! — не оглядываясь, выкрикнул Барышев, по-прежнему тараня лыжню.

— Я хочу получить удовольствие, а не сдавать на разряд.

— Не сдал еще до сих пор, тунядец?

— Иди ты! — Леонидов устал препираться и сбавил ход, дожидаясь женщин.

Елочки вокруг действительно были шикарные. Их присыпало снежком, бархатная темная зелень красиво выглядывала из-под белого покрывала, а тишина вокруг стояла такая, что любое слово, звеня, долго кружило в морозном воздухе. Алексей замер, наслаждаясь минутой одиночества и покоя. Тени на снегу здесь, среди густых елей, казались не голубыми, а какими-то сиреневыми. Редкие березы, опушенные инеем, застыли в ледяном сне.

«Красота! Вот на что надо смотреть и о чем думать. Эх, смыться бы сейчас ото всех, рвануть в лес поглубже, побродить среди этих стройных девушек. Все люди как люди, а я большое помойное ведро, в которое сливают всякую гадость. Наверняка в комнате опять кто-то поджидает с очередным признанием. Не пойду. Останусь здесь, среди снегов белых». Алексей уселся прямо на торчавший у дороги пенёк. Совсем близко раздался детский смех, голоса. У дальней елки обозначилась хорошенькая Сашина головка.

— Лешка, встань сейчас же! — закричала она уже издалека. — Ты что, заболеть захотел?

— Да. Хочу лежать с высокой температурой и наслаждаться тем, что меня никто не трогает, — сообщил он, когда жена подъехала поближе.

— А обо мне ты подумал? Тоже ребенок нашелся. Я сейчас вылечу твою меланхолию, — объявила Александра и выхватила из ближайшего сугроба основательный ком снега.

— Сашка, не смей! Я не признаю радикальные методы!

— А я не признаю твое нытье! — Он получил снежком в лицо и слетел с пенёка. — Давай, меланхолик, Сергей повернул обратно.

— Еще бы, он без обеда не доживет до конца дня.

Алексей устал и передумал замерзать в снегах Подмосковья. Заняв свое место в караване, он потащился следом за довольной прогулкой компанией.

Когда они вышли из леса, Барышев уже успел снять лыжи, отряхнуть себя и амуницию и даже изрядно подмерзнуть.

— г- Где вы там ходите? На обед опоздаем.

Они сдали инвентарь и отправились переодеваться.

Алексей решил хоть немного полежать, дать отдых мышцам и голове, которая гудела от избытка кислорода. Когда до обеда осталось полчаса, в комнату Леонидовых тихонько кто-то поскребся.

— Войдите! — крикнула Саша.

В дверь боком протиснулась высокая толстая девушка с пробивающимися на макушке сквозь блондинистую окраску темными волосами.

— Елизавета, вы что хотели? — заранее вздрогнув, зловеще прошелестел Леонидов.

— Я к вам, — шепнула она.

— Признателен: А в чем дело?

— Мне надо с вами поговорить.

«Я сейчас завизжу. Хочу кусаться, — подумал Алексей. — Знать бы, кто пишет сценарии сериалов, убил бы голыми руками мерзавцев. Это там самая популярная фраза».

— Лиза, пора идти на обед. Понимаете?

— Я не задержу вас. Мне только два слова.

— Да знаю я эти ваши два слова: я видела, как Павла Сергеева убил Валерий Валентинович Иванов. Это все?

Лиза неожиданно заплакала, размазывая слезы по толстому, почти детскому лицу.

— Я только вам.

— Александра, выйди.

Саша вздохнула, взяла Сережку за руку и пошла в столовую. Когда за ней закрылась дверь, Леонидов обратился к Лизе:

— Ну кто вас надоумил прийти сюда с подобным сообщением?

Лиза захлюпала еще сильнее.

— Он все равно хотел меня уволить. Вместо жены. А кто меня на работу возьмет? Я же не фотомоделка.

«Да уж», — вздохнул Алексей, оглядывая большую грудь, складки на жирном животе и огромные мясистые ноги.

Лиза продолжала вытирать слезы:

— Мне скучно дома, там все время мама и собака. Им и без меня хорошо. Мама ругается, что я много ем, и заставляет белье гладить и ковры пылесосить.

— Простите, а сколько вам лет?

— Мне? Двадцать два.

— Ну, в таком возрасте можно поучиться и домашнему хозяйству. Замуж-то вы собираетесь рано или поздно?

— Не знаю.

— Лиза, хватит мне голову морочить. Кто вас надоумил прийти и заявить на управляющего?

— Я сама.

— Сами все сочинили?

— Я не сочиняла. Я подслушивала. Ведь интересно.

— И что же вы слышали?

— Валерий Валентинович поругался с женой и ушел. Я слышала, как Павел Петрович потом ему сказал: «Пойдем, Валера, поговорим». Они и пошли..

— А что, ваша соседка по комнате поощряла вас на общение с замочной скважиной?

— Так Эльзы не было.

— Как не было? А где же ее носило?

— У нее любовь.

— С кем?

— Это секрет. Скоро все узнают. Да и заметно будет. Она же беременная. Ой, что это я? Эльза просила пока никому об этом не говорить.

— Все равно уже сказали «а», говорите и «б». Кто отец ребенка? Покойный коммерческий директор?

— Ой, мы на обед опоздаем. А про Эльзу я все равно не скажу. Ляпну что-нибудь не то, а потом окажется, что ребенок от другого.

— Это как же может быть?

— Очень просто: они еще не решили.

— Лиза, кончайте мне говорить глупости.

— Я не глупости. Если Валерия Валентиновича обвинят в убийстве, он ведь не будет больше управляющим?

— Это единственное, что вас беспокоит?

— Я не хочу, чтобы меня уволили. — Лиза снова начала хлопать носом.

— Ладно, хватит, я сыт по горло. Пойдемте, Елизавета, лучше перекусим, меня уже жена заждалась.

— А мне не вредно?

— Почему мне знать!

— Я должна, я на диете... — Она почти плакала. — Я очень толстая?

— У вас еще все впереди, — утешил ее Алексей. — Не надо расстраиваться, — добавил он и подтолкнул Лизу к двери, прихватив свою куртку.

...Барышевы и Александра уже доедали второе, когда Алексей пришел в столовую.

— Бедный Леша, нам тебя жалко, — засмеялись они хором, подвигая к Леонидову почти уже остывшие тарелки.

— Пожалел волк кобылу. Надоело мне все. Если сегодня еще кто-то придет и сообщит, что убийца — управляющий, я выпрыгну в окно.

— Там невысоко и сугробы мягкие.

— Ничего, умру от переохлаждения. Кто-нибудь хочет принести мне чай?

— Я, — вызвалась Александра. — Все-таки муж..

— Ну, спасибо.

Леонидов увидел, как у подноса с чайниками жена столкнулась с Эльзой, и Эльза посмотрела в его сторону.

«Нет, только не это! Не хочу больше никаких признаний. Не надо ко мне подходить!»

Эльза налила чай и прошла к своему столу. Алексей с облегчением вздохнул.

«Похоже, обошлось. Интересно, неужели покойный Павел Петрович все-таки ответил взаимностью бедной немочке? Черт с ними со всеми, пойти поспать, что ли, после обильных физических нагрузок?»

Приятную мысль жестоко оборвал Барышев:

— Леонидов, не вздумай уснуть. Народ на волейбол собирается, я беру тебя в свою команду.

— Серега, я безнадежен. Дай мне поспать, а?

Но Барышев не собирался отвязываться и в три часа настырно сбросил задремавшего Алексея с кровати.

— Когда, ну когда я буду делать то, что нравится мне, а не то, что решили за меня окружающие?

— Половину своей жизни человек тратит на сон. Разве тебе не жаль лет, лишенных активного двигательного удовольствия?

— Если бы ты не был таким огромным, Барышев, я бы тебя избил. Это насилие над личностью.

— Ты кеды положил, личность? Топай к дверям, женщины ждут.

В спортзале народ вяло разминался в углу, где были расставлены тренажеры. Валера Иванов, с трудом затолкав в спортивный костюм жирное брюхо, пытался поднимать штангу. Подтянутый молодой человек по имени Юра, раздевшись до пояса, демонстрировал жидкие мышцы, пытаясь отжимать на себя какие-то рычаги. Барышев, подталкивая впереди себя Алексея, пружинисто прошагал к тренажерам, разделся до майки и спортивных трусов и схватился за

рукоятки какого-то агрегата. Агрегат взвыл и застонал, почувствовав могучие лапищи Сереги.

Леонидов с завистью смотрел, как работают у Ба-рышева мощные мышцы. Да, Серега был хорош. Великолепная мускулатура, не прикрытая излишней растительностью, давала повод окружающим уважать человека как венец Божьего творения. Впрочем, не один Алексей получал удовольствие, разглядывая это чудо природы: разминающиеся возле гимнастической стенки женщины с вожделением уставились на роскошный мужской экземпляр.

— Леонидов, чего стоишь? — хрипло выдохнул Барышев.

— Затерялся в твоей могучей тени.

— А ты не тушуйся. Давай поработай, женщины на тебя смотрят.

— Ну, женщинам сейчас есть куда посмотреть, — сказал Алексей, снимая спортивную куртку и футболку.

Серега одобрительно взглянул на его плотный пресс и бугристые плечи: — А прибедняешься.

— Я не прибедняюсь, просто хочу, чтобы ты поскорее отсюда убрался и оставил мне хоть малую толику внимания дам.

Алексей сел за соседний тренажер, определил доступный для себя уровень сопротивления и начал работать. Краем глаза он засек, как в дверях спортзала появился озирающийся Манцев.

«Тот, который спал. Удачно он там прилег, очень удачно, — усмехнулся Леонидов. — Вот с этим товарищем я бы побеседовал».

Появлялись новые лица: Татьяна Иванова с надменным лицом прошла к деревянной скамейке для болельщиков. Туда же прошмыгнула Елизавета. Ольга Минаева на пару с Мариной достали ракетки для игры в бадминтон, Наташа Акимцева в гимнастическом купальнике пошла демонстрировать к стенке балетную растяжку. Барышев, наконец разогревшись, погнал Алексея натягивать сетку.

Для равновесия они взяли к себе в команду трех женщин, из тех что потолще, и непонятого мальчика Колю. На противоположной стороне обосновались Манцев, красивый Юра, измученный Глебов, малознакомый Липатов и Ольга Минаева с Мариной. Мальчик Коля оказался вполне приличным для любителя волейболистом, Леонидов почти приличным, Барышев просто чемпионом, как и во всех существующих видах спорта. Кроме шахмат. После трех сыгранных партий, в ходе которых Сергей буквально подавил противника

внушительным количеством нападающих ударов, нашлись желающие из публики составить волейбольную команду. Представители «Алексера» тоже немного перетасовались, добавили к первоначальному составу трех крепких мужчин вместо почти бесполезных женщин, и игра пошла жесткая и напряженная. На скамейке для болельщиков наблюдающие повизгивали, аплодируя наиболее удачным ударам. Мокрые мужики вошли в азарт, вспомнив молодые годы. Леонидов бог знает сколько не играл в волейбол и теперь с трудом восстанавливал прежние навыки. Сборной команде чужих отдыхающих они в итоге, конечно, «навешали», но Алексей почувствовал, что после столь насыщенного спортивного дня хочется только одного — лечь и уснуть.

После спортзала есть совсем не хотелось, и он отказался от ужина. Полежал немного на кровати, но сон не шел. Перетрудившийся организм сразу не мог расслабиться. И вскоре Алексей уже жалел, что не пошел в столовую: желудок противно и настойчиво урчал. Усталость сменилась зверским голодом, как это бывает после активного отдыха.

«Нет, до утра не дотяну», — решил Леонидов и вышел из комнаты в поисках чего-нибудь съестного в коридоре. И первый, кого он там увидел, был одинокий Константин Манцев. Он сидел в углу дивана и жевал бутерброд с красной рыбой. При виде Алексея Костя инстинктивно поджал ноги и потянулся за пачкой сигарет.

— Не помешаю?

— Садитесь. — Манцев подвинулся еще дальше в угол, освобождая кусочек затертого пространства рядом с собой.

— А ты почему на ужин не пошел?

— Не нравится.

— Понятно. Тут пожевать ничего больше не найдется?

— Полно. Хлеб, правда, подсох, но для желудка оно и полезнее.

— Зато для зубов вреднее. Ладно, сойдет.

— Пива хотите?

— Что, и пиво есть?

Манцев без лишних слов достал, как фокусник, из-под стола бутылку импортной «Баварии» и наполнил мутные стеклянные стаканы. Алексей отказываться не стал. Несколько минут они молча

глотали теплое пиво вприкуску с чёрствыми бутербродами. Оба молчали. Наконец Манцев не выдержал и спросил в лоб:

— Что же вы не задаете вопросы?

— Какие?

— Да ладно. Родственнички уже, конечно, заложили. Мой факт пребывания на том злосчастном диване давно уже стал достоянием общности.

— Ты же спал.

— Не буду отрицать очевидного. Но я мог ведь и проснуться в самый неподходящий момент.

— Слушай, Костя, все, что ты можешь сказать по этому делу, я уже знаю. По-моему, скоро я останусь единственным человеком, который не видел, как Иванов толкнул с балкона Павла Петровича. Так что не утруждайся. Интересно, какой же у тебя повод бросить в Валеру камень. За что ты его, а? Тоже чувство попанной справедливости или личный мотив?

— На что вы намекаете?

— На симпатию к очаровательной Ольге.

— Ольга ни при чем. Мы начинали вместе с Валерой в отделе закупок. Вернее, я пришел раньше, потом он устроился грузчиком. Через некоторое время подлизал задницу кому надо и стал уже отвечать за небольшой склад. Потом его перебросили в отдел закупок, ко мне. Если бы вы слышали, какие в то время Валера мне пел дифирамбы и как увивался. Я знакомил его с партнерами, с поставщиками, помогал налаживать связи.

— Зачем?

— В то время он был совсем другим человеком: толстый, беспомощный, незащитный. Ни разу не принял ни одного решения, не получив высочайшего одобрения. Бегал, заглядывал всем в глаза, как бесхозная собака. Разве можно было его не пожалеть? Думал, он всю оставшуюся жизнь руки лизать будет.

— Не стал?

— А вы что, не знаете? Когда человек из низов выбивается в начальство, ему особенно неприятно видеть людей, которые помнят его беспомощным и ничего из себя не представляющим. Как же, он теперь авторитет, начальник, властитель чьих-то судеб, царек и божок. А тут какой-то Костя Манцев рассказывает подчиненным, как учил

господина нынешнего управляющего пользоваться факсом. Здесь выход только один — убрать всех, кто когда-то был твоим начальником, а теперь волею судеб оказался под тобой.

— Кто ж Валерия Валентиновича так продвинул?

— Серебряков покойный. Поставил эксперимент: чего может добиться человек с улицы, если задаться целью сделать из него большого начальника. А Ирине Сергеевне Валера дорог теперь, как память о безвременно усопшем муже.

— Я только не могу понять, почему все-таки стали продвигать Иванова, а не кого-то другого?

— Знаете, начальство само не знает, чего хочет. А люди все разные. Один хорош в чем-то одном, но никто не универсален. Другой исполнительен, аккуратен, но новую идею не родит. Третий весь искритесь идеями, но с народом ужиться не может. Четвертый всем хорош, да зарплату немислимую требует. А такого, чтоб все умел, всех любил, со всем справлялся и мало за это просил, — полжизни будешь искать. И в итоге подворачивается серость, которая, как чистый лист, ничем не обладает, но ни одного «не» тоже в активе не имеет. Она-то все и получает.

— Блестящая теория.

— Выстраданная. Не разделяете?

— Надо подумать. Ваш мотив теперь мне понятен. Значит, утверждаете, что видели, как Иванов разделался с Павлом Петровичем?

— Не отрицаю.

— Так вы это видели или нет?

— Не знаю. Сквозь сон слышал их голоса, спор, потом глухой удар. Проснулся, Валера стоял над Павлом Петровичем и проверял пульс.

— О чем был спор?

— Я не прислушивался.

— Но это был спор, а не беседа двух близких друзей, вы отчетливо помните?

— Я все слышал сквозь сон, смутно и ничего не могу конкретно утверждать. Кроме того, что видел Валеру возле тела.

— Странно. Столько людей знало в тот вечер, что Павла Петровича убили, и никто не поднял панику.

— Все же пьяные были. К тому же метель все засыпала, разве не помните? До утра все равно ничего изменить было нельзя.

— Что же вы стали делать, когда Валерий, увидев, что Сергеев мертв, отправился в свою комнату?

— Пошел в боковую комнату и попробовал заснуть.

— Почему не к себе?

— Ну, Андрюша был там с дамой.

— Все с кем-то были. У вас, извините, не фирма, а шведская семья.

— Что вы хотите? Большую часть жизни люди проводят на работе. Заводить романы на стороне нет времени. Пока до дома доберешься, уже не до любви. Хочешь только уронить чего-нибудь внутрь и завалиться спать. Вот и крутят друг с другом.

— Значит, благородно уступив территорию Липатову, вы удалились в пустую комнату со своей дамой?

— Никакой дамы не было, — неожиданно резко бросил Манцев.

— Как же так, а Ольга?

— Ольга спала в своей комнате.

— А мне показалось, что, кроме меня, все бодрствовали. Разве Ольга не хочет воспользоваться случаем и пнуть господина управляющего?

— Ольгу я не видел.

— Что ж, весьма содержательный разговор. Еще пива не найдется?

Манцев наклонился и достал из-под стола вторую бутылку.

«Категорически люди обычно отрицают только то, что было на самом деле, — подумал Леонидов, глядя на лохматую манцевскую макушку. — Бедная боковая комната: сначала Нора выясняла там отношения с Екатериной Леонидовной, потом Иванов-младший решал свою судьбу, потом туда же пошел досыпать Манцев, от которого до сих пор пахнет знакомым до одури «Кензо». А говорит, что не было дамы. К несчастью, у меня остается один выход из дурацкой ситуации: поговорить с самим Ивановым. Ох, до чего же не хочется».

Между тем в холле стал появляться народ. В группе оживленной молодежи Алексей вдруг увидел непонятно каким образом затесавшуюся туда монументальную фигуру управляющего. Ребята с веселыми шуточками ставили на стол прихваченные из санаторного

буфета бутылки. Девушки побежали в' боковую комнату за едой. Кто-то, смеясь, заявил:

— После этой столовой жрать еще больше хочется.

— Не пропадать же оплаченному, — поддержал Иванов, шаря по столу в поисках ножа.

Леонидов, перехватив наконец его водянистый взгляд, уперся, не мигая, в крошечные настороженные зрачки. Иванов сразу отвел глаза куда-то вбок.

— Валерий Валентинович, могу я задать вам пару вопросов? По поводу событий позавчерашнего вечера? — Он мялся, ища подходящие слова. — Давайте не будем откладывать неизбежное.

— Только не здесь. .

— В вашу комнату или в любимую боковую?

— Ко мне.

Алексею показалось, что сотрудники «Алексера» переглянулись и проводили их взглядами, выражающими облегчение.

В комнате Иванова Алексей медленно огляделся, пытаясь по обстановке понять привычки и характер хозяина. В номере Валерия Валентиновича беспорядка не было, даже во временном месте жительства он стремился держать все на уровне. Отметив, что управляющий бережно относится к своим вещам, Алексей сделал вывод, что этот человек на всю жизнь запомнил времена суровой бедности. Все было тщательно вычищено, отглажено, аккуратно сложено. Кровати застелены, мебель на своих местах. У окна стоял приличный журнальный столик, возле него два кресла. Ничего, включая казенные граненые стаканы, Иванов, как остальные, не отдал в общий котел. Жестом большого начальника Валерий Валентинович предложил Алексею одно из кресел. Они сели.

— А помните, Валерий Валентинович, как несколько месяцев назад мы с вами беседовали в вашем кабинете? Все повторяется в этой жизни, не так ли?

— Как и тогда, вы совершенно напрасно лезете не в свое дело. Я не причастен к смерти Павла. Как был ни при чем и в случае с Александром Сергеевичем.

— Боюсь, на этот раз доказать свою непричастность вам будет трудно. Против вас развернута целая кампания. Не хотите знать поименно?

— Нет, не хочу. Задача милиции оградить меня от клеветы и ложных обвинений.

— Вот уже второй раз мы с вами беседуем, и все об одном и том же. Второй раз вы мне внушаете, что я должен вас от чего-то защищать и ограждать. Только никак не пойму, зачем совершать поступки, которые вызывают неприязнь окружающих. Вы сами-то этого не ощущаете?

— По возрасту вам еще рано читать мне мораль.

— А я не ваш подчиненный. Более того, могу вас засадить в тюрьму, у меня достаточное количество свидетельских показаний. И во мне борются сейчас два чувства: желание докопаться до истины и неприязнь к вам лично как к человеку, совершающему поступки, противоречащие моим понятиям о нравственности.

— Нравственность милиционера отличается от нравственности бизнесмена.

— Нравственность одинакова для всех людей. Почему это одному можно прощать подлость, учитывая его профессию?

— Потому что люди разного рода занятий неравноценны по степени пользы, которую приносят обществу...

— Вы, конечно, считаете себя благодетелем рода человеческого, если исходить из того количества гнусностей, которые себе позволяете?

— Как лицо, не уполномоченное вести расследование, можете оставить при себе выводы, касающиеся моей деятельности.

— Вы убили Павла Петровича?-

— Докажите.

— Зачем вы взяли из моей тумбочки кассету с записью того вечера, когда был убит Сергеев?

— Я не брал кассету.

— Вас видел Манцев, и я столкнулся с вами у выхода на лестницу из холла.

— Мало ли зачем я заходил в вашу комнату?

— Значит, заходили? И на балконе с Павлом Петровичем стояли?

— Стоял. Но не толкал его. Мы расстались вполне мирно. Пospорили, но потом договорились.

— Интересно получилось: вы спорили, разговаривали на повышенных тонах, дело дошло почти до драки, а потом расстались

чуть ли не друзьями? Что же произошло на этом балконе?

— Повторяю: мы расстались мирно.

— А потом Сергеев вдруг бросился на фанерную перегородку, пробил ее и упал к вашим ногам?

— Там, кажется, был кто-то еще.

— Где?

— На балконе.

— Вы видели?

— Когда я вышел на лестницу, чтобы спуститься вниз, мелькнула чья-то тень.

— Откуда же этот «кто-то» там взялся?

— Не знаю.

— Послушайте, вы человек разумный. Вас на балконе слышали и видели ваши сотрудники. Вы сами не отрицаете, что были там. И вдруг выдумываете какой-то мифический персонаж, чтобы доказать свою непричастность.

— Паша сам упал. Он был пьян в доску.

— Так был кто-то на балконе, или Павел Петрович сам? Выбирайте одну версию..

— Я ничего не должен выбирать и не хочу. К смерти Сергеева отношения не имею. Все.

— Валерий Валентинович, вы ведь выбились в люди из простых смертных, насколько я знаю. Правильно?

— Это никого не касается.

— Меня всегда поражало одно: самыми злыми начальниками и самыми плохими друзьями оказываются бывшие простые смертные. Казалось бы, выходцы из бедной среды должны протягивать своим руку помощи. Так нет же, пинают и заталкивают еще глубже в грязь. Почему? Боязнь конкуренции? Придет, мол, еще один такой, молодой да ранний, только зубы у него окажутся поострее и когти покрепче, и сожрет не задумываясь. Вы правильно боитесь: насмотревшись на ваши методы, можно кое-чему научиться. Кстати, к молодому братцу присмотритесь, чего далеко за. примером ходить.

— Саша? При чем здесь Саша?

— Да так. Между прочим. А что у вас с женой произошло?

— Послушайте, не лезьте в мою семью. Я вас выслушал, все, что хотел, сказал.

— Я делаю вывод: вы не дали убедительных объяснений и становитесь подозреваемым номер один.

— Полиция уже сделала вывод о несчастном случае. Так что ваши домыслы оставьте при себе.

— Надеетесь благополучно списать происшествие на удачное стечение обстоятельств? Я докажу Ирине Сергеевне, что вы убили Павла Петровича, и вашей карьере придет конец. Не хотите пойти поискать работу? Интересно, как оценят ваши деловые качества другие владельцы фирм?

Иванов аж позеленел и вцепился жирными пальцами в журнальный столик.

«Воображает, что это мое горло, — поежился Алексей. — Я, похоже, перенимаю его талант наживать врагов. Прилипает же всякая зараза, чтоб тебе».

— Ну что же, я не прощаюсь, Валерий Валентинович. Будем разговаривать в присутствии людей, которые вас обвиняют, и при Ирине Сергеевне.

— Я этого не допущу.

— Попробуйте.

Леонидов с удовольствием хлопнул дверью, стряхнул со спины упавший кусок штукатурки. Ремонт в коттедже не был рассчитан на сильные эмоции. Гуляющие в холле сотрудники «Алексера» при появлении Алексея затихли. Судя по всему, они что-то оживленно обсуждали, но не хотели, чтобы он принял в этом участие. Леонидов спокойно сел на диван и попросил себе стакан чаю. Барышев принес два стакана, пристроился рядом и стал намазывать икру на черствый кусок хлеба.

— Ну что, убедился в том, что это Валерий толкнул Павла Петровича?

— А что ты так переживаешь, Серега? Тебе-то не все равно?

— Анке там работать. Иванов же ее сожрет, если придется собственную жену уволить, а мою взять.

— Ты хороший парень, а такой корыстный.

— А то! Ветряные мельницы я давно уже победил. Как у меня появилась жена, я вполне Лознал свой долг главы семьи. По мне, так лучше бы она совсем не работала. Но если женщина рвется, моя обязанность позаботиться о том, чтобы с этой проклятой работы она

приходила в нормальном состоянии. И могла нормально реагировать на меня и мои потребности.

— И ты готов любой ценой убрать Иванова?

— Я готов воспользоваться тем, что он перешел рамки закона. Такой случай может больше и не представиться. Неужели ты сам, еще не понял, какая это скотина, Иванов?

— Понял еще раньше тебя. Только мы не имеем права не дать человеку шанс оправдаться.

— Ох как грамотно да красиво. Только вспомним, что он никому шансов не давал. Я так понимаю, что ты ничего предпринимать в отношении него не будешь?

— Слушай, отстань. Ты весь день меня дергаешь; Леха туда, Леха сюда, Леха на лыжню, Леха в бассейн, Леха, фас Иванова. Может, без моего участия что-нибудь предпримешь?

— Ладно. Понял вас, капитан. Разрешите идти?

— Да, сделай одолжение — исчезни.

— Есть!

Барышев со злостью козырнул и вскочил с дивана. Алексей вдруг почувствовал во рту такую горечь, что даже зажмурился. Все вокруг показалось отвратительным, мерзким, не хотелось дышать, не хотелось ходить. Единственное стоящее, ради чего имело смысл жить, была любимая жена Александра, но и она в этот ответственный момент, как назло, куда-то исчезла. Выпив чай, Алексей долго и беспомощно оглядывался по сторонам, испытывая внезапное желание уснуть, и тут все поплыло у него перед глазами. Он начал проваливаться в пустоту. Никогда такого с ним не было, чтобы ни с того ни с сего вдруг смертельно захотелось спать.

«Спокойно, только спокойно», — сказал он себе, чувствуя, как давит на него усталость, глаза наливаются свинцом, а голова тяжелеет и гудит. Леонидов с трудом поднялся и поплелся: к себе в комнату, сам не заметил, как разделся, и рухнул в постель. Сон мгновенно сковал мозг, парализовал волю, внезапно обрезал поток мыслей.

Глава 5 НОВЫЙ ДЕНЬ

Утром Леонидов не смог сразу сообразить, где находится. Не понимал, что могло так энергично вырубить его вчера. Ныла голова. Привычным жестом Алексей сдернул со стола часы: семь тридцать, и ни минуты меньше. Провалились они в черную дыру, эти проклятые рефлексy. Рядом, у стенки, уткнувшись острой коленкой в его поясницу, сладко спала Саша. Ее спутанные кудряшки приятно щекотали плечо.

«Где же ты была вчера, любимая? — грустно прищурился Леонидов, осторожно вдыхая аромат каштановых волос. — И как это я так чудовищно заснул без тепла твоей руки, которая ночами так нежно обнимает меня?» Вздохнув еще раз, Алексей спустил ноги с кровати и пошел в ванную. Из мутного зеркала на него глядело бледное, совсем незнакомое лицо. Алексей двумя пальцами приподнял левое веко, почти уткнувшись носом в стекло. Белок глаза покрывала сетка лопнувших кровеносных сосудов, цвет зрачка с трудом поддавался определению.

«Елки, так можно и забыть, какого цвета у тебя глаза», — подумал Алексей, брызгая в лицо вонючей перехлорированной водой. Стараясь не производить шума, он прокрался в комнату, преодолев на карачках большую ее часть, отыскал носки и тренировочные штаны и, облачившись в найденную одежду, вышел в коридор.

Он сразу даже не понял, что увидел в пустом, не прибранном холле, а сообразив, не смог в это поверить.

Возле ножки стола с запекшейся кровью на виске лежал управляющий фирмой «Алексер» Валерий Валентинович Иванов.

Алексей зажмурился и спиной сполз по крашенной в мерзкий салатовый цвет стене на пол. Он несколько минут посидел на корточках, потом осторожно открыл глаза, до него наконец дошло, что тело мертвого Иванова существует не в его воображении, а в реальном зимнем утре. Оно лежало в странноватой позе, похожее на выброшенный на свалку со вчерашнего показа мод манекен —

напряженное и неживое. Но эта реальность просто не укладывалась в голову.

Леонидов с трудом отлепил спину от холодного бетона. В несколько приемов добрал до стола и замер возле тела.

Все было точно так же: испачканный кровью угол, беспорядок на столе, окурки, дырка в фанерном остове балкона, три злосчастных метра и разбитый висок...

«Нельзя дважды войти в одну и ту же воду. Что там у нас повторяется во второй раз, как фарс?» — подумал Алексей, нагибаясь над телом управляющего. То, что он увидел, едва не заставило его рассмеяться, хотя обстановка тому и не соответствовала. Несколько раз обойдя злосчастное место, он присел на край дивана, обессиленный и раздавленный.

«Интересно, кто надо мной издевается: один человек или вся дружная компания? Только я зачем здесь оказался, вместо Петрушки, что ли?»

Леонидов поднял голову, приглядываясь к дыре в балконе. Павел Сергеев был значительно легче господина управляющего, поэтому сегодня из фанерных перил была с корнем вывернута еще одна секция. Рваный кусок свешивался вниз, возле дивана валялось несколько щепок.

Если они через день будут сигать с этого балкона, все снесут на хрен. Может, трамплин уже пора устанавливать прямо над столом и указатель: «Место для потенциальных покойников». Нет, даже в этой дырке есть сегодня что-то ненормальное. Так не бывает. Не, могу пока объяснить, отчего у меня появилось подобное ощущение, но так не бывает. Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Надо повторять эти слова как заклинание через каждые пять минут, должно стать легче. Сволочь, ну, сволочь!

Кто эта сволочь, пока он для себя не определил, понятие оставалось абстрактным, без лица и без имени. Леонидов злился, никуда не уходил и сам не понимал, чего ждет. Как будто высшая, приглядывающая за земным порядком сила парализовала его волю и приковала к дивану — между пустой картонной коробкой из-под торта и вонючей пачкой от чьих-то сигарет. Наконец он посмотрел на часы. Прошло полчаса с тех пор, как он почувствовал себя полным идиотом.

На лестнице раздались грузные шаги тяжелого человека. Почти квадратная фигура Барышева едва вписалась в дверной проем. Минут пять он молча обзирал открывшийся взгляду вид на мертвого Валеру и добитого морально Леонидова. Все трое молчали: Иванов по причине смерти, остальные двое говорить не хотели. Наконец Барышев сообразил, что пора перейти к диалогу:

— Давно так сидишь?

— А ты пришел записаться в свидетели?

— Я пришел позвать тебя на завтрак.

— Что же не кричишь, руками не разводишь, не задаешь бестолковые вопросы? Или трупы для тебя вещи привычные, что пустые бутылки из-под водки?

— Я не баба, меня еще полгода назад в Чечню посылали, и трупов я видел побольше твоего. И среди них, между прочим, люди были, а не такая мразь. Так что уж извини, я пошел милицию вызывать.

— Ты к служебному телефону прямо как на работу. Показания, которые дадите, заранее все обсудили или как?

— Иди ты...

Барышев тяжело затопал вниз. Немного подождав, Леонидов заставил себя встать и снова закружил вокруг тела и стола. Потом он поднялся на балкон, прошелся по углам мансарды и осмотрел три запертые двери летних комнат, подергался в них на всякий случай, внимательно осмотрел замки. Один изучал особенно долго, потрогал его пальцем, постоял возле пролома в фанере, прикинул угол падения тела, высоту, возможность попадания на острый выпирающий предмет, снова спустился в холл. Тишина стояла, мертвая, никто не появлялся в коридоре, за дверями тоже не наблюдалось никакого движения. У Алексея создалось впечатление, что люди приткнулись к этим дверям с противоположной стороны и ожидают развития событий, опасаясь вмешиваться.

Он должен что-то делать. Леонидов решительно направился в люкс номер тринадцать, где не проявляла никакого беспокойства по поводу отсутствия мужа Татьяна Иванова. Стучать в дверь пришлось недолго: женщина действительно словно кого-то поджидала. Поэтому открыла быстро. Перед Алексеем стояла совершенно проснувшаяся, умытая и тщательно причесанная вдова в дорогом спортивном

костюме. Недавно наложенная на лицо косметика явно прикрывала следы бессонной ночи.

— Здравствуйте, Татьяна. Не спится?

— Я рано встаю.

— Какое совпадение! А Валерий Валентинович, видимо, совсем не ложился.

— Мы поссорились вчера вечером, он, вероятно, ушел спать в боковую комнату.

— Что за комната такая! Чуть что — народ сразу туда, три кровати, и на каждой постелен комплект белья. Может, и управляющий направился туда вечером. Только не дошел.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ваш муж лежит в холле, заменяя на сей раз убиенного Павла Петровича. Он, увы, не дышит.

— Валерий умер? — Она удивилась этому сообщению не больше, чем известию о, затяжном дожде после жаркого безоблачного лета.

Татьяна прошла по комнате, поправляя и без того идеально разложенные вещи.

— Я должна туда пойти?

— По-моему, как жене вам следует проявить хотя бы видимость глубокого горя.

— Послушайте, если бы вчера вы себя так не повели, ничего бы не случилось.

— Так я, оказывается, главный подозреваемый?

— Вы виноваты во всем. И нечего из себя строить дурака.

—: Я его не строю. Это вся ваша милая компания активно из меня дурака делает. Пойдите хотя бы поплачьте для приличия.

— Не переживайте, там есть кому устроить истерику.

Словно подтверждая ее слова, из коридора донесся истошный женский вопль. Утробный крик взорвал многозначительную тишину, как разрыв бомбы. И сразу, словно дождавшись сигнала, начали распахиваться двери. Послышались шаги и голоса. Того, что произошло в следующий момент, Леонидов предположить не мог. Поэтому, когда флегматичная жена управляющего отшвырнула его с дороги и ринулась на крик, он ударился о стул, приземлился на драный ковер и успел увидеть только мелькнувшие перед глазами ноги.

Пока Алексей поднимался, пока бежал вместе со всеми в холл, там уже разворачивалась драма в духе мексиканских сериалов. Татьяна Иванова оттаскивала от трупа мужа рыдающую Эльзу, пытаясь по ходу дела выдрать из ее блондинистой головы внушительный клочок волос.

— Тварь, мерзавка! Сука, зараза, шлюха, — награждала Татьяна Эльзу набором эпитетов.

Соперница, рыдая, тянулась к телу управляющего, отрывая от себя цепкие наманикюренные Татьянины руки. Манцев, Липатов и Ольга бросились растаскивать женщин в разные углы. Те визжали, рвались друг к другу. Эльза ревела, Танечка стонала.

— Я его голого на улице подобрала, выкормила, гаденыша, чтобы он тебе достался! — выкрикивала Татьяна.

— Вы все его убили! Ненавидели все! Никто не хотел понять. А ты, Танька, родить не можешь, вот и бесишься.

— Да я не хочу просто, не хочу! Поняли вы все? Я просто не хочу!

— Завидуешь, да, что я беременна? Завидуешь?

— Да плевать мне на твое пузо!

— Рада, что он умер, рада? И ты его убила! Все вы!

— Да дайте же кто-нибудь им обоим воды, — не выдержал Леонидов. — Женщины, да вспомните наконец, что вы женщины!

— Какая она женщина, если рожать не может! — продолжала надрываться Эльза из своего угла.

— Заткнись! Сама ты ничего не можешь! Что, не обломится тебе теперь ничего? Не обломится! Думала, мой муж будет тебя с выродком содержать, не дождешься! Забирай теперь себе этот мешок с дерьмом! — Татьяна для пущей убедительности даже пихнула носком кроссовки неподвижное тело мужа.

— Все, брэк! Разведите дам по комнатам. — Леонидов вытер со лба противный липкий лоб. Несмотря на холодный воздух, пронизывающий холл, ему было душно.

— Я сама уйду. Да не держите вы! — стряхнула с себя Манцева Татьяна Иванова. Лицо ее пылало, на кончике носа висела мутная капля пота. Через несколько минут громко хлопнула дверь ее комнаты.

Эльза опять рванулась к телу Валерия. Она протащила на себе Липатова и Ольгу, упала на колени возле мертвой руки и зарыдала, захлебываясь клокочущим в горле отчаянием. Леонидов мягко тронул ее за плечо:

— Не надо здесь ничего трогать. Вы плохо себя чувствуете, вам лучше не оставаться у тела. Женщины вас уложат, водички дадут. Эльза! Вы меня слышите?

Она подняла на Леонидова зеленоватые колючие глаза и так глянула, что у Алексея сразу же прошел жар.

— Сволочь! Чтоб тебе и детям твоим завтра сдохнуть! — выкрикивала Эльза.

Леонидов вздрогнул, неуверенно отступил к салатовой стене. В коридоре появилась Лиза, кинулась к Эльзе, потянула за руку. Вместе с Ольгой Минаевой ей удалось увести женщину в комнату. Манцев, нервно приглаживая волосы, пробормотал:

— Да, сценка не из приятных. Вы как?

— Никак. Не так уж и часто проклиняют мое потомство. Хорошо, что Александра не слышала.

— Бывает. Беременные все такие нервные.

— А что, все знали, что Иванов — отец ее ребенка?

— Ну, если жена знала... Говорят, что последним узнает именно вторая половина, так что делайте вывод.

— А прямо сказать нельзя: мол, вся фирма знала, что управляющий Иванов хочет бросить свою супругу и вступить в серьезные отношения с продавщицей Эльзой Шейной.

— Да какие серьезные отношения? Кто Эльза и кто — Татьяна!

— А кто Татьяна?

— Валера до женитьбы был мальчик из провинции, босяк. А стал москвичом. Теща ему досталась еще та! Влиятельная дама. Зятя даже прописывать запретила: мол, будет на драгоценные метры претендовать. Это на работе он был царь и бог, а дома — Валера туда, Валера сюда. Попробовал бы он дернуться — с дерьмом смешали бы, до нитки раздели и в чем пришел на улицу бы выкинули.

— Не понимаю, он же наверняка хорошо зарабатывал.

— А траты какие? Жена, машина, евроремонт в жениной квартире, вояжи за границу. Они же чуть ли не каждые праздники отправлялись в романтическое путешествие. По должности и стиль жизни. Думаете, эти наемные директора что-нибудь скапливают за свою жизнь? Вкладывают деньги во все недвижимое, в фантомы, а живых денег остается не так уж и много. Во всяком случае, на квартирку для жизни с разлюбленной Эльзой ему бы ни. за что не

хватило. Причем в активе осталась бы еще и скандальная теща, мастерица на всякие пакости. Это до нее еще не дошли слухи об амурах зятя. Она бы ему показала, кто в доме хозяин! Баба ого-го! Где-то чуть ли не в Московской областной думе заседает. Короче, Валера стоял на грани решения: Эльзу было необходимо куда-то пристроить, из фирмы по-тихому убрать.

— А у Эльзы что, никакой жилплощади?

— В том-то и дело: полная труба. В двухкомнатной хрущобе с родителями и еще малолетний братец. Не хватает только Валеры и грудного ребенка.

— Эльза вроде бы девушка не рисковая, что же она на аборт не решилась?

— Любовь, наверное. Есть, говорят, такая штука на белом свете. Не слышали?

— Так сильно влюбилась в Иванова?

— А любовь, еще говорят, зла... Ее Паша-то бортанул. Слышали небось? Сначала Эльза решила назло ему закрутить с Валерой. По вечерам они часто оставались балансы сводить, ну и свели в конце концов, да так здорово свели, что получилась неприятность. Подробностями пикантными не интересовался, только у них дело сладилось. Не знаю, хотела наша Эльза ребенка или не хотела, только когда залетела, загордилась перед Валеркиной женой. Самое смешное, что бабы между собой все давно уже выяснили, а бедняга Иванов все по углам шарahalся.

— Думал, что жена ничего не знает?

— Представьте себе. Он перед своей Танькой, как Европа перед армией Наполеона, дрожал. А перед тещей, как этот самый Наполеон перед снегами России. Умора!

— А вы, Константин, человек независимый, ни перед кем спины не гнете, шапки не ломаете? А жениться собираетесь?

— А вот это уже тема для другого разговора.

— Надеюсь, мы к нему еще вернемся?

— Не уверен. В этом деле и так все ясно.

— Вот как? И что ясно?

— А вот милиция приедет, сами все узнаете.

— А я кто?

— Товарищ по несчастью. Или мент на отдыхе, как вам угодно. Только прав официальных не имеете и полномочий тоже.

— А как же «добро», которое дала мне Ирина Сергеевна, на частное расследование?

— А в вашем расследовании отпала необходимость. За отсутствием лидеров враждующие стороны примирились, рабочие места освободились, передел власти пройдет к взаимному удовольствию оставшихся.

— Вот как? А что с двумя трупами?

— Потерпите, Алексей Алексеевич. Все выяснится.

— Пожалуй, вы меня так заинтриговали, что я рискну потревожить мадам Серебрякову.

— А это ради бога.

Манцев усмехнулся и, со старательной брезгливостью огибая ивановский труп, направился в комнату, где отсиживались Ольга Минаева и Марина Лазаревич. Леонидов еще раз оглядел распластанное тело управляющего и решил на переговоры с Ириной Сергеевной Серебряковой. Ему не нравились ни слова Манцева, ни другие загадки, которыми предпочитали говорить сотрудники фирмы.

Серебрякова ему понравилась еще меньше, чем все остальное. Женщина выглядела усталой и безразличной ко всему происходящему. Молча открыла дверь, молча показала на одно из разваливающихся санаторных кресел, сама прилегла на кровать, тяжело опершись плечом на подушку. Ее лицо отекло за ночь, а отсутствие косметики делало его еще более непривлекательным.

— Вы плохо себя чувствуете? — поинтересовался для приличия Леонидов, хотя слова в горле застревали, а из самого нутра рвалось совсем другое.

— Да, мигрень мучает.

— Сожалею, но позвольте узнать, зачем вы притащили меня в этот чертов санаторий?

— Вы сами знаете. Я объясняла, что хотела избежать всего того, что случилось.

— А теперь, когда избежать ничего не удалось, вы заинтересованы в результате расследования?

Ирина Сергеевна застыла на своей подушке, поглаживая полными пальцами виски:

— Не все ли теперь равно? Нора звонила: Пашу завтра будут хоронить, с утра мы все уезжаем. Если хотите, можете с семьей остаться, путевки оплачены. Встречайте Рождество, отдыхайте, Алексей Алексеевич.

— А как же истина? Как справедливость? На кого будут списаны два трупа? Сейчас приедет местная милиция, их наверняка заинтересует факт появления мертвых тел в одном и том же месте. Наверняка будет открыто уголовное дело по факту двойного убийства. Поскольку преступник находится среди присутствующих в этом здании людей, его не так трудно вычислить. Такие дела не относятся к разряду не раскрывающихся годами. Как с этим?

Серебрякова прикрыла глаза. Ее левое веко заметно дергалось, но лицо не изменилось, оставалось усталым и спокойным.

— Вы здесь как частное лицо, как один из нас, Алексей Алексеевич, поэтому совесть моя спокойна. Какое вам дело до всего этого? Кроме испорченного отдыха, никаких неприятностей. Взыскание по службе тоже никто не объявит, да и благодарность за раскрытие убийства не светит. Что случилось, то случилось. Я думаю, что к вечеру все разъяснится, и завтра мы уедем отсюда, и жизнь пойдет своим чередом.

— Вы опять чего-то боитесь. Как и кто сумел вас уговорить замять это дело? Жалко калечить чью-то жизнь? Боюсь только, доброта эта не от сердца, а от желания получить отпущение грехов. Вы знаете, в чем разница?

— В чем? — спросила Серебрякова только для того, чтобы не обидеть Алексея безразличным молчанием. Было видно, как ей не хочется продолжать этот разговор, спорить, доказывать.

— В том, что доброта должна идти всегда от сердца, а не по случаю. А вы просто пытаетесь оправдаться за то, что живете лучше других. Думаете, Бог вас пожалеет после того, как вы попустительствуете такому вот выяснению отношений в коллективе. Не благословили кого ненароком?

— Вы знаете, как Бог меня всю жизнь жалел. Гори оно синим огнем, это богатство! Что я от него видела? Сначала вечное напряжение, тревога, вернется ли сегодня домой муж или нет. Потом муж все-таки не вернулся, а на меня свалился весь груз ответственности за людей, которых надо кормить. Все ходят,

кляузничают друг на друга, выпрашивают должности и деньги. Всем я должна, должна, должна! А самой-то мне что? Ни любви, ни радости. Собственный ребенок и тот где-то шляется целый день, клянчит деньги на университет в Англии. Ну уедет он, дальше что? Кому я нужна, старая, толстая? Только охотникам до легкой жизни, за деньгами этими дурацкими. Не говорю уж о любви. Любовь... Если у тебя есть деньги, в каждом будешь видеть охотника за дармовщиной. Кому верить? А? Вы кому верите?

— Ну, у меня, кроме моих цепей, ничего нет за ду; шой, мне жить на этом свете проще. Никто не охотится за моим состоянием, потому что нет его, состояния. Квартира жены, зарплата... А вообще, все это глупый и беспредметный разговор. Покажите мне пальцем хоть одного человека, который не любит жаловаться на жизнь. Он, видно, так устроен, что нет ему покоя. Но это все философия. Сколько людей мечтают пожить так, как вы сейчас живете, молодые девчонки на панели себя продают за гораздо меньшее, а вы ноете. Простите, я вас не понимаю. Меня больше сейчас интересует, почему вы передумали вытаскивать на свет Божий убийцу.

— А вот про это забудьте. И, ради бога, Алексей Алексеевич, дайте мне еще немного полежать. Голова болит, честное слово.

— Знать бы мне, от какой мигрени она у меня болит. Что же, ваше право. Пойду искать по свету, где там мне найти эту самую карету... Отдыхайте.

Он вышел в коридор.

В холле никого не было. Иванов в прежней позе дожидался прибытия официальных властей.

Алексей присел на диван, не зная, куда теперь дернуться. Неожиданно совсем рядом взвизгнула дверь. Из девятнадцатой комнаты, озираясь, выглянул Липатов. Увидев, что его засекли, направился к столу.

— Сигареты кончились. Никто тут пачку не забыл?

— Здесь много чего вчера забыли. Выбирайте. Липатов, усмехнувшись, взял лежащие на столе сигареты.

— А вы не курите, насколько я помню?

— Сейчас на все готов. Давай, что ли.

Леонидов потянул из пачки сигарету, неумело затянулся и почувствовал, как его повело. Липатов тоже глотнул порцию дыма,

потер низкий лоб.

— Да, чего только не случается: лежит вот. — Усмехнувшись, он мотнул головой в сторону мертвого Иванова.

— А вы убедиться пришли? Да, не дышит. Приятно, да?

— Ты на меня собак не вешай. Я один, что ли, покойничка недолюбливал? И покруче товарищи есть.

— Не сомневаюсь. Кого теперь возить-то будешь? Кончилась твоя каторга?

— Да кого бы ни возить... Думаешь, я совсем дурак? Между прочим, я все фирмы на Москве знаю, всех начальников. И бумаги мне доверяли, и деньги. Думаешь, договориться не могу? Дурацкое дело не хитрое. Надо только назвать покрасивше: не шофер, а, скажем, менеджер по доставке. А там и дальше пойдет.

— У тебя образование-то есть?

— Десять классов и армия. А что, у этого больше было, когда он в «Алексер» пришел? Жена заставила на заочное Отделение поступить по каким-то там финансам. За деньги сейчас любой диплом можно купить. Я тоже могу прикинуться образованным, если нужда прихватит. У шофера академия еще больше, чем у иных директоров. Думаешь, я глухой? Мало ли о чем они в машине говорят. А уши у меня всегда в нужном направлении наставлены.

— Надоело шоферить?

— Дорогу я люблю. Телочку красивую опять же можно посадить, червончик срубить, ежели связываться охота, а можно и за удовольствие. У меня карманы пустыми никогда не бывают.

— Чего же ты вздумал геморрой-то себе лишний наживать? В менеджеры задумал податься... Только что слово красивое.

— Так одно дело, когда девушке говоришь: я шофер, а другое, когда менеджер. Что, ему можно, а мне, убогому, нельзя? — Липатов выразительно кивнул на распластавшееся у ножки стола тело управляющего.

— Так ему уже ничего не можно. Молния, она знаешь куда любит бить? В то, что выше других выпирает. Подумай, Андрюха. И что ж ты все о девушках да о девушках. Как же Валерия Семеновна? Ты сегодня, кстати, в своей комнате ночевал?

— Ха-ха, Лерка, что ли, хвастанула? Ну, это дело такое... Подумаешь, Лерка.

— А она что, в люди не хочет? Ты вот был шофер, станешь менеджером. К тебе в помощники Валерия Семеновна еще не набивалась? Или ей хватит звания «менеджер по кухне»? А что? Тоже красиво.

— Ладно, ты меня не учи. Больно ты много стал знать обо всех, а сам чистенький? Как же, поверю! Все от хорошей жизни любят отговаривать, только сами-то готовы; дерьмо жрать, лишь бы в люди пролезть.

— Значит, до сих пор ты был не человек?

— Человек, не человек. Я покурить сюда пришел.

— Хорошее место. Покойники тебе получать удовольствие не мешают?

— А чего, он же теперь ничего со мной не сделает, хоть в рожу ему плюй. А то как же — гонору было. Валерий Валентинович!..

Леонидову вдруг стало плохо. От сигареты опять замутило. Почувствовав это, Алексей извинился и, оставив Липатова в коридоре, толкнул дверь в собственные апартаменты.

Жена Александра уже сидела на кровати, абсолютно проснувшись, и ждала мужа.

— Ой, Леша, это правда?

— Что правда?

— Иванов умер.

— Ну да, Иванов умер, да здравствует Иванов! Не нравится мне все это. А тебе кто сказал?

— Да Анечка Барышева заходила.

— Серега не пришел?

— Пришел. Скоро приедет милиция. Дороги-то уже давно расчистили, не как в прошлый раз.

— Что ж, флаг ИМ: в руки, барабан на шею. А мне дали отставку.

— Вот это правильно, — обрадовалась Александра. — Ты, Лешечка, все близко к сердцу принимаешь. Ну, случилось там, чего— так сами разберутся. Не нервничай только.

— С каких пор ты так переменилась, жена?

— Да никто вокруг тебя не менялся. Очнись, Леонидов. — Пойдем с Сережкой погуляем. На улице солнышко. Знаешь, как пахнет в лесу, когда легкий морозец и снежинки на еловых ветвях блестят на солнышке.

— Ну ты, литератор. Не приплетай меня в свои поэмы. А впрочем, почему бы не пойти? Поесть не удалось, так хоть кислорода вволю наглотаюсь. Где мой толстый свитер?

— Ох, Леша, не любишь ты следить за своими вещами! Ну где ты его вчера бросил? Вспомнил?

— Слушай, я для того и женился, чтобы подобными мелочами голову не забивать.

— Ах так? А я для чего тогда замуж выходила?

— Чтобы не скучно было. Забота о двоих отнимает больше времени, чем забота об одном человеке. Закон математики. Хотя ты ж у нас гуманитарий. Тебе не понять.

— Зато мне понять, что пора тебя привести в чувство. Живо одевайся, мы с Сережкой тебе быстренько поможем привести в порядок организм.

— Ага! Сейчас! — Алексей засуетился, напяливая на себя теплую прогулочную одежду, но выяснить отношения до конца им не удалось, потому что в дверь кто-то тихонько поскребся.

— Войдите, — втягивая голову в плечи, прошипел Леонидов.

В дверной проем робко протиснулись толстые Лизины щеки и прядь неровно покрашенных волос.

— Можно?

— Чего тебе? — выдохнул Леонидов.

— Эльза хочет вам что-то сказать.

— Как выяснилось, я в этой истории вообще ни при чем. Может твоя Эльза с тем же успехом Манцеву в рубашку поплакаться или красивому мальчику Юре. Уверен, что это ей доставит больше удовольствия.

— Она вас ждет, — обреченно всхлипнула Лиза.

— Ну, чего не сделаешь ради такого большого ребенка. Где она?

— У нас в комнате, А можно, я здесь пока посижу? Я покойников боюсь. Страшно в коридор выходить. Бежала сюда, даже споткнулась, ушибла ногу. Во! — Большой ребенок простодушно задрал полу халата, демонстрируя подпорченный мясистый окорок.

Леонидов от ужаса зажмурился и выбежал вон.

Бежать пришлось недолго. Дверь с номером шестнадцать находилась рядом и была предусмотрительно приоткрыта. Алексей нырнул туда. В комнате царил полумрак, окно было завешено

шерстяным одеялом с третьей, лишней койки. Эльза Шеина рыдала, зацепившись рукой за шаткие перила казенной кровати. Ее лицо периодически меняло цвет: синий переходил в зеленый, голос хрипел уже где-то в районе совсем нижних октав.

Войдя в комнату, Леонидов предусмотрительно прикрыл дверь, повернув изнутри громоздкий железный ключ.

— Елизавета сказала, что вы пожелали что-то сообщить мне. Только сразу предупреждаю, что расследованием этого дела я, похоже, больше не занимаюсь. Обратитесь к милиции, она скоро прибудет. Куда можно сесть, если вы не успели передумать?

Эльза проигнорировала его вводную тираду. Она высморкалась и подняла на Леонидова тяжелый мутный взгляд.

— Простите, я вам не то сегодня сказала.

— Да уж.

— Честное слово, это от отчаяния. Здесь все заодно, все меня просто ненавидят. А за что? За Валеру? Если бы я была беременна от Павла, никто бы не стал так удивляться. У меня нет не то что друзей, даже просто человека, который мог бы посочувствовать.

— А как же Лиза? Вы вместе работаете, в один номер заселились.

— Надо же с кем-то заселиться, это еще ничего не значит. Лиза боялась, что Валера ее уволит, а теперь она только делает вид, что жалеет меня. Знаете, бывают люди, которые умело изображают лучших друзей. Но я уверена, в душе у нее все поет от радости.

— Что же, новый кандидат в управляющие ей симпатизирует?

— Это не важно. Теперь просто Таньку уберут, и все.

— Что это на вашей фирме за такая необходимость — все время кого-то убирать? Стиль работы руководства?

— А вы за нее не переживайте, ее мамаша пристроит. У нас на фирме Танька просто пасла Валеру.

— Неужели господин управляющий представлял какую-то ценность для женского пола? Вроде не Ален Делон, не говорил по-французски. Одеколон, конечно, не пил, но насчет обычной водки — я сам недавно наблюдал — очень даже не отказывался употреблять. Не думал я, что дамы сие приветствуют.

— Вы не понимаете.

— Ну так просветите меня насчет женской психологии, может, и пригодится. Я все-таки человек женатый, и жена у меня интересная.

Может, мы, дураки, не к тем ревнуем?

— А вы можете представить, что делать женщине, если она ни родить не может, ни увлечь кого-нибудь своей внешностью? Конечно, если она обладает московской пропиской, квартирой и обеспечена мамашей, то есть варианты. За такие блага мужа можно и купить. Только как следует все прикинуть, чтобы не просчитаться. Многие таким вариантом пользуются, если замуж хочется.

— Неужели для женщины так важно выйти замуж?

— Старые девы вызывают у окружающих нездоровый интерес. Если никому оказалась не нужна, значит, какая-нибудь дефектная. К проституткам относятся лучше, чем к старым девам. Знаете, какие новости любят обсуждать бывшие одноклассники, когда встречаются друг с другом на улице? Кто женился, кто развелся. Так уж люди устроены. Так что лучше родить без мужа, тогда просто поймут, что у тебя что-то было, просто не сложилось.

— Вы про себя все это рассказываете или про Татьяну Иванову?

— Какая разница! Мы с Танькой похожи. И внешне, и так... Странно, что он со мной спутался, когда дома такая же, правда? Ему бы и Татьяны хватило, если бы она его изначально не купила и не шпыняла этим без конца.

— Короче, у вас с этой дамой была одна цель и одно на двоих средство для ее осуществления?

— Я полюбила Валерия. Знаю, что его все ненавидели. Только никто не понимал, отчего он такой.

— А вы поняли?

— Да, когда Валера мне рассказал, как он живет. Работа для него — отдых, он там чувствовал себя главным.

— Не получилось стать главой семьи, значит, стал палкой-погонялкой для тех, кому завидовал. Неужели это была обычная зависть?

— У него была очень ранимая душа. И поэтому он все делал наоборот. Хотел одно, а делал совершенно противоположное. Это привычка, вбитая дома привычка- Если все время давить в себе человека, то рано или поздно от него ничего и не останется. Это не Валерий виноват, что перестал к людям нормально относиться.

— Как же Валерий Валентинович решился вступить |с вами в такие близкие отношения?

— Должна же у человека быть хоть какая-нибудь отдушина? Случайно все получилось: сидели вместе вечерами, разговаривали. Я ему как-то про Пашу рассказала, он разоткровенничался и рассказал про жену.

— Вызвали друг у друга чувство сострадания? Не думал, что из этого иногда получается любовь.

— А вы много видели любви, чтобы знать, из чего она получается? Жизнь прожили, все поняли, все проверили?

— Сдаюсь. Я не психолог, а обычный мент. Только не понимаю, зачем вы меня вызвали? Я что, новая жертва? Только у меня с женой все в порядке, я объект неподходящий.

Эльза залилась краской, прижала к животу подушку.

«Черт, я совсем забыл, что она беременна. Как жестоко получилось. Нехорошо», — поморщился Алексей от досады за свою неловкость.

— Простите. Профессия формирует привычку быть жестоким. Говорю резко в надежде, что где-то выползет истина. Обиженный человек хуже себя контролирует. Простите. Какой у вас месяц?

— Третий.

— Сделать аборт еще не поздно. Сейчас наша медицина на высоте.

— Я не буду делать аборт.

— А на что жить и где?

— Ирина Сергеевна добрая женщина. Думаю, не откажет мне в небольшом декретном отпуске и на работу возьмет потом. Мама у меня пенсионерка. Поможет.

— Стоит ли идти на такие жертвы? Может, встретите еще мужчину, полюбите, выйдите замуж.

— Ас этим что делать? — Она кивнула на свой живот. — У вас, у мужчин, все просто. Неизбежная помеха, которую легко устранить. Конечно, если что, вы себе другое брюхо найдете для вынашивания детеныша. А где баба найдет то здоровье, которое она оставила в том проклятом кабинете?

— Вам нельзя делать аборт? У вас проблемы со здоровьем?

— Нет у меня никаких проблем. Не ваше это дело, зачем и отчего. Просто я знаю, что теперь будет. Наверняка они что-то придумали.

— Кто?

— Какая разница — кто. Я вас прошу, именно вас, не спускайте это дело на тормозах. Не верьте никому, Валерий не убивал Павла.

— Откуда вы знаете? Вы были в той боковой комнате с Ивановым?

— Да. Была.

— Зачем?

— Видите ли, это гнусная история.

— Мне многое приходилось слышать, так что не стесняйтесь, рассказывайте!

— Валера ведь не мог на мне жениться. Он был повязан своей семейной жизнью по рукам и ногам. В квартире не прописан, машина на жену. Накопленные деньги почти целиком ушли на этот дурацкий суперремонт. Перед самым кризисом вложились. Никто же не знал, что так будет. А ребенку нужен отец и желательно отдельное жилье.

— И что же вы придумали?

Эльза опять замялась, подбирая слова.

— Да говорите же, раз начали.

— Валерий предложил своему двоюродному брату на мне жениться. Все равно родственники.

— Что-что? Саше Иванову жениться на вас?

— Он же устроил Александра на работу, помог снять недорогую квартиру у знакомых, опекал. Думаете, мало сейчас желающих на это место?

— Не думаю. Только до сих пор не могу осознать. Это же мошенничество?

— Какое еще мошенничество? Александр просто признавал, что ребенок от него, оформлял брак, а все расходы на содержание Валерий собирался взять на себя.

— Из каких шишей? Насколько я понял из подробностей семейной жизни господина управляющего, его держали на коротком поводке и регулярно очищали карманы.

— Он нашел какой-то способ.

— Очень интересно. Вас не посвятил?

— Нет. Просто сказал, что будет ежемесячно выплачивать определенную сумму.

— Что за сумма?

— Пятьсот долларов в месяц. На первых порах. Потом обещал найти радикальное решение проблемы и освободить Сашу.

— Что же, пятьсот долларов по нынешним временам неплохо для ежемесячного содержания. Наверняка Саша Иванов получает меньше. Откуда же Валерий Валентинович собирался изымать эту сумму?

— Не знаю. Честное слово.

— Ладно, верю. А что сказал его двоюродный брат в ответ на брачное предложение?

— Разве у него был выбор?

— Да, верно. Если выбирать между стабильным источником дохода и свободой личности, то вторым можно и поступиться. И насколько я успел познакомиться с Ивановым-младшим, он от брата многое перенял. Итак, Саша Иванов согласился. Так о чем вы ворковали в той комнатухе в злосчастный вечер, когда началась вся эта дрянь?

— О свадьбе. Мы собирались подать заявление в загс после Рождества. Конечно, ни о каком гулянье и речи не шло, просто скромная церемония и вечер в ресторане.

— Естественно, с обязательным присутствием организатора этой так называемой свадьбы. Да... Итак, вы обсуждали приготовления к свадьбе и?..

— Раздался тот грохот. Ну, шум.

— Когда коммерческий директор слетел со злосчастливого балкона?

— Да. Мы, естественно, выбежали. Паша лежал на полу возле стола, а Валерий стоял рядом с ним с ужасным выражением лица.

— Сколько времени прошло с момента, как упало тело и вы с Александром вышли из комнаты?

— В том-то и дело, что несколько. Там много ступенек в двух пролетах. Даже если бы Валерий был очень спортивным, он все равно не успел бы так быстро сбегать вниз. Понимаете? Он не убивал.

— Да я и без вас понял сегодня, что он не убивал. Иначе бы не лежал сейчас на Пашином месте. Кстати, ваш будущий муж дает совсем другие показания.

— Он мне больше не будущий муж.

— Поэтому убрать брата — прекрасный способ избежать неприятной брачной обязанности? Вы это имеете в виду?

— Вы поняли? Слава богу! Я же говорю, что они все заодно.

— Тогда за каким чертом Валерий Валентинович стащил у меня кассету с записью того злосчастливого вечера?

— Какую еще кассету?

— Я получил от Серебряковой кассету, на ней заснята ночь гулянки. Думал, на ней есть что-нибудь интересное для меня. А потом подложил в тумбочку как приманку. На эту приманку попался именно ваш возлюбленный.

— А, эту... просто мы немного потеряли осторожность, и кто-то из девушек зацепил нас камерой. Когда мы с Валерием...

— Были достаточно близко друг к другу.

— Да, он все еще наивно полагал, что Татьяна ничего не знает.

— Это вы ей рассказали?

— Да, когда подтвердилась беременность.

— Зачем?

— Чтобы сделать больно. Что вы так смотрите? Да, все женщины — стервы. Все любят нагадить сопернице. На что только ради такого не пойдешь!

— Как она прореагировала?

— Стала я ждать, пока она начнет реагировать? Развернулась и ушла.

— Почему же она не выгнала из дома драгоценного мужа?

— Потому что все вокруг привыкли к тому, что он ее муж. Ну и любила, наверное, кто знает?.. Почему, почему? Сами у нее спросите.

— А почему вы не сказали Валерию о разговоре с его женой?

— Господи, опять это «почему». Вы что, все свои поступки можете объяснить? Ну рассказала бы, а что бы это изменило?

— Да, в сущности, вы уже все равно нашли способ выкрутиться. О предполагаемом браке с родственничком Татьяна знала?

— Да, Валерий ей рассказал. Сообщил, что, мол, у Саши со мной роман, залетела, теперь собираемся пожениться. Видимо, Танечку это устраивало.

— Всех устраивало, кроме самого Иванова-младшего. Блестящая ситуация. Что же, весьма содержательная у нас получилась беседа.

— Так вы не оставите расследование?

— Не понимаю, что вы так уперлись. Кому хотите досадить?

— Да никому. Просто чтобы Валере на том свете было спокойнее.

— Показания дадите?

— Конечно.

— Посмотрим, как будут развиваться события. Пока, кроме вас, желающих мне помочь в этом деле не находится. Что, вам плохо? — Леонидов увидел, как резко побледнела Эльза.

— Тошнит. Простите.

Эльза, побледнев, рванулась в туалет. Когда в ванной щелкнул запираемый изнутри замок, Алексей отправился искать Елизавету, чтобы она приглядела за страдальцей.

Объемная девица преспокойно сидела в его комнате и играла с маленьким Сережкой в подкидного дурака.

«Вот еще братья по разуму», — горестно вздохнул Алексей.

— Елизавета, там твоей подруге плохо. Пойдешь глянешь?

Большой ребенок нехотя отложил карты.

— А что надо делать?

— Это ты сама решай, ты же женщина.

Девушка задумалась. Алексей начал подозревать, что проблема взаимоотношений двух полов до сих пор сводится у нее к фрагментам из жизни пчелок и бабочек. Наконец большая Лиза решила пойти на выручку несчастной Эльзе.

— Ты еще придешь? — крикнул ей вслед расстроенный Сережка. — Мы еще в пьяницу поиграем и в новую игру, которую я вчера от Павлика узнал!

— Приду, — откуда-то из-под притолоки прозвучал голос Лизы.

— А где мама? — спросил Леонидов, когда захлопнулась дверь за посетительницей.

— Ушла к тете Ане.

— А ты чего здесь торчишь?

— Надоели все, — серьезно заявил семилетний ребенок, аккуратно собирая карточную колоду.

— Чего ж ты хочешь от жизни, юноша?

— Чтобы все время было весело!

— Ну, так не бывает. Надо иногда и поплакать. Иначе ты "и не поймешь, что тебе именно сейчас весело.

— Пойму, — упрямо возразил Сережка.

Тут Леонидов вспомнил, что в коридор Сережке действительно нельзя выходить, так как там до приезда опергруппы оставался лежать труп Иванова.

«Сашка запретила выходить. А сама куда-то усвистала. А мне теперь что делать?»

— Сдавай, что ли, Серега. Будем с тобой сейчас играть в главного дурака, — решился Алексей.

— Это как?

— А так: когда остаешься, то ты не просто дурак, а главный. Вроде и хорошего мало, зато не так обидно. Понял?

Сережка на всякий случай вздохнул и принялся неумело тасовать колоду.

Глава 6 ТО, ЧТО ЗА ВСЕМ ЭТИМ ПОСЛЕДОВАЛО

Александра пришла минут через пятнадцать после того, как Алексей с Сережкой затеяли игру в карты. Она как-то шумно вздыхала, ее милое лицо было каким-то странным, не то испуганным, не то задумчивым. Сашенька прижимала к груди пакет с едой, добытой в боковой комнате, в которой еще сохранился основательный продуктовый запас.

— Ты чего? — поинтересовался Леонидов. — Замутило, что ли?

— Нет, просто не по себе. Леша, нам, наверное, обедать не придется? Сейчас милиция приедет и будет всех допрашивать, сказали, нельзя никуда выходить.

— Кто тебе сказал, что выходить нельзя?

— Барышевы говорят, а что, неправда? Мы с Аней раздобыли продукты, давай поедим? Сережа, ты голодный?

— Угу.

— А ты, Леша?

— На меня, наверное, влияет чужая беременность, немного мутит. С утра плохо, сам не пойму, с чего такая ерунда приключилась, вроде не больной... Может, от вчерашнего избытка физических нагрузок?

— От голода тоже может тошнить.

Саша развернула пакет. В нем оказались все та же поднадоевшая красная рыба с остатками черствого хлеба, баночка оливок без косточек, пачка дорогого печенья, пара яблок, с полкило мандаринов.

— Что же ты паштета какого-нибудь не прихватила? Я видел, там полно этих коробок.

— Хлеба осталось мало, мазать не на что. Да и ножа нет. Зато пакет сока раздобыла, Барышев мне его даже открыл.

— Не иначе как зубами, сцена из фильма «Челюсти». Добрый Барышев!

— Вы поссорились?

— С чего ты взяла?

— Не ходите друг за другом, как в то утро, — когда Сергеева нашли.

— Знаешь, людям свойственно иногда друг от друга уставать.

— Ко мне это тоже относится?

— Да не цепляйся ты, Сашка. Кстати, как наши общие друзья прореагировали на преждевременную кончину господина управляющего?

— Разве ты Сергея не видел с утра?

— Ну, меня интересует не та реакция, которая рождается в моем присутствии. Что тебе-то Серега сейчас сказал?

— Соображаешь, куда клонишь? Что, и друзей уже начал подозревать? Не заигрался ли в частного сыщика, Алексей?

— Я уже закончил начатое. Просто интересно, о чем вы там без меня болтали.

— Мы с Анечкой обсуждали выкройку платья, которое она задумала сшить. Устраивает?

— Не хочешь говорить, не надо. Кстати, вчера ты долго оставалась в холле, когда я отключился и потерял ориентацию?

— Ты что, совсем ничего не помнишь?

— А. что было?

— Я же вместе с тобой пошла, все спрашивала: «Леша, Леша, что с тобой?» А ты бормотал что-то, бормотал... По-моему, ты чем-то отравился, только почему сразу уснул, непонятно. Странно.

— Да? Сколько непонятного вокруг происходит. А ты что, тоже спать легла?

— Нет, вернулась, посидела немного, пока Сережка не набегался. Не могла же я его одного оставить? Потом, когда уложила, сразу легла. А что?

— Да ничего. Сережка, хватит трескать одно печенье, — поспешил Алексей перевести разговор.

— Вкусно!

— Ешь лучше рыбу.

— Соленая!

— Зато дорогая, мы такую дома не покупаем, поэтому надо пользоваться моментом.

— Леша, чему ты ребенка учишь?

— Жизни.

— Знаешь, ты иногда бываешь таким циничным, просто неприятно. Чего злишься? Ты считаешь, что один такой умный, но, может, все-таки окружающие вовсе не такие уж дураки?

— Так, намек. понят. Значит, ты тоже против меня? Тоже возненавидела плохого мальчика Валеру Иванова? Саша, мужчина тем и отличается от глупой женщины, что ему не так просто навязать чужое мнение. Ты впечатлительна, эмоциональна, добра...

— И глупа,

— Этого я не говорил.

__ Намекнул. Твоя проблема не нова в этом мире.

«Горе от ума» я своим детям уже восемь лет преподаю.

__ Послушай, ты знаешь, как я отношусь к твоей литературе. Она вся высосана из пальца. Ее даже в школе скоро сделают предметом второстепенным.

— Я так поняла, что ты совсем меня не уважаешь.

— Как вы, женщины, любите все обобщать! Уважаю я тебя, уважаю. Только это не значит, что я обязан жить твоим мнением и твоими интересами.

— Леша, послушай, что ты говоришь! Получается какой-то абсурд. Что же ты во мне тогда любишь, если не мою суть? Тело?

— Тише ты. Про ребенка забыла?

Сережка действительно давно уже оторвался от еды и круглыми глазами следил за перепалкой между матерью и отчимом. Уловив, что о нем вспомнили, он жалобно проканючил:

— Ну не надо ругаться. Противно вы ругаетесь. Саша поспешно кинулась к нему:

— Мы не ругаемся, просто громко разговариваем, Сереженька.

— Да, действительно хватит, — решил Леонидов, делая себе очередной бутерброд. — Все эти выяснения отношений ни к чему не приводят.

— Зачем же мы тогда их время от времени устраиваем?

— Для разрядки. Когда человек кричит, из него стресс выходит. Зато потом так сладостно чувство примирения!

— Ну сегодня я тебе этого сладостного чувства не доставлю. Я не батарейка, чтобы от меня энергией заряжаться.

— Сразу видно, что ты физику плохо учила. Как же можно зарядиться от батарейки? В ней мощности маловато. Не сравнивай

меня с карманным фонариком.

— Какая разница? Слышишь, в коридоре какой-то шум? Беги быстрее, там твои трезвомыслящие коллеги прибыли. Общайся с братьями по интеллекту.

За дверь действительно звучали громкие незнакомые голоса и топот обутых в тяжелую обувь ног. Алексей порадовался окончанию глупого спора и метнулся за курткой.

— Я тебя не простила, — крикнула вслед Саша, но Леонидов только махнул рукой и аккуратно закрыл за собой дверь.

В холле и в самом деле уже толпились сотрудники местного уголовного розыска во главе со знакомым Алексею амбициозным старшим лейтенантом Семеркиным. Увидев Леонидова, он даже позеленел от ярости и кинулся на него, словно собака Баскервилей на очередную жертву:

— Как же это? Что это у вас тут происходит?

— А что такое? Ну, труп.

— Опять?

— Не опять, а снова.

— Как же вы тут, в погонах, а допускаете?

— Ну, во-первых, я не в форме, в смысле милицейской. Во-вторых, ничего я не допускал, все само по себе произошло.

— Как похоже на предыдущий несчастный случай! А?

— Не многовато ли несчастных случаев на площади одного не слишком большого санатория?

— Вы что, сомневаетесь?

— Видите ли, Вячеслав Олегович, — с трудом вспомнил, а тем более выговорил имя-отчество лейтенанта Леонидов, — давайте поговорим отдельно и спокойно.

Интимно прижав к боку локоток возмущенного опера, Алексей утянул его подальше от наостривших уши отдыхающих.

— Видите ли, уважаемый старший лейтенант, дело в том, что я спал. А они, проклятые, воспользовались отсутствием у меня бдительности и совершили.

— Что?

— Преступление, разумеется.

— Кто?

— Преступники. Один или несколько.

— Так вы считаете, что это не несчастный случай?

— Вот именно.

— Что, надо кого-то задержать?

— Ну, выберите подходящего. Все они тут...

— Так надо людей допрашивать?..

— Непременно. Кто-нибудь обязательно сознается. Главное, вы с ними пожестче, построже. Пусть они повернутся, как гадюки на сковородке. Особенно обратите внимание на одного человека: есть у них тут один огромный, ого-го! Ручищи как саперные лопатки. Он точно чего-то знает.

— А вы?

— Спал. Ну, не повезло. Жена подтвердит и еще куча народа. Так что ничем не могу. Извините. Рад бы, да не могу. Вы вот что, лейтенант... Вы приходите потом ко мне, посидим, обсудим. Накроем всю эту шайку.

— Вместе? — подозрительно посмотрел Семеркин.

— Нет, я вообще здесь ни при чем. Территория-то ваша, вам и лавры пожинать. Ну, договорились, старший лейтенант Вячеслав Олегович?

— Ладно. Значит, всех вызывать?

— Действуйте.

Семеркин направился в боковую комнату и первую вызвал Ирину Сергеевну Серебрякову. Алексей воспользовался моментом и подрулил к эксперту-криминалисту. Им оказался молодой человек в круглых очках. Он топтался у тела, как антилопа у водопоя, то и дело оглядываясь в поисках затаившегося где-то поблизости льва.

— Недавно работаете? — поинтересовался Алексей, наблюдая за неуверенными движениями юноши. Тот вздрогнул:

— Что?

— Давно после института?

— Не очень, — отозвался новоиспеченный эксперт-криминалист.

— Ясно. И что думаете по поводу этого? — Леонидов кивнул на тело Иванова.

— А вы кто?

— Сотрудник Московского уголовного розыска. Капитан Леонидов. Алексей Алексеевич.

— А что вы здесь делаете? — округлил глаза молодой эксперт.

— Отдыхаю. Санаторий все-таки. Тебя как зовут?

— Николай.

— И какое твое заключение, Николай?

— Ну, смерть наступила предположительно в районе двенадцати часов ночи от удара о тупой предмет в правую височную область головы.

— О тупой предмет или тупым предметом?

— А разница есть?

— А ты не улавливаешь? Может, его сначала ударили чем-то в висок, а потом подложили к этому столу?

— Угол в крови, к ране прилипла крошечная щепочка. Вы в лупу гляньте.

— Я-то гляну. Только два дня назад здесь тоже лежало тело. И тот человек погиб именно от удара о тупой предмет. Рана на виске было немножко другая.

Молодой человек залился краской:

— Чем же она была другой?

— А тем, что на этот висок, — Леонидов кивнул на лежащее рядом тело, — пришлось два удара.

— Надо делать вскрытие.

— Надо. Что еще можете сказать?

— Ну, сильное алкогольное опьянение.

— Когда же он успел напиться? Около одиннадцати часов я оставил Валерия Иванова в номере люкс абсолютно трезвым. Да, при вскрытии на наличие снотворного в организме обратите внимание. Кто-то этим здесь балуется. Синяки, ссадины у трупа есть?

— Гематома в области шеи. Наверное, ударился при падении.

— Или слегка придушили.

— Да вы и так все знаете. Я-то вам зачем?

— Затем, юноша, что я лицо неофициальное. И предполагаю, основываясь только на собственных домыслах. А ваше дело все это грамотно оформить и записать. Вы трупов-то много до сегодняшнего дня видели?

— Много... В анатомичке.

— А здесь вам не лаборатория, а настоящая рабочая обстановка. Вот и работайте.

Леонидов вздохнул, вспомнив опытных экспертов, с которыми выезжал на такие происшествия, будучи оперуполномоченным. Эти зубры сами его тыкали, как щенка, во все, что, казалось, лежало на поверхности, а этот юный Склифосовский... Алексей вздохнул еще раз, поморщился и пошел потолкаться среди народа.

Сегодня его уже не сторонились. Наоборот, предельная любезность граждан отдыхающих перла изо всех щелей, словно буйная травка после дождичка в четверг. Видно, слухи здесь разносились быстро. Он ходил, слушал, принохивался, заглядывал во все подозрительные места, пока его терзания не прервала жена Александра. Она неслышно подошла сзади и сухим тоном заявила:

— Посидите, пожалуйста, с моим сыном, Алексей Алексеевич, меня вызывает ваш коллега для дачи показаний.

— С удовольствием окажу вам эту любезность, Александра Викторовна. — Леонидов тоже не собирался быстро сдаваться.

— Проследите, чтобы он не выходил в коридор.

— Всенепременно.

Саша, гордо вскинув голову, проплыла в комнату номер двадцать один.

В своем номере Леонидов молча добрал до кровати, рухнул на нее и закрыл глаза.

— А в карты? — дернул его за штанину Сережка.

— Ты поиграй пока сам, а я полежу немного, устал.

— Ну лежи, лежи, — похлопал Алексея по ноге Сережка и занялся своими цветными кубиками из «Волшебного сундучка».

Алексей попробовал было задремать, но не получалось. Мысли его продолжали крутиться вокруг событий вчерашнего вечера.

Господи, неужели Барышев? Что он мне сказал вчера под занавес, после того как напоил этим подозрительным чаем? Нет, наоборот, я посоветовал ему самостоятельно что-то предпринять. Дурак, получается, сам подтолкнул. А ручки какие у него огромные. Он работает в охране, говорил, что бывший десантник, да еще эта Чечня. Далась тебе эта Чечня. Интересно, он уже убивал? Почему — уже? Потому что Серега тебе симпатичен и ты боишься. Пашу-то точно не он. А почему эти два убийства должны быть связаны? Сначала некто разделался с коммерческим директором. Потом еще один некто со своим собственным врагом — управляющим Ивановым. Просто нет

никакой логики: Валера был главным подозреваемым, зачем его убивать, если можно засадить в тюрьму? Это-то вчера сослуживцы и пытались активно сделать. Несчастный случай устраивал только старшего лейтенанта Семеркина, когда не получилось, был придуман другой вариант. Но какой? В тюрьму, кажется, никто из них не собирается. В любом случае в этом спектакле блестящий режиссер.

Нет, так можно и с ума сойти. Все об одном и том же! Саша обиделась, вот о чем надо думать. Зачем я ей иногда такое говорю? Мало ей досталось от первого мужа. Клялся ведь защищать, оберегать, скотина. И я скотина, конечно. Опять плохо думаю. Все плохо. Надо о чем-то приятном. Но о чем, если сегодня такой гнусный день? Уехать отсюда к черту.

Он все-таки забылся, погрузившись в состояние чуткой полудремоты, когда любой посторонний звук может оглушительно ударить по мозгам. И такой звук не заставил себя ждать. В комнату стремительно вбежала — Александра.

— Лешка, дрыхнешь? Нам разрешено пойти на обед. Без десяти час, вставай быстренько, а то кормить не будут. Они только до половины второго принимают!

Леонидов очнулся и почувствовал себя страшно разбитым, старым и больным.

— Принимают! Тоже мне, не столовая, а кабинет премьер-министра. Может, существует и предварительная запись? Кстати, родная, а как же «холодная война», в которой мы пребывали последние полчаса?

— Объявляю перемирие. Но это не значит, что я тебя простила.

— А что это значит?

— Просто не хочу, чтобы ты нажил гастрит и ежедневно требовал у меня морковные котлетки и манную кашку.

— Вот! Я всегда говорил, что в основе любого прекрасного побуждения лежит собственная маленькая корысть.

— Судя по отсутствию у тебя этих самых побуждений, ты у нас — сама невинность. Сережа, одевайся. Пойдем поедим чего-нибудь горячего.

— А как же тот, в коридоре, — кивнул на дверь Алексей.

— Его простыней накрыли. Мы быстренько пробежим, и все, а когда вернемся, его уже уберут.

— Ладно, есть мне не очень хочется, но подышать свежим воздухом не откажусь. — Леонидов лениво поднялся с кровати.

Труп Валерия Иванова действительно уже накрыли белой простыней и готовили на вынос. Никого уже не мутило, молоденький Коля даже что-то торопливо жевал, прихлебывая из бутылки пиво. Народ в холле раз. — бивался на кучки, потом эти кучки смешивались, кочевали из одного конца помещения в другой, выбрасывая и принимая новых людей, открывавших дверь боковой комнаты. Вся эта суета вызывала у Леонидова тоску.

Алексей быстро провел Сережку к выходу. Саша поспешила за ними.

На улице оба облегченно вздохнули, плотнее запахивая куртки и натягивая шапочки на самые уши: ветер был сильный и ледяной. Явно тянуло на перемену погоды. Тучи неслись по серому небу, как стада взбесившихся овец. Алексей глотнул сырого холодного воздуха и закашлялся.

— Тише ты, еще ангину не хватало на этом отдыхе получить, — дернула его за рукав Александра.

— Да, конечно, два трупа — это пустяки, главное, не получить ангину, — не удержавшись, съязвил Леонидов.

— Да успокойшься ты сегодня или нет, — снова разозлилась жена.

— Молчу, молчу.

— Вот и молчи, горло целее будет.

— Ты ведь не обо мне заботаешься, а о том, что я буду лежать у тебя под носом больной и просить кружку воды, отрывая от любимых тетрадок и книжек. Такая твоя маленькая корысть, любимая?

Саша изо всей силы пихнула Леонидова в сугроб. Сережка, оглушительно завизжав, шлепнулся туда же, вминая отчима в снежное крошево. Саша для верности подтолкнула сына, чтобы он поплотнее уселся на Алексее.

— Так его, так, пусть не говорит всякие гадости.

— Не буду больше, пустите, — взмолился Леонидов, барахтаясь в липком снегу. — Руку хоть дай.

— Ну да, я тебе — руку, а ты меня к себе в сугроб. Разве можно доверять такому коварному человеку?

— Да не трону, не трону, честное милицейское.

— Вот какой же ты все-таки вредный, Леонидов, — вздохнула Саша, подавая ему руку. — Я давно уже успокоилась, а ты так и будешь покусывать. Зудеть, зудеть, докапываться.

— Характер такой.

— Это не характер, а вредность. Как с этим делом — все давно успокоились, а тебя распирает.

— Слушай, народ-то как возле нашего коттеджа толпится, — перевел разговор Леонидов, чтобы не ввязываться в бесполезную дискуссию.

Отдаленный уголок территории санатория, где расположился их коттедж, и впрямь стал местом паломничества отдыхающих. Маленькие группки людей кружили на безопасном расстоянии от здания, пытаясь разглядеть, что же происходит в проклятом доме. Второе за трое суток убийство поразило умы и чувства местного контингента. Подумать только, в ста метрах — и такое творится! И в кино не надо ходить.

Когда Леонидовы вышли из злосчастного коттеджа и зашагали в сторону столовой, собравшиеся поблизости люди стали их разглядывать, как прилетевших на Землю марсиан.

— Леш, чего это они на нас пялятся? — не выдержала Александра.

— Подойди да спроси. Может, это мы всех порешили. Ка, ждый норовит поиграть в детектива, всем почему-то кажется, что на убийце стоит клеймо, чтобы легко было догадаться о его садистских наклонностях.

— А что, разве убийца ничем себя не выдает?

— А зачем ему это? Вот ты на кого бы сегодня подумала?

— Ну, знаешь, мне только Иванов был как-то несимпатичен.

— Вот-вот, а он-то и стал трупом. Увы, жизнь сама по себе не логична, а преступление тем более. Окружающим всегда кажется, что был какой-то другой выход для решения проблемы, кроме убийства. Однако убийца почему-то выбирает только самый радикальный.

— Ладно, Лешка, кончай со своей философией, уже пришли.

— Интересно, чем сегодня порадует меню.

Меню не порадовало. Скромная порция непонятного салата, анемичные щи, порция макарон с мясной подливкой.

— Почему это еда во всех столовых одинакова на запах, цвет и вкус? — посетовал Алексей, путешествуя ложкой в тарелке со щами.

— Принцип один: чем меньше в кастрюлю, тем больше в карман. Знаешь, какой у них штат? И всем надо.

— А если, допустим, один человек готовит, много он может себе в карман положить?

— Ты это о чем?

— Да так, вспомнил скандал покойного коммерческого директора с поварихой. Я эту даму тоже поначалу подозревал, но потом все в Валеру уперлось. Интересно, а он как на это дело смотрел?

— Ты опять?

— Извини. Знаешь, Саша, я что-то не хочу обратно в коттедж возвращаться.

— Ну и не надо.

— Давай в бильярдную, что ли, зайдем после обеда.

— А я и не знала, что ты увлекаешься бильярдом.

— Какой же мужчина не любит бильярд? И если на деле не пробовал, то наверняка втайне грезит.

— Наблюдательный ты мой. Тоже гредишь?

— Играл когда-то.

— Ну пойдем. Только не долго, а то мне скучно станет.

— А ты иди с Сережкой к игровым автоматам.

— Ладно.

Они провели в главном здании еще полтора часа. Возвращаться обратно в свой номер никому не хотелось.

«Долго еще этот Семеркин будет допрашивать народ? Пойду все-таки. Сколько же можно прятаться?» — решил наконец Алексей.

Он отыскал Сашу и Сережку и повел их в гардероб получать одежду. Как ни медленно они шли обратно, оттягивая момент возвращения, все равно тропинка привела к красному кирпичному зданию, у подъезда которого стояли милицейская машина и «скорая помощь». Алексей со вздохом начал подниматься по ступенькам. Плохое предчувствие поселилось где-то в животе, рядом с желудком.

Людей, обладающих даром интуиции, предчувствие редко обманывает. Сейчас оно материализовалось в виде разъяренного Семеркина, бросившегося навстречу Алексею аж с самой середины холла.

— Что же вы, а?

— А в чем, собственно, дело?

— У меня на территории маньяк разгуливает, полгода поймать не можем, куча трупов со следами насильственной смерти, бог знает сколько дел в процессе расследования, а вы мне мозги канифолите!

— Погодите, погодите. Незачем так орать. Что случилось-то?

— Ну, как же? Это же никакое не убийство!

— Как? — Леонидов даже замер от неожиданности.

— Да все говорят!

— Не кричите вы так, Вячеслав Олегович. Отойдем, люди на нас смотрят. — Алексей подтолкнул старшего лейтенанта в сторону боковой комнаты и, когда тот вошел, плотно прикрыл дверь.

— А теперь спокойно и подробно: что говорят все?

— Что этот Иванов сам с балкона свалился.

— Каким образом?

— Ну, это он, оказывается, убил Сергеева Павла Петровича, а потом, когда понял, что есть свидетели и дело труба, спрыгнул с балкона. Самоубийство.

— Так. Что, кто-то видел, как это произошло?

— Ну да. Вчера вечером, когда отдыхающие после ужина остались в холле, Иванов напился как свинья. Потом неожиданно поднялся на балкон и спрыгнул вниз.

— На глазах у изумленной публики?

— Что?

— Кто при этом присутствовал?

— Так, сейчас посмотрю... Вот, у меня все записано: Константин Петрович Манцев, жена покойного Татьяна Иванова, Ольга Николаевна Минаева, Акимцева Наталья Андреевна, Глебов Борис Аркадьевич, Рыженкова Елизавета Валентиновна, Липатов Андрей Леонидович, Марина Сергеевна Лазаревич, Александр Витальевич Иванов...

— Так, почти вся компания. Ясно. Барышева не было?

— Нет, Сергей Сергеевич Барышев с женой ушел раньше, чем все это произошло.

— Очень интересно. А Ирина Сергеевна Серебрякова?

— Ее не было, но она подтверждает, что отношения между Сергеевым и Ивановым были очень напряженные. Они были врагами.

— Вы же утверждали, что с Сергеевым произошел несчастный случай?

— Ошибся. Знаете, как бывает. Несколько человек мне подробно рассказали, что Иванов и Сергеев пошли беседовать на балкон. А после случившегося двоюродный брат Иванова первым выбежал из этой комнаты и видел, как управляющий спустился вниз и нагнулся над телом.

— Да, но ведь Саша Иванов не один был в той комнате.

— Ну да, со своей невестой. Она тоже все подтвердила.

— Что?!

— Эльза Шеина ждет ребенка от Александра Иванова, они собираются пожениться. Эльза Карловна, услышав звук глухого удара, вышла вместе со своим женихом, и она полностью подтверждает его показания.

— Не может быть!

— Как это не может? У меня все записано. Вот. — Семеркин яростно зашуршал какими-то бумажками.

— Бред какой-то!

— Почему это бред? Очень даже не бред. Дело я оформлю, как положено, и закрою. — Вячеслав Олегович довольно облизал мясистые красные губы.

— А почему Иванов никакой записки не оставил?

— Слушайте, а что, так вот все самоубийцы и делают?

— Большинство.

— Ну, значит, он не большинство.

— А как же экспертиза? — А что экспертиза?

— На теле двойной удар на виске и синяк на шее.

— А это уже вы придумали. Коля мне так и сказал: приезжий капитан из МУРа велел написать. Слушайте, чего это вы лезете? У меня тут куча показаний, в которых все так ясно и понятно. Чего тут копать?

— Слушай, Семеркин, да ты сам-то веришь, что можно с такой точностью попасть на угол стола, прыгнув с этого дурацкого балкона? Ну, в худшем случае будет перелом ноги. И то если здорово постараться. Можно и ушибами отделаться.

— А Сергеев, значит, мог попасть на этот угол?

— Да, случайно попал.

— Ну и Иванов случайно попал. Если можно один раз попасть, почему два нельзя?

— Потому что есть такая штука, как теория вероятности. Ты математику в школе изучал?

— Мало ли кто чего изучал.

— И почему такой странный способ покончить с собой? Петля на шее куда надежнее.

— Кому как нравится. Я тут психологией заниматься не собираюсь. Факты есть факты. Все. Кроме вас, мнение у всех единое. А вы спали.

— Вот это-то меня и пугает. Единственный свидетель, который нисколько не заинтересован в делах фирмы и мог бы дать наиболее объективные показания, оказывается без грамма спиртного в полном отрубе. А если мне в чай снотворное подмешали?

— Докажите. У кого есть снотворное?

— У одной девушки были таблетки, которыми можно слона свалить, но она отбыла с предыдущим мертвым телом.

— Вот именно, отбыла. Вместе с таблетками.

— Постойте, есть еще моя жена! Как я забыл! Саша! Она что говорит?

— Ничего. Спала, ничего не слышала.

— А удар? Такой грохот должен был ее разбудить, а она ничего не слышала. Значит, ничего не было! Ладно, я вам найду еще свидетелей.

— Слушайте, вам копать не надоело? Так все хорошо складывается. Ведь такое про этого Иванова рассказывают! Оставьте вы все как есть. А, капитан?

— И много дел вы уже таким образом подогнали?

— Я, между прочим, при исполнении. — Семеркин встал, расправил плечи. Поправил зачем-то брючный ремень. — У меня взысканий в деле нет, одни благодарности.

— Не сомневаюсь. Ладно, свободен.

— У меня, между прочим, есть свое начальство.

— Да все у тебя между прочим. — Леонидов отшвырнул хлипкий стул и вышел в коридор.

Последовала немая сцена, как в гоголевском «Ревизоре». Присутствующие замерли, разглядывая Алексея. Кто-то держал у рта

недопитый стакан и не спешил из него отхлебывать, кто-то не донес до рта зажженную сигарету.

— Что, довольны? Поздравляю! Похоже, я здесь лишний. Счастливо насладиться плодами собственной гнусности!

— Эй, Леха! Леонидов! — дернулся было за ним Ба-рышев.

Алексей хлопнул дверью перед его носом и устало прислонился спиной к холодной стене.

Саша пришивала пуговицу к Сережкиной рубашке. Она подняла на вошедшего мужа печальные синие глаза.

— Что случилось?

— Нет, ты слышала? Все присутствующие, за редким исключением, заявили, что у них на, виду Иванов сам спрыгнул с балкона!

— Ну и что? — Саша зубами откусила нитку, отложила в сторону рубашку.

— Как что? Но ведь это же неправда!

— А ты знаешь правду?

— Узнаю! — Он упрямо мотнул головой.

— А кому, кроме тебя, эта правда нужна?

— Людям.

— Ой ли? Да им плевать и на твоего Иванова, и на то, кто будет впаривать покупателям очередные утюги и пылесосы. А те, кому не наплевать, свой выбор сделали. Так что успокойся.

— Но ведь управляющего убили? А кстати, ты же сказала, что ничего не слышала. Во сколько ты ушла спать?

— Около двенадцати.

— Вот! Пока косметику смыла, пока волосы расчесала. А ничего не было слышно в коридоре. Нн-че-го! Тишина. Это ты пойдешь и сейчас подтвердишь, а там посмотрим, как этот Семеркин завертится.

— Нет, — тихо сказала Саша.

— Не понял?

— Никуда я не пойду. Можешь сейчас кричать, ругаться, даже матом, разводом угрожать... Но если меня попросят еще раз дать показания, я скажу, что ошиблась.

— Как это — ошиблась?

— Я слышала звук глухого удара от падения Иванова.-

— Что ты сказала?

— То, что слышал. Поэтому если не хочешь, чтобы я врала, не мешай тому милиционеру. Пусть делает, что считает нужным. Пусть в деле останется тот скромный факт, что я просто спала и ничего не помню.

— Ты дура!

Сережка испуганно заревел. Леонидов схватил его в охапку^ быстро-быстро заговорил:

— Извини, извини, извини... Я не хотел. Чушь какая-то! Кто тебя попросил? Анька? Барышев?

— Никто.

— Ты врешь. Ты добрая, хорошая, честная. Я тебя полюбил за то, что ты была лучше, чем они все. Ты что, притворялась, что ли? Нарочно?

— Я человек. У м. еня тоже бывают подленькие мыслишки, и хочется сделать хорошо именно для себя, а не для дяди или тети. Только не сейчас. Ты не прав, Леша. Они хорошие.

Он рухнул на кровать, отвернулся к стене. Несколько минут прошло в напряженном молчании. Саша не выдержала:

— Леша! Поговори со мной.

— Слушай, да отстань ты от меня! Надоело!

Он вскочил, чувствуя, что не может больше оставаться здесь, в этой комнате, в этом доме, в этой стране. И вообще на этом земном шаре. Выскочил в коридор, на лестницу, потом из коттеджа. Тело Валерия Иванова грузили в машину. Окружающие, вяло переговариваясь, топтались в ожидании, когда же все кончится. Самое странное, что ни жена, ни любовница сопроводить Валерия Иванова в морг не собирались. Они стояли почему-то рядом, чуть ли не обнявшись, и лица у обеих были какие-то умиротворенные.

Леонидов решительно зашагал в сторону леса, спотыкаясь о твердые ледяные комья. Холода он не чувствовал, только странную пустоту внутри.

Почему никто не любил Иванова? Эльза говорит, что любила. Сама она не знает, что это у нее было, раз сгоряча захотела отмщения и в течение двух часов передумала. Жена открестилась, любовница предала, коллеги покрывают убийцу. Жил человек, в душу всем плевал. А я правды для него хочу. Правды! Почему хочу? Потому что я такой хороший? Нет! Просто доказать, что прав. Иногда человек рогом

упирается не из-за материальных благ, а из чего-то непонятного, что называют принципами. Какие к черту принципы? Ослиное упрямство. Я не пойду против, никого не стану сажать и ничего не буду доказывать. Я просто сегодня все выясню и им всем скажу. Просто скажу. От этого мне станет хорошо. А накажут они себя сами. Вот так.

Алексей уходил все дальше в лес, чувствуя, что начинает замерзать. Сзади раздался какой-то топот. Он оглянулся и увидел Барышева с теплой курткой.

— Леха, стой!

— Чего тебе?

— Да так, переживаю.

— По поводу?

— Подумал, что ты пошел вешаться.

— Я бы лучше с балкона спрыгнул, как бедняга Иванов. Согласно, теории вероятности, все, что оттуда сваливается, точнехонько попадает виском прямо об угол стола.

— Ладно, брось.

— Слушай, я ведь было подумал, что ты мне друг.

— А что изменилось?

— Скажи честно: твоя работа?

— Ну, хорошо. Чем тебе поклясться, что я никого в этом санатории не убивал? Или ты совсем никому не веришь?

— Почему? Верю.

— Хочешь, я тебе одну правду скажу, только ты не обижайся.

— Ну, говори.

— Знаешь, Леха, людей нормальных на этой планете нет, это факт. У каждого свой пунктик имеется. Если не знаешь про этот пунктик, то человек тебе вроде бы кажется нормальным. Но все равно он втайне свою страстишку лелеет. Один, например, по бабам с ума сходит, меняет их, думая, что следующая будет той самой-самой. Другой на машинах помешан, вылизывает железную голубушку, последние бабки в нее вкладывает. Третий марки собирает или еще какое-нибудь дерьмо. И каждый про другого думает: дурак он, что ли? А бывают тронутые своей работой: дом для них так, перевалочный пункт. Вот намаяться где-то, чтобы конечности гудели и башка была чугунная, — это кайф! У тебя вот кайф приходит, когда ты до истины докапываешься. Ты хоть интересуешься иногда, чем все кончилось,

когда дело к следователю ушло? Уверен, что нет. Тебе главное — найти. Решить очередную задачку. Да и решай ты их себе на здоровье, только прежде чем свои выводы обнародовать, подумай о тех, кому с этим жить.

— Ну, спасибо, просветил. А у тебя, прости за нескромность, какой пунктик? Не поделишься или стыдно?

— Почему? Я, например, жену свою очень люблю.

— Так и я люблю. Это неинтересно.

— Любить по-разному можно. На меня собственная сила давит, поэтому все маленькое и слабое вызывает потребность защищать. А чтобы кайф сильнее был, я эту потребность не распыляю, а концентрирую на одном объекте.

— Я не знал, Барышев, что ты такой философ.

— А ты думаешь, что иметь мозги — твоя привилегия? Всякий дурак иногда бывает очень мудрым. Так что ты дурить кончай. Пойдем в коттедж, представители власти уже убрались со своим трофеем, завтра с утра и мы двинемся. Отдохнули, нечего сказать.

— Да, все правильно, все хорошо, только жить почему-то не хочется.

— А ты живи. Ищи, ради Христа, свою истину. Может, ты и есть пророк в своем отечестве. А? — Барышев слегка подтолкнул Алексея в бок. — Ну что, мир?

— Сам не знаю. Я так сразу не могу.

— А ты попроще. Теорию разумного эгоизма все в школе изучали. Если тебе хорошо, то и другим нормально.

— Что-то я сомневаюсь в правильности твоего изложения. Надо у жены поинтересоваться, что она там преподает.

— Сашку ты зря обижаешь. Повезло тебе, а ты ее все время вроде как золотую монету на зуб пробуешь: настоящая или нет. Может, хватит?

— Все, сдаюсь! Достал ты меня, честное слово.

— Пошли в картишки перекинемся. Это у тебя здорово получается.

— Должен же и я какие-то таланты иметь.

— Ладно прибуднаться. Ты, как красивая девка, на комплимент, что ли, напрашиваешься?

— А ты только гадости умеешь говорить?

— Это лучше у моей жены поинтересоваться, чего я там умею говорить.

Так, подкалывая друг друга, они добрались до своего коттеджа. Там уже царило оживление. После того как исчез источник напряжения, людей охватила эйфория. Кто-то уже сообразил накрыть злосчастный угол чистым полотенцем, кто-то собирал с народа деньги на поход в местный бар, кто-то тащил к столу продуктовые запасы. У Леонидова возникло впечатление, что сотрудники «Алексера» собираются праздновать удачно провернутое дело. Алексея замечали, но делали вид, что ничего не случилось. Он тоже сделал вид, что принимает правила игры, и пошел искать Александру.

Жена сидела в их номере в кресле с какой-то книжкой в руках и делала вид, что читает. По ее щекам стекали слезы и капали вниз, оставляя следы на серой бумаге. Саша молчала, старательно листая страницы. Сережку она отпустила, и он убежал к детям, но реветь в голос Александра стеснялась. Алексей стремительно выхватил у нее книгу, шлепнулся на колени возле кресла и уткнулся головой в Сашин согретый мягким шерстяным свитером живот.

— Саш, ну не реви. Прости, а? — Он поднял лицо, по-собачьи пытаясь заглянуть в ее мокрые испуганные глаза.

— Ты меня совсем-совсем не любишь? — хлюпнула она.

— Ну вот, опять. Люблю. Тысячу раз сказать? Хочешь, буду здесь сидеть и бубнить: люблю, люблю, люблю, пока не охрипну? Тебе легче будет?

— Легче, — по-детски протянула Саша.

— Я начинаю. Люблю, люблю, люблю, люблю... — Он перевел дыхание.

— Что ж ты остановился?

— Жду, может, ты меня пожалеешь. Разве недостаточно знать, что я могу сделать то, что пообещал? Ведь если мужчина обещает всю жизнь носить женщину на руках, не заставит же она его в конце концов надорваться? Если любит, конечно.

— Ладно, Лешка, ты всегда вывернешься. — Саша перестала реветь, вытерла лицо подвернувшимся под руку полотенцем и потянулась за зеркалом.

Алексей перехватил ее руку, прижался губами к холодной шершавой коже.

— Сашка, я больше не буду.

— Будешь. Через день опять все начнется снова: ты будешь злиться, говорить гадости, а я прощать.

— Ты добрая, а я злой.

— Ты злой, пока я остаюсь такой доброй и пока тебе все это позволяю.

— Не позволяй.

— Бить тебя, что ли?

— А я сильнее.

— Что? Да мы с тобой почти одного роста!

— Почти не считается. К тому же у меня мускулы.

— Ну-ка, где там твои мускулы? — Саша попыталась повалить мужа на постель.

— Не дергайся, женщина. — Алексей быстро перевернулся вместе с ней, оказавшись сверху и прижав всем телом Сашины плечи. — Можно тебя поцеловать?

— Ты же меня держишь. Целуй.

— А насильно неинтересно. Я хочу знать, что ты меня простила.

— Простила. — Саша вывернулась и потянулась к его губам.

Они целовались нежно и долго. Алексей терся носом о нежную, прохладную кожу и вдыхал, вдыхал родной любимый запах. И тут в дверь неожиданно постучали.

— Не откроем? — шепнула Саша.

— У нас еще вся жизнь впереди. — Алексей чмокнул ее в нос и спрыгнул с кровати.

В дверях стояла засмуцавшаяся вдруг Анечка Барышева.

— Помешала?

— Почти. Заходи, помириться мы все равно уже успели.

— Ой, а я подумала, может, вы голодные? Там ребята на стол накрывают.

— Мы в столовую ходили, старший лейтенант сжалился. Разве только за компанию.

— Чайку попьете.

— Попьем. Сейчас. — Алексей покосился на Сашу. Она поспешно припудривала нос и подкрашивала губы. Анечка извинилась еще раз и исчезла.

— Сашка, кончай марафет наводить, там никого нет во фраках.

— Хочешь, чтобы все знали, что я ревела? — Она наконец встала и подтолкнула мужа к дверям.

Они тихонечко прошли к столу. В углу дивана сидела Ирина Сергеевна, рядом с ней оставалось пустое пространство. Алексей решительно протиснулся к ней.

— Не прогоните?

Серебрякова попыталась выдать из себя какую-то любезность и чуть подвинулась. Поскольку Калачевы уехали, а все начальство мужского пола отправилось в морг, застольем заправлял молоденький Коля. Остальные мужчины вели себя вяло, стесняясь воспользоваться поводом напиться и снять напряжение. Юный Коля решительно управлялся с бутылками и стаканами, игнорируя неубедительные отговорки народа. При этом он бубнил себе под нос; «Ломаются все, подумаешь, чего ломаются?»

— Можно, я за вами поухаживаю, Ирина Сергеевна? — спросил Алексей Серебрякову. — Вы выпить хотите? За помин души?

— Хочу, — неожиданно ответила женщина.

— Что налить? Вина?

— Водки. Соком только разбавьте.

— Не знал, что вы употребляете столь крепкие напитки.

Она ничего не сказала, молча взяла стакан. Леонидов сделал себе такую же смесь, налил немного десертного вина жене. За столом возникла пауза. Пить без вступительного слова было неловко, высказаться по поводу причины застолья присутствующие не решались. Леонидов решился.

— Я как самый виноватый. Чокаться все равно не положено, так что поднимем стаканы молча. Для надгробного слова время еще не пришло, да и прав у меня таких нет, чтобы эти речи произносить. Сейчас мы выпьем за то, чтобы не чувствовать себя виноватыми. Возражения есть?

Все молчали, шаря глазами по стенам, разглядывали друг друга. Алексей решительно влил в себя содержимое стакана и сел. Серебрякова тоже выпила до дна. Ее примеру последовали остальные. Леонидов снова перехватил инициативу:

— Тостов больше говорить не будем. Наливайте, пейте, хватит друг другу в глаза заглядывать, — и решительно потянулся к бутылке с водкой.

— Ирина Сергеевна?..

— Да, налейте еще.

За столом зазвякало и забулькало. Процесс вяло, но пошел, раздались нерешительные голоса, шорох, звон тарелок. Серебрякова, непривычная к выпивке, сразу захмелела.

— Вы бутерброд съешьте, Ирина Сергеевна, — посоветовал Леонидов. — А то худо станет.

— Худо мне с утра было. А сейчас уже наплевать. — Серебрякова откинулась на грязную спинку дивана.

— Вы же не засвидетельствовали самоубийство управляющего.

— Зато я его достоверность оплатила.

— Взятка? — Леонидов придвинулся к ней вплотную.

— А что, вы никогда денег не берете?

— Может, повода не было? Я сам теперь не знаю, что я могу сделать, а что не могу. Значит, Семеркину отвалили?

— Семеркину, эксперту. Какая разница?

— А если я расскажу?

— Вы что, в детском садике? А я думала, Алексей, вы уже успокоились.

— И кого вы покрываете?

— Себя. Собственный покой и благополучие. От меня слишком многим что-то надо, я для себя не живу. Вы представляете, что значит искать новых людей, доверять им, сомневаться, приживутся ли они на фирме, не сбегут ли, не заложат? Я не в том состоянии, чтобы все начинать сначала. Я вообще не тот человек, который может возглавить дело и взять на себя полную ответственность. Одна надежда, что сын подрастет, и я должна для него что-то сохранить. Не деньги, нет, людей, на которых можно опереться. Кто будет его учить? Институт, колледж, университеты за границей? Все это теория. Можно знать, как надо, и таких дров наломать!

— Что же, значит, себя оберегаете? Разумно. Сначала я должен был позаботиться о том, чтобы ничего не случилось, устроить, так сказать. Потом, когда кто-то сорвался с цепи, вы все-таки начали его прикрывать. Организатора уже знаете или наугад действуете?

— Леша, я пьяная, но молчать могу.

— Ясно. Еще опасаетесь, что я из-под контроля выйду?

— Вы лицо материально не заинтересованное.

— Остальные, значит, вашими деньгами повязаны? Люди гибнут за металл. Не ново, но в наше время весьма актуально.

— Алексей, я думала, женитьба повлияла на вас в лучшую сторону. Послушайте одинокую несчастную женщину, родите еще одного ребенка. Успокойтесь.

— У вас же все есть, что же вам мешает быть счастливой?

— Пустота. Я пойду прилягу, что-то мне и впрямь нехорошо. Не надо пить, если не умеешь.

— Вам помочь?

— Думаете, до кровати не дойду?

— Все-таки большинство присутствующих — ваши подчиненные. Надо сохранить лицо. — Он встал, поддержал Серебрякову под локоть и сделал вид, что увлечен беседой и продолжит разговор со своей спутницей в другом месте. Они протиснулись вдоль стола, и Алексей помог расслабившейся даме дойти до ее люкса. В номере он бережно опустил Ирину Сергеевну на кровать.

— Алексей, вы с нами завтра едете?

— Да, конечно. А на похороны можно?

— Зачем?

— Так. У меня так много впечатлений, что создается ощущение, будто мы с покойным Павлом Сергеевичем были хорошо знакомы.

— Если душа просит, можем вместе поехать.

— Спасибо. Отдыхайте.

Леонидов неслышно прикрыл дверь, пошел обратно к столу. Там не веселились, конечно, но разговаривали весьма оживленно. Бутылки стремительно пустели. Саша уже вовсю ворковала с Анечкой, удерживая одной рукой Сережку и пытаясь впихнуть ему бутерброд. «Вот тоже спелись», — вздохнул Леонидов, не понимая до конца, нравится ему это или нет. До сих пор он был главным посвященным во все секреты жены и немного ее ревновал.

Остаток вечера прошел спокойно. Напился только инициативный юный Коля, которого Марина Лазаревич быстренько убрала со сцены. Остальные хотели бы забыться, но знали меру: призраки еще недавно живших и деятельных главных людей фирмы тревожили воображение. Но их уже не было на свете, а никаких катаклизмов не случилось. И кто-то уже начал обсуждать перспективы работы на фирме в свете последних событий, другой примерял к себе новую должность, третий

облегченно вздыхал оттого, что все так удачно обошлось. Короче, все были при деле, один Леонидов неприкаянно путешествовал от рюмки к рюмке. Барышев тоже его бросил, подсев к своей и его жене и вклинившись в их разговор. Часов в двенадцать, когда отдыхающие начали расходиться, Алексей неожиданно пошел к себе в комнату и принес оттуда подушку и теплое одеяло. Бросив все это на продавленный диван, он демонстративно расстелил на нем казенное барахло и пьяным голосом заявил:

— Завтра мы все уезжаем, и слава богу. Не хочу, чтобы здесь поутру валялся еще один труп. Так что если у кого-то были виды на этот балкон, есть время передумать. — Он улегся на диван.

— Леха, ты чего? — толкнул его Барышев. — Брось дурить, делать, что ли, нечего? Иди спать в комнату, как все нормальные люди.

— Это твой пунктик, а не мой. Я здесь лягу и с места — не сойду. И спать не буду, — проорал он на всякий случай для тех, кто уже покинул холл, и, прильнув к дверям своих апартаментов, прислушивался к скандалу.

— Саша, скажи ты ему, — взмолился Барышев.

Саша в ответ только многозначительно покрутила пальцем у виска:

— Чего с него взять? Пусть делает, что хочет.

— Ну вы даете, Леонидовы! Ладно, пусть мерзнет, если охота.

— А мы ему бутылку водки оставим, — засмеялся кто-то из задержавшейся молодежи.

— Погреем! — подначили девушки.

— Может, и мне остаться? — заржал кто-то из мужиков.

— Цыц! — прикрикнул Алексей. — Все остаются на местах.

Бдить буду я один, остальные спите, где спали.

— А если я в разных местах ночевал? — выступил кто-то.

— Иди туда, где больше понравилось.

— Давай мы тебя разделим?

— На самую значимую часть устроим аукцион! — посыпались советы остряков.

Закончив состязание в остроумии, все потихонечку разошлись по своим номерам.

Примерно через полчаса Алексей остался один в пустом холле, вжавшись в диван и прислушиваясь к шагам. Он знал свойство

человеческой психологии — домысливать то, что кажется наиболее угрожающим.

Если ни при чем Барышев, не замешана в двух убийствах Серебрякова, то остальные не знают его планов, а убийце наверняка захочется побеседовать с Алексеем, чтобы узнать, вычислил тот его или нет. Конечно, может прийти и просто любитель излить душу, возможно, и не один. Но в том, что выбирать надо из ночных посетителей, Леонидов не сомневался. Поэтому он лежал и чутко прислушивался, не скрипнет ли дверь. И вскоре раздался скрип.

Глава 7 НОЧЬ. ГОСТИ

Алексей по звуку определил, что тихие шаги раздались где-то в районе его собственной комнаты. Объемная фигура в чем-то светлом обогнула колонну, угол стола и приблизилась к дивану, на котором он дремал.

— Алексей Алексеевич, вы спите? — раздался Эль-зин голос. Она осторожно шарила руками по мебельной обивке, чтобы не споткнуться в темноте.

— Почти. Вам бы, Эльза, тоже надо прилечь. В вашем-то положении...

— Вы на меня обиделись?

— Обиделся? — Леонидов нервно засмеялся. — Вы же не большая наивная Лиза, а говорите наивные вещи. «Обиделся» — это не то слово, мы ведь с вами не конфетку не поделили. Сначала вы взываете ко мне, просите заслуженного возмездия, клянетесь дать показания, требуете справедливости. А через несколько часов я выясняю, что вы решили присоединиться к большинству и заявили следствию совсем другое. Что я при этом почувствовал, это вряд ли можно назвать обидой. Вы когда врали-то? Мне или в момент дачи показаний?

— Я из-за ребенка...

— Да, а что с ним такое?

— Ирина Сергеевна не хочет возбуждения дела. Все должно остаться внутри фирмы, зачем привлекать внимание и затевать неприятный процесс? Это может сделать плохую рекламу нашему магазину и вообще... А я собираюсь там работать.

— Значит, кусок хлеба насущного дороже справедливого возмездия? Правильный выбор. А сразу вы сообразить не успели?

— Ну, когда Валеру увидела там... Все живые, а он мертвый — почему? Захотелось посчитаться, отомстить. Потом прошло.

— Быстро вы, Эльза, остыли. Что же, и так бывает.

— Так вы не сердитесь?

— Вы прощения пришли просить? Или на разведку?

— Какую еще разведку? Мне просто неловко.

— А мне как ловко! Идите, спите спокойно, ничего я никому не собираюсь доказывать.

— Нет, вы все-таки обиделись. Если бы вы меня поняли. Да, я держусь за работу, потому что родители мои нищие. Мы вчетвером живем в крохотной квартире с проходными комнатами. Зарплату я отдаю маме, потому что она на пенсии, а отцу постоянно-задерживают эти государственные 'копейки. Брат учится. На мою зарплату можно как-то протянуть. Когда мне хочется купить новую вещь, потому что неловко ходить на работу все время в одном и том же, мама начинает скулить: «Эльза, у нас порошок кончился, Павлику надо новые джинсы, квартплату прибавили... Может, ты в следующем месяце купишь себе то, что хотела?» А в следующем месяце повторяется то же самое. И мне некуда деться, просто некуда. Поэтому, чтобы изменить хоть как-то свою жизнь, я на все согласна: и на замужество это дурацкое, и...

— Что еще?

— Так. Как будто я одна такая.

— Это точно. Большая часть населения нашей вели-|кой и могучей прозябает подобным образом, а некоторые и нашу с вами жизнь считают за роскошь. Могу рассказать про свои материальные трудности: квартира, правда, отдельная, но не моя, жены. Зарплата тоже от государства, а оно щедростью не отличается. Жена учительница, причем в обычной общеобразовательной школе. Что еще? Ребенок. Денег едва хватает дотянуть до очередной выплаты. Как все, делаю долги, ем засоленные мамой с лета огурцы и помидоры с картошкой, когда совсем прижмет, в рестораны не хожу, одежду покупаю на рынке. Только вас все равно не понимаю, хотя мы вроде бы товарищи по способу выживания.

— Вы мужчина, вам проще.

— Да? И кто это сказал, что мужчинам проще? То, что мы не рожаем, конечно, существенно облегчает нашу мужскую жизнь. Но с другой стороны, женщина может и без работы остаться, годами дома сидеть, никто ее не упрекнет, потому что она женщина. А мужчина добытчик, кормилец. Если семья живет бедно, позор ему, а не жене. Всем всегда и все достается поровну, запомните это. Если бы мужчины и женщины могли меняться своими ношами, они бы поняли, что беды

у них разные только по сути, но не по весу. Спасибо, что вы пришли сюда извиниться. Завтра мы с вами окончательно расстаемся. Так что можете не терзаться: завтра все кончится.

— Да? Так вы не будете искать, кто убил Пашу и Валеру?

— Я похороню эту тайну в глубине своей оплеванной души! — торжественно заявил Леонидов. — Клянусь! Вы успокоились?

— Не знаю. Как-то не по себе.

— А это, милочка, совесть, хоть вы и отказываете ей в праве на существование в собственной душе. Грызет червячок-то?

— Меня просто знобит. И токсикоз.

— Ну да. Идите к себе.

— Да?.. Так я пойду. Спокойной ночи.

— Где уж. Покой нам только снится, — пробормотал ей в след Леонидов, плотнее закутываясь в одеяло. Когда же щелкнул ключ в замочной скважине, он громко и отчетливо сказал: — Татьяна, выходите! Там дует у двери.

Раздался скрип открываемой двери, и жена трагически погибшего управляющего Валерия Иванова неуверенно вышла из-за угла.

— Как вы узнали, что я подслушиваю?

— Во-первых, ваша комната за стенкой, а они не такие уж толстые. Во-вторых, здесь замки ржавые, а ключи огромные. А в-третьих, я ни за что не поверю, что резкая смена настроения Эльзы обошлась без вас. Вы следите, чтобы она чего-нибудь не сболтнула? Ну и как?

— С чего это вы взяли, что это я ее уговорила?

— Ну, возле машины «Скорой помощи» вы так посемейному держались вместе. А недавно за волосы друг друга драли. Значит, нашли общий интерес?

— Я все равно ее ненавижу. Ненавижу!

— Не сомневаюсь. Но что-то вам от нее надо?

— Не ваше дело.

— Кстати, это самые популярные слова, которые я слышу в последнее время. Вы не очень-то оригинальны. Хорошо, пусть и это будет не мое дело. Бедная Эльза! Как она любила вашего мужа, даже ребенка решила родить, хотя ей тяжело придется. Вот это любовь! В наше время редкость. — Леонидов в темноте поморщился от

собственного насквозь фальшивого тона, но надо же было разозлить эту даму, чтобы расколоть.

— Что? Любовь? Да вы ничего не знаете! Она мерзавка жадная, расчетливая тварь. А какой прикинется овечкой: ах, как мне тяжело кормить семью, ах, как я любила бедного Валеру! Если бы любила, ни за что бы не согласилась отдать мне ребенка.

— Как это — отдать?

— Очень просто. Были бы деньги, можно все устроить. Она будет беременной ходить, а я подушку на живот навешу. Всем знакомым скажу, что жду ребенка от Валерия, потом мы ляжем в один роддом, она родит и сразу подпишет все бумаги, а ребенка заберу я. Мы ей с мамой много заплатим. А маленький и на Валеру будет похож, и никаких проблем.

— Вы что, серьезно?

— А зачем ей ребенок? Сами слышали, что им жить не на что. Когда она замуж должна была выйти за Сашу Иванова, это всех устраивало, а теперь что? Да ее родители сожрут. Им ее деньги нужны, а если все деньги на ребенка уходить будут? Вы знаете, сколько все детское теперь стоит? Коляска, памперсы, одежда, роды, да еще если молока не будет? Детское питание такое дорогое! Да что сейчас не дорого. А мы с мамой все устроим по лучшему разряду: хороший роддом, отдельная палата, со мной, конечно, питание, лекарства. С работы я все равно теперь уйду, что там делать? Знать будут только те, кто на фирме, да я с ними больше встречаться не буду. Я живу в другом районе, все знакомые будут уверены, что это мой ребенок.

— Долго вы ее уговаривали?

— Кого, Эльзу? Она не дура. Сразу поняла, что такой шанс не часто выпадает. Им же денег постоянно не хватает, а так положат доллары в банк, будут роскошно жить на проценты — ни затрат никаких, ни хлопот. Я и правда не могу иметь детей, а мне скоро тридцать. Чужого ребенка не хочу, мало ли какой попадет. А тут от собственного мужа, да и у Эльзы с наследственностью все в порядке.

— Вы уже справки навели?

— Д что? Я хочу нормального, здорового ребенка, что тут плохого? У меня есть средства, чтобы его вырастить.

— Мамины средства. А если с ней что-то случится, не пожалеете, что взяли ребенка? Все-таки не свое?

— Я работу найду, а отдельная квартира у меня есть; Трехкомнатная, между прочим. И дача есть, и машина, и деньги на счету у родителей. Они будут рады. Я все решила.

— Как же можно отдать своего ребенка? Животные и то понимают... А тут продать. За деньги. Я не верю, что мать может так поступить.

— Как хотите. Я просто так вам сказала, чтоб вы этой святоше не очень-то верили. У нее только личико такое умильное, а на самом деле она дрянь. Я ее ненавижу.

— Таня, ну сколько можно? Вы же теперь партнеры, если так позволительно выразиться. Сколько месяцев вам ее еще терпеть? Шесть?

— Почти. Я переживу.

— Не сомневаюсь. Скажите, а вы принимали участие в убийстве мужа или только соврали?

Она растерялась.

— Он же сам...

— Ну это официальная версия. Как все было-то? Поделитесь, раз уж такой разговор пошел откровенный.

— Ничего я не скажу! — истерично всхлипнула она. — Ничего я не знаю! Что просили, то и сказала. А зачем он со мной так? Чем я хуже Эльзы? Она страшная, страшная, страшная!

— Тише, Таня. Не надо никого будить. Пожалейте свои и мои нервы, им и так досталось за эти выходные дни. Я вам верю, идите спать. Эльза больше не вернется, сегодня уже нет необходимости ее караулить. Идите.

— Все равно не усну. Мне страшно.

— Еще бы! Сколько месяцев еще мучиться. Ведь эта 1 дама всегда может передумать, вдруг в ней проснется запоздалый материнский инстинкт?

Татьяна резко поднялась с дивана, пошла к двери. («Могла бы и спокойной ночи из вежливости поже-[лат], — устало подумал Леонидов. — Ну, прелюдия {кончилась, кто следующий?}»

Словно отвечая его мыслям, в темном коридоре раздались осторожные, но уверенные шаги.

«Мужчина. Уже лучше», — подумал Леонидов.

— Не спите? Черт, сигареты где-то забыл, а так курить хочется! — ругнулся Манцев, шаря по столу.

— Не ваши? — спросил Леонидов, протягивая ему пачку «Кэмела».

— Похоже. Что, тоже не спится?

— Так. Лежу, думаю.

— О чем?

— О смысле жизни. Не приходилось?

— Нет, я как-то в такое время все больше о женщинах.

— Ну вы, Костя, мужчина холостой, вам позволительно, хотя ваш выбор я не одобряю.

— Вы про Ольгу? — удивился Манцев. — А мне казалось, что вы ей симпатизируете.

— Ольге-то я действительно симпатизирую, но вашей даме сердца — нет.

— Послушайте, вы что-то путаете. У меня одна дама. Все знают, я за Ольгой Минаевой ухаживаю.

— Ухаживали, пока ваша мечта была занята и у вас не было средств на ее содержание. Но теперь, похоже, фортуна переменилась. Заступайте на вахту, Костя. Я ваш выбор не одобряю, но вам, похоже, это по барабану, как и то, что скажет Оленька.

— Да она никогда меня и не любила, переживет. Ольга слишком умная, с ней тяжело. Зачем красивой женщине мозги и это дурацкое желание сделать какую-то карьеру? С ней я чувствую себя каким-то ущербным: все время надо себя контролировать, чтобы не ляпнуть какую-нибудь глупость, а в ответ вечные подколки да смешки.

— Да, с Норой вам будет гораздо интересней. Она умеет говорить то, что хотят услышать мужчины. Опыт, знаете ли, большой.

— С чего вы взяли?..

— Костя, я на эти грабли уже наступал. Я бы рассказал вам одну грязную историю. От нее у меня осталось стойкое отвращение к духам «Кензо», какими от вас долго еще пахло после отъезда Норы. У меня нюх собачий, и потом засек ваши взгляды, а эти записочки, вынос чемодана, за которым я вас так некстати застучал. Не понимаю я вас, как можно такую девушку, как Ольга, променять на Нору.

— А что за история? — заволновался Костя.

— Да плевать на нее. Я бы пожелал вам счастья, но боюсь, что фальшь в моем сладком голосе покажется вам слишком явной.

— А вы мне, часом, не завидуете? Я не верю, что мужчина может не хотеть такую женщину, как Нора. Блондинка. Фигура.

— Не все же причинным местом думают. Кстати, у меня была возможность, только не захотелось что-то ею воспользоваться.

— Вранье! — убежденно заявил Манцев. — Засуньте себе в одно место ваши приемчики, все равно не поверю. Это в кино только подозреваемые такие дураки.

— Почему вы решили, что я вас подозреваю и в чем? Вы ведь не место Иванова хотите занять? Это не ваш профиль, а на какую карьеру вы, Константин Манцев, теперь рассчитываете? Чтобы содержать красавицу Нору, нужны большие деньги. Откуда? Она вас проглотит, как акула рыбку, вы еще не знаете аппетиты женщин подобного сорта. С каждой новой вещью у них появляется уверенность, что следующая непременно должна быть дороже. У них между собой вечное соревнование...

— Не надо меня пугать.

— Не буду. Скажите только, о чем разговаривали на балконе Паша и Валера Иванов?

— Я же говорил, что слышал это сквозь дремоту.

— Но слышали?

— Они ругались.

— Из-за чего?

— Паша заявил, что собирается разогнать всю ивановскую шайку-лейку, вернуть уволенных, покончить с семейственностью на фирме.

— Благие намерения. И Иванов испугался?

— Рассмеялся. Сказал, что если Паша поменяет дорогую бабу на дешевую, то на этом он денег не сэкономит. Он прекрасно знал про Пашины долги.

— Разве Ирина Сергеевна не простила ему долг?

— А Калачев, а другие? Думаете, он мало был должен? С Екатериной Леонидовной-то Паша порвал, двух баб еще можно было между собой развести, но трех... Даже такому выносливому мужику, как Паша, это было тяжело. Калачев не собирался его больше субсидировать и с рассрочкой тянуть тоже.

— Поэтому Сергеев отступил?

— Сначала послал Валеру куда следует, но покойный Иванов недаром сделал такую карьеру в «Алексе-ре», он прекрасно знал, как и кого можно завербовать. Он предложил Паше некий план. Валера тоже оказался в финансовом цейтноте — надо было выплачивать двоюродному братцу ежемесячное пособие за предстоящий фиктивный брак с любовницей. Серебрякова убили, Ирина Сергеевна женщина доверчивая, а если поймет, что у нее воруют, — найдет способ устроить так, чтобы знали меру и не пятнали имя фирмы. Поэтому эти двое быстро договорились: Валера предложил Паше открыть на кого-нибудь из проверенных лиц левый счет и часть безналичных счетов посылать с его реквизитами. Потом, когда денежки придут, Паша как доверенное лицо, которому Серебрякова ежедневно передает выписку из банка, свою сумму впишет в эту бумагу и отдаст бухгалтеру, а Иванов сварганит соответствующие накладные и проследит за отгрузкой товара. На склад и в папку пойдет настоящая накладная с реквизитами «Алексера», клиенту — левая. Конечно, клиенты будут только проверенные, из числа постоянных, у которых рыльце в пушку и за товар они отчитываться не собираются. Или сами липу гонят. Таким образом, денежки будут капать на счет. Рано или поздно эта махинация все равно бы обнаружилась. Серебрякова не совсем уж дура. Но умный Валера собирался снимать понемногу, чтобы расплатиться с Эльзой и помочь Паше продержаться. Основная часть денег должна была переводиться в твердую валюту и уходить за границу, куда Иванов и предлагал всем в конце концов свалить. Валера хотел забрать ребенка и Эльзу и избавиться наконец-то от своей ненавистной тещи.

— А Паше зачем линять?

— А ему вообще Россия не нравилась, он давно заглядывался на дальние страны.

— И тоже собирался прихватить любовницу?

— Тут-то и возникла проблемка. Дело в том, что наш коммерческий директор втрескался в порядочную девушку, этакую воительницу-охранительницу. Она-то на него и надавила насчет наведения в фирме порядка и справедливости. Паша завертелся как уж на сковородке. Сначала ему понравилось в благородство играть, но старая закваска все равно бродит, особенно если ее сахарком посыпать. Валера, естественно, знал про Пашину новую бабу, хотя это в такой

тайне держалось — из-за Норы. Он объяснял Паше, что тот дурак, верит, мол, что его девушка испытывает к нему нежные чувства, а на самом деле ей только фирма нужна и война за светлое будущее. Все правильно: умные бабы любят умом, а такая любовь мужику на пользу не пойдет. Долго они так калякали, потом Паша заявил, что сам уже начал задумываться о смысле жизни и не против слинять куда-нибудь в дальние страны. Они ударили по рукам, договорились о встрече на трезвую голову, чтобы обсудить детали и процент каждого, и разошлись.

— А как же Паша слетел с балкона?

— А это вы сами думайте, я уже и так много чего сказал.

— Кто эта тайная любовница коммерческого директора?

— Опять-таки не собираюсь никого закладывать.

— А зачем тогда все рассказали?

— На всякий случай.

— Испугались за свою блестящую карьеру. А в смерти Иванова у вас какой интерес? Показания зачем давали, что он убил и сам с балкона спрыгнул?

— Серебрякова попросила.

— В обмен на?..

— Не хочу сглазить.

— Ого! Значит, серьезное предложение. Не под Пашино ли наследство метите? Удачно у вас все получилось? Мечты-то, оказывается, сбываются! Да, а что ж вы, Костя, не курите? Пришли сюда, можно сказать, изнывая от неутоленной страсти по никотину, а сами?

— Расхотел. Курение, говорят, сокращает жизнь, а она у меня только начинается.

— Как вы в себе уверены! Рад за вас, честное слово, Константин... как там ваше отчество?

— Петрович.

— Блестяще! Константин Петрович. Большое вам плавание, как большому этому самому, которое никогда не тонет.

— Ну-ну, я-то утрусь, но ты, мент, будешь это самое всю жизнь разгребать. А я на «мерседесе» ездить. И все равно по-моему будет.

— Будет и по-твоему, пока не шлепнут. А еще лучше, Манцев, ты живи. Одно наказание у тебя уже есть: красавица Нора. Остальное

получишь. Со временем

Манцев дернулся, хотел просто резко ответить, но сдержался, развернулся и зло печатая шаг, направился к своему номеру.

— Сигареты не забудь! — крикнул ему вдогонку Алексей.

Когда за Манцевым захлопнулась дверь, Алексей' громко зевнул. «Мне, что ли, закурить? А ведь Чанцев не курит «Кэмел», это не его сигареты. Он курит другие, дешевые. Костя на дорогие привычки только замахивается, зато с каким аппетитом! А чего это он сюда приперся? Рассказать правдивую душещипательную историю о двух ворах? А зачем? Откреститься от девушки, которую раньше прикрывал. Правильно, зачем она ему, если по наследству досталась блестящая Нора. Кстати, что-то пауза затягивается. Нерешительный намечается собеседник, самому, что ли, пойти поискать?»

— Есть там кто? — крикнул он наугад. — Выходите! Раздался нерешительный скрип, нечто большое и могучее выглянуло из-за колонны.

— Елизавета, ты? Опять подслушивала?

— Не спится. Эльза бродила, бродила, лекарства какие-то пила. Я не могла уснуть, а теперь она спит как слониха, а мне скучно:

— Ну иди, садись, большой ребенок. Холодно?

— Ага.

— Одеяло не дам, сам замерз. Тут кто-то спортивную куртку оставил. Хочешь?.. Ну и что ты слышала, большая Лиза?

— Манцев такой плохой!

— Лиза, ты, кроме как на плохих и хороших, людей как еще делишь?

— А надо?

— Надо взрослеть, дорогая.

— Вы же сами его отругали?

— Не отругал, а обозлил. Дурной язык мой — враг мой.

Лиза вздохнула.

— Ты как на фирму-то попала?

— Пришла. По объявлению.

— И кто тебя взял?

— Ирина Сергеевна. Она добрая.

— Это я уже знаю. Поэтому ты за Ирину Сергеевну горой, работу боишься потерять. Родители на пенсии, собаке нужен корм «Чаппи»,

или как его там. И сама, наверное, неплохо кушаешь, да и маму с папой надо кормить.

— Нет, что вы. У папы очень большая зарплата, а свою я только на себя расходую.

— А чего ж ты так за работу дрожишь? — удивился Леонидов.

— Ну, если я буду дома сидеть, мне все делать придется, а я не люблю. И на даче тоже не люблю — огурцы там всякие, грядки. Мне в «Алексере» нравится, от дома близко, кормят, Ирина Сергеевна хорошая.

— У тебя подруги есть на фирме кроме Эльзы?

— Да нет. Как-то не получается с ними... А зачем вы про подруг спросили?

— Может, кто-нибудь с тобой секретами делится.

— А вас что интересует?

— Пашина любовница, конечно.

— А, это я и так знаю.

— Откуда?

— А я после работы домой не тороплюсь, поэтому все про всех знаю. Вечером самое интересное происходит. Я их видела у него в кабинете.

— КОГО?

— Пашу и Ольгу. Ольга просила никому не говорить, я и не говорила. Но вам же можно?

— Конечно! Ольга — это Минаева, что ли?

— У нас на фирме только одна Ольга.

— Значит, это все-таки Ольга, а я голову ломаю. Конечно, Манцев такой убедительный портрет нарисовал. Ольга, значит, решила восстановить справедливость собственными методами: влезть к Паше в постель и через него влиять на дела фирмы.

— Ольга хорошая. Я к ней недавно подошла, она пообещала, что никто меня не уволит.

— В обмен на что?

— Не знаю. Просто так, наверное.

— Она думала, что ты сообразишь, о чем тебе молчать надо.

— Да? А что тут такого? Я не то сделала? — испугалась Лиза.

— Слово, Елизавета, не воробей. Но я никому ничего не скажу. Работай себе на здоровье, тебе надо. Какая у тебя собака-то?

— Эрдельтерьер. Максимилиан, Максик. Медаль на выставке получил, такой милый!

— Слушай, Елизавета, иди-ка ты баиньки. Снотворного у тебя, случайно, нет?

— Нет.

— А у Эльзы? — осторожно спросил Леонидов.

— Она же беременная. Им вредно... Так вы не сердитесь, что я сказала, будто Валера сам с балкона прыгнул?

— Но что Иванов с балкона не прыгал, ты ведь знала?

— А Ирина Сергеевна сказала, что прыгал.

— Она тебя попросила так сказать.

— Ну, вообще, да.

— Что значит — вообще?

— Мне Ольга передала.

— Ас чего это Ирина Сергеевна свои просьбы через Ольгу передает?

— Она ее любит. Ольга у Серебрякова долго секретаршей была, и ничего такого у них не случилось, хотя Александр Сергеевич любил с красивыми девушками романы крутить. Просто Оля очень порядочная, Ирина Сергеевна ее за это уважает и на работу обратно взяла.

— Значит, Ольга — лицо доверенное.

— Конечно. Я ей верю. Она за меня перед Ириной Сергеевной словечко замолвит.

— Все так, все правильно. Иди ты спать наконец.

— А с вами побыть еще нельзя? Я не усну.

— Лиза, ты меня напрасно за брата принимаешь. Я чужой мужчина, мало ли кто может что подумать, если нас вдвоем увидят.

— Да? Тогда я пойду. Натяну вашу куртку.

— Иди, сокровище, иди. Только больше не подслушивай, встану и проверю. Смотри у меня!

В том, что Елизавета больше не будет прикладываться ухом к двери, Леонидов был почти уверен, как и в том, что в гости придет кто-то еще. Поэтому и поспешил спровадить девушку, мало ли какая еще персона решит исповедаться в совершенных грехах. Становилось очень даже интересно... За окном тихо падал снег, тишина и темнота окутали насторожившийся дом. Ночь не принесла покоя. В холодном

коридоре снова раздались шаги. Женщина подошла к дивану и отчетливо заявила:

— Я забыла здесь свою спортивную куртку.

— Да, действительно. Без нее никак не заснешь. Она рассмеялась искусственным, щекочущим нервы смехом:

— Я просто шла к Манцеву и решила прихватить случайно забытую на диване вещь.

— Оля, вы уверены, что вам надо туда идти?

— А что такое? Разве у нас в уголовном розыске организовали отдел нравов? Вас можно поздравить с новым направлением в работе?

— Я не люблю вмешиваться в чужую личную жизнь, чертовски неблагоприятное занятие, но к Манцеву тем не менее не ходите. Не стоит он того.

— Вы себя предлагаете в качестве замены? Мне сегодня необходим мужчина. Не только у мужчин бывают насущные потребности.

— Перетерпите. Подумайте о чем-нибудь самом мерзком, напрягите воображение, вам сразу расхочется.

— Занятно. Труп Паши подойдет?

— Кому как. Садитесь, Оля. Кстати, это не ваши сигареты?

— «Кэмел»? Нет. Предпочитаю что-нибудь более женственное.

— Тогда тут еще водка осталась.

— В чувстве юмора вам не откажешь, Алексей...

— Можно без отчества, ночь на дворе. В темноте не заметно, что я на несколько лет вас старше.

— Что еще в темноте не заметно? Выражение лица? Смазанный макияж? Кстати, что вам сделал несчастный Костя? Почему вы вдруг решили обо мне позаботиться?

— Вы его любите?

— Мы в конце двадцатого века живем, слово «любовь» уже не актуально. Скажем так, я его держу в резерве.

— Оля, вы себя не переоцениваете?

— А что? Разве я не красива? Не могу вызывать у мужчины если не нежные чувства, то вполне естественные желания?

— Он за вами ухаживал?

— А почему в прошедшем времени? И кстати, вам-то какое дело?

— Хочу перенять опыт. Знаете, я тупой и ограниченный товарищ, хотел бы узнать, как порядочные и образованные мужчины ухаживают за женщинами вашего стиля жизни?

— Ну, во-первых, они говорят только приятные вещи.

— Намек понял, давайте сразу во-вторых.

— Дарят цветы, приглашают в рестораны. И ждут своего часа, не торопя события. Это главное: не терять терпения. И можно дождаться.

— Все правильно. Только сегодня неподходящий момент, чтобы осчастливить заждавшегося Костю.

— Это еще отчего?

— Боюсь, вас опередили.

— У него в комнате женщина? Ну, это еще не значит, что он с ней спит.

— Оля, вас никогда не использовали?

— Это как?

— В качестве ширмы. Чтобы замаскировать от окружающих интерес к занятой пока женщине? Не было такого?

— Что? К какой еще женщине?

— Я не хотел бы лишать вас некоторых иллюзий, но, честное слово, вы мне еще по делу Серебрякова симпатичны. Мы встретились впервые в его кабинете. Помните, я тогда был не женат и чуть не назначил вам свидание?

— В «Макдоналдсе»? Что же передумали?

— Сам не знаю. — Алексей усмехнулся в темноте. Ему не хотелось разочаровывать милую девушку Олю, но пускать ее к Манцеву он тоже не хотел. — Манцев вас обманул, Оля, он собирается взять на содержание Нору.

— Еще чего? Что он — дурак?

— Похоже, вы его слегка идеализируете. Он самый обычный мужик, с дурью в голове, с тупыми амбициями. И к вам он примазался с весьма конкретной и неблагородной целью.

— Это же самая последняя...

— И тем не менее — вы с ней делили любовника.

— Что?

— Манцев вас заложил с потрохами. Ухаживая за вами, он очень внимательно следил, когда же Паша бросит Нору. А когда это случилось, Манцев тут же сделал Норе соответствующее предложение,

а вас подставил. Он сам мне рассказал и про Пашу, и про разговор на балконе.

— Не может быть! — Оля села на диван.

— Откуда я тогда знаю и про махинации со счетами, и про то, что Паша собирался от вас отделаться, чтобы безнаказанно набить свои карманы? Кроме Манцева, свидетелей не было, насколько я понял?

— Он все рассказал?

— Да, и, между прочим, весьма нелестно отозвался о вас как о женщине.

— Костя всегда говорил, что безумно меня любит, что, если я только захочу, он ковриком ляжет у моих ног, зарежет кого-нибудь, украдет, оберет, лишь бы дать мне все, что я захочу. Как он говорил! Звонил каждый день, хотя знал, что я с Пашей. И все время: любимая моя, солнышко, родная, зайчонок." И розу каждый день клал на стол. Одну, самую дорогую, обязательно бордовую. Нет, нельзя так врать. Не бывает. И зачем? Чтобы получить эту пустую погремушку? Не понимаю.

— Оля, успокойтесь! Да только фальшивая любовь так себя и рекламирует, вы же умная девушка, должны понимать такие вещи.

— Но я тоже хочу верить в сказки. Почему я не могу получить заветную мечту всех женщин: красивую, сказочную любовь со всеми безумствами, о которых пишут в романах? И вот вы ее у меня отобрали.

— Да я-то тут при чем? Манцев сам бы все сказал после праздников, когда его назначат на место Паши. Они с Норой уже договорились.

— Вы что, слышали?

— Видел. И взгляды их, и записочки, и прочую белиберду. Там все уже оговорено. Костя тут недавно за сигаретами приходил, и мы очень откровенно побеседовали. Оля, бросьте, ну не сложилась одна красивая история, сложится другая. Среди мужчин тоже есть еще романтики, будут вам и рифмы, и розы, и кофе в постель, все впереди.

— Я дура, я думала, что он ради меня готов на все. Неужели из-за своей карьеры он изображал большую любовь ко мне?

— Нет, не из-за карьеры. Из-за Норы.

— Из-за женщины, которую я никогда не считала соперницей и даже жалела. Еще предлагала Паше дать ей денег на первое время.

Смешно! — Ольга и на самом деле рассмеялась, давась своим смехом, как вишневыми косточками, проталкивая его внутрь и придерживая горло рукой. — Я ее пожалела! Ну, Манцев, ну, клоун. Кто считает меня умной? Сейчас всем пойду плевать в лицо.

— Хватит шуметь! Умная девушка, а делаете глупости. Неужели вы серьезно думаете, что без Иванова на фирме воцарится всеобщее благоденствие? Дело не в человеке, а в системе. Именно она требует волчьих законов, и никогда не будет справедливости там, где люди делят большие деньги. Манцев займет Пашино место. Не хотите задуматься, чем это для вас обернется? Он страшный человек, если сумел вас так долго обманывать. Покойный коммерческий директор такими талантами не обладал, он с женщинами играл в открытую и под порядочного парня не маскировался. Как бы вам не пожалеть, Оленька.

— Значит, ничего у нас не изменится?

— Да как бы хуже не стало. Старые карманы — они все-таки полные, а новые пустые. Боюсь, рано или поздно вас из фирмы уберут. Зачем нужен человек, который к благоденствию нынешнего начальства приложил руку? Он же на особом положении. А надо, чтобы подчиненные были людьми с улицы, в рот смотрели начальству и считали себя вечно обязанными. Пешки нужны, а не полноценные фигуры на доске. Их просто смахнут.

— Ирина Сергеевна не позволит.

— Милая Оля, ей рано или поздно станет не до тебя. Ну, был у нее муж и была проблема, как бы он не спутался с красивой молоденькой секретаршей. Секретарша оказалась порядочной, ее стали беречь и лелеять. Не стало мужа — не стало проблемы. Оцените ваши перспективы.

— Значит, я все сделала зря? Этим просто воспользовались...

— Не знаю, что вы там имеете в виду, но у нас все любят делать чужими руками. Для своих драгоценных ручек всегда наготове белые перчатки.

Ольга замерла, ссутулив узкие плечи. На лоб упала светлая растрепанная прядь, лицо омертвело, утратив женственность. Его жесткие острые контуры проступили сквозь молодую кожу, как разрушающийся каркас. Леонидову стало мучительно жаль ее.

— Да не надо же так сразу рассыпаться. Сколько вам лет, Оля?

— Двадцать четыре.

— Самый что ни на есть переход от юношеского максимализма ко взрослому либерализму. Я понимаю, вы очень остро чувствуете несправедливость, сам от этого не излечился. Да, наш мир дерьмо, люди в нем дерьмо. Идеалы, к которым мы стремимся, тоже сделаны из ненадежного материала. Хотя по тому, как ловко вы залезли в постель коммерческого директора, я ни за что бы не подумал, что вы так будете переживать из-за Манцева.

— А вы думаете, что кто-то воспринимает всерьез красивую женщину? Она может чего-то добиться только одним способом: продать себя мужчине, и хорошо, если одному. Прощайте, Алексей, я, пожалуй, пойду.

— А мы разве больше не увидимся? Вы рано уезжаете?

— Да, слишком рано. — Ольга поднялась с дивана, покачнулась, не находя в воздухе опоры, зацепилась коленом за стол.

— Осторожнее! Оля, куртку забыли!

— Что? А... — Она взяла тряпку, потянула ее за собой, волоча по полу рукав.

Алексей долго прислушивался к ее неровным шагам. «Хорошо, что я не пустил ее к Манцеву. Пусть не сегодня. Поспит, подумает. Ну что, все? Окончено представление? Все равно не засну». Он отвернулся к стене, когда где-то рядом раздался тихий смех.

Смех был, неприятным для слуха, скорее не смех, а самодовольный смешок.

— Кто здесь? Эй! Кого черти носят? — взвился Леонидов.

— Да всего лишь я, Алексей, всего лишь я. Ты уж прости, что без отчества, ночь на дворе. Так, что ли, было сказано нашей Оленьке?

— Саша? Иванов? А я думал, что подслушивать, — это привилегия женщин.

— Все рано или поздно ошибаются. Ну, как спектакль?

— А ты почему знаешь, что спектакль? Ты что, режиссер?

— Ну, почти. Манцева я к тебе прислал. Татьяну тоже я надоумил ребеночка пригреть. Мне-то он зачем? Дурак Валера хотел мне свою бабу навязать.

— А ты на другую метишь?

— Под мою новую должность девочка другого класса подойдет.

— Новую должность? Тебя, значит, тоже с повышением?

— И с каким! Я после рождественских каникул занимаю должность управляющего в этом милом заведении. А Паша меня уволить хотел. Ха-ха! Кстати, спасибо тебе, Леонидов.

— За что?

— За Ольгу. Давно надо было ей глаза промыть. Хорошая девочка, только с дурью и с выпендрежем. Здорово ты избавил ее от дурацких идеалов, хвалю. Я все не решался, думал, пошлет, а теперь — в самый раз. Шлюха из нее классная выйдет, шикарнее Норки. Ольгу только приодеть, сбрую золотую, щеточки, погремушечки, прочая дребедень, и можно в такой тарантас запрягать! Хороша кобылка. Манцев дурак, он еще локти будет кусать. И Норка дура, ни образования, ни блеска, с ней дальше кабака не пойдешь. Получается, что два сапога — пара. Здорово я Костю кинул, а? Для него баба, видишь ли, слишком умная, зато для меня в самый раз. Я только не знал, с какой стороны подойти, цветочки всякие, нежные стишки и ночные звоночки — этой дребеденью Константин Оленьку в избытке отоваривал. Я так не умею, хотя знаю, что бабы это любят. Оставалось дожидаться, когда вся эта каша заварится. Это я ведь Оленьку на тот балкон послал.

— На какой балкон?

— От меня братец не скрывал свою задумку с фальшивыми счетами. Какое, ты думаешь, они имели в виду подставное лицо? Мое! Это ж надо: мое лицо — подставное! Только Валера меня совсем за дурака держал, когда пошел с Пашей разговаривать. Я Ольге шепнул, чтобы она послушала, какой Паша ей верный и заодно как у него насчет благородства.

— Зачем?

— Ну, во-первых, мне нужен был свидетель, чтобы заложить Валеру Серебряковой. Мне бы одному она не поверила, а Ольгу Ирина Сергеевна уважает, еще со старых времен. Я бы сразу вышел в герои, это во-первых. Избавился бы от необходимости жениться на этой белобрысой идиотке, к тому же беременной от братца, это во-вторых. И в-третьих, лишил бы девочку ненужных иллюзий, пора ей уже, как вы правильно давеча выразились, переходить ко взрослому либерализму. Это мне очень понравилось. Надо записать, умные мысли всегда пригодятся. Может, где-нибудь блесну.

— Ну ты и сволочь!

— Сволочью у тебя уже Манцев заделался. А я будущий большой человек. А большие люди — это кто? Да просто господа, правильно воспользовавшиеся подвернувшимися обстоятельствами.

— Большие люди — это большие сволочи. Я тебе морду сейчас набью, Иванов.

— Да бей! Синяки украшают мужчину, а мне сейчас к Ольге идти.

— Кто убил Пашу?

— Сам догадайся. Не ожидал я, что так все обернется, пришлось переигрывать по ходу. Мне трупы-то не нужны, зачем на похороны тратиться? Ведь Серебрякова добрая, наверняка все захочет оплатить за счет фирмы, а фирма теперь моя, так что каждую копейку жалко.

— Ну, насчет того, что твоя, — это ты погорячился. Есть еще Костя Манцев, у него должность покруче твоей будет.

— Его Нора быстро сожрет, пойдет по Пашиному пути, — потенциал у Костика хороший для такой перспективки. А когда он в долгах завязнет, я его прижму. Серебряков покойный хороший рецепт в наследство оставил: как иметь рабов, при том что рабство уже несколько веков не существует.

— А разве твои траты на Ольгу не обернутся большими долгами?

— Да Ольга землю будет грызть, чтобы Косте отомстить. Она сама мне будет помогать фирму к рукам прибирать. Так что насчет того, что ее скоро уберут, ты здорово ошибся. Надо пойти девочку утешить и предложить покровительство.

— Посмей только!

— А это уже не тебе решать. Ты свое дело сделал. Сколько я тебе должен? Запиши на мой счет, придешь, когда кабинет отремонтирую.

Алексей слетел с дивана, грудью навалившись на стол, отделяющий его от Иванова. Тот отпрыгнул, зазвенели бутылки, запахло пролившейся водкой. Леонидов попал локтем прямо в подтаявшую пачку масла, рука заскользила по столу, теряя опору. Иванов сзади навалился ему на шею, вжимая в липкую поверхность стола. Щекой Алексей попал на вилку, в свежую рану остро проник разлившийся спирт, боль подбросила его вверх вместе с вцепившимся в тело Ивановым, и они упали на пол, между столом и диваном. Там Леонидов наконец почувствовал, что он сильнее, чем subtilный будущий управляющий, и стал подминать его под себя. Потом,

разозлившись, врезал врагу своему кулаком куда-то под глаз и пару раз — в живот.

— Убью...

Иванов захрипел:

— Пусти, у нее же таблетки.

— Какие таблетки? — Леонидов вытер грязной ладонью капающую из щеки кровь и отполз от похожего на мешок с тряпьем тела.

— Которые тебе в чай подсыпали. Еще наглотается. — Иванов попытался выровнять дыхание. — Ну ты урод. Тебе бы в психушку.

— Кто ей дал?

— Манцев — кто, кто.

— А у него откуда?

— Нора подарила.

— Зачем?

— Спроси у нее.

— Я сам у Ольги заберу.

— Ты свое слово уже сказал, она тебя просто в комнату не пустит.

— А тебя пустит? К тому же там Марина.

— Марина давно с Колькой где-то спит. Конкретно — у меня.

— Не допущу, чтобы ты сломал Ольге жизнь.

— Да ей уже другие давно ее сломали, а я исправить хочу. Откуда ты знаешь, что для девочки лучше. В конце концов, пусть сама выбирает, она совершеннолетняя.

— Я тебе еще сейчас врежу.

— Хорошо, что не все на свете такие придурки. — Иванов отполз подальше, поднялся, опираясь на стол. — Откуда взялось только такое ископаемое.

Алексей услышал его спотыкающиеся шаги, стук в дверь, Ольгин измученный голос. Наконец она его впустила, ключ со скрежетом повернулся в замке.

Леонидов еще долго не мог подняться. Ему редко хотелось плакать, но сейчас в горле появилась непонятная горечь, глаза налились чем-то соленым и едким. Он зацепился рукой за стол, попытался выпрямиться, задел диван, в темноте неуверенно добрал до своей двери. В комнате было темно.

— Саша, — позвал он. — Помоги мне, Саша! Она сразу проснулась, села на кровати.

— А я все ворочаюсь, ворочаюсь. Что случилось?

— Пойдем в ванную, у меня лицо разбито. Они прошли в ванную. Саша зажгла свет.

— Леша? Ужас какой! Да ты с ума сошел! Леонидов глянул в грязное зеркало: на щеке три глубокие царапины, размазанная кровь, кровь на белой футболке, на рукаве расплылись следы от сливочного масла и жирная отвратительная пыль. И водочная вонь от всего растерзанного костюма.

— Подрался, — коротко уронил он.

— С кем?

— У тебя вата есть?

— Где же я в темноте ее найду? Раздевайся и залезай, под душ, я чистое найду.

— Какой душ в четыре утра?

— А какая драка в четыре утра? Как я с тобой с таким в постель лягу? Ты же пахнешь какой-то дрянью.

Леонидов, дрожа, сбросил одежду. Тело сразу посинело и покрылось мурашками. Слава богу, была горячая вода, в душевой кабинке за клубился пар. Алексей задернул полиэтиленовую дырявую занавеску. Он постоял в тепле еще немного, закрыл воду, вылез, нашарил полотенце. От него знакомо пахло ландышами и чем-то теплым и родным. Вдыхая этот запах, он на цыпочках побежал к кровати. Саша подвинулась:

— Ты теплый?

— Боишься?

— Хитрый, на нагретое место!

— Иди сюда. — Он потянул ее к себе, прижимаясь к теплому стройному телу.

— Спи. Скоро уже утро, а ты никак не успокоишься.

Саша отвернулась к стене, вздохнула и через несколько минут уже дышала глубоко и ровно. Алексей смотрел на ее кудрявый затылок и понемногу успокаивался. Иванов был уже где-то далеко. Чужая девушка Оля делала свой выбор. Грезил о роскошной Норе Константин Манцев. Сопела, видя сладкие детские сны, большая Елизавета. Ворочалась беспокойно Татьяна и молча страдала Ирина

Сергеевна Серебрякова. Леонидов думал обо всех них сразу как о большой нарисованной картине, где каждый персонаж выполняет свою функцию, волей художника непохожий на других, но все вместе они служили единому замыслу творца. Только, один Алексей выбивался из этого полотна, как лишний предмет, случайно оказавшийся где-то в нижнем углу и дрожащий под нацеленной, чтобы его замазать, кистью. Алексей понял их всех, понял, кто толкнул с балкона несчастного Пашу, кто сначала хотел засадить Валеру в тюрьму, а потом организовал это жестокое продуманное убийство. И, поняв все, успокоился.

«Все равно жизнь со всеми разберется. Рано или поздно, но каждый получает свое. Пусть они там мучаются от содеянного или не мучаются, кому как удобнее. Завтра я скажу все, что о них думаю. Надо только дождаться утра. Лежать и дожидаться утра — прекрасное занятие для человека, приехавшего на отдых. Я все равно не усну», — упрямо подумал он и через несколько минут уже глубоко дышал, обнимая неповрежденной рукой Александру и прижимаясь животом к ее хрупкой спине.

За окном уже начиналось новое утро.

Глава 8 ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

В половине восьмого утра для Алексея, как всегда, прозвенел невидимый будильник. Он вздрогнул, открыл глаза, и его тело сразу вспомнило и саднящую расцарапанную щеку, и лиловый синяк на локте. Там сразу заболело, закололо. Стуча зубами, Леонидов попытался подняться.

«Куда в такую рань, чучело! — обозвал он сам себя. Но лежать не хотелось. Лицо разбито, рука болит. — Не тело, а сырая отбивная котлета. А! Зато зарядку можно не делать! Производственная травма — лучшее оправдание подобной лени. Не могу же я в таком состоянии на морозе корячиться?» Он сладко и облегченно зевнул, сходил в ванную, пошатался минут десять по комнате, покосился на спящих Сережку и Александру.

«Спят. Дрыхнут. А я тут ходи один. Даже поговорить не с кем».

— Сашка, спишь? — позвал он на всякий случай жену.

Она что-то пробормотала и натянула одеяло на самый нос. «Может, Серега уже проснулся? Хотя, хрен, он запросто на пожарника может сдавать. Мне бы такие способности, придавил бы сейчас еще часиков пять». Он еще раз вздохнул и вышел в коридор. Осторожно подошел к столу. Конечно, видок был еще тот: пара стаканов разбита, стол перевернут, диван сдвинут, масло размазано по столу, как по засохшему бутерброду, тарелки тоже сдвинуты, одна упала и треснула.

«Ничего, Серебрякова заплатит. Главное, что мебель цела, а за посуду дорого не возьмут».

Еще раз оглядев место ночной драки, Леонидов облегченно провел влажной ладонью по лбу: никакого трупа у стола не было.

«Не зря я бдил всю ночь. Пойти, что ли, Барышева разбудить? Одуреешь тут, пока народ проснется».

Барышев пришел сам. Минут через десять раздались его слоновьи шаги, и в холле нарисовалась квадратная спортивная фигура.

— Не спится? — ядовито поинтересовался Леонидов.

— Ты живой?

— А чего ты так переживаешь?

— Если бы я все это придумал, то первым делом тебя бы с балкона спустил. Очень ты неприятное существо.

— Даже человеком назвать не хочешь. Ну, спасибо.

— А чего это тут такой бардак? И почему у тебя рожа разбита?

— Ты что, царапину от удара тупым предметом отличить не можешь, работник кулака и пистолета?

— Женщина, что ли, маникюром провела?

— Завидуешь?

— Ладно трепаться, не хочешь — не говори. Когда чемоданы будем паковать? Впрочем, успеется. А на завтрак не худо было бы сходить. Женщин будить будем?

— Сколько там времени?

— Без пятнадцати девять. Пошли, что ли? Воздухом подышим, Алексей Алексеевич, который Леонидов, господин капитан. Что там сегодня врал прогноз?

— Повсеместное таяние льдов в Антарктиде, надевай ласты, если, конечно, существует размер на твою лапу.

— Зато тебе даже женские подойдут, с бантиками. Пойду куртку возьму, спускайся давай вниз.

На улице действительно неожиданно потеплело. На начало января весь этот кисель никак не был похож, снег стремительно оседал под мелкой колючей изморосью, ветер набрасывался на одежду, стремясь сквозь ткань добраться до сладкого человеческого тела. Мужики недовольно поежились, застегивая до самого верха молнии на куртках.

— Короткими перебежками к месту кормежки марш! — заорал Барышев, набирая темп и переходя на рысь, чтобы согреться. Леонидов вспомнил, что сегодня по состоянию здоровья отказался от зарядки, и ленивым галопом припустился за ним. Они быстро добежали до столовой и ворвались в съедобно пахнущее тепло.

— Они были первыми! — воскликнул Барышев.

— И никакой очереди в гардероб. Пойдем, что ли, пока в буфет?

— Ладно. Нам спешить некуда: Кто его знает, когда там народ начнет паковаться. Мне, если честно, поскорее домой охота.

— Аналогичный случай был в Пензе. Забыть бы всю эту историю.

— Забудешь... Давай-ка сдавай свою дерюжку...

Когда они с Барышевым вернулись в коттедж, было уже около десяти часов. В холле Валерия Семеновна Корсакова, изъясняясь

плохими словами, ликвидировала последствия ночного разгрома. Увидев Леонидова, она скривила тонкий рот и пробормотала в никуда:

— Конечно, коттедж дежурной сдавать будут другие. Ирина Сергеевна заплатит, Валерия Семеновна приберет...

Леонидов поспешил ретироваться в свою комнату. Саша уже умылась и причесывала волосы.

— Саш, я там ночью маленький погромчик устроил, повариха ругается. Может, ты ей поможешь все убрать?

— Маленькая ты моя свинья. Ладно, иду, — вздохнула она.

В холле уже начали появляться и другие женщины.

— Сейчас позавтракаем и будем собираться. Надо домой заехать, а потом уже на кладбище, — сказал кто-то.

Часам к одиннадцати наконец подтянулись остальные, женщины накрыли на стол, кто-то из публики принес кипящий чайник. Кутаясь в свой любимый вязаный платок, вышла Серебрякова, пришел хмурый Иванов-младший со свежим синяком под глазом, над ним сразу же начали подкалывать Марина Лазаревич и не выспавшийся Манцев. Когда сели за стол, Ирина Сергеевна задумчиво сказала:

— Что-то Оленьки не видно.

— Наверное, спит еще, — неуверенно бросил кто-то.

— Надо разбудить, — сказала одна из девушек. — Ехать скоро, да и комнаты сдавать надо. Хватит спать.

— Да-да, — кивнула Серебрякова.

Манцев направился к дверям, громко постучал:

— Ольга, сколько можно спать! Народ тебя ждет. За дверью никто не отозвался.

— Оля! — Манцев забарабанил кулаками, налегая на дверь.

Тишина.

— Да что там такое? Может, она уехала? Никто Ольгу не видел? — заволновалась Марина.

— Да не было ее здесь, — уверенно заявила Корсакова, намазывая бутерброды. — Я с самого раннего утра тут вожусь, первая пришла. Из их комнаты никто не выходил.

— Маринка, а ты разве не там ночевала? — спросил Манцев.

— Представь себе, нет.

— Значит, Ольга там?.. Да стучите вы! Леонидов почувствовал легкий тревожный озноб. Он подбежал к двери, стал с размаху бить в

нее ногой:

— Ольга! Откройте!

За дверью по-прежнему ни звука. Алексей повернулся к Барышеву:

— Серега, ломай.

Барышев подошел, с разбега ударил мощным плечом. Дверь завибрировала, но не поддалась.

— Мужики, помогите ему! — крикнул Леонидов. Манцев, Глебов и Липатов стали плотным тараном, вместе с Барышевым они ударили в дверь. Та дрогнула и с мясом выдралась с петель. Мужчины ввалились в комнату.

Ольга лежала на кровати: светлые длинные пряди волос свесились вниз и доставали до самого пола. Одежда аккуратно висела на стуле, а на столе белел клочок бумаги и стоял знакомый Леонидову пузырек, к которому при нем прикладывалась Нора. Пузырек был пуст, он замер на уголке листочка в клеточку, рядом валялась ручка. Алексей выдернул этот листок, взглянул на небрежный красивый почерк. Там было всего два слова:

«Я сама». И подпись: «Ольга Минаева». Все.

В проеме двери уже появились чьи-то взволнованные лица, кто-то ойкнул, кто-то испуганно прикрыл рукой рот, мужчины просто растерялись, глядя на красивое мертвое тело.

— Она выбрала, — сказал Леонидов и повернулся к Барышеву: — Ты у нас специалист по вызову оперативников. Иди, что стоишь. А вы все выйдите, это не Третьяковская галерея, нечего здесь смотреть.

Он осторожно положил на кровать свесившуюся вниз Ольгину руку, поправил волосы, открыв застывшее прекрасное лицо. Ольга умирала мучительно, билась в судорогах, черты лица исказило страдание. Большие голубые глаза смотрели куда-то вверх, словно перед смертью она удивилась, что все наконец-то кончилось, и увидела незнакомый ослепительно яркий свет. Алексей сдернул с соседней кровати белую простыню и накрыл тело. Особенно тщательно он! расправил эту простыню на Ольгиных длинных стройных ногах, которые были раскинуты в последнем отчаянном броске навстречу смерти.

Алексей по привычке бросил профессиональный взгляд на комнату, словно хотел убедиться, что это действительно самоубийство,

но почувствовал, что не хочет и не может здесь больше оставаться и выяснять подробности. Он вынул торчавший из замка ключ, вышел и попытался приставить дверь на место. Петли со скрипом вошли в свои пазы.

— Никому не надо сюда входить, — громко сказал он. Вдруг сдавленный вздох раздался в углу дивана.

— С Ириной Сергеевной плохо! — крикнул кто-то.

Народ, словно обрадовавшись возможности отвлечься, кинулся в разные стороны за водой, нашатырем, полотенцами. В суматохе Леонидов подошел к Александру Иванову и с силой сжал его плечо.

— Что ты ей вчера сказал, сволочь?

— Ничего я не говорил. — Иванов был бледен и с трудом сжимал стучавшие зубы.

— Ты последний там был. Я тебя, гад, в тюрьму засажу!

Наних начали оглядываться.

— Тише ты! Я как лучше хотел. Мы нормально расстались.

— Ты к ней в постель пытался залезть? Лапал?

— Да ничего я не делал! — Иванов дернулся. — Да у меня от твоих кулаков до сих пор все болит. Какая к черту баба после того, как тебя долбанули во все места?

— Почему она это сделала?

— А я откуда знаю? Мы говорили-то всего минут десять.

— О чем?

— Я сказал, что никто ее не уволит, что я сам сделаю все, что она скажет, вот и весь разговор.

— Предложил себя в качестве содержателя?

— Да я просто сказал. Подумаешь, подкатиться к бабе, которая тебе нравится, что ли, нельзя. Кучу комплиментов ей наговорил, чуть ли не в любви объяснился. Да я даже жениться на ней был готов!

— Только она не захотела. Лучше уж на тот свет, чем в любовницы к такой гниде.

— Да не из-за меня она! Не из-за меня!

— Да ты прыщ, гниль, ты себя в зеркале-то видел? Да тебе шлюха только может дать, и то если по максимуму заплатишь!

— Ее просто совесть замучила! Это она Пашу убила! Она! Все знают!

— Заткнись!

— Кто убил Пашу? — спросила вдруг осевшим голосом внезапно очнувшаяся Серебрякова.

Иванов облизнул губы:

— Она пошла на тот балкон, чтобы послушать, как Валера будет Пашу ломать. Я просто хотел, чтобы она узнала, что Паша бабами не дорожит, даже такими порядочными.

— Но ты же ничего не видел?

— Костя видел,

— Костя, ты видел, как Оля Пашу толкнула? — Серебрякова напряглась.

— Какая разница, кто толкнул.

— Как же так, Костя? Это не может быть, чтобы Оля.

— Она. — Манцев зачем-то высморкался в клетчатый, пахнувший дешевым одеколоном платок. — Я на диване лежал, когда они заспорили: Валера и Паша. Потом Валера Пашу все-таки уломал, тот успокоился. Он все никак не мог протрезветь, здорово наакался в тот вечер, начал к Валере лезть, обниматься, другом называть, а Ольга пряталась в той летней комнате, там замок плевый, я сам ей шпилькой открыл.

Ну, пока они о делах говорили, еще ничего, можно было проглотить, но потом Валера начал Сергеева убеждать, что с Ольгой тот далеко не уедет. Еще сказал: «Такому, как ты, порядочные девушки не нужны. Зачем тебе под боком этот комсомольский задор, она до сих пор видит только черное и белое». А Паша сказал: «Зато знаешь, какая она страстная? Тебе так ни одна баба не дает». Ну и всякое там прибавил, чего мужики друг другу говорят. Но потом Паша подумал-подумал и решил потихонечку с Ольгой расстаться. Долго еще они с Валерой трепались про всякое.

— А ты лежал и слушал, как они Ольгу обсуждают. Ведь знал, что она за дверью стоит.

— А что мне было делать, туда, что ли, бежать?

Я же не знал, что она такая ненормальная? Когда Валера с балкона вышел и начал по лестнице спускаться, она как фурия выскочила из-за двери. Паша испугался, потом начал смеяться, я же говорю, что он был пьяней. И говорит: «Хорошо, что ты все слышала, ты у нас гордая, сцен устраивать не будешь». Тут Ольга его, как толкнет в живот, просто от отчаяния, так ей было обидно. А какая бы удержалась? Паша

и свалился с балкона. Она не хотела его убивать, просто так получилось, если бы он не попал случайно на этот угол, ничего бы не было. Ольга испугалась, когда Паша вскрикнул и замер. Кинулась на лестницу, а тут Валера спустился вниз. Он вообще позеленел, особенно когда увидел, что я с дивана поднимаюсь. Потом Саша и Эльза из боковой комнаты выскочили. Валера сразу закричал: «Это не я, это не я! Костя, скажи, что это не я!» А я сказал, что ничего не слышал и не видел до того момента, как он, то есть Валера, к телу подошел.

Валера только сказал: «Все равно вы ничего не докажете» — и ушел к себе в комнату. Мы Эльзу спать отправили, а сами с Сашей посидели, подумали и решили это дело до утра оставить, утро вечера мудренее. А Паша не дышал, это точно. Я ушел к себе, Саша к себе, ну и все.

— Зачем же ты мне сказал, что это Валера убил? — подала наконец голос Серебрякова.

— Ну, вы же знаете, как я к Ольге относился. Не мог же я предать любимую девушку.

— Врешь! — закричал Леонидов. — Никакая она тебе не любимая девушка!

— Да вы-то откуда знаете?

— Ты на Нору виды имел.

— Ну и фантазия у вас, господин Леонидов. Все знают, как я за Ольгой ухаживал. Нора! Даже смешно, мы и не знакомы с ней толком, так... А вы вообще только несколько дней в нашем обществе.

Леонидов понял, что никому ничего сейчас не докажет. Ирина Сергеевна по-прежнему верила Манцеву, она была слишком доверчивым человеком, чтобы заподозрить Константина в подобной подлости. В холле повисло недоброе молчание, когда в дверь вошел Барышев.

— Сейчас приедут. Ну что, с отъездом придется подождать. Во сколько там похороны?

— Я позвоню Норе, — устало сказала Серебрякова. — Принесите, пожалуйста, из комнаты мой сотовый, не могу встать.

Манцев поспешно метнулся в комнату Серебряковой.

«Спешит, выслуживается. Вот они, белые перчаточки, — подумал Леонидов. — Подумать только, каким благородным получился наш

Костя: ради единственной и любимой девушки никому не сказал, что она совершила неумышленное убийство. Хотя дело при хорошем адвокате могло потянуть и на несчастный случай. Ведь если бы не стол, Паша отделался бы ушибами».

Серебрякова тихо разговаривала по телефону, остальные напряженно вслушивались. Когда она наконец отключила сотовый, высокий женский голос истерично завизжал:

— Господи, ну сколько можно! Когда же мы отсюда уберемся? Я домой хочу, понимаете, домой! Детей внизу опять заперли. Ну сколько можно?!

К Юлии Николаевне тут же бросились Корсакова и Наташа Акимцева.

— Женщины, не устраивайте истерик! — крикнул Леонидов. — У всех нервы. Вы-то хоть живые.

Казначеева заревела еще громче, захлебываясь рыданиями, у утешавшей ее Наташи тоже выступили на глазах слезы.

— Если мы тут еще на несколько дней останемся, то всю фирму хоронить придется, — мрачно пошутил смазливый Юра.

— Ты-то еще заткнись! — одернула его Наташа.

— Тихо! Все скоро уедем, — сказал Леонидов. — Самые нервные могут выпить водки и разойтись по комнатам.

Его совету последовали Казначеева, Корсакова и Ирина Сергеевна Серебрякова. Увидев, в каком она состоянии, Алексей отозвал Марину Лазаревич и попросил:

— Мариночка, Серебрякову не оставляйте. Посидите с ней, поплачьте, но не давайте дверь закрыть на ключ. Не представляю, как она за руль сегодня сядет.

— У меня есть права.

— Что?

— Я могу какую-нибудь машину повести или Юра. Если, конечно, милиция доверенность не потребует.

— Да я уж постараюсь объяснить коллегам. Ну что, можно вам доверять? Вы вроде бы неплохо держитесь.

— У меня просто замедленная реакция на стресс, не могу еще поверить, что Ольга смогла это с собой сделать. — Марина поежилась и пошла к Ирине Сергеевне.

Манцев подошел к столу, налил полную рюмку водки и хлопнул ее прямо без закуски. Его примеру последовал Коля. Юра Клинкевич, оглянувшись на всякий случай, тоже принял в себя приличную дозу.

— Не люблю покойников, — шепнул он стоявшему рядом Манцеву. — Так это она всех? Во баба дает! А такая красивая.

— Тише ты, — испуганно толкнул его Манцев.

Опергруппа на этот раз приехала еще быстрее, наверное, дорогу изучили за последние три дня. Только вид у сотрудников почему-то был растерянный, Семеркин вообще старался никому не смотреть в глаза. Он вошел и привычно устался на угол стола, со своим чемоданчиком застыл начинающий эксперт Коля.

— А где же тело? — спросил Семеркин. — Уже убрали? Кто разрешил?

— А почему оно должно быть здесь? — поинтересовался Леонидов.

— Как же? У вас тут все с балконов падают.

— Это просто вам так кажется. Некоторые падают, некоторых так кладут, что они якобы упали. Разное бывает. Сегодня девушка нашла другой способ покончить с собой, она выпила кучу убойных таблеток и лежит мертвая у себя на постели.

— Самоубийство? — с облегчением вздохнул Семеркин. — Ну, это меняет дело.

— На этот раз — самоубийство. Даже у меня нет сомнений, а Николаю врать не придется.

Эксперт замахал на Леонидова руками.

— Да, Коля, понимаю, всем жить хочется.

— А где Серебрякова? — заактивничал Семеркин.

— Что, торопитесь узнать сегодняшнюю ставку? Боюсь, она не очень высока, принимая во внимание очевидность случившегося. Правда стоит гораздо дешевле, чем вранье.

— Но-но. Еще доказать надо! — дернулся Семеркин.

— Что доказать? Что правда дешевле? Да вы сами сходите к Ирине Сергеевне, там узнаете. Сомневаюсь, что вам что-то перепадет сегодня.

— Я сначала хочу осмотреть место происшествия.

— Что ж, вон та деформированная дверь.

— А кто ее сломал?

— Настоящий мужчина. Вы идите, идите. Я провожу. Семеркин, эксперт и два других сотрудника кучей протиснулись в комнату. Старший лейтенант отдернул простыню, присвистнул:

— Это же та красивая девка! Я ее сразу запомнил. Ничего себе ноги!

— Нечего пялиться, — выхватил у него простыню Леонидов.

— Я по долгу службы осматриваю тело.

— Мужские трупы ты так не осматривал. Твое дело подлинность почерка установить и проверить, нет ли следов насильственной смерти. Да тут и так все ясно: дверь была закрыта изнутри, едва сломали.

— Чего это она, а? — удивился Семеркин. — Такая девица. Дура, что ли? Столько мужиков по ней небось сохло, могла бы на «мерседесах» ездить да каждый день в рестораны ходить.

— Ты, Вячеслав Олегович, не затягивай — составляй протокол, снимай показания. Народ на похороны торопится.

— А причина смерти? Просто так никто пузырек отравы в себя не запикивает. С чего она вздумала травиться?

Алексей задумался. Легко все свалить на покойницу, но, с другой стороны, зачем тревожить ее душу? Зачем лепить ей клеймо убийцы, когда живые будут ходить чистенькие?

— Напиши, что драма в личной жизни. Они с Павлом Сергеевым хотели пожениться, не смогла пережить потерю любимого. Ты «Ромео и Джульетту» читал?

— Что-то слышал. Там все перетравившись, что ли?

— Вроде того. Вот и сочини у себя в деле такую поэму, может, тебе и сам господин Шекспир позавидует, если в гробу не перевернется.

Леонидов поспешно вышел из комнаты. Он зашел к себе. Саша, очень грустная, рассеянно пыталась играть с Сережкой в карты, только ходила невпопад и била не теми козырями. Сережка злился:

— Мама, у нас же пики козыри, а ты опять бьешь бубями!

— Да-да, я забыла. — Она подняла на мужа глаза: — Леша, эту процедуру никак нельзя ускорить? Опять всех будут заводить по отдельности в комнату и задавать вопросы: рождение, место работы, прочая ерунда? Я устала, страшно устала. Скорей бы на работу.

— Ладно, я что-нибудь сделаю.

Он снова пошел искать Семеркина. Тот готовил обычную процедуру, собираясь провести всю описанную Сашей канитель по полной программе. Леонидов подошел к нему и сказал:

— Давай быстренько вызови всех в холл. Мы сейчас проведем общее собрание и разъедемся по домам.

— Нет, я так не могу. Надо как положено.

— Да чего там положено! Люди с ума от страха сходят. Подумают, что завелся какой-то маньяк.

— Маньяк тут бродит, да я его уже полгода поймать не могу. Ножом всех, гад, крест-накрест полосует. Ограбит и — хрясть!

— Да заткнись ты! — не выдержал Алексей.

Через десять минут, отведя детей в серебряковский люкс, все собрались в холле.

— При милиции будем или как? — спросил Леонидов.

— А в чем, собственно, дело? — раздался чей-то недоумевающий голос.

— Да ни в чем. Просто я решил объяснить всем, что здесь, собственно, происходит. Есть версия свалить все случившееся на Ольгу, но она виновата далеко не во всем, что здесь случилось.

...Началось все банально: некий предприимчивый молодой человек решил разоблачить махинации зарвавшегося управляющего. Всего-то навсего: вылезть в герои и сделать громкую карьеру. благородный порыв, не спору. Для этого он сообразил послать на балкон красивую девушку Олю, чтобы та засвидетельствовала их гнусный сговор перед Ириной Сергеевной Серебряковой. Но вмешался глупый случай, и Паша полетел с балкона, разбившись насмерть. Да, это можно действительно квалифицировать как несчастный случай. Так получилось.

Но Ольга теперь не могла ничего засвидетельствовать. А если бы могла, то, признавшись в этом, она должна была признаться и в том, что последняя общалась с покойным коммерческим директором, по сути — в убийстве.

Вы, Ирина Сергеевна, были изначально правы, когда подозревали, что все подставляют В-алеру. Именно он стал для всех фигурой, которую необходимо убрать. Он мешал всем, включая собственную жену, которая была страшно обижена его шашнями у нее под носом. Мешал тем, кто боялся быть уволенным, короче, не было человека,

которому господин Иванов не успел досадить. Такой у него уж был характер. И стиль руководства.

Сначала коллектив решил просто засадить Иванова в тюрьму, воспользовавшись случаем. Обсудив все детали, все поспешно кинулись ко мне давать показания против управляющего. Кто только его не видел в тот злосчастный вечер! Даже наша маленькая Лиза и та слышала, как он протопал по коридору на randеву с Павлом Сергеевичем. Не надо, Лизонька, краснеть, твой поступок — детский лепет по сравнению с тем, что сделали другие. Даже Нора и та имела свою маленькую корысть: один молодой человек, предприимчивый не менее, чем ранее мною упомянутый, решил заменить ей Пашу и попросил поддержки в определенного рода делах. Нора сразу просекла свою выгоду и выдала ему пузырек с заветными таблетками, которые могли просто и безболезненно сделать не причастных к готовящейся расправе людей крепко спящими. Меня, например.

Ибо все поняли, что я не верю в версию о том, что Пашу убил Иванов. И не собираюсь предъявлять ему обвинение. Хотя свидетелей было более чем достаточно. Один гражданин, задремавший в этот вечер на диване, так прямо и указывал пальцем: вот он — убийца.

Итак, я получил свою дозу снотворного. Кто мне его подложил в чай? Сначала я думал, что это прикинувшийся близким другом Барышев. Прости, Серега. Но Барышев ограничился только тем, что просто ушел пораньше спать, сделав вид, что ничего не знает. Внизу же спали люди, вообще не принимающие в происходящем никакого участия: Корсаковы и Казначеевы. Они просто кучковались своей маленькой компанией подальше от резвящейся молодежи, в тот вечер рано заснули и, естественно, ничего не слышали, поскольку находились на другом этаже.

Ирина Сергеевна тоже получила свою таблеточку и удалилась на покой. Остались те, кому предстояло сделать дело. Тут, господа, вступает в действие сила, называемая в народе круговой порукой. Это когда каждый должен сделать маленькое противозаконное действие, чтобы не заложить другого.

Кто дал свидетельские показания в том, что Иванов на глазах у всех прыгнул с балкона? Манцев, Липатов, Саша Иванов, Лиза, Татьяна, Марина, Глебов, Наташа и сама Ольга Минаева. Более чем достаточно.

Как распределили роли? Иванов подпоил двоюродного братца и, чтобы окончательно укротить его, бросил ему в стакан таблетку — действовал наверняка. Дело было в комнате номер тринадцать. Это просто совпадение, как вы сами понимаете, а не подтверждение суеверий. Я там оставил Валерия Валентиновича после серьезного разговора, а брат, судя по всему, пришел обмывать предстоящую махинацию. Выход из игры Паши не повлиял на планы предприимчивого управляющего.

Итак, Иванов подпоил брата, а таблетка сделала его совсем уж легкой добычей. Лизе просто пообещали, что ее не тронут, и отправили спать. Ольга Минаева сама была завязана по уши предыдущим убийством; Марина Лазаревич просто ненавидела управляющего и была подругой Ольги; Нахаша Акимцева — тоже. Для верности кому-то из них или обоим сразу поручили подбросить снотворное мне и Серебряковой. Татьяна давно уже мужа возненавидела, с ней вообще не возникло никаких проблем. Манцев, Липатов и Глебов были исполнителями. Кто нанес удар в висок и чем — это я не берусь сказать. Кто-то из троих. Скорее всего, Липатов, потому что Глебов трусоват, а Манцев очень любит всякие лазейки, чтобы вовремя отмазаться. Их мотивы? Манцева просто зажал в угол Саша Иванов: слишком уж они были связаны взаимными интересами. Глебов возненавидел Валерия еще с тех времен, когда тот незаслуженно уволил его из «Алексера», — тогда он хотел бомбу в магазин подложить, да денег не хватило и смелости, а теперь представилась блестящая возможность за все рассчитаться. Ну а Липатов решил сменить шоферскую баранку на карьеру перспективней. Когда ему после смерти Серебрякова велели возить Валеру, с которым он когда-то начинал, это Андрюху оскорбило. Серость, знаете, тоже имеет свои амбиции. Одно дело директора возить, другое — парня, который тебя обскакал. И не сомневаюсь, что Манцев пообещал Липатову свое место менеджера, а рука у Липатова твердая, возможно, именно за ним был решающий удар.

Валерий Иванов умер от удара в висок, потом его отнесли в холл, стукнули для верности о стол и положили там, где еще недавно лежал Паша. Далее предприимчивые молодые люди начали создавать инсценировку «случая»: они сообразили расширить пролом в перилах и скопировать позу, в которой день назад пребывал коммерческий

директор. Утром Костя Манцев разбудил Ирину Сергеевну и рассказал ей созданную коллективом версию о том, что они попытались уговорить Валерия Иванова чистосердечно признаться, он не захотел, завязалась драка и управляющий умер от удара головой, уж не берусь сказать обо что. Скорее всего, так. Конечно, Ирина Сергеевна сочла, что возмездие справедливо, а сор из избы выносить незачем, и решила с помощью денег все это дело замять. Версия для милиции — о самоубийстве — прошла на ура у всех. Первый удар в висок приехавшая милиция и начинающий, не уверенный в себе эксперт успешно проигнорировали, как и следы снотворного в организме, и управляющего благополучно отправили в морг. Вот так.

А отчего покончила с собой Ольга? Просто ситуация загнала ее в угол. Она вообще была девушка очень впечатлительная и, когда попыталась понять, что дальше будет с ее жизнью, не выдержала — и выпила оставшиеся у нее таблетки.

Так что никакого маньяка здесь нет, опасность никому не грозит, все могут спокойно разъехаться по домам. Если смогут, конечно.

— Интересно вы здесь все рассказали, — выдохнул, наконец, Семеркин. — Сразу видно, что из МУРа. У вас там любят красиво сочинять! А мы люди простые. Доказательства есть у вас? Орудие убийства? Факты? А сказки мы и сами писать умеем.

— Не сомневаюсь. Да мне, собственно, и дела до этого нет. Я тут вообще лишний. Разбирайтесь сами, как кого наказывать. Я просто хотел успокоить тех, кто здесь ни при чем, и ускорить процесс отъезда. Надоело все.

Неожиданно вскочил с кресла налившийся кровью Липатов:

— Нет, на меня валит, а? Сука! Меня будете сажать? Шестерку, как же. Да кто его держал, кто за шею его держал?

Манцев взвился, кинулся к нему. Туда же бросились Иванов и Глебов.

— Ты что, сдурел, он тебя на дурачка берет! Замолчи ты, урод! — Иванов рукой зажал Липатову рот, Глебов неловко суетился рядом, хватаясь то за стакан, то почему-то за полотенце.

— Нет, а почему я?! — никак не унимался Липатов. Семеркин наконец опомнился и заорал:

— Я сейчас буду привлекать за клевету! Нам чересчур умные не нужны!

— Да замолчите вы! — не выдержала Серебрякова. — Все кончено. Хватит уже. Собирайтесь, сейчас же едем.

— Нет, ну почему я?! — опять выкрикнул Липатов. — Почему Липатов? Почему, как туда-сюда, так сразу Липатов? Да сколько можно Липатову?!

— Ты сейчас доорешься, — зашипел на него Иванов. — Сказали тебе: иди чемодан собирай, а ты надрываешься. Костя, да уведи ты его! Опился, разве не ясно?

— Да, пьян, — тут же с готовностью подтвердил Семеркин. — Эксперт, возьмите пробу на алкоголь.

— Да хватит вам уже, — сказал Леонидов. — У меня тут в связи с вами со всеми странные ассоциации возникают, фильм один вспомнил, документальный, из мира животных. Оказывается, наши предки, какие-то там обезьяны, питаются не просто мясом, а мясом своих сородичей. Так вот там, в этом кино, голодная стая наметила в жертвы мартышку, из своих. Они совсем озверели, все зажимали ее на дерево, окружали, рычали, ревели, а потом, когда загнали совсем, просто разорвали на куски.

Саша Иванов сорвался на крик:

— Ты сам мартышка. Такие всегда лезут, куда их не просят. И, между прочим, из-за вас все так по-дурацки заканчивается.

Семеркин влез в разговор, явно торопясь поскорее закруглиться:

— Отношения свои потом можете выяснить, все это милиции не интересно, нам факты нужны.

— Ирина Сергеевна, я вас отвезу? Вы впереди сядете, а Леонидовы сзади. Сережу на руки возьмут, доедем как-нибудь, — засуетилась Марина Лазаревич.

— Хорошо, Мариша. Вызывайте дежурную, через час будем сдавать коттедж.

— А кто за телом придет? — вмешался Семеркин. — Родители у нее где?

— Да кто их знает, — заметил Манцев.

— У меня есть телефон, — вздохнула Марина. — Ольга давала мне свой адрес, это где-то в Подмоскowie. Маленький такой городок. Я позвоню, когда приеду, скажите только, где тело забирать. И когда.

— Вот сегодня вскрытие сделаем, надо же причину смерти... — заикнулся молоденький эксперт.

— Значит, завтра, — еще раз вздохнула Марина.

— Все, уносим, мужики, — велел Семеркин, и они пошли за носилками.

Минут через десять Саша уже лихорадочно запихивала в объемистую сумку тряпки. Она бегала из ванной комнаты то к тумбочке, то к креслам, заглядывала под кровати, пыталась сдвинуть мебель.

— Да не суетись ты так, — не выдержал Алексей. — Все равно раньше Серебряковой не уедешь, а она отправится последней, потому что все бумаги у нее.

— Как бы чего не забыть.

— У тебя что, золотой запас России с собой, что ли? Ну, забудешь какую-нибудь ерунду, не велика потеря. Что ты так нервничаешь?

Саша села на кровать и заплакала.

— Ну, вот опять. Слушай, ты дома столько не реवेशь, а здесь сплошное озеро Байкал. Ну что теперь?

— Леш, ты меня простишь?

— За что?

— Я не знала, что это они Валеру убили. Мне Аня сказала, что была драка.

— Значит, я был прав?

— Да.

— Бедная Анечка! Значит, для всех добреньких была разработана именно эта версия, и ты, дуреха, вместе со своей Анькой на нее попала. А ей кто доложил?

— Муж.

— Серега? Значит, он все знал?

— Хочешь, я пойду в милицию и во всем признаюсь?

— Куда?! Сиди, идеалистка. Знаешь, что после драки не делают?

— Я думала, что Валера здесь самый плохой. Его так все ругали.

— Глупая моя девочка. Ну когда ты перестанешь так по-дурацки, без оглядки верить людям? Так и не научила тебя ничему жизнь. Саш, ну сколько можно быть ребенком?

— Он Аню уволил.

— Ане твоей еще достанется. Что еще показалось тебе таким мерзким в управляющем, кроме огромного живота? Когда ты поймешь,

что не все физически симпатичные люди добрые и милые? Это только в твоей литературе лицо — зеркало души.

— Да не лицо, ты путаешь.

— Какая разница? Да что там говорить, Барышев — и то попался...

Тут раздался стук в дверь, и голос Сереги Барышева прогудел:

— Леха, ты еще здесь? — Барышев просунул в дверной проем голову. — Можно?

— Чего тебе?

— Мы сейчас уезжаем.

— На чем?

— Да у меня старый папашин «жигуль», милая сердцу «копеечка». Хотел тебя захватить, только подумал, что ты больше к серебряковскому «пассату» привычный. Мы остальных дожидаться не будем, наши комнаты все равно на первом этаже, а там уже тетка с ключами шурует. Что, не увидимся больше?

— Как не увидимся? — вмешалась Саша. — Разве вы к нам в гости не придете? Аня обещала.

— Леха, ты как? — попытался заглянуть в глаза Леонидову Сергей.

— Чем же они тебя купили?

— Кто?

— Иванов и компания. Ты же знал, что Валеру убили?

— Да ради Аньки все. Сашка Иванов пообещал, что Татьяна уволится, ей теперь все равно, а про Пашу я и правда толком ничего не знал. До того, как Костя не раскололся.

— То-то ты сначала с таким рвением за это дело взялся.

— Лех, ты прости. Ну рвется она на работу. Молодая, красивая, найдется какой-нибудь дурак, будет потом реветь, я же не могу ее весь день караулить. А там все знакомые, все меня знают, и я знаю, что никто не посмеет тронуть.

— Что ж ты по такому случаю сам Валеру не придушил? Тебе бы и по башке бить не понадобилось, знаешь небось, куда давить. Я когда синяк увидел на шее, грешным делом на тебя подумал.

— Я не могу. Одно дело, когда приказ, когда чужие, а здесь — свои.

— Ладно, чего теперь.

— Ну, так ты меня простишь?

— погоди, дай улежаться. Не сразу же?

— Что, значит, не придете на старый Новый год?

— Не знаю. Но на Восьмое марта приедем точно. Барышев рассмеялся:

— Спасибо, не до лета будешь дуться, благодетель.

Не хочу по-плохому расставаться: хороший ты мужик, Леха. Руку-то пожмешь на прощанье?

— Если ты меня инвалидом не оставишь.

— Как можно? При жене?

Они протянули друг другу руки, рассмеялись напряженно, но уже по-доброму, Барышев подмигнул Александре и пошел выносить из своего номера вещи.

Леонидов взял у жены сумку и начал складывать кое-как в нее вещи.

— Что ты делаешь? — закричала Александра. — Они же так все не влезут!

— Это у тебя не влезут. — Алексей прыгнул на баул и стал топтаться на нем, уминая вещи. Жена с отчаянием смотрела на это безобразие, с трудом сдерживая слезы. Сережка же, наоборот, довольно заулюлюкал и тоже изо всей силы пнул ногой сумку.

— Можно, я тоже? Можно?

— Ну, вот и все, — сказал Леонидов, с трудом затягивая «молнию».

По коридору пробежал народ, кто-то искал стаканы, кто-то полотенца.

— Вы свою мебель не выносили? — спросил тащивший к выходу две большие сумки Коля. — А посуду?

— Елки! Александра, что там у нас было?

— Сейчас тетка со списком придет, все с вас спросит! — крикнул Коля уже с лестницы.

— Утешил, — вздохнул Леонидов. — Пойду возьму хоть стаканы, пока все не растащили.

— Какие стаканы, ты же их вчера побил.

— Да? Тогда сядем подождем.

Саша расположилась на диване, Алексей стал помогать мужикам растаскивать по комнатам казенную мебель. Наконец объявилась

толстая тетка с не менее толстой тетрадкой и стала визжать дурным голосом:

— Да что ж это здесь такое творится? Ладно, они тут все друг друга поубивали, милиция каждый день подъезжает, а тут еще мои мебель! Где стаканы граненые — три штуки в каждой комнате? Где тумбы прикроватные три штуки? Полотенца — на лицо по одному? Где? Сдавайте мне номера, я вас никуда не выпущу!

Леонидов поморщился при виде этого приступа должностного рвения и попытался было влезть, но из своей комнаты появилась измученная Серебрякова.

— Алексей Алексеевич, не поможете мне вынести сумки?

Он послушно пошел за ее вещами, услышав за спиной негромкое:

— Не надо так кричать, сколько я вам должна?

— Да вы о чем себе понимаете? Это же казенное имущество.

Раздалось шуршание купюр, и визжащий голос стал постепенно сходиться на нет:

— Я сама, что ли, буду все покупать?..

Видимо, тетка получила еще одну, самую окончательную бумажку, потому что сразу затихла и пошла закрывать комнаты.

— Все? — спросил Леонидов, вынося серебряковскую сумку.

— Да, пошли к машинам, — ответила Ирина Сергеевна.

— Ну, слава богу! — вздохнула Саша.

Из дальнего конца коридора выволакивал вещи Юра Клинкевич, за ним шла Наташа, пытаясь пристроить на плечо сползающий ремешок сумки.

— Все, что ли? — крикнула тетка. — Закрываю!

— Да сделайте одолжение, — не выдержал Алексей.

Они пошли к лестнице, оставив позади себя растерзанную, загаженную пустоту старого паркета и тишину, прерываемую только скрежетом запираемых замков.

На первом этаже уже никого не было. На салатной стене давно остановившиеся часы показывали вечные два пятнадцать. Леонидовы и Ирина Сергеевна вышли на улицу. Коттедж величественно выступал из сугробов, которые подтачивала капающая с крыш влага, над ним низко стелилось дымчатое небо. Мерзкая, как и настроение у отъезжающих, погода. Впереди маячило несколько знакомых фигур,

направляющихся к воротам. Алексей тащил две огромные сумки, как можно быстрее, — женщины и Сережка с трудом поспевали за ним.

Наконец они вышли к воротам. Сотрудники фирмы и сопровождающие их лица переминались с ноги на ногу, дожидаясь сигнала садиться по машинам. Уехали только Барышевы, прихватив с собой семью Глебовых.

— Как размещаться будем? — спросил кто-то из молодежи.

— Да прыгайте куда придется, все равно на похороны ехать. А там разберемся, — сказал Манцев.

— Мы с детьми никуда не поедem, — сразу заявила Юлия Николаевна Казначеева. — Мы возьмем Валерию Семеновну, Павлика — и по домам. Кто-нибудь один может сесть в нашу машину.

Никто не выказал желания, и Казначеева пошла заводить свою «восьмерку». Татьяна Иванова повернулась к Эльзе:

— Я могу тебя и Лизу захватить. И Саша с нами сядет. Мы, наверное, поедem, все-таки надо, чтобы кто-то с работы был. Ну что?

— Да, конечно, — поддержал ее Иванов-младший. — Сама поведешь?

— А у тебя что, права есть? — съязвила Татьяна.

— Представь себе, позаботился.

— Ну, заводи тогда. — Она бросила Иванову ключи. — Синяя «ауди», помнишь хоть, на чем мы сюда приехали?

— Разберемся. — Саша рысью побежал на стоянку. Манцев без всяких комментариев вывел свои далеко не новые «Жигули», кивнул Наталье Акимцевой, Юре и Липатову:

— Чего стоите? Все едут на похороны.

— А ты что, уже начальник? — огрызнулась Наташа. Липатов полез в машину молча. Ему в спину уперся неприязненный взгляд Ирины Сергеевны.

— Ну а мы как? — спросила она Алексея.

— Сережку не хочется тащить. Если мы их с Александрой завезем домой, то я к вам присоединюсь.

— Нам не очень большой крюк делать, завезем конечно, — отозвалась Марина. — Ирина Сергеевна, как?

— Ключи возьми, Марина. Помнишь мой «пассат»?

— Конечно.

Марина тоже направилась на стоянку. Леонидов провожал глазами отъезжающие машины. Его мучило ощущение страшной пустоты. Действовало на нервы все: ненужные обязательные слова, растекающаяся под ногами грязь, вонь сгорающего в двигателе бензина, усталые глаза Серебряковой. Жена нерешительно топталась рядом, стесняясь первой лезть в дорожную блестящую машину.

— Давай залезай в середину, — подтолкнул он ее.

— Я к окошку, — заканючил Сережка. Серебрякова молча открыла переднюю дверцу.

— Ну теперь уже точно все, — сказала она. — Поехали, Марина.

Красные кирпичные дома мелькнули за стеклом и остались на поле, а машина поползла по мокрой дороге в сторону леса. Там, среди елок, смотреть на окружающий мир стало уже не так противно. Изморось затянула стекло, Марина поежилась и включила печку и магнитола. Под уютное тепло и мягкие звуки ласкающей музыки Леонидов задремал, прижимая к себе Сережку. Ему уже стало легче.

Вместо эпилога

Коммерческий директор фирмы «Алексер» Павел Петрович Сергеев лежал в гробу, одетый в свой самый дорогой и красивый костюм. У ворот кладбища стояла его дорогая, красивая блестящая машина, на которой привезла родню Сергеева красивая и тоже дорогая женщина, при жизни бывшая его любовницей. Все эти ценные вещи, включая двухкомнатную квартиру в престижном районе столицы, он оставлял здесь, на земле, в наследство своим многочисленным, переминающимся от нетерпения у гроба родственникам. Павел Петрович выглядел великолепно, как, впрочем, всегда старался выглядеть при жизни: над лицом тщательно поработал гример, рана на виске была замазана, волосы уложены волосок к волоску.

Народу на кладбище приехало не так уж много, в основном родственники, ничего еще не подозревающие о долгах покойного, привлеченные, блеском его показного благополучия. Единственная женщина, которая пыталась немного любить Пашу, лежала в провинциальном морге; многочисленные любовницы, всю жизнь пользовавшиеся при жизни коммерческого директора его красивым и щедрым телом, на кладбище явиться не соизволили, а может, им просто помешали ревнивые или влиятельные мужья, испугавшиеся огласки стать причисленными к породе рогоносцев.

Женщина, официально считавшаяся Пашиной подругой, активно строила глазки не скрывающему больше своих симпатий Манцеву. Леонидов был просто уверен, что на кладбище тот приехал исключительно из-за нее. Да еще затем, чтобы лишний раз повилать хвостом перед Серебряковой.

Группа коллег во главе с владелицей фирмы «Алексер» Ириной Сергеевной Серебряковой с грустным видом ждала, когда церемония закончится. И винить их в этом было никак нельзя. Вскоре им предстояли еще одни похороны. Ясно было, что Ольгу родители наверняка увезут из столицы и похоронят где-нибудь на тихом местном кладбище, без лишнего шума. А вот Валерия Валентиновича придется проводить в последний путь по всей форме. Покойный управляющий так много сил отдал процветанию «Алексера» и так старался навсегда остаться в анналах его истории, что заслужил торжественное «прости» отправивших его на тот свет подчиненных.

Серебрякова плакала искренне. Она, пожалуй, была самым несчастным здесь человеком. Кончалась целая эпоха ее жизни, в которой всем заправляли люди, расставленные по ключевым постам еще покойным мужем, прикормленные, прирученные и запуганные им, которые помнили, как все начиналось, и несли в себе уверенность в том, что они своими руками создали это дело, и создали не зря. Ирина Сергеевна оставалась совсем одна со своими большими деньгами, со своим вечным страхом, что занимается делом, к которому не лежит душа, со своим одиночеством и неумением принимать важные решения. Если кого Алексею и было жаль, так это ее. Он дождался, когда гроб с Пашиным телом опустили в глубокую, пахнущую сыростью яму, и подошел к Серебряковой.

— Пойдемте, я вас до машины доведу. Вам, видно, совсем худо.

— Да, мне худо, Леша, — впервые назвала она его просто.

— Рад бы вам помочь.

— Я знаю. Я тебе только сейчас и верю.

— Что ж теперь будет с вашей фирмой?

— Что было, то и будет.

— Может, новых людей найдете?

— А ты уверен, что они будут лучше старых?

— Да, все возрастает в геометрической прогрессии, в том числе и человеческая подлость. Вместо Сергеевых и Ивановых приходят

Манцевы и Ивановы иного масштаба. Да, жаль мне ваш «Алексер».

— Кому верить, кому верить? — как заговоренная бормотала она. И вдруг посмотрела на него другими, просветлевшими вдруг глазами. — А может... — и неуверенно остановилась.

— Что «может»?

— Я тебе верю, Леша. Ты честный, ты умеешь просто молчать и делать свое дело, и если тебе так жаль мою фирму, принимай дела.

— Да вы смеетесь? Я же мент.

— Ты человек. Что, у тебя образования нет? Самое нужное, юридическое. Валера Иванов с грузчиков начинал. Не важно, что человек заканчивал, важно, как он будет относиться к своему делу. Ты умный человек, девочек моих тебе жалко, не все же у нас плохие. Вспомни Марину Лазаревич, Наташу, Елизавету. Юлия Николаевна тебе с финансами поможет. Да что я говорю... Разве ты захочешь в это дело лезть...

— Я даже боюсь подумать.

— Что, страшно?

— Да не то что страшно. Боюсь, и меня сожрет эта ваша система. Я не так уж крепок на все эти дорогие штучки, попробую хорошей-то жизни и тоже стану людей за мусор считать. С чего мне придется начать? Уволить тех, кого я считаю подлецами?

— А ты их пойми.

— Ну уж нет. Извините, Ирина Сергеевна, но...

— Все ясно. — Она потухла, словно вспыхнувшая от порыва свежего воздуха и задавленная духотой свеча, потом подошла к машине, спросила: — Домой тебя отвезти?

— Нет, если не возражаете, я пешком.

— Как хочешь. — Она замерла, прислонившись спиной к холодному капоту и глядя пустыми глазами куда-то вверх.

Леонидов пошел прочь, огибая машины. В кроссовку попал неизвестно откуда взявшийся камень. Алексей потряс ногой, пытаясь его вытряхнуть, потом нагнулся, получилось так, что его не стало видно за чьим-то чёрным «мерседесом». Пока Леонидов шарил в поисках коварного предмета, совсем близко раздался знакомый голос Иванова:

— Так что мы там договорились насчет подставного лица?

— Да с Андрюхой сподручнее, — отозвался Манцев. — Он товарищ проверенный, как и моя звезда.

Где-то совсем рядом захихикала Нора.

— Что, Сашка, завидуешь? Тебе-то еще такую бабу себе искать теперь придется.

— Ничего, на фирме еще есть красивые девочки.

— На Маринку, что ли, теперь глаз положил?

— Хотя бы.

— А если она тоже траванется? — заржал Манцев.

— А я теперь умнее, на рожон лезть не буду, потихонечку, потихонечку буду девочку приручать...

Леонидов выпрямился, посвистел троице:

— Что, строите план захвата Парижа?

— Тебе-то что? — ухмыльнулся Иванов. — Ты так — какашка. Какую речь толкнул на прощанье, а кто тебя послушал? У нас зга все заплачено, так что гуляй.

Алексей резко развернулся и зашагал назад. Ирина Сергеевна садилась в машину. Мотор уже урчал, темно-зеленый «пассат» готовился к нелегкому путешествию по запруженным автомобилями московским улицам.

— Ирина Сергеевна! Подождите! Она обернулась.

— Подождите, Ирина Сергеевна, я хочу подумать. Над вашим предложением подумать, — сказал он, подбегая к машине, и увидел, как просветлело ее лицо.